

© "Sholumi" Center

ISBN 978-965-7783-48-1

Яна Любарская

Евреи – жертвы Холокоста и воины Красной Армии

Избранные истории из первых уст

Книга вторая

Евреи – жертвы Холокоста и воины Красной Армии | Избранные истории из первых уст | Книга вторая | Яна Любарская

Яна Любарская

Евреи – жертвы Холокоста и воины Красной Армии

Избранные истории из первых уст

Книга вторая

Яна Любарская

Евреи – жертвы Холокоста и воины Красной Армии

Избранные истории из первых уст

Книга вторая

Под редакцией Л.А. Тёрушкина

Центр «Sholumi»
Израиль, 2026

Центр «Sholumi» выражает благодарность
Международному фонду СТМЭГИ
за содействие в подготовке к изданию этой книги

Яна Любарская
Евреи – жертвы Холокоста и воины Красной Армии
Избранные истории из первых уст. *Книга вторая*

Под редакцией *Л.А. Тёрушкина*

Вёрстка: *Кямран Абушев*

Руководитель издательского проекта: *Шауль Симан-Тов*

Книга подготовлена к печати и выпущена Центром «Sholumi» при содействии Фонда СТМЭГИ. Израиль, 2026 г., 328 с.

Эта книга – не просто сборник исторических очерков, а живой многоголосый реквием и одновременно гимн человеческому мужеству. В её основу легли уникальные интервью с теми, кто прошёл через немыслимые испытания: с узниками гетто и нацистских концлагерей, фронтовиками, детьми войны и с теми, кто выжил в суровые годы эвакуации. Каждая глава – это личный опыт противостояния абсолютному злу.

Читатель встретит здесь воспоминания знаменитого учёного и поэта Александра Городницкого о блокадном Ленинграде, рассказ о судьбе Романа Левина – одного из немногих выживших узников Брестского гетто, страшные подробности пребывания евреев в концлагере «Мёртвая петля». Герои этого объёмного труда живут или жили в разных странах, но трагедия объединяет потомков в общем деле сохранения памяти.

Книга также включает аналитические статьи и интервью с ведущими экспертами, помогающими осмыслить Холокост на территории СССР и проблемы сохранения исторической памяти в современном мире.

Данное издание напоминает нам о том, что за сухими цифрами статистики стоят живые люди, их боль, вера и победа над смертью. Мы издаём эти воспоминания, чтобы голоса уходящего поколения продолжали звучать, предостерегая нас и вдохновляя других примерами невероятной стойкости духа.

ISBN: 978-965-7783-48-1 © Центр «Sholumi», 2026 г.

Оглавление

Герман Захарьяев. Память, которую мы обязаны сохранить ……... 5
Введение …… 6
Отзывы о книге ……... 10

Глава первая
Часть 1
Бывшие узники концлагерей и гетто

«Немцы стреляли в спину...»
Рувим Куренец об истории чудесного спасения …….. 13
«Некоторые умирали тихо, а некоторые так кричали от голода…»
Воспоминания узницы гетто и концлагеря Иды Спектор …… 24
Григорий (Гедаля) Краснер. Переживший Печёрский ад… …… 35
Исаак и Сима Говшиевичи. Страшные свидетельства Холокоста … 47
Страшная история Фриды Бурбан: «Осталась совершенно одна…» . 54
Нелли Пехотник: «Война, побег из лагеря «Мёртвая петля» ……. 59
«Много раз мог погибнуть…». О судьбе Романа Левина,
одного из самых известных узников гетто ……. 66
Клара Горлачева (Шварц):
«Во время войны я научилась не плакать…» …… 75
Александр Аграновский: «Среди уничтоженных немцами евреев
были мои бабушка и дедушка Аграновские» …….. 90
«176 ступенек жизни». История бывшего узника Зямы Фуксмана … 97

Часть 2
В эвакуации

Александр Городницкий: «Время было тяжёлое, голодное…» …… 105
Софья Дрель:
«Родителей о детской эвакуации не предупредили...» …….. 115
«Мама» *(Автор: Марат Бендерский)* ……. 118
Фаина Лифшиц-Чаусер: «Зяма умер в больнице…» ……. 131
Леонид Фидель. «Что придется бежать, мы скоро поняли…» ……. 136
Виктория Энгель. О чуде спасения ……. 152
«Оставить воспоминания потомкам...» Из архива Ирины Барг……. 157
Вячеслав Шатохин: Об Узбекистане с любовью... …… 163
Леонид Лозовский. Сага о поиске предков в Баку …… 173

Часть 3
Евреи-ветераны Великой Отечественной войны

Марк Гальперин. «Папа и мама…» ……. 177
Танхум Ильяев: журналист, фронтовик, герой …….. 187
Михаил Могилевский: боец, ветеран, педагог с большой буквы … 192
Марат Бендерский. «Об отце» …… 199
Михаил Гольдис и его книга
«Воспоминания прокурора-еврея из советской Украины»
(«Memoirs of a Jewish District Attorney from Soviet Ukraine») …… 210
Илья Лазерсон:
«Фронтовые письма моего дяди Ильи перешли мне…» ……. 218
Илья Вовси:
«Нашёл могилу спустя 74 года»: история одного поиска…… 224

Глава вторая
Избранные интервью о Холокосте и Великой Отечественной войне

«С нашивкой звезд мы поняли, что стали бесправны…»
Интервью с Ильей Альтманом …… 233
Еврейский Владикавказ Анатолия Харина. Рассказ об отце …… 239
Игорь Котлер «Холокост – не еврейская история,
это – то, что с нами сделали…» ……. 247
«Всех до единого перестрелял, даже грудных детей...» …… 254
Крым: Одна из страниц Катастрофы. Багеровский ров …… 261
К 82-летию массовых убийств евреев Риги. Часть 1 …… 266
К 82-летию массовых убийств евреев Риги. Часть 2 …… 277
«Предлагают донести немцам, что в доме скрывается еврейка…» .. 283
«Всё, что осталось от семьи, уместилось в чемоданчик...» …….. 294
Обсуждаем с историком антиизраильский митинг в Черкесске ….. 307
Илья Альтман «Многие документы о Холокосте
до сих пор засекречены…» …… 314
Л. Тёрушкин о седьмом сборнике «Сохрани мои письма…» ……. 319

Об авторе ……... 325
О редакторе ……... 326
От издателя ……... 327

Память, которую мы обязаны сохранить

Перед вами книга, к которой невозможно относиться равнодушно. Это не просто собрание воспоминаний – это живая память, переданная нам людьми, прошедшими через самые страшные испытания XX века. Их голоса – это свидетельства трагедии и одновременно напоминание о силе человеческого духа, о способности выстоять там, где, казалось бы, невозможно выжить.

Для фонда СТМЭГИ поддержка таких инициатив является приоритетной задачей. Мы убеждены, что память о героизме еврейских солдат и трагедии мирного населения должна передаваться из поколения в поколение. Именно это стремление увековечить подвиг наших предков в свое время вдохновило нас на инициативу по установлению в еврейском календаре новой памятной даты – 26 Ияра, Дня Спасения и Освобождения. Этот день стал символом нашей вечной благодарности Всевышнему и воинам-освободителям Красной Армии и стран антигитлеровской коалиции за избавление еврейского народа от нацистского ига.

Истории, собранные в этой книге, позволяют нам услышать голоса очевидцев «из первых уст». Это особенно ценно сегодня, когда живых свидетелей тех лет остается всё меньше. Эти мемуары и интервью – наш общий щит против забвения и попыток искажения истории. Они напоминают нам о том, какой дорогой ценой был завоеван мир, и вдохновляют нас беречь наше наследие и традиции.

Уверен, что эта книга найдет глубокий отклик в сердцах читателей и станет важным вкладом в сохранение исторической правды для будущих поколений.

С уважением,
Герман Рашбилович Захарьяев
Президент Международного фонда СТМЭГИ,
Вице-президент Российского Еврейского Конгресса.

Введение

Три года назад, в июне 2023 года, моя первая книга «Евреи – жертвы Холокоста и воины Красной армии. Избранные истории из первых уст» была напечатана в издательстве «Еврейская Старина» (Ганновер, Германия). В неё вошли мои интервью с людьми, непосредственно пережившими Холокост, нацистскую оккупацию, воевавшими на фронтах Великой Отечественной и устные диалоги с их детьми. Та первая книга, тоже выпущенная под редакцией Леонида Тёрушкина, пользуется популярностью у любителей истории, у тех, кто интересуется хронологией войны, Холокоста, выживания и спасения евреев в тяжелейший период. Она вошла летом 2023 года в пятёрку лучших изданий недели, по версии «Независимой газеты»[1].

Спустя три года у меня набралось много материалов и на вторую книгу в этой серии. Она продолжается моими интервью с людьми, пережившими Холокост, германскую и румынскую оккупацию, фронт, беседами с детьми, с друзьями этих людей. В новую книгу вошли далеко не все, а исключительно отобранные мной публикации и интервью.

Каждая из этих историй – разная по содержанию, и в каждой – уникальные, трагические судьбы евреев, которых Великая Отечественная война застала в самых разных регионах СССР, в разном возрасте и положении. Это свидетельства выживания, борьбы, мужества, стойкости духа и сопротивления абсолютному злу, даже в самых мрачных, угнетающих, чудовищных реалиях.

Книга состоит из двух частей. В первой части имеются главы: «Бывшие узники концлагерей и гетто», «В эвакуации», «Евреи-ветераны Великой Отечественной войны». Вторая часть книги содержит избранные интервью и статьи о Холокосте на территории СССР, об эвакуации в 1941-1942 гг., о личной и семейной памяти, о проблематике современного сохранения нашего исторического наследия.

Хочется немного рассказать о некоторых героях этой книги, они - из России, Беларуси, Молдовы, Украины, Азербайджана, Израиля, США, Германии.

Помимо интервью и статей, подготовленных лично мной, на страницах книги можно прочитать трогательные, тёплые, пропитанные ностальгией и нежностью рассказы о своих потрясающих родителях,

[1] https://www.ng.ru/ng_exlibris/2023-08-09/9_1186_5books.html

написанные моим дальним родственником, братом бабушки – Маратом Бендерским. Вас не оставят равнодушными страшные, тяжёлые воспоминания ребёнка войны, ветерана Леонида Фиделя, о побеге из молдавского местечка Фалешты, когда туда пришли румынские союзники нацистов. И здесь же – берущие за душу мемуары Александра Моисеевича Городницкого, пережившего начало Блокады Ленинграда.

Пробирает до мурашек рассказ Исая Фуксмана о своём отце, юном Зяме Фуксмане, мужественно выводившем евреев из логова смерти в селе Печёра.

Сюда также помещена удивительная история, заслуживающая отдельного читательского внимания. Она – о журналисте, разведчике из Баку, предки которого родом из Еврейской (ныне Красной) Слободы, Танхуме Давидовиче Ильяеве, двоюродном дяде издателя этой книги, Шауля Симан-Тов. Будущий отважный фронтовик родился в 1921 году и погиб в самом конце войны. У его родных остались немногочисленные письма, фотографии, воспоминания о нём его близких.

Ветеран, автор ряда статей и книг Михаил Бенционович Гольдис из г. Хмельницкий (Украина), потерявший в огне Холокоста и войны родных и близких, получил на фронте тяжёлое ранение. А в мирное время сорок лет отработал в органах прокуратуры Хмельницкой области: сначала следователем, потом прокурором, являясь одновременно «неотъемлемой частью» правовой системы тех лет и вместе с тем противостоя ей, особенно, когда ему приходилось сталкиваться с «еврейским вопросом». Его неординарная, очень достойная биография – тоже непременно заслуживает читательского внимания.

Рассказ сопредседателя НПЦ «Холокост» Ильи Александровича Альтмана о Романе Левине – мальчике из Брестского гетто, потерявшем всех своих родных, одном из только двух десятков евреев Бреста, чудом выживших вопреки и назло всему, точно запомнится вам надолго.

С Анной Рувимовной Кантор (Куренец) из Екатеринбурга, поведавшей мне удивительно интересный рассказ о своём отце - узнике гетто и фронтовике Рувиме Куренце, да и со многими другими героями этой книги, меня познакомил вышеупомянутый Л.А. Тёрушкин. Общаться с интеллигентной, чуткой Анной Рувимовной – оказалось сплошным удовольствием.

Со своей коллегой Викторий Михайловной Энгель, исполнительным директором общественной организации «Лицом к лицу: содействие диалогу религий и культур», передавшей мне невероятную

историю о спасении своих близких: прабабушки, бабушки и мамы, как и воспоминания Леонида Яковлевича Фиделя, мы знакомы и дружим уже много лет.

Софья Самуиловна Дрель, пережившая эвакуацию в детстве, до самого своего ухода из жизни, до самых мелочей и подробностей отлично помнила каждую деталь из тех далёких, голодных дней.

Воспоминания о своих близких москвички Ирины Барг, которая принесла свои семейные документы в Архив Центра «Холокост», также имеют очень большую историческую ценность.

Пережившая Холокост Ида Иосифовна Спектор сначала долго отказывалась говорить со мной, объяснив, что очень устала от этих страшных воспоминаний и больше не хочет «ворошить прошлое», снова прокручивая все эти ужасы в голове. Она уже стремилась повесить трубку. Тогда я зашла «с иного фланга» и начала спрашивать её про свой родной Тульчин, рассказав, что и мои корни, также, как и её – прочно связаны с этим уютным, любимым городком Винницкой области. И моя собеседница оттаяла и неожиданно, шаг за шагом, постепенно со мной разговорилась – мы смогли записать отличное интервью.

Кстати, о Тульчине… Некоторые главы этой книги посвящены евреям моего родного местечка, прошедшим гетто Тульчина и концлагерь «Мёртвая петля» в селе Печёра, сражавшимся с врагом на фронтах Великой Отечественной. Среди них – Григорий Краснер – отец моего хорошего друга, бывшего соседа, краеведа, уроженца Тульчина, а ныне израильтянина Эдуарда Краснера, крепкая, любящая друг друга семья Исаака и Симы Говшиевич, которым жизнь уготовила страшные удары судьбы, ветеран Михаил Ефимович Могилевский и родственники Нелли Пехотник (Глинер). Как и многие другие, чьи потрясающие биографии собраны здесь.

Уходят наши дорогие сердцу люди, наши близкие, поколение переживших трагедию Холокоста, эвакуацию, тяжёлые сражения на фронтах Великой Отечественной. Например, все мои бабушки и дедушки ушли из жизни достаточно давно. Некоторые из них похоронены в Тульчине, и я уже более 10 лет не имею возможности их навестить.

Благодаря письменной фиксации и изданию воспоминаний этих людей о том, что им пришлось пережить и «хлебнуть» на своём веку, мы не только сохраняем для будущих поколений их опыт выживания в абсолютно нечеловеческих условиях, но и демонстрируем нашим читателям необычайные примеры мужества, стойкости, силы духа, веры в лучшее, простых человеческих чувств. Всё это, несомненно, очень

важно для сохранения нашей исторической памяти. Конечно, следует учитывать, что большинство рассказов принадлежат людям почтенного возраста, поэтому почти неизбежны некоторые несовпадения, неточности в мелких деталях, датировке, воспроизведении имён и фамилий. Всё-таки, столько лет прошло, а человеческая память имеет свойство слабеть. В книгу внесены поправки, уточнения, но некоторые моменты оставлены в авторском изложении, чтобы не нарушить целостность воспоминаний.

Спешу передать искреннюю благодарность всем, кто помогал мне создавать эту книгу, всегда поддерживал, дарил вдохновение, отличный настрой, радовал новыми героями и темами для интервью.

В первую очередь, я конечно же благодарна Международному фонду СТМЭГИ и моему издателю, руководителю Центра «Sholumi» – Шаулю Симан-Тов за его терпение и грамотные советы.

Хочу выразить огромную благодарность моему лучшему, многолетнему другу, коллеге и бессменному редактору, моей правой руке – Леониду Абрамовичу Тёрушкину – заведующему Архивным отделом Центра «Холокост», который все эти годы помогает в работе, направляет и подвергает строгой научной корректуре и редакции мои тексты.

От всей души благодарю Илью Александровича Альтмана – идейного вдохновителя, наставника, сопредседателя Центра «Холокост», профессора РГГУ, которого уважают и ценят его ученики и коллеги. Он занимается этой непростой темой уже более сорока лет и является, не побоюсь этого слова, «живой энциклопедией».

За помощь и поддержку в подготовке этой книги выражаю признательность и моему другу, коллеге, единомышленнику Марату Гринбергу – профессору русского языка и гуманитарных наук Рид-колледжа в Портленде (США), историку кино, автору культурологического исследования феномена «советской еврейской книжной полки».

От всей души благодарю художника Альберта Рафиева – за веру в мои силы и моральную поддержку.

Большое спасибо моему папе – Юлию Яковлевичу Любарскому, инженеру-связисту, за качественную техническую помощь с подготовкой книги к печати, за его нереальное терпение и внимание ко всем мелочам и деталям. Без него – этой книги точно бы не было.

Яна Любарская.

Отзывы о книге

80 лет прошло с тех пор, как окончилась Великая Отечественная война, отгремела, отполыхала. Зачем нам помнить о войне, о Холокосте? Затем, что подвиг, личная история каждого из переживших эти годы, должны жить в наших душах и сердцах вечно.

Подвиг солдата, смело идущего навстречу смерти, подвиг Праведников народов мира, спасавших евреев, часто – ценой своей жизни, подвиг тружеников тыла, работавших днями и ночами в поле, у станков, подвиг детей, которые, наравне со взрослыми трудились, забросив детские игры, выживали в эвакуации, подвиг наших близких, наших родителей, дедушек и бабушек.

Помимо интервью о Холокосте с экспертами – историками, автор собрала в своей книге массу биографий, выживших в эвакуации, мой рассказ о Блокадном Ленинграде, живые свидетельства о Холокосте, повествования с фронтов Великой Отечественной. Героям этой книги можно верить, ведь они своими глазами видели то, о чём рассказывают.

Александр Городницкий – ученый-геофизик, поэт,
один из основоположников жанра авторской песни в России.

Александр Городницкий и Яна Любарская на юбилейном вечере международного журнала «Алеф». МЕОЦ, 2012 год.

Отголоски Великой Отечественной войны с нами до сих пор, а не только 9 мая. Вот какую историю я хотел бы вам рассказать: дружу с Ромой Горлачёвым ещё с институтских времен, он родился и вырос в Виннице. Рома учился на курс младше меня. На вручение дипломов приехали его родители, мы вместе ужинали в квартире, где я тогда жил. Его маму Клару Горлачёву я знаю очень давно, с 1992 года. Через некоторое время их семья уехала в Германию и обосновалась в Нюрнберге. Десяток лет тому назад я гостил у Ромы и Клары в Нюрнберге (отца моего друга уже не было в живых). В 2024 году я снова повидался с Ромой и Кларой в Нюрнберге, мы вместе съездили в один старинный городок по соседству, готовили барбекю на балконе, много общались. И Клара рассказала мне о том, о чем я даже не догадывался, не представлял в страшном сне. Выяснилось, что она и Роме очень долго не говорила о том, что ребёнком была узницей концлагеря «Мёртвая петля» в селе Печёра, в Винницкой области. Туда свозили евреев на уничтожение. Этот лагерь был одним из мест самых отвратительных преступлений, совершённых против евреев во время Холокоста. Тогда, я с удивлением спросил маму Ромы, почему она так долго молчала о случившемся?! Но она так и не смогла ответить на мой вопрос. Видимо, ей было очень непросто этим поделиться с другими. В книге Яны Любарской есть как история моего дяди, погибшего на войне фронтовика Ильи Берхифанда, так и рассказ близкого мне человека, Клары Горлачёвой. Наши потомки, дети, внуки – обязаны знать и помнить о том, что произошло много лет назад и никогда об этом не забывать...

Илья Лазерсон – шеф-повар, российский теле- и радиоведущий.
На фото – с Кларой Горлачёвой.

Трагической теме Холокоста, памяти и личного свидетельства о пережитом посвящена очередная книга Яны Любарской. В неё включены статьи автора и интервью с разными собеседниками о судьбах евреев, которых Великая Отечественная война застала в разных регионах СССР.

Все материалы сборника, разбитые по соответствующим главам и разделам, ранее публиковались в бумажных и электронных периодических изданиях по всему миру. Книга – страшная, горькая, яркая и очень личная.

Ольга Балла-Гертман – российский литературный критик, эссеист. Редактор отд. философии и культурологии журнала «Знание – сила», редактор в журнале «Знамя». Член Союза литераторов России.

Новая книга Яны Любарской – журналиста, исследователя событий, связанных с Холокостом и памятью о нём – содержит глубокий, живой и по-настоящему интересный материал.

Истории трагедий и травм здесь переплетаются с историями выживания и героизма. Рекомендую прочесть её всем, кому не безразличны еврейские судьбы и исторический опыт.

Марат Гринберг – профессор русского языка и гуманитарных наук, литературовед (Портленд, Орегон, США).

Глава первая

Часть 1. Бывшие узники концлагерей и гетто

«Немцы стреляли в спину...» Рувим Куренец об истории чудесного спасения

Рувим Моисеевич Куренец (4 февраля 1926 – 20 июля 2017) – воплощение целой эпохи, участник Великой Отечественной войны, узник гетто в Дисне (Белоруссия), солдат Победы, первый почетный работник Уральского оптико-механического завода, легендарный руководитель производственно-технического комплекса «Спецтехника», автор уникальной книги «История завода. История людей». В течение нескольких лет Анна Кантор, дочь нашего героя, записывала историю своего отца. Он вспоминал ужасы гетто, нацистской оккупации, фронт и свою службу в рядах Красной Армии, раскрыв уникальные эпизоды своего спасения, стараясь сохранить эти свидетельства для будущих потомков. Сегодня мы публикуем отрывки из записей Анны Рувимовны.

* * *

Рассказывает Анна Кантор (Куренец). Рувим Моисеевич вспоминал войну мгновениями, обрывками, очень спокойно, даже как-то буднично: «В 88 лет папа написал книгу о своем родном заводе, которому посвятил 50 лет жизни, прошел путь от рядового инженера до руководителя гигантского комплекса «Спецтехника». В книге «История завода. История людей» есть глава о родном городе папы – Дисна (Западная Белоруссия)». Вспоминая о своем доме и живописной, маленькой Дисне, Рувим Куренец рассказывает о родителях. Но в этой книге нет страшных страниц о гетто, в котором наш герой потерял 14-летнего брата, бабушку, многочисленных родственников. Он не рассказывает в этой книге и о трагической потере родителей в другом гетто на Западной Украине – в Здолбунове, и о родственниках, убитых в погромах во Львове. «В день 94-летия папы, 4 февраля 2020 года, в Ельцин-центре в Екатеринбурге широкой общественности был представлен

документально-исторический проект «Память семьи. Я свидетельствую!» В его основе - воспоминания Рувима Моисеевича Куренца: узника гетто, партизана, фронтовика, человека, победившего судьбу, непокоренного. Именно этот знак - «Непокоренные» был вручен ему в 2010 году Ассоциацией несовершеннолетних узников концлагерей и гетто. Научным консультантом проекта стал заведующий Архивом НПЦ «Холокост» Леонид Абрамович Тёрушкин. Выставку тогда посетило более 200 человек, в том числе - школьники и студенты уральских вузов».

Рождение. Счастливое детство. Семья. Жизнь в местечке. Но вернемся к биографии нашего героя. Рувим Моисеевич Куренец (Кунец) родился в прекрасном местечке Дисна 4 февраля 1926 года в семье Моисея и Ханы Кунец. С 1921 по 1939 годы Дисна входила в состав Польши. В 1928 году родился его брат Залман, Залка. Мама Рувима происходила из семьи Залмана и Ревекки Слободкиных. Она рассказывала, что их семьи жили в Дисне несколько веков: «Мама закончила гимназию и учительские курсы в Казани, была очень добрым и умным человеком, занималась домом и помогала отцу. Я был черноволосый – в маму, а братик – светленький, красивый мальчик. Папа – энергичный человек, предприимчивый. Покупал у крестьян лен, наладил его обработку и продавал на ткацкие фабрики в Польшу. Этот лен, из которого делали качественное полотно, высоко ценился. Перед глазами – наши шаббатные ужины. Отец зажигал свечи, красиво накрывали стол. Собиралась вся семья: родители, бабушка и мы с братом. Вспоминаю свое детство в Дисне, как один счастливый день. Всю жизнь думаю: зачем был этот праздник жизни, если все так трагически закончилось…» - рассказывал своей дочери Рувим Куренец.

Семья жила трудно. Бабушка Сорэ – Бейла Кунец рано овдовела и сама поднимала детей. У нее была скобяная лавочка – основа семейного существования, помогали ей старшие – Рувим и Хая с мужем Абрамом Гудкиным. Все многочисленные родственники Рувима Куренца впоследствии погибли в гетто Дисны, Здолбунова, Львова. Уцелели только семьи Соломона и Хаи, которые перебрались на Урал: «В 1914 году дядя Соломон из Риги приехал на Урал. В 20-е гг. он перевез в Екатеринбург свою сестру Хаю с детьми и мужем Абрамом Гуткиным (семья жила на Украине, где бушевали погромы). Соломон в 33 года женился на Пашеньке Лангборт и обрел с ней счастье и четверых детей.

Семья Куреиц

Все дети получили высшее образование. Три сестры: Ревекка, Роза, Ольга стали врачами, а брат Рувим – юристом. Репрессии 30-х гг. коснулись этих семей, у них произошли ночные обыски. У Соломона забрали все, что он собирал своим трем девочкам на приданое. Потом забрали и его. Соломон Куреиц был известный в городе часовой мастер. Первым делом советская власть стала заниматься национализацией драгметаллов у частников – часовщиков и ювелиров. В НКВД он ничего не подписал, у Соломона не было наемных работников, дядю помучили и отпустили. Потом забирали его жену, сняли серьги, которые она постоянно носила – свадебный подарок мужа. Все это происходило в Свердловске. А мы спокойно жили в это время в Дисне».

Рувим Куренец вспоминал, что река Дисна разделяла город на два берега: «На одном – жили мы, на другом были «советы». И на том берегу, где были «советы», ходили люди с флагами, звучали марши, шли митинги. Часто я катал на велосипеде Сару Бейлин, одноклассницу, очень красивую девочку. Потом узнал, что она вместе с отцом погибла в Глубокском гетто. До войны, люди в Дисне жили дружно. В

воскресенье открывался большой базар. Крестьяне привозили свои продукты – мясо, овощи, зерно, рыбу. А продав урожай, бежали в еврейские магазины. Я был в Дисне дважды: после демобилизации и в 90-х гг. Последние евреи уехали оттуда в 70-е гг. Сегодня их там и вовсе нет».

Сначала Рувим Куренец учился в хедере, еврейской религиозной школе, потом – в польской школе. Ребята шалили много, но учителей слушались, их слово было для учеников - закон. Он очень любил коньки, собирал марки, учился игре на скрипке. Мама Рувима обожала Варшаву, вся семья с удовольствием ездила в польскую столицу к дяде Рувима – Борису Слободкину, который позже уехал в Здолбунов: «Варшава - чудесный город. Во время войны я увидел Варшаву в огне, в руинах. Мама говорила: «Закончишь польскую гимназию и будешь учиться в Варшавском университете, станешь врачом». Я учился в польской школе, а гимназия была высшей ступенью. Если бы не война, так бы и было…».

Куренцы жили в центре, на улице Гандлевой (Торговой), рядом была синагога. Став постарше, Рувим отправлялся с отцом в синагогу. В Дисне управляли поляки, но основным населением были евреи, державшие магазины, лавочки, среди них было и много ремесленников: портные, пекари, обувщики, кузнецы. После 17 сентября 1939 года, Дисна вошла в состав Белорусской ССР. Стали происходить аресты предпринимателей, национализация недвижимости, а у наших героев забрали дом. Вскоре из-за трагического стечения обстоятельств члены этой большой, дружной семьи расстались навсегда: 22 июня началась Великая Отечественная война, 5 июля 1941-го года в Дисну вошли германские войска.

Война. Немцы в Дисне. Заключение в гетто. В июне – июле 1941 года, в Дисне были предупреждены о необходимости эвакуации только активисты – комсомольцы и коммунисты. Население заверили, что враг не пройдет, что не надо бежать, но люди все равно стремились к парому, пытаясь уехать. А 26 июня Дисну стали бомбить: «Среди тех, кого оповестил районный комитет комсомола о немедленной эвакуации, была моя двоюродная сестра, учительница Фрада Нейштадт – комсомолка и активистка. Она ушла, забрав свою сестру Хану. Потом девушки оказались в Свердловске и жили на улице Сакко и Ванцетти, 95, у тети - Хаи Григорьевны Гуткиной (Куреиц). Семья Фрады и Ханы погибла в гетто. (В 50-е гг. Хана Нейштадт с мужем уехала в Израиль).

Гетто в Дисне было расположено на улицах Полоцкой и Глубокской, евреи находились там в ужаснейших условиях. Немцы и полицаи назначали их на самые тяжелые работы, били и издевались над ними. На этой огороженной территории господствовал лагерный режим с принудительным содержанием и каторжным трудом. «Меня, несовершеннолетнего узника гетто, ежедневно, с другими евреями, немцы, вооруженные автоматами, выводили на работу, где мы работали по 20 часов в сутки. Нам было запрещено быть людьми. Копали траншеи, молотом дробили камни. Нас морили голодом, избивали. Я, маленький и тощий, не раз получал прикладом по спине, потому что от голода забывался и на какое-то мгновение переставал бить молотом или таскать камни» - вспоминал отец Анны Кантор.

Ужасы оккупации. Рувим добавляет, что евреям было запрещено самостоятельно выходить из гетто, ходить по улицам, покупать еду, узники умирали от голода, холода, болезней. В гетто вместе с мальчиком находились: его бабушка Ревекка Слободкина и тринадцатилетний брат Залман, тетя и дядя Голдины, двоюродный брат Саша Слободкин и его друг Яков Хейфиц (Александр Слободкин и Яков Хейфиц выжили. Слободкин - фронтовик, кадровый офицер, впоследствии жил в Израиле, в Араде, Хейфиц - в Харькове). «Где-то парни раздобыли спички, и мы жгли вещи, одежду, чтобы она не досталась немцам, как в других гетто, где полицаи мародерствовали. Белла, дочь аптекаря, бросила в костёр свои красивые красные сапожки, оставшись босиком. Помню, как немец повалил моего дядю Хону Голдина и отрезал ему бороду вместе с кожей. Мы знали, что нас убьют и рыли ямы. Полицаи, которые нас охраняли, смеялись, говорили – «пу-пу», изображали, как будут стрелять в нас. Стреляли каждый день, весной уничтожили много евреев из гетто, никого не щадили! Ни малых детей, ни стариков, ни женщин…».

Письмо от троюродной сестры. Через 68 лет после Победы Рувим Куренец получил письмо от своей троюродной сестры Нины Смушкин (Нехамы Ивиницкой), которая была очень удивлена тому, что тот остался жив. Оба находились в гетто Дисны и бежали во время его ликвидации. Уже потом наш герой узнал, что в Израиле находится немало диснян- кто-то успел эвакуироваться, кто-то покинул эти края еще до войны. Оказывается, в еврейское государство Нина Смушкин отправилась в 50-ые годы из Риги со своим мужем, также уроженцем Дисны.

Вместе с Ниной уехала и ее сестра Кейтл (Катя), которая в день расстрела узников гетто побежала за своей сестрой Нехамой, так и спаслась. А их родителей и 12-летнюю сестренку немцы убили. Нехаме тогда было 16-17 лет, а Кейтл – 9, обе были ранены. Блуждали в лесу, их схватили местные, соседи, сдали полицаям, они попали в гетто Глубокое, а после его ликвидации в 1943 году им удалось, – в какой уже раз! – снова бежать. Так Нехама и Кейтл попали в партизанский отряд и воевали там до освобождения. Нехама служила разведчицей, получила ранение, носила часть пули в руке. В одном из писем своему двоюродному брату Рувиму, отправленных из Израиля, женщина свидетельствовала, что у многих узников гетто были мысли о поджоге: «Около многих домов стояли емкости с керосином. Все ждали немецкой акции, люди узнавали, что евреев массово убивали в других местах. Поэтому были мысли: поджечь гетто и убежать. 14 июня 1942 года все гетто в Дисне сгорело, не осталось ни одного дома».

Побег из гетто. Спасение. В день уничтожения гетто немцы окружили его с разных сторон, чтобы никто не мог спрятаться, негодяи стали стрелять в спины убегающих евреев. Люди побежали в сторону реки, леса – другого пути не было, гетто располагалось за рекой. В панике Рувим потерял своего брата и бабушку, других своих родных, забежал в холодный пристрой деревянного дома и спрятался между стеной и поленницей. Гетто горело, кто-то поджигал свои дома, а наш герой признался, что размышлял о том, чтобы поджечь себя и больше не мучиться: «Фашисты пустили собак, немецкая овчарка ходила надо мной. Я видел ее, она видела меня, но почему-то не лаяла. Смотрел ей в глаза, отец меня учил, чтобы собака не укусила,

Моисей и Хана Куренц

надо смотреть ей в глаза. Можно сказать, мое первое спасение произошло благодаря этой собаке. Ночью поджег сено, выполз из дома и ползком, между трупами людей, убежал в лес. Немцы стреляли в спину, но мне удалось остаться живым. Бродил по лесу, набрел на хутор, увидел – женщина вешает белье, попросил хлеба, она вынесла полбуханки, я ей оставил часы, которые в день расстрела мне дала бабушка. Она их не брала. Я ушел и оставил ей часы. Иду по дороге, встречаю мужиков на телеге, спрашиваю: где нет немцев? Показывают: иди туда. Пошел и прямо на немецкий патруль нарвался, они стреляли, я бежал. Мне повезло – набрел на партизан, но без ружья они не брали. Стал искать ружье. У меня в кармане был перочинный ножик. Решил караулить немца, чтобы забрать ружье. Как бы я это сделал? Об этом не думал. Слава богу, нашел в лесу ружье и меня взяли, стал охранять отряд на краю леса. Рядом с нелюдями были ЛЮДИ. Пока жив, буду их помнить женщину с хутора, которая дала мне хлеб, партизан. Затем я состоял в отряде Мельникова, с июня 1942 года по декабрь 1942 года, потом меня, как несовершеннолетнего, и двух девочек-сестренок, фамилия у них была Свердловы, перевели за линию фронта».

В списке убитых диснян, приведенном в книге одноклассника Рувима, Моше Иофиса, есть семья Свердловых. Видимо, тем самым сестрёнкам тоже удалось бежать из гетто Дисны. Их перевели за линию фронта. Рувим Куренец знал, что на Урале у него есть родственники и завербовался на стройку, на север Урала.

Свидетельства отца Анны Кантор и других бывших заключенных Диснянского гетто, размешены в документально историческом проекте «Память семьи. Я свидетельствую!»: memory-family.ru; там же – свидетельства белорусов – соседей семьи Куренец, о страшных условиях, в которых жили евреи гетто, и о дне его ликвидации 14 июня 1942 года.

В последние годы 9 мая и 14 июня – бывшие дисняне приезжают в Беларусь и собираются на месте бывшего гетто. Сейчас там установлен мемориал в память о 3800 загубленных евреях, чей прах покоится в заросших травой рвах. Первый памятник был установлен в 1950 году, вернувшимися с фронта М. Кункисом и Р. Лекахом, чьи семьи были уничтожены 14 июня.

Участие в Великой Отечественной войне. Но вернёмся к нашему повествованию. Война продолжалась, и после всех несчастий, свалившихся на голову Рувима, чтобы как-то выжить, он устроился рабочим на железную дорогу, потом был принят помощником экскаваторщика

Рувим Куренец. 1946 г.

на бокситовый рудник, осваивал управление экскаватором. В то же время – постоянно искал родственников, писал им письма. В сентябре 1943 года его призвали в Красную Армию: «Врачи осмотрели меня, пришли в ужас и рекомендовали лечение от ожогов. Сделать это можно было только в Свердловске. Так я попал к своим близким и дорогим людям. В Свердловске меня встретили хорошо, обогрели, я лечился. Паспортистки в военкомате исковеркали наши фамилии: я стал – Куренец, а брат – Куринец. И мы пошли по жизни с этими разными, «исправленными» фамилиями. Через несколько месяцев, военкомат отправил меня в Кунгур, в военное училище. Мы учились убивать, а у меня перед глазами стояли братик, бабушка, родители, было очень тяжело на душе. После учебки в Кунгуре, получил звание младшего сержанта, красные американские ботинки, и нас отправили на фронт…». Воевал Рувим Куренец в армии генерал-полковника П. И. Батова, которая входила в составе 2-го Белорусского фронта маршала К. К. Рокоссовского.

По словам Рувима, наступление на Варшаву сопровождалось тяжелыми боями. Советские части упорно наступали, немцы стремились во что бы то ни стало удержать свои позиции. В одном из боев- Куренцу прострелили шапку, пуля прошла в считанных миллиметрах от виска. Уже после боя, он насчитал на своей шинели ещё четыре пулевых отверстия - настолько плотным был огонь. Из восьмидесяти человек роты, в которой он служил, после взятия Варшавы в живых осталось четырнадцать: «Шёл по городу и не узнавал его. В мирное время, как рассказывал раньше, я часто бывал в Варшаве с мамой. Город был разрушен – лишь груда красных кирпичей. Откуда-то выбежал мальчик лет 10-ти: «Пан, брод!». Я достал хлеб из мешка, обломал половину, и мальчишка поцеловал мне руку. Тут же вспомнил женщину на хуторе,

когда бежал из гетто. А сейчас мне было все равно, убьют меня или нет: сегодня - жив, завтра - нет, всех потерял, меня никто не ждал. Однажды мне с товарищем было поручено охранять с пулеметом въезд в один из небольших городов. Вдруг в город въехал легковой автомобиль, остановился, из него вышли немецкие офицеры. Они ещё не знали, что в город вошла Красная Армия. Но, встретив советских солдат, быстро подняли руки, повторяя: «Гитлер капут. Гитлер капут».

21 февраля 1945 года немецкий снаряд попал в пулеметную точку, возле которой находился Рувим Куренец. Пулемёт был уничтожен, один боец погиб, а нашему герою осколок снаряда угодил в ногу. Раненого, его вытащили на носилках и отправили в военный госпиталь. С тех пор 21 февраля он отмечает, как свой второй день рождения. Стопу хотели ампутировать, но ее обладатель пытался убедить врачей, что рана «затянется», что он еще танцевать будет. Так и случилось. «Повезло!» - говорили доктора. Рувим Куренец встретил Победу и продолжал службу в Красной Армии уже в Северной группе войск, в спецбатальоне по охране маршала К.К. Рокоссовского.

Мирная жизнь. Учёба. Создание семьи. «В 1949 году демобилизовался, приехал в Дисну в надежде найти близких, стоял среди разрушений и плакал. Вспоминал свой дом, потерянных навсегда родителей, братика, бабушку. Никого не встретил и решил ехать на Урал. Долго не мог забыть людей из этого сожженного города, их отчаяние, бедность. В Свердловске произошло моё знакомство с братьями и сёстрами. В семьях уральских родственников почти все воевали, но не все пришли назад. Какое же счастье было для тех, кто вернулся, вновь пройтись по улицам города! Фотографироваться, приветствуя новую мирную жизнь, в которой ещё всем нам предстояло состояться. В те годы я много общался с дядей Соломоном, который напутствовал: «Надо учиться! Сейчас для тебя это - самое главное».

Рувим пошёл учиться в вечернюю школу, наверстывая упущенное, ведь у него за плечами было только 7 классов. В 1952 году закончил её с золотой медалью: «1952 год. Государственный антисемитизм набирал обороты: расстрел антифашистского еврейского комитета, пресловутое «Дело врачей». Прошел слух, что евреев не будут принимать в вузы. Узнал, что в УПИ открыли новый факультет – радиотехнический. К счастью, меня приняли».

В 1953 году Рувим Куренец женился на Ольге Куриниц, своей двоюродной сестре, у них родилась дочка Аня. После окончания в 1957

году Уральского политехнического института, начал свою трудовую деятельность на Государственном союзном заводе № 217 (с 1966 г. – Уральский оптико-механический завод). Из четырёх выпускников, которые пришли на завод, остался он один.

Работа на заводе. Профессиональные успехи. Ордена и медали. За время деятельности в объединении Рувим Моисеевич прошёл путь от инженера-технолога, начальника лаборатории, старшего мастера, начальника участка, заместителя главного технолога сборочного производства – до начальника сборочного цеха и руководителя производственно-технического комплекса «Специальная техника». В 1965 году он фактически создал и организовал работу цеха по производству продукции военного назначения. Здесь в полной мере проявились его организаторские способности, энергичность, оперативность, стремление к новому. Под непосредственным руководством Рувима Моисеевича, освоили и запустили в серийное производство целый ряд сложнейших изделий оборонного значения и медицинской техники. За годы его руководства цехом, был освоен выпуск более 20 наименований сложнейших изделий военной техники. Он сумел сплотить большой коллектив единомышленников, мобилизовав его на стабильное выполнение производственной программы. За все годы руководства цехом не допустил ни единого случая срыва государственного плана.

Сборочный цех УОМЗ на протяжении многих лет признавался лучшим в Министерстве оборонной промышленности, а также носил из года в год подтверждаемое звание «Лучший цех Министерства». Добрую славу подразделению создавали не только производственные показатели: были и многочисленные победы на престижных спортивных соревнованиях, и громкие успехи в цеховой художественной самодеятельности. Полвека Рувим Моисеевич отдал УОМЗ, только в 2006 году, в возрасте 80 лет, вышел на пенсию. Мало у кого есть столько наград и почетных званий, как у него. К боевым наградам – ордену Отечественной войны I степени, медалям «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», прибавились награды мирных лет: орден Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», медаль «За трудовое отличие», «Почетный машиностроитель РФ», «Почетный работник Уральского оптико-механического завода». Наш герой стал заводской легендой, труженик, отдавший заводу, без преувеличения, всю свою жизнь. Не случайно он стал первым Почетным работником УОМЗ, что свидетельствует о его огромном вкладе в развитие родного предприятия.

Эпилог. Мемориальная доска Рувиму Куренцу. 8 мая 2019 года, через два года после смерти ветерана, на здании заводского корпуса, где размещался гигантский цех, которым руководил Рувим Моисеевич Куренец, была торжественно открыта мемориальная доска «Первому почётному работнику Уральского оптико-механического завода, фронтовику, легендарному руководителю, вложившему неоценимый вклад в развитие оборонной промышленности страны, Космоса, а также производство гражданских изделий медицинского предназначения...»**.**

Комментирует Л.А. Терушкин: «В феврале 2020 года я участвовал в открытии выставки «Память семьи. Я свидетельствую!», подготовленной А.Р. Кантор и членами ее семьи. Это замечательный документально-исторический проект, посвященный памяти Рувима Куренца, его родных и друзей. Жизнь и судьба выжившего в Холокосте, выигравшего борьбу со смертью! История его семьи в контексте эпохи, истории страны, поколения, родившегося в 20-е годы прошлого столетия, отражены на этой экспозиции, благодаря кропотливо собранным и прекрасно подготовленным архивным документам…»**.**

Автор выражает свою благодарность А.Р. Кантор за существенную помощь в подготовке этой публикации. Фото – из личного архива А.Р. Кантор.

Открытие Мемориальной доски Рувиму Куренцу

«Некоторые умирали тихо, а некоторые так кричали от голода…». Воспоминания узницы гетто и концлагеря Иды Спектор

Предлагаем вашему вниманию рассказ от первого лица Иды Иосифовны Спектор (в девичестве – Зайдель), бывшей малолетней узницы еврейского лагеря «Мёртвая петля» или Печёра. Она вспомнила об очень страшных вещах, пережитых ею в детстве и юности. Наша героиня родилась 20 ноября 1932 года в Тульчине Винницкой области Украины. Этот небольшой, уютный городок, где прошло и моё детство, находился в 1941-1944 гг. в составе Транснистрии – румынской зоны оккупации части территории СССР. В 1941 году, в девятилетнем возрасте, Ида оказалась сначала в гетто, а потом и в лагере Печёра, куда, помимо тульчинских евреев, согнали большое число евреев, депортированных из Бессарабии и Буковины. Еврейская община Тульчина считалась одной из самых больших в Винницкой области, после самой Винницы, Могилёва-Подольского и Жмеринки.

* * *

Тот страшный день. Я - последний живой свидетель, побывавший в концлагере «Мертвая петля» на реке Южный Буг. Когда пришли немцы, мы первые пять месяцев находились в тульчинском гетто, а потом нас погнали умирать в село Печёра.

Хорошо помню этот страшный день – 22 июня 1941 года. Мы бегали во дворе вместе с другими детишками, играли, прыгали. Светило солнце, за окном стояла великолепная погода. И вдруг, по радио объявили, что пришла война. И нас как ветром сдуло, все дети убежали по домам. Мы не смогли эвакуироваться. Папа ушёл на фронт уже на следующий день и больше не вернулся, позже он был объявлен пропавшим без вести. Когда немцев ещё не было в Тульчине, мы дошли с мамой до Южного Буга. Войска переправляли через мост, и невозможно было никуда двинуться. До нас абсолютно никому не было дела. И мама сказала: «Погибать, так вместе». Мы решили вернуться, неделю шли пешком. В Тульчин немцы вошли 23 июля. Начальство сбежало, центр городка был взорван.

Мы остались с мамой, бабушкой и дедушкой – папиными родителями. Мамины родители за два дня до войны уехали из Тульчина.

Еврейство. Мамино платье. Я не знала, что я – еврейка, до начала войны мне никогда об этом не говорили. Хотя, когда мама с бабушкой хотели, чтобы я ничего не поняла, говорили на идиш. О своём происхождении я узнала уже потом. Мы играли друг с другом во дворе, не зная, кто мы. Пока мы прятались от немцев и румын в погребе, под домом, наши соседи всё вытаскивали из нашего жилища. И уже после освобождения, находясь в детском доме (нас отпускали в город на выходной), я встретилась в Тульчине со знакомой моей покойной мамы. Она иногда приходила к нам и помогала маме по хозяйству. В Украине же принято было варить чанами варенье, повидло. И вот, мы идём с ней по-нашему тульчинскому рынку и видим продавщицу в мамином бежевом платье! Это было ужасно. Когда я это увидела, меня затрясло. «Откуда у вас это платье?» – спросила я. «Мне его подарили...» – ответила дама, торгующая на рынке. До сих пор не могу себе этого простить, очень переживаю, что тогда не сказала ей – «Немедленно верните мне это платье, оно принадлежит моей маме!».

Оккупация Тульчина. Жизнь в гетто. Немцы пришли в Тульчин очень быстро, в течение месяца они были уже у нас. Ворвались мгновенно, въехали на мотоциклах, такие холёные и сытые. Издевались над стариками, отрезали им бороды, унижали евреев. Оккупанты вели себя у нас просто безобразно, по-хамски! Около военкомата лежали наши ребята, которые попали в плен. Июль, жарища, они просили: «Пить, пить…». А полицейские их окружили и никому не разрешили дать им водички. Подойдёшь – расстреляют. Мы не имели абсолютно никакой защищённости, а они полностью ощущали свою вседозволенность, могли сделать всё, что угодно, ударить... Люди старались не попадаться им на глаза. Потом немцы ушли, оставив вместо себя румын, и те уже были чуть менее жестокими. Им бы – только поесть, почему-то они всё время были голодными.

Наше гетто располагалось на окраине Тульчина, где мы жили и в мирное время. Ночевали в своём доме, но уже на территории гетто. У нас было три комнаты, и в каждую из них заселилась еврейская семья. А потом нас погнали в концлагерь в селе Печёра. И это тоже было очень страшно, туда дошли далеко не все, многие погибли по дороге или уже в лагере. Нас туда гнали, как скот, холодной зимой, пешком. Если

человек на льду падал, его моментально пристреливали. Мама упала, а я от испуга, что её сейчас убьют, закричала с такой силой, что даже полицейский проехал мимо. Помогла ей подняться, и нас погнали дальше. Сначала, первой партией в «Мёртвую петлю» попали мы – евреи из Тульчина. Потом к нам стали прибывать депортированные евреи из других городов Украины. Одни – умирали, других к нам подбрасывали.

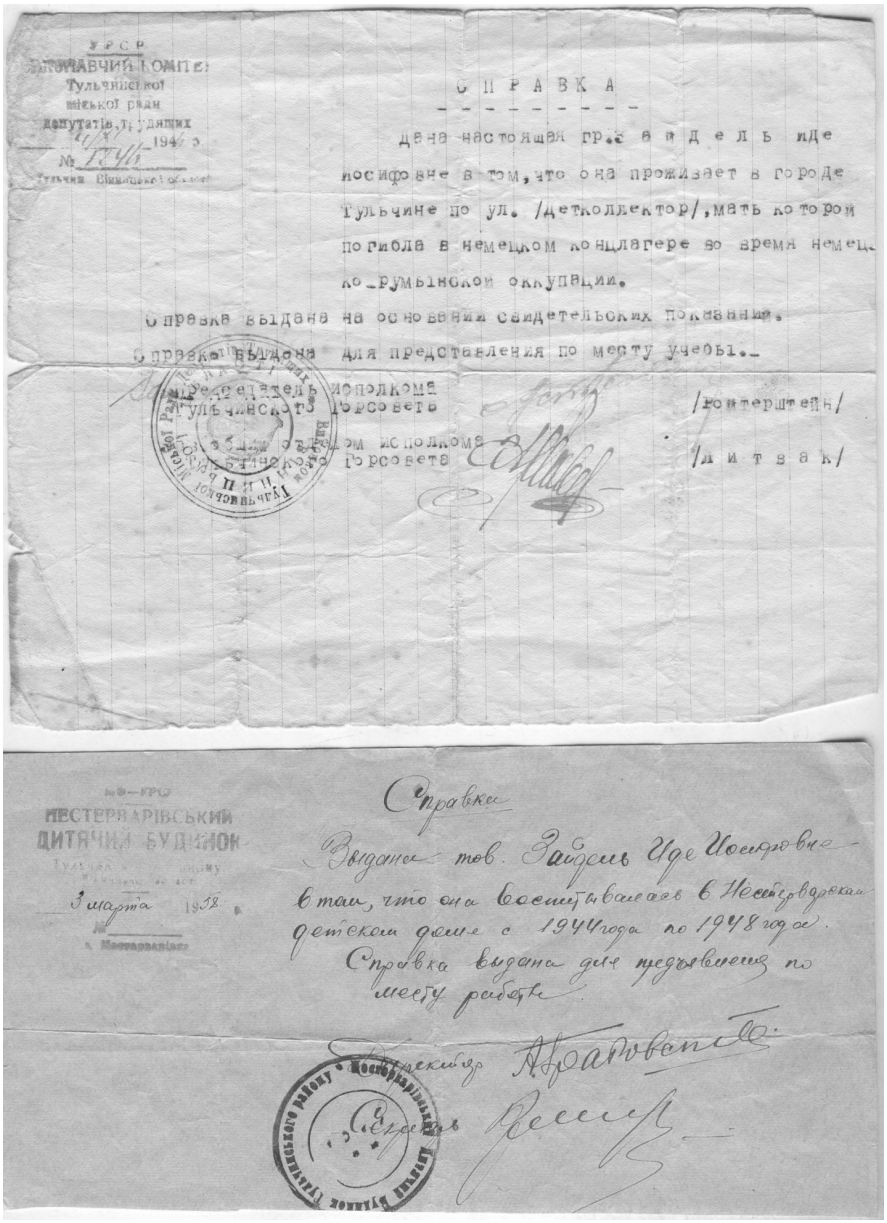
Лагерь «Мёртвая петля». Узников размещали в трёхэтажном здании бывшего санатория для больных туберкулезом и в одноэтажном здании конюшни. Мы успели занять центральный трехэтажный корпус, напротив ворот. На полу валялись все вперемешку: мужчины, женщины, дети, старики. Остальные евреи попали в этом «санатории» кто – куда, кто-то лежал на конюшне. Зимой - не топили, и мы очень мёрзли, грелись друг около друга.

В Печёре я оказалась с мамой, бабушкой и дедушкой – папиными родителями. Первой умерла бабушка, она была очень болезненная. А дедушка слыл богатырём, но его тоже вскоре не стало. Холодно, голодно, ни еды, ни воды, не лекарств.

Наш лагерь охраняли местные полицаи – украинцы. Помню, на улице спал невинный еврейский ребенок, ему было месяцев 10. Полицейский подошёл и выстрелил ему в ухо. Малыша не стало. Спрашивается – за что?! В этом лагере смерти погибало по 70-100 человек в день. Некоторые умирали тихо, а некоторые так кричали от голода, что у меня этот крик до сих пор стоит в ушах.

Однажды к нам заглянул настоящий зверь, полицейский по фамилии Сметанский. Бывший лейтенант Красной Армии, он сдался в плен немцам и стал отъявленным негодяем. За то, что я хотела сходить за водой к Бугу, он избил меня палкой до полусмерти. Его пытались остановить, кричали, что перед ним – ребёнок. Помню, как от побоев теряла сознание. До сих пор сильно вздрагиваю, вспоминая столь жуткий эпизод, хотя прошло уже 80 лет. Нас били, гоняли, морили голодом, не поили. А потом, когда я уже находилась в детском доме, увидела, что милиционеры ведут на суд того самого нелюдя, Сметанского. После суда его расстреляли, но думаю, расстрел – для него слишком лёгкая смерть, его следовало бы повесить.

«Вы так похожи на мою дочку…». Немцы приезжали на территорию нашего лагеря только для того, чтобы убивать или за рабочей силой.

УРСР
ВИКОНАВЧИЙ КОМІТЕТ
Тульчинської
міської ради
депутатів трудящих
"17" 1946 р.
№ 1340
м. Тульчин Вінницької обл.

СПРАВКА

Дана настоящая гр-ке Зайдель Иде Иосифовне в том, что она проживает в городе Тульчине по ул. /детколлектор/, мать которой погибла в немецком концлагере во время немецко-румынской оккупации.

Справка выдана на основании свидетельских показаний.

Справка выдана для представления по месту учебы.

Председатель исполкома
Тульчинского горсовета /Контерштейн/

Секретарь исполкома
Тульчинского горсовета /Литвак/

ТУЛЬЧИНСЬКА МІСЬКА РАДА ДЕПУТАТІВ ТРУДЯЩИХ

№ 6—УРС
НЕСТЕРВАРІВСЬКИЙ
ДИТЯЧИЙ БУДИНОК
Тульчинського району
Вінницької області
3 марта 1948 р.
№
м. Нестерварівка

Справка

Выдана тов. Зайдель Иде Иосифовне в том, что она воспитывалась в Нестерварском детском доме с 1944 года по 1948 года.

Справка выдана для предъявления по месту работы.

Директор А. Кравченко

Секретарь

Справки, выданные Иде Спектор (Зайдель).
Архив НПЦ «Холокост»

У одной узницы концлагеря немец оторвал от груди маленького ребёнка и сильно его подбросил, малыш упал и разбился. Его мама страшно закричала, тогда нацисты схватили её за руки, за ноги и бросили в автомобиль. Вместе с ней в эту же машину отправили и маминых родственников, внутри набилось полно народа. И увезли их. Сказали, что на работу, а на самом деле - их всех расстреляли. Так была убита и Лиза, жена маминого младшего брата. Молодые люди только перед войной поженились и затем – оба погибли. А Лизина сестра Клара, которая была чуть старше меня, выжила. Я зашла к ним уже после войны. Услышала, что в их домике играет музыка и подойдя к дверям, страшно удивилась: «Ты жива?!» – «Жива!» – закричала Клара. Невозможно было передать нашего удивления и изумления друг другу, в тот момент мы сильно вытаращили глаза, ведь обе считали друг друга погибшими. Оказывается, жизнь Клары спас немец, он сказал ей: «Вы так похожи на мою дочку. Завтра вас всех расстреляют. Пока я один – бегите, прячьтесь в кустах и уходите к партизанам…». Так она и спаслась.

«Картофельные очистки были деликатесом…». В лагере нас ничем не кормили и не поили. Иногда мы попрошайничали, что-то из вещей обменивали на еду. Например, бросаем за забор местным крестьянам свои вещи, а они нам в ответ кидают несколько картофелин. Картофельные очистки были для нас деликатесом! Сегодня это трудно представить, но это так.

Один еврей из нашего лагеря также вышел, бросил за забор свои вещи, чтобы обменять их на что-то съестное, но тут появился полицейский, выстрелил в него, и человека не стало. Мы питались очистками, травой и всеми способами боролись за жизнь, хотя было сделано всё, чтобы мы там побыстрее умирали сами от голода, холода, болезней, угнетённого состояния. Особенно над нами издевались местные пастухи, били нас. Их мы боялись больше, чем полицейских.

«Болезни нас не щадили…». В лагере я заболела брюшным тифом и находилась без сознания. Мама уже думала, что я умру и страшно кричала. А с нами в заключении был врач, который лечил нас ещё в Тульчине, еврей по фамилии Старосельский, он сказал маме: «Это кризис прошёл, Ида будет жить». Слышала эти слова, находясь в полубессознательном состоянии и до сих пор их помню. Этот врач, скорее всего, потом погиб. Там столько

П О Д Т В Е Р Ж Д Е Н И Е

Мы, ХУСИД ЭТЯ ИОСИФОВНА, 1926 года рождения, уроженка г.Тульчина, Винницкой области, УССР, проживающая по адресу: г.Тульчин, Винницкой области, УССР, ул.Красина № 5 и ГАЛЬПЕРИНА РАХИЛЬ ЗЕЛЬМАНОВНА, 1931 года рождения, уроженка г.Тульчина, Винницкой области, УССР, проживающая по адресу: г.Тульчин, Винницкой области, УССР, ул.Кирова № 3 кв.7, свидетельствуем о том, что в 1941 году 7 декабря мы совместно с СПЕКТОР ИДОЙ ИОСИФОВНОЙ (урожденной ЗАЙДЕЛЬ), были насильственно этапированы гитлеровскими оккупантами в фашистский лагерь смерти села Печеры, Тульчинского района (бывший Шпиковский район).

В том лагере смерти мы вместе с СПЕКТОР ИДОЙ ИОСИФОВНОЙ пробыли до 14 марта 1944 года.

Данные показания мы даем в зрелом возрасте и осознаем, что за дачу заведомо ложных показаний мы будем привлечены к судебной ответственности, о чем собственноручно расписываемся.

П о д п и с и : _____/Э.ХУСИД/

_____/Р.ГАЛЬПЕРИНА/

"31" июля 1991 года

Действительность данных показаний подтверждается комитетом бывших малолетних узников г.Тульчина, Винницкой области, УССР.

Председатель комитета М.А.БАРТИК

Секретарь комитета Р.Г.ШВЕЙБИШ

гремели на повозке эти голые трупы! Погибших, полицейские-охранники лагеря сразу раздевали, вырывали у них золотые коронки или зубы, а их тела бросали в специально вырытые рвы.

Спасённые подкупом. Летом 1942 года немцы предприняли попытку ликвидировать лагерь, но румынский комендант остановил эту акцию. Новоприбывшие туда евреи собрали денег и золота и подкупили румынского коменданта лагеря. И он твёрдо сказал немцам – «Тут моя, румынская территория, я запрещаю расстрел!». А мы знали, что будет расстрел, что нам осталось жить недолго, потому что до этого, крестьяне из семи деревень копали рядом для нас ямы.

Мама. Таким образом, благодаря подкупу румынского коменданта, наш лагерь тогда был спасён. За территорией лагеря мы уже видели рвы, и нас гнали на смерть. А потом узнали, что наш комендант запретил расстрел, и нас погнали обратно. Когда мы вернулись в «Мёртвую петлю», моя мама, видимо – в истощённом состоянии и на нервной почве, уже не поднялась (ей было 36 лет!) и вскоре ушла из жизни.

После этого я страшно плакала, переживала, казалось – просто сошла с ума! Где упаду, там усну. Осталась одна в этом аду и просила, чтобы меня расстреляли. Смерть, несомненно, казалась лучшей долей, чем выживание в этом, столь трагическом месте, где правит голодная смерть! Не хотела жить без мамы и быть там, где тебя бьют, где ты голодная, холодная и никому не нужная. Проснёшься, а рядом с тобой труп. Одна узница, видя моё тяжёлое состояние, указав на меня, спросила других евреев: «Кто это?» А моего дедушку, маминого отца, звали Хаймица. И другие евреи ей ответили – «Хаймицына внучка...».

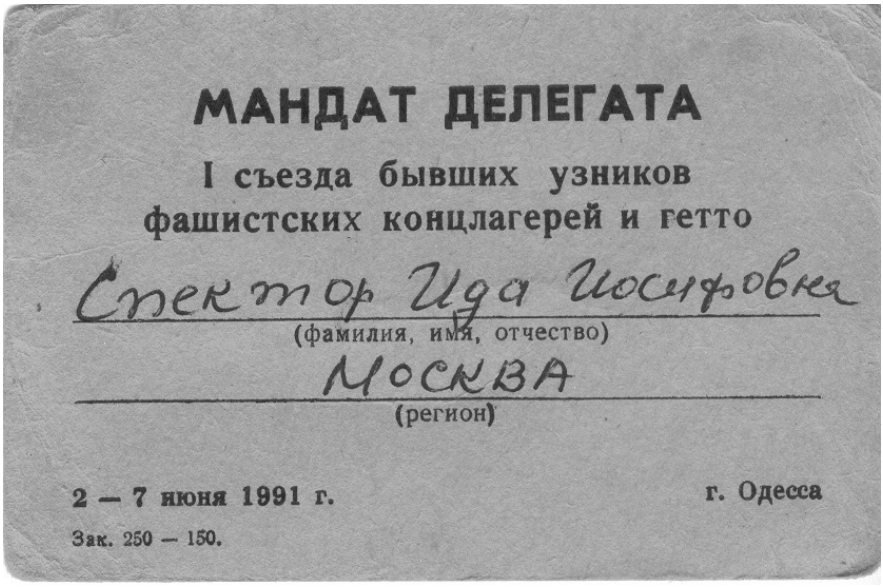
Долгожданное освобождение. 14 марта 1944 года нас освободили. Как я выжила – сама не знаю, видимо, мне суждено было выжить, меня сохранил Б-г. А ведь могли убить - Сметанский, голод, брюшной тиф, расстрел.

О том, как нас освобождали, стоит рассказать отдельно. Лагерь готовился к ликвидации. Мы старались спрятаться, кто где мог. И вдруг в лагерь ворвались наши советские ребята. Охранник, сидевший у ворот, громко кричал: «Гитлер капут!». Какой-то красноармеец вынес меня оттуда на руках, после меня отправили в детский дом, под Тульчином. Говорили, что перед этим, на ближайшей к нам

железнодорожной станции Вапнярка, шёл бой между Красной Армией и нацистами, но этого мы точно не знаем. Если бы наша Красная Армия хоть немного опоздала, на следующий день спасать было бы уже некого.

Мирная жизнь, восстановление еврейства в документах. Уже будучи в детском доме и много лет после, я никому и никогда не рассказывала, что долгое время находилась на оккупированной территории, в лагере смерти. Как известно, в СССР на эту тему никто не говорил. У нас был еврейский городок. А когда всех евреев Тульчина убили, уже находясь в детском доме, я услышала фразу местных жителей «Без евреев стало плохо». В детском доме меня записали в документах украинкой.

И потом, я семь месяцев судилась и восстанавливала своё еврейство, найдя двух свидетелей. Судья монотонно задавала мне один и тот же вопрос: «Зачем вам это нужно?!» «Я родилась еврейкой и хочу ей остаться. Почему я должна быть записана украинкой, если я родилась еврейкой?!» - отвечала я. Для меня это было очень важным шагом ещё и потому, что все мои родные погибли, я должна была это сделать в па-

МАНДАТ ДЕЛЕГАТА

I съезда бывших узников
фашистских концлагерей и гетто

Спектор Ида Иосифовна
(фамилия, имя, отчество)

Москва
(регион)

2 — 7 июня 1991 г. г. Одесса

Зак. 250 — 150.

Мандат И.И. Спектор – делегата I съезда бывших узников. Архив НПЦ «Холокост»

мять о них. У меня был свидетель - Миша Суферман, его уже нет в живых, он был со мной в лагере и до войны знал мою семью. Он так разозлился в суде и говорит: «Что мне, снять штаны и показать вам, что я еврей?!» Судья растерялась и вынесла постановление о восстановлении еврейства.

Переезд в Подмосковье. Сталинские репрессии. Как я сказала ранее, после войны у меня никого из близких не осталось. Все погибли в лагере, отец, ушедший на фронт, пропал без вести. Мои родные – мама и бабушка с дедушкой по папиной линии – покоились в общей могиле, в тех самых ямах, вырытых крестьянами неподалеку от «Мёртвой петли». Я знала, что трупы из нашего лагеря вывозили телегами и закапывали именно там. Уже в мирное время, мы неоднократно ездили в Печёру, отдать дань памяти погибшим. Там же, силами евреев, был установлен целый мемориальный комплекс памятников.

Оставался жив лишь мамин родной брат – Михаил Ойрех, которого не было в гетто. Он обосновался в Подмосковье, точнее – в Клязьме *(сегодня это – микрорайон города Пушкино Московской области – прим. автора*).* После Победы мой дядя стал меня искать. В горсовете находились списки тех, кто вернулся из лагеря. И родственники, которые искали своих родных, писали в горсовет. После весточки туда моего дяди, из детского дома в Украине меня забрали в Москву, в семью маминого брата, жившего с еврейской женой и сыном. Оказалось, что бабушка по маминой линии тоже жила у дяди Миши, у своего сына. Она была старенькая, несчастная и никому не нужная. Дедушка во время оккупации заболел и умер где-то по дороге в Тюмень. Несмотря на свой переезд и обретение родного дяди, в дальнейшем я всё равно осталась одна и выживала тоже одна.

За окном стояли голодные, послевоенные годы, конец сороковых, период сталинских репрессий. И в одну из ночей дядю Мишу забрали из дома и посадили в тюрьму. За что – не знал никто, даже он сам, до самой своей смерти также не имел понятия, за что его арестовали. Мишиной жене после того, как увезли её супруга, «лишний рот» стал не нужен. И меня, через районный отдел народного образования, отправили жить «на койку» при соседнем училище, чтобы мне хотя бы было, где питаться.

Дядю Мишу отпустили уже после смерти Сталина, в тяжелейшем состоянии, он на тот момент пережил трепанацию черепа. После тюрьмы лежал в больнице, и я к нему каждый день ходила. Но прожил

Миша, если эти жуткие дни можно назвать «жизнью», после выхода из мест заключения, совсем немного. У него тоже оказалась очень страшная судьба. Пока он сидел в тюрьме – от онкологии умерла его жена, а его сына сбил поезд, когда тот в ночное время переходил дорогу по железнодорожным путям и не заметил приближающийся состав.

Жизнь в Москве, обретение любимой профессии. Два года я прожила при училище в Подмосковье. Потом переехала в Москву, где снимала угол и училась в вечерней школе, параллельно работала на заводе «Фрезер» в столичном районе Перово (Московский завод режущих инструментов «Фрезер» им. М.И. Калинина (ОАО «Фрезер»).

Сначала трудилась на данном предприятии на станках, потом, по состоянию здоровья (не могла работать на заводе ночами), меня отправили в отдел ОТК, где я принимала продукцию. Начальник отдела ОТК по фамилии Кац называл меня «маминой дочкой», и я была этому только рада. Никогда не любила, чтобы меня жалели, поэтому никто из окружающих не знал о моём прошлом, как и о том, что у меня давно нет мамы.

С детства мечтала стать медиком, хотя врачей у нас в семье не было. Активно работая на «Фрезере», узнала, что открылось медицинское училище с вечерней формой обучения. А я тогда уже поступила в станкостроительный техникум, отучившись в нём семестр. В техникуме были очень удивлены моим решением, крутили пальцем у виска и долго не хотели отпускать. Да и в медицинском училище очень сомневались, что сама смогу нагнать целый прошедший семестр! Но я очень просила, чтобы меня туда взяли. В итоге, поступила в медицинское училище на вечернее отделение, нагнала упущенный семестр и закончила учёбу с отличием. После, отправилась работать медицинской сестрой в одну из больниц и много-много лет, до пенсии, трудилась по любимой профессии. Заметила, что в моей деятельности очень важно любить людей. Однажды, с одним больным, проговорила целых четыре часа подряд! Бывшие пациенты до сих пор вспоминают, какая у меня лёгкая рука. И по-прежнему могу поставить капельницу и сделать укол.

Вышла замуж, вместе с супругом, москвичом Михаилом Спектором, родня которого - из Бердичева, мы прожили пятнадцать счастливых лет, муж меня очень любил, у нас родилась дочка. После его смерти я снова осталась одна и уже самостоятельно поднимала своего ребенка.

Слева-направо: Ю.И. Каннер, И.И. Спектор, О.Е. Морткович, В.Г. Гехт. Мемориальная синагога на Поклонной горе в Москве. Архив НПЦ «Холокост»

Сохранение памяти. День Победы для меня – это спасение. В 1990 году я стояла у истоков создания «Московской общественной организации евреев – бывших узников гетто и концлагерей». Всегда очень много выступала, давала массу интервью, чтобы люди никогда не забывали о Холокосте.

Комментарий Л.А. Терушкина: «Мы давно дружим с Идой Спектор. Здесь приводятся документы и фотографии, которые она передавала в Архив Центра «Холокост». Тесно сотрудничаем с Олегом Ефимовичем Мортковичем, который является руководителем «Московской общественной организации евреев – бывших узников гетто и концлагерей», президентом «Международной общественной организации евреев - бывших узников гетто и нацистских концлагерей».

Григорий (Гедаля) Краснер. Переживший Печёрский ад

Григорий (Гедаля) Моисеевич Краснер (1905-1980) – ремесленник, обладавший золотыми руками, настоящий профессионал в обувном деле, замечательный, отзывчивый, неравнодушный человек. И если бы не страшная война, он и все его близкие жили бы в достатке, в мире, в любви, в согласии и не ведали бы горя. Но история не знает сослагательных наклонений. Он родился в городке Тульчин Винницкой области, пережил Холокост, прошёл все немыслимые ужасы концлагеря «Мёртвая петля» в селе Печёра, побывал в гетто Тульчина, потерял почти всю свою семью. Но сумел собрать последние силы, начав жизнь заново. Этот очерк основан на воспоминаниях самого Григория, его сына Эдуарда и одной женщины, имя которой восстановить не удалось, находившейся в лагере рядом с семьёй Краснер.

* * *

Довоенная жизнь Григория. Оккупация Тульчина. Григорий (Гедаля) Моисеевич Краснер родился в Тульчине, где и прожил всю свою сложную, наполненную самыми разными событиями, жизнь. Он увидел этот мир в большой, счастливой многодетной семье, состоящей из 11 человек. Семья была сильно верующей, зажиточной по местным меркам. Потом – страшная война, лагерь, когда всем было не до фотографий, поэтому снимков той поры у героев моего повествования – не сохранилось. Иосиф Краснер, старший брат Григория, в своё время служил кантором в синагоге, был очень верующим, набожным человеком. Их сестра Голда жила в Тульчине. Брат Григория, Хаим Краснер, уже после войны женился на узнице лагеря, и они уехали в Ташкент. Ещё у нашего героя были два брата, которые после войны уехали в Америку. Конечно, по тем временам, связь с ними не поддерживалась, ведь это было очень опасно. Но Иосиф (Ёсыл) Краснер, бывший кантор, по каким-то своим религиозным каналам, всё-таки иногда подпольно получал письма из-за океана от близких, а порой мог достать от них посылки для всех. В этих, диковинных в те годы, заморских отправлениях можно было найти что-то нужное по хозяйству, хотя и достаточно скромное, например – отрезы тканей на пальто, костюмы. Иосиф в послевоенный период мужественно собирал деньги на памятники евреям

на территории массовых захоронений в «Мёртвой петле», но сталкивался из-за своей активности с рядом сложностей.

До войны Григорий Краснер трудился плечом к плечу со своим братом Ароном (вечная ему память), выучив младшего важной и нужной профессии. Это ремесло спасло Григорию жизнь. Но об этом – чуть позже...

Вместе Григорий и Арон успешно работали на обувной фабрике – на тот момент небольшой кожевенной артели. Когда немцы и румыны вошли в Тульчин, то сразу поубивали многих евреев, остальных – согнали в еврейскую (сейчас Первую) школу и заставили носить жёлтые повязки, чтобы не перепутать евреев с неевреями.

Сначала обречённые люди находились там, причём кто-то покончил с собой уже в школе, понимая, что ничего светлого их впереди не ждёт. А дальше всех безжалостно погнали в страшный путь до лагеря, ставший для большинства – последней дорогой в жизни. В Тульчине организовали гетто, румыны оставили там только нужных им еврейских специалистов с семьями – кузнецов, портных, обувщиков и других. Так в гетто Тульчина оказался и талантливый ремесленник Арон Краснер с семьёй, будучи разделённым со своими родными, отправленными в лагерь смерти. Из гетто он немного помогал им продуктами, причём этой едой Краснеры делились со своими соседями.

В 1943 году, по какой-то неизвестной причине Арона из гетто Тульчина забрали в румынскую жандармерию, где полицаи жестоко избили его и бросили в подвал. Его состояние резко ухудшилось, ему отбили одно лёгкое, и тогда его отправили умирать в гетто. Кто мог, пытался помочь несчастному лекарствами, но Арон быстро скончался. С большим трудом и, конечно, за деньги, его удалось похоронить на Тульчинском еврейском кладбище, в отдельной могиле.

Бывшая еврейская школа Тульчина (сейчас Школа №1), куда оккупанты сначала согнали местных евреев.

Арон Краснер (1901-1943).

Елизавета (Лея) Краснер, жена Арона

Его семья – жена Елизавета (Лея), дочки - Циля и Инна в гетто были уже не нужны, их собирались отправить в лагерь «Мёртвая петля», где погибли многие члены семьи Краснер.

Спасение семьи Арона Краснера. Жизнь семьи Арона Краснера в гетто Тульчина, оставшейся без главного кормильца – находилась под серьёзной угрозой. Но мир – не без добрых людей. Вдову Арона, его маленьких дочек спасла их украинская знакомая Мария. *(Мне не удалось узнать фамилию их спасительницы, как и другие сведения о ней. – прим. автора)*.

«До войны к нам приходила мамина знакомая – тётя Мария. Она что-то привозила из села, продавала на рынке и останавливалась с дочерью у нас. Когда она узнала, что мы находимся в гетто, подкупила полицаев и решила нас спасти. Сначала мама отдала нас этой женщине. Я молчала, как-то быстро стала взрослой, а моя сестра при расставании очень плакала. Тогда, тётя Мария пообещала, что придёт и за мамой.

Потом, она сказала мне: «Теперь ты – Лиля, а не Циля. Хочешь жить – будешь Лиля». Она повесила крестики на пальто, чтобы все видели, что мы – «христианские» девочки. И забрала нас в село. Помню, мои ноги были замотаны в тряпки, обуви не было, на дороге – слякоть, снег таял. Было очень тяжело идти. В селе тётя Мария прятала нас в каморке, дверь которой закрывалась одеялом, потом она пошла за мамой, сначала её поместили в конюшне с лошадьми, мама спряталась в сене. Б-г спас мою маму, и вскоре Мария её привела к нам. Позже в селе стало тихо. А в 1944 году – наши солдаты освободили Тульчин. И мы направились с мамой к себе домой. Там было всё разрушено, стояли только стены. Однако мы остались на этом свете, начали новую жизнь» – вспоминала потом Циля Краснер.

Лагерь смерти «Мёртвая петля». Место концлагеря в Печёре являлось до войны санаторием с очень красивой территорией. Не доходя до него, можно было увидеть большой фонтан, который в то время уже не действовал, кругом располагались потрясающие, живописные аллеи. К реке Южный Буг вело примерно 176 ступенек вниз. В здании санатория имелось три этажа. Большую семью Краснеров оккупанты загнали на второй этаж, в палату, где в мирное время отдыхали по три человека, а сейчас там расположилось аж сорок евреев!

Эдуард Краснер приводит воспоминания соседки семьи Краснер, которая писала, что помимо жены и сына Григория Краснера, в одной «палате» бывшего санатория с ними находились: его пожилой отец Мошка Краснер, его брат Иосиф Моисеевич Краснер и три дочери Иосифа, другие их родственники по фамилии Краснер. Женя Вулихшер с мамой и маленьким ребенком. Лиза Гринберг с двумя маленькими детьми-близнецами, её мать и отец – старики, еле держались на ногах. Лиза жила в Ленинграде, а в это лето она приехала в гости к своим старикам в Тульчин и вместе с ними попала в лагерь. Ещё в этой палате была семья Маряси Бельзер: её муж, маленький ребенок и два старика. И ещё три семьи – это ещё 12 человек. Две семьи были из Брацлава, а одна – из Тростянца.

Узники лагеря расположились на полу, спали в чём были одеты днём. Ночью из-за тесноты невозможно было повернуться, вытянуть ноги, прохода там тоже не было. Если кому-то приходилось вставать, то наступали друг на друга. В палате было холодно, в ту зиму стояли лютые морозы. Жизнь становилась сущим адом.

Тульчинское гетто по сравнению с концлагерем Печёра казалось земным раем. За пару месяцев бывший санаторий невозможно стало узнать. Евреи голодали, болели, замерзали, воды не было. Для того, чтобы напиться, надо было спускаться по сотне заледенелых ступенек, к Южному Бугу. Часто ослабленные, истощённые узники скатывались по этим ступенькам вниз и больше уже не поднимались. Началась повальная эпидемия тифа. Сотни евреев умирали от болезней, от голода и грязи. Мужчин, женщин, девушек подстригли наголо, и они стали похожи на чертей. Многие узники помнят и лагерных полицаев, отличавшихся особой жестокостью: Сметанский, Семеренко, Ружило, начальник полиции Кабенец, завхоз Бринзюк. Комендант жандармерии - румын Стратулат. Заместителем коменданта являлся румын по кличке Лев. Он и был как настоящий зверь, вечно ходил с собакой и плёткой, в любой момент мог спустить пса, чтобы тот разорвал несчастного в клочья. А завхоз Бринзюк забирал любую вещь узника за буханку хлеба.

Выживание в лагере. Бывшие узники также вспоминают, что лагерь был окружён высокой каменной стеной. Евреи любыми путями стали пробираться в деревню. Кто карабкался по каменной стене, кто плыл через Буг, чтобы выпросить кусок хлеба. Но, кто попадался в руки полицаям, особенно Сметанскому, тот, избитый до полусмерти, полз по стене обратно в лагерь и до вечера умирал от голода и побоев. Евреи пухли с голоду, полуживые, обмороженные скелеты выбрасывали в сарай, а потом подъезжали сани. И как дрова, начинали их грузить, чтобы отправить изможденные тела в последний путь. Кто не хотел умирать от голода, рисковал жизнью и пробирался в деревню. Жители соседних населённых пунктов помогали, чем могли. Если бы не они, никто бы из Печёрского лагеря в эту зиму не остался бы в живых. Узники из последних сил уходили в сёла, расположенные вокруг: в Забужжье, Выгнанку, Вышковцы, Рогизно, Данькивку, в дальние точки – в Бортники, Тарасовку, а иногда и через Буг добирались до Сокольца. Кому удавалось вернуться назад в лагерь, тот что-то приносил для своей семьи. Но многие не возвращались, замерзали на дорогах, обессиленные и истощённые.

«Помню, на дороге замёрзли Маня Арбитман с подругой Ханой Гарбер, а их матери умерли с голоду, не дождавшись своих дочерей. По дороге в Печёру был забит плётками узник по фамилии Кандобман, он

Вход на территорию санатория – бывшего лагеря смерти

до войны работал в Тульчинском банке. Он лежал на дороге и его грызли собаки, а его семья погибла с голоду. Не вернулся в лагерь и Велвел Ройтберг со своим старшим сыном. Их убили по дороге в селе Нестерварка, а дочь и жена умерли с голоду. Остался лишь младший сын, каким-то чудом он выжил, сейчас – в Израиле. В деревне Бортники был полицай Муха, настоящий изверг. Тех, кто попадал к нему в руки, он избивал до смерти и бросал в речку. В лагере Печёра оказались две сестры – хорошие портнихи из Молдавии. Измученные голодом, они ушли в село Бортники, чтобы выпросить или заработать кусок хлеба. По дороге их поймал Муха, завёл в лес и обеих повесил. В Бортниках имелся подвал, под ним находилась резиденция начальника полиции Новаковского. Кто из евреев попадался к Новаковскому в руки, тех он сбрасывал в этот подвал, на верную гибель». – вспоминала соседка семьи Краснер.

В лагере массово болели тифом, лекарств не было. Бывшие узники и сами не знали, как тогда выжили. Вместо воды они снимали замёрзшие сосульки с окон и облизывали их, меняли на хлеб последние сапоги.

«Я – не врач, а – палач…». В одну из страшных, холодных, голодных ночей 1942 года, из соседнего Тульчина в лагерь «Мёртвая петля» приехали врач Белецкий и фельдшер Гриценко. Когда они заглянули в бывшую усадьбу, ставшую логовом смерти для тысяч невинных людей, то увидели все эти нечеловеческие ужасы своими глазами: смерти, грязь, антисанитарию, болезни, голод, чудовищную обстановку. Многие люди лежали и уже не могли даже подняться. Каждый день из лагеря вывозили сотни замёрзших скелетов. Узники сходили от голода с ума, доходило до редких моментов каннибализма. Белецкий и Гриценко ничем не помогли несчастным, а велели устроить карантин, чтоб ни

один еврей не мог выйти по ту сторону лагеря. И тогда стали умирать ещё больше.

В лагере также находились «привилегированные» евреи – старосты, которые должны были смотреть за порядком. Среди них – староста Цимерман, врач Вишневский, который никого не жалел, Поля Зельцер – переводчица у коменданта, очень красивая женщина, из Северной Буковины, хорошо знавшая румынский язык. Заместитель коменданта лагеря был с ней в очень хороших отношениях. «Привилегированные» узники жили в домиках возле самых ворот лагеря, около комендатуры, в чистоте, не голодая и никому не сочувствуя. Беззащитные, больные люди уже не могли подниматься. Их врач Вишневский добивал плёткой. А когда его молили, чтобы он так не издевался, что он, мол, врач, тот отвечал: «Я – не врач, а – палач».

«Обезумевшие, голодные «скелеты». С горем, бедами, болезнями проходила зима. Потеплело. Кто оставался в живых, спускались к Бугу, обмывались, стирали последние лохмотья и опять стали пробираться в деревни. Если кому-то удавалось принести оттуда фасоль или горох, то разжигали на улице костёр и в котелках варили какую-то баланду. И если, в то время, когда узники ломали прутики, чтобы сварить похлёбку, попадался полицай, то избивал их до смерти. Иногда, когда эта похлёбка была уже готова, завхоз Бринзюк подходил и швырял её ногой – всё выливалось на землю.

Обезумевшие, голодные «скелеты» собирали с земли этот горох или фасоль, чтобы хоть немного утолить голод.

Некогда цветущий санаторий, за зиму 1942 года превратился в средоточие боли, смерти, ужаса. Вместо умерших, замёрзших и погибших на дорогах евреев, стали привозить новые партии узников из Северной Буковины, Черновцов, Бессарабии. Мест для «новичков» в основном корпусе лагеря уже не было. Их загоняли в конюшни, где они постепенно вымирали.

«У нас уже абсолютно ничего не оставалось из вещей, чтобы поменять на хлеб, и мы падали в обморок от голода. Тогда моя мать стала рисковать жизнью, искать всякие пути для выхода в деревню, чтобы только спасти нас от голодной смерти. Много раз она возвращалась побитая, но кое-что приносила нам. Но вот как-то наступил один день, когда из лагеря никто не мог уйти, на каждом углу была выставлена охрана. Наша семья – на грани голодной смерти! И тут в лагере появился полицай Сметанский и спросил хорошую портниху. Никто

даже не осмелился ему что-то ответить или посмотреть в его сторону. Но моя мать, видя, как мы голодаем, подошла к Сметанскому и сказала, что она – портниха и согласна пойти к нему работать. Мать ушла с ним, и мы все считали, что она больше не вернётся, что мы все пропадём. Но мама проработала у этого изверга целую неделю. Её, конечно, кормили и кое-что передавали нам в лагерь. Когда она закончила работу, Сметанский дал ей кое-что из продуктов и проводил обратно в лагерь. Как-то, в один морозный день, мать с соседкой по палате решили добраться до Тульчина, чтобы выпросить у наших соседей что-то из старой одежды. Но в Тульчине, в гетто, их никто в квартиру не пускал. Пока они бродили по гетто, их поймали полицаи и отвели в полицию. Там начальник полиции Стоянов их избил как следует и велел убираться в Печёру. По дороге их заметили местные жители – украинцы и вынесли им кое-что из старой одежды, указав окольные дороги, и они еле – еле добрались назад, в концлагерь.» – рассказывала соседка семьи Краснер.

В лагере, даже в таких тяжелейших условиях, бывший кантор синагоги Иосиф Краснер не мог отказаться от соблюдения еврейских традиций. По утрам, из последних сил он вставал, надевал свою молитвенную одежду, талес и молился утром и вечером, каждый день, но его молитвы, видно, до Б-га не доходили. Троих его дочерей и сестру, немцы забрали на работу и там убили. В палате, где находились Краснеры, в живых пребывало 13 человек из сорока.

«Грудных детей не осталось». Летом 1942 года в лагерь стали приходить страшные вести. Жителей Печёры и окрестных сёл принялись сгонять группами, чтобы копать ямы. Кто-то говорил, что их роют для евреев, что скоро начнётся погром. Но толком никто ничего не знал. Узники пребывали в страхе и в тягостных ожиданиях. В «Мёртвой петле» к этому времени появились и новорожденные дети.

Продолжим воспоминания соседки семьи Краснер: «В этом аду родился ребёнок у моей тёти, маминой сестры Фрейды. Её старшие дети уходили в деревню и выменивали последние вещи, чтобы прокормить мать с малышом. Каждый карабкался, как мог, чтобы выжить. Кому-то удалось бежать в гетто Бершади. И вот настал тот жуткий, чёрный день. В лагерь ворвались эсэсовцы на машинах и стали плётками выгонять всех евреев из палат на улицу. Они кричали, что, мол, всё уже для вас готово. О том, что должны были приехать эсэсовцы, знал румынский комендант, но не имел понятия, в какой именно день. Поля Зельцер с семьёй, из «привилегированных» лагерных евреев, и ещё две семьи –

успели спрятаться в деревне, но своего дядю, старого Зельцера, бездушная племянница даже не предупредила».

Многие евреи стали прятаться в кустах, в подвалах. Тех, кого находили, немцы расстреливали на месте, а потом стали сортировать узников: кого по одну сторону – тех забирали на работу, кого по другую – должны были везти убивать. Маленьких детей эсэсовцы выдирали из рук матерей, хватали за ножки и расстреливали в упор, разбивали их головки о местный каменный фонтан. Фрейда, тётя соседки семьи Краснер, чтобы не видеть таких ужасов, оставила своего новорожденного ребёнка в кустах. После того, как немцы уехали, и она подошла за ним, бедный малыш уже не подавал признаков жизни. Тем временем, узников поместили в пяти машинах, разделив с родителями и близкими. Транспорт двинулся, а евреев, которые остались в лагере, выстроили в колонну и должны были везти убивать.

«Остались живы...». В это время, комендант жандармерии Стратулат находился в районном центре Шпикове. Когда немцы приехали в «Мёртвую петлю», заместитель коменданта сразу позвонил Стратулату в Шпиков. И тот сразу приказал кучеру гнать лошадей в Печёру. Колонны узников уже должны были выходить из лагеря, но Стратулат остановил немцев. Через несколько минут он ответил злодеям, что тех евреев, которые уже уехали, он не вернёт назад, а этих узников убивать на румынской стороне не даст.

И немцы тут же уехали, а комендант стал кричать евреям: «Идите в лагерь, кричите, плачьте и молитесь Б-гу, что вы остались живы!» Если бы он промедлил ещё минут десять, то все узники Печёры были бы убиты.

Все стали плакать, молиться и опять возвратились в лагерь, но кто-то и не был рад, желая поскорее завершить свои муки и расстаться с такой чудовищной, мрачной «жизнью». После этого налёта грудных детей в лагере почти не осталось.

В конце лета 1942 года Дору Краснер с мамой, Григория Краснера – как «нужного специалиста», трёх дочерей Иосифа Краснера – Иту, Бетю, Молу, сестру Иосифа – Бобу, Лизу Гринберг и ещё двух девушек из Тростянца – забрали из лагеря на работы.

Григорий попал в гетто Тульчина, его профессия спасла жизнь ему и его маленькому сыну. В гетто он выжил, встретив долгожданное освобождение с сыном Мишей на руках.

Могила Арона Краснера на старом еврейском кладбище Тульчина

У Лизы Гринберг в Печёре остались старики – мать и отец, двое маленьких детей-близнецов, которые без еды высохли, как скелетики, и их, ещё полуживых, выбросили в комнату для мертвецов. Спустя месяц после разлуки с Лизой Гринберг, её мама и папа, как и их внуки, умерли в лагере мучительной, голодной смертью.

Долгожданное освобождение. 14 марта 1944 года Печёру освободил капитан Красной Армии Борис Шлёмович (Семёнович) Нейман со своим отрядом. Он первым вступил на территорию концлагеря. У него был приказ двигаться дальше, на запад, но когда стало известно, что в лагере томятся еврейские узники, он изменил маршрут и стал для многих «ангелом-спасителем». Ворвавшись в лагерь, увидев происходящее там, он приказал немедленно развернуть полевую кухню для узников. Из воспоминаний Бориса Неймана – полковника в отставке: «По приказу генерал-майора И.Н. Конева, я с разведвзводом, первым ворвался в лагерь Печёра. Разоружили румынских вояк. Со всех сторон лагеря, по последнему снегу ползли люди. Простите,

Майор Б.Ш. Нейман. 1945 г. Григорий Краснер, его дочь Галя (слева) и Эсфирь Янкелевна Бартик, тоже бывшая узница

то, что оставалось от них – кожа и кости. Люди плакали, смеялись, гладили нас. Не верили, что после таких адских мук пришло к ним освобождение. Запомнили навсегда, такое – не забывается». *(Из статьи американской журналистки, исследователя Елены Цвелик*[1]*.*)

Мирная жизнь. В середине марта 1944 года Красная Армия освободила Тульчин. Уцелевшие узники вернулись домой. Но на прежних местах им тоже пришлось весьма непросто. Их старые жилища были заняты местным населением, уничтожены или абсолютно разграблены. Григорий Краснер – хороший, опытный мастер своего дела, обувщик с сыном на руках – смог не пропасть, выстоял, честно зарабатывая свою копейку. Часто с ним расплачивались продуктами, потому что денег ни у кого не было.

Семья Григория Краснера. Слева направо: Миша, сын Григория от первого брака, супруга Григория – Гитя, их дочь Галина и сын Эдуард, жена Михаила, сам Григорий и его внуки от Михаила. 1969 год, Тульчин.

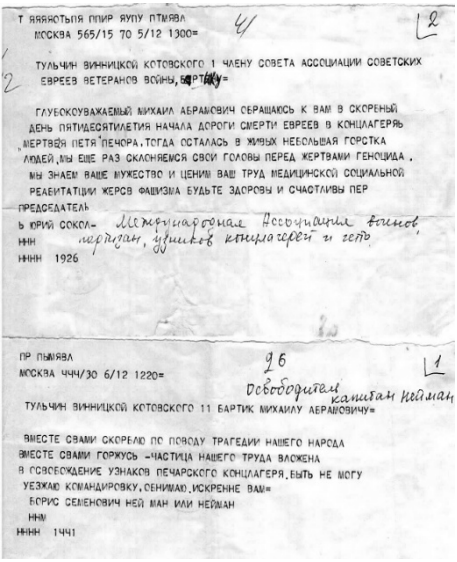
[1] *(https://berkovich-zametki.com/2014/Starina/Nomer3/ECvelik1.php Иные сведения о судьбе капитана Неймана нам с Е. Цвелик найти пока не удалось.)*

Григорий Краснер (слева) и Юрий Тираспольский, бывший узник лагеря смерти.

Он обучил многих молодых людей из лагеря, чтобы они после освобождения тоже смогли обеспечивать себя и свои семьи. Среди них – и Михаил Абрамович Бартик, будущий глава Союза бывших Тульчинских узников концлагеря и гетто. Григорий Краснер работал в обувной артели Тульчина «Кожтруд».

А когда в городе восстановили разрушенную обувную фабрику, перешёл в неё, также долгие годы «вкалывал» на Быткомбинате. В «Мёртвой петле» он потерял свою первую жену. После войны нашёл прекрасную, еврейскую спутницу жизни – Гитю, которая находилась в эвакуации в годы войны, потерявшую на фронте первого мужа. По иронии судьбы, фамилия её погибшего мужа тоже была Краснер. Григорий создал с ней счастливую семью, в которой родилось и выросло ещё двое детей, включая моего собеседника – краеведа, хранителя памяти о Холокосте Эдуарда Краснера. Умер Григорий Моисеевич в 1980 году и похоронен на старом еврейском Тульчинском кладбище, рядом со своим младшим братом Ароном. Никаких статусов, свидетельств о его пребывании в лагере, как и выплат – он получить не успел…

Т ЯЯЯЮТЫЛЯ ПЛИР ЯУПУ ПТМЯВЛ
МОСКВА 565/15 70 5/12 1300=

ТУЛЬЧИН ВИННИЦКОЙ КОТОВСКОГО 1 ЧЛЕНУ СОВЕТА АССОЦИАЦИИ СОВЕТСКИХ ЕВРЕЕВ ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ, БАРТИКУ=

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ МИХАИЛ АБРАМОВИЧ СЕРАЩАЮСЬ К ВАМ В СКОРЕНЫЙ ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЧАЛА ДОРОГИ СМЕРТИ ЕВРЕЕВ В КОНЦЛАГЕРЯЬ МЕРТВЕЯ ПЕТЯ ПЕЧОРА. ТОГДА ОСТАЛАСЬ В ЖИВЫХ НЕБОЛЬШАЯ ГОРСТКА ЛЮДЕЙ, МЫ ЕЩЕ РАЗ СКЛОНЯЕМСЯ СВОИ ГОЛОВЫ ПЕРЕД ЖЕРТВАМИ ГЕНОЦИДА. МЫ ЗНАЕМ ВАШЕ МУЖЕСТВО И ЦЕНИМ ВАШ ТРУД МЕДИЦИНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ФАШИЗМА БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ И СЧАСТЛИВЫ ПЕР ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
Ь ЮРИЙ СОКОЛ-
ННН 1926

ПР ПЫЯВЛ
МОСКВА ЧЧЧ/30 6/12 1220=

ТУЛЬЧИН ВИННИЦКОЙ КОТОВСКОГО 11 БАРТИК МИХАИЛУ АБРАМОВИЧУ=

ВМЕСТЕ СВАМИ СКОРЕЛЮ ПО ПОВОДУ ТРАГЕДИИ НАШЕГО НАРОДА
ВМЕСТЕ СВАМИ ГОРЖУСЬ -ЧАСТИЦА НАШЕГО ТРУДА ВАСЖЕНА
В ОСВЕСВЕЩЕНИЕ УЗНАКОВ ПЕЧАРСКОГО КОНЦЛАГЕРЯ. БЫТЬ НЕ МОГУ
УЕЗЖАЮ КОМАНДИРОВКУ. СЕНИМАЮ. ИСКРЕННЕ ВАМ=
БОРИС СЕМЕНОВИЧ НЕЙ МАН ИЛИ НЕЙМАН
ННМ
ННН 1441

Переписка Б.Ш. Неймана и М.А. Бартика в послевоенное время

Автор благодарит Эдуарда Краснера (Израиль) за помощь.

Исаак и Сима Говшиевичи. Страшные свидетельства Холокоста

Недавно мне в руки попали новые страшные свидетельства Холокоста от пережившего ужасы румынской оккупации, бывшего тульчинца Исаака Евсеевича Говшиевича, с которым мы смогли поговорить лично. А записи о лагере смерти своей супруги Симы, недавно покинувшей этот мир, наш герой отдал мне, сохранёнными на листах бумаги. Сегодня, вместе со своими близкими, он живёт в американском г. Портленд, штат Орегон, стараясь наслаждаться каждым прожитым днём. Но ни на секунду не забывает о том, что произошло с ним много лет назад, и как он чудом сумел уцелеть. Предлагаем вам ознакомиться с воспоминаниями Исаака и его жены Симы. Надо отметить, что все истории выживших узников «Мёртвой петли» – чем-то похожи, но в тоже время, они – очень разные. Объединяет героев этих тяжелейших рассказов одно, все они – случайно выжившие.

* * *

Из воспоминаний Исаака Говшиевича: Я – бывший малолетний узник Печёрского концентрационного лагеря «Мёртвая петля» Тульчинского района Винницкой области. Родился в 1931-ом году в большой, дружной еврейской семье ремесленников. Все Говшиевичи были прекрасными шапочниками. До Великой Отечественной войны я успел окончить два класса украинской школы № 2. В сорок первом году, когда немцы напали на нашу страну, мне было 10 лет.

Исаак Говшиевич во время службы в Советской Армии

Супруги Говшиевичи *Сима Говшиевич (Кабацкая)*

Оккупировав Тульчин и соседние местечки, пособники нацистов румыны, как и украинские полицаи – сразу начали издеваться над еврейским населением. Их задача была полностью уничтожить еврейский народ. В 1941 году, в декабре, нас выгнали из дома и направили толпой в лагерь «Мёртвая петля» в селе Печёра, в сопровождении полицейских и собак, через Тульчин – Копиовка – Торков – Печёра. Много пожилых, обессиленных людей, которые уже сами не могли идти, падали, и их по дороге расстреливали. Они так и остались лежать в этих канавах. Нас охраняли румыны и полицаи из украинского населения. После тяжелейшей дороги, нас поселили в здании бывшего туберкулёзного санатория, задний двор которого смотрел на реку Южный Буг.

В комнатах, где мы находились, было очень скученно, мы спали на холодном цементном полу, по 30-40 человек – нас ожидали абсолютно нечеловеческие условия, нацеленные на то, чтобы мы поскорее умерли тяжёлой, мучительной смертью! Нас морили голодом, не давали еды и воды, я ломал сухие ветки, меняя их на похлёбку, чтобы выжить. Старший брат с отцом ходили и меняли вещи, просили еду. Трудно сказать, сколько евреев пыталось перебраться на другую сторону высокого каменного забора этого адского, злосчастного санатория, чтобы принести хоть какие-то объедки своим несчастным родным! Узники прозвали лагерь «Мёртвая петля» как раз из-за этого высокого забора, не дающего оттуда выбраться, как бы постепенно «затягивая верёвку» на наших

Каменные ворота лагеря «Мёртвая петля»

шеях. Многие «непослушания», такие, как например – отправиться через забор за крохами пропитания для себя и своих родных – карались расстрелом, смертельными избиениями. Везде находились полицаи. Люди умирали каждый день в огромном количестве от холода, голода, грязи, тифа, кошмарных условий.

В нашей комнате нельзя было просто прилечь и расслабиться. Если кто-то выходил из неё – его место сразу занимали другие. Этот высокий каменный забор, не выходящий из головы, до сих пор напоминает всем нам, что пережили евреи моего времени. На свой страх и риск родители, старшие братья и сёстры, движимые голодом, все-таки перебирались через эту немыслимую преграду и шли в близлежащие села, добывать еду, по дороге они были избиты, замерзали и не все из них возвращались назад, обрекая своих немощных родственников, оставшихся в Печёре, на голодную смерть. Иногда, некоторые жители соседних сёл перебрасывали что-то съестное ночью через забор, чтобы чуть поддержать несчастных «скелетов». Кто из узников первым это словил, тот и съел. С соседями, «чужими» евреями – редко, кто делился. Многие, даже дети, отправлялись румынами на принудительные работы – никого не жалели. Днём мы были рабами, а ночью – охотниками за едой.

Как-то раз, моя сестра Хона убежала в соседнее село Бортники, чтобы добыть что-то съестное для своих голодающих в Печёре детей. Позже мы узнали, что она была поймана и расстреляна полицаями. В 1942 году моя мать Рейза умерла в лагере от голода и тифа. Летом 1942-го года, многие были забраны на работы. Никто не вернулся. Нас, из огромной семьи, в лагере уже осталось всего трое – отец, брат Яша и я. Этим же летом 1942-го года немцы заставили местное население копать большие ямы. Они предназначались для оставшихся в лагере «Мёртвая петля». После того, как оккупанты нас чуть не расстреляли, мы с отцом и старшим братом Яшей, в сопровождении проводника Ромы Ланда, совершили ночной побег из лагеря, передвигаясь по местности

практически в ночное время, чтобы нас не встретили румыны и полицаи. Бежали, куда глаза глядят, лишь бы подальше от «Мёртвой петли».

В селе Клебань нас поймали, привели в комендатуру и заставили убрать территорию, а на второй день – повели в Тульчин. В Тульчине над нами издевались, как могли, старшим велели танцевать, а нам, детям – петь песни. Мы побыли там два дня, убрали территорию, и нас погнали обратно в Печёру через Брацлав и Вышковцы. В селе Вышковцы полицай отпустил нас, чтобы мы далее сами добирались в «Мёртвую петлю». Но мы, естественно, туда не пошли, а завернули через Бортники и так добрались до гетто Ольгополя в Чечельницком районе Винницкой области. Там уже находилась на работах наша сестра. В Ольгополь прислали около 1000 евреев. Там же остались работать мой отец, мой друг, с которым мы бежали из Печёры – Рома и мой старший брат Яша. Я тоже вынужден был трудиться на пособников нацистов, чтобы выжить, например, пас корову у одной хозяйки. Рядом со мной находились мальчики, которые пасли скот вместе со мной. Както раз, они начали кричать в мой адрес – «жид», «жид»!

Хозяйка испугалась, что придут румыны и убьют ее. И я пошел к другой женщине, ухаживать за больным мужем в этой семье. Прошло 3-4 месяца, мой подопечный умер, и я стал уже не нужен этим «хозяевам».

Тогда, чтобы выжить, я принялся вкалывать на всех черновых работах у другого человека, который держал буфет, находившийся напротив комендатуры: помогал ему резать свиней, делал колбасу, а также самогонку и приносил все эти продукты в буфет, за что меня кормили. Прошло некоторое время, и дочка хозяина буфета вышла замуж, а я потерял эту работу – моё место занял зять хозяина. После чего, меня приняли в столовую, где

Хона Говшиевич,
старшая сестра Исаака,
убитая полицаями в селе Бортники

уже тяжело трудились мой брат Яша, наш друг Рома и один еврейский парень из Румынии. Мы носили воду, ходили на базар покупать продукты, а также помогали на кухне. За это нас кормили. Лично я делал все, что мне приказывали, чтобы получить хоть крошку зацветшего хлеба или шелуху от картофеля.

В марте 1944-го года Красная Армия освободила Ольгополь, и мы сразу направились назад, в Тульчин. По дороге, на наш город шли танки красноармейцев, и нас, обессиленных, посадили на них, таким образом мы добрались до родных краёв. От нашего старого дома в Тульчине к тому моменту ничего не осталось, сплошные руины. Наше имущество было разобрано местными жителями и полицаями. Мы начали жить полностью с нуля, в заброшенной части здания другого еврея, который не пережил войну.

Из большой еврейской семьи Говшиевичей после войны осталось всего шестеро. Слева направо: братья и сёстры Яков, фронтовик Лев, Исаак, сестры Клара и Татьяна, отец семьи Евсей Говшиевич. Клара (слева, в нижнем ряду) – в период войны находилась в Иркутске. Она – единственная, кто пытается улыбнуться на этом фото

Вскоре, с фронта вернулся наш старший брат Лев Евсеевич Говшиевич, из Иркутска приехала сестра Клара. Старшие вышли на работу, чтобы нас поддерживать, и чтобы я смог окончить школу. Ранее, как я уже говорил, у нас была большая, дружная, крепкая, счастливая еврейская семья – 25 человек, но после войны, нас осталось всего лишь шестеро. В лагере выжила ещё моя сестра Таня, её потом забрали на работу в село Рожны, на винный завод, где она «вкалывала» на оккупантов до освобождения. В 1951 году я был призван в ряды Советской Армии и попал в г. Чита, где прослужил три года. После, закончил торговый техникум в Виннице и стал работать по специальности в торговой сфере Тульчина, счастливо женился, со своей любимой женой Симой мы прожили более 70-ти лет.

Исаак Евсеевич Говшиевич с женой Симой. г. Тульчин

Из воспоминаний бывшей узницы лагеря «Мёртвая петля» Симы Говшиевич (Кабацкой) (1933-2022): «Я родилась в 1933-м году. Мы жили в Брацлаве Винницкой области, что рядом с Тульчином, с мамой, папой и сестричками. У меня были 2 младшие сестры, Поля и самая младшая, имени её никто не помнит. Самая младшая была грудным ребенком, она умерла в лагере от голода, сразу после того, как погибла наша мама Двойра.

Когда началась война, отца забрали в армию. Я с мамой и сестричкой Полиной – три месяца находилась в Брацлавском гетто. Потом нас выгнали в лагерь Печёра. Однажды, ненадолго покинув его, моя мама отправилась выпрашивать что-нибудь из крошек еды, чтобы накормить нас с сестрой, вернулась в Брацлав, пошла к нашему дому. Там её поймал полицай. Взяв с мамы денег, как бы за «откуп» и за дальнейшую «свободу», он затем её застрелил, забрав всё, что оставалось в нашем доме на глазах других, обезумевших от ужаса евреев.

Сёстры Сима (слева) и Поля (справа) Кабацкие.
В центре - Сима Бронштейн, двоюродная сестра девочек. Она была с ними в лагере и в детдоме в Балте. Послевоенное фото. г.Брацлав.

Узники гетто Брацлава видели это, но не смогли воспрепятствовать негодяю. Они похоронили маму возле церкви. А после войны её перезахоронили на еврейском кладбище в Брацлаве. Так, я, семилетняя девочка, с двухлетней сестрой Полей, остались в лагере смерти совсем одни.

Когда румынские оккупанты увидели, что в «Мёртвой петле» собралось много детей – сирот, нас перевезли в город Балта Одесской области в холодный, неприветливый, голодный, мрачный приют. Кормили там весьма скудно, и мы, еврейские детишки убегали из детского дома просить еду у местного населения. Так мы с сестрой и прожили там до освобождения. Затем тётя Утя, сестра отца, приехала и забрала нас в Брацлав. Там имелся детдом, куда она нас определила, так как наш папа ещё не вернулся с фронта. Когда отец пришел с фронта, то забрал нас домой. Мы голодали. Отец начал работать на черновых работах, чтобы прокормить себя и детей, потом снова женился на еврейской женщине. Моя мачеха была хорошим человеком, заботилась о нас с сестрой как могла, помогла мне после школы продолжить учёбу, получить среднее профессиональное образование. Я закончила 7 классов школы и поступила в Тульчинское медицинское училище. Когда Исаак Говшиевич пришёл из армии в 1954 году, в ноябре, мы сыграли свадьбу».

Автор благодарит Елену Говшиевич (США), внучку Исаака, а также краеведа Эдуарда Краснера (Израиль) за неоценимую помощь в подготовке этой публикации.

Страшная история Фриды Бурбан: «Осталась совершенно одна…»

Концентрационный лагерь Печёра был создан румынской оккупационной администрацией в одноимённом селе на берегу реки Южный Буг, на закрытой территории бывшей усадьбы графов Потоцких, которая после революции 1917 года была преобразована в туберкулёзный санаторий. Расположенный в румынской зоне оккупации (Транснистрия) лагерь находился под наблюдением румынской жандармерии и охранялся украинскими полицейскими. С ноября 1941 года евреев из близлежащих мест, в том числе Тульчина, Брацлава, Шпикова, Тростенца, а позже из более отдалённых районов, таких как Могилёв-Подольский, свозили в Печёрский лагерь. Туда также отправляли евреев из Бессарабии и Буковины. В лагере заключённые погибали от голода и болезней. Кроме того, сотни заключённых были насильственно депортированы дальше на восток, через реку Буг для работы в лагерях рабского труда на оккупированной немцами территории, где почти никто не выжил. Инспектор жандармерии Транснистрии прямо заявил в октябре 1942 года, что Печёрский лагерь был создан «исключительно» с целью уничтожения заключённых. В настоящее время не известно о каких-либо фотографиях действующего лагеря, но имеются многочисленные свидетельства выживших заключённых. Начальником лагеря был командир румынских жандармов по фамилии Стратулат.

Для многих семей в Печёре выживание было возможно только путём обмена последней одежды и имущества на еду у окрестных крестьян, которые собирались у ворот лагеря. Многие выжившие дети позже рассказывали, что ускользали из плохо охранявшегося лагеря и просили подаяние в селе Печёра и в близлежащих населённых пунктах. Многие выжившие были обязаны своей жизнью щедрости местных жителей, которые кормили их и давали им кров. Мёртвых увозили в братские могилы, в траншеи на окраине села и на близлежащее еврейское кладбище. К моменту освобождения лагеря Красной Армией 14 марта 1944 года, там оставалось в живых не более 1600 узников. О Печёрском лагере израильский режиссер Борис Мафцир снял документальный фильм «Мы позволим тебе умереть». Одна из выживших в этом жутком месте – наша героиня, о которой далее пойдёт речь.

Фрида Бурбан (Вильгер) (1932–2015) до девяти лет жила в довольно зажиточной по меркам местечка еврейской семье, в посёлке Шпиков Тульчинского района Винницкой области. Перед войной здесь

Фрида Бурбан (Вильгер)

проживало 895 евреев (18% населения). У неё были мама, папа, сестра. В 1941 году девочка успела закончить три класса школы. Но насладиться своим беззаботным детством она не успела. Фрида даже не знала точно в какой день она родилась. После войны, по словам её дочери Раисы Барабаш, живущей сегодня в Израиле, родственники всегда отмечали её день рождения на Рош-а-Шона, а в израильском паспорте бывшей узницы концлагеря написано: «4 сентября 1932 года». «До сих пор не представляю, как наша мама всё это прошла, как она вообще выжила в таком аду?!» – вздыхает Раиса.

Фрида – малолетняя узница концлагеря «Мёртвая петля». Летом 1941 года Шпиков был оккупирован германскими войсками и позже включён в состав Транснистрии. Оккупанты врывались в дома, грабили, гнали людей на работу, избивали их до полусмерти. 7 декабря 1941 года всему еврейскому населению Шпикова приказали собраться возле комендатуры с вещами. Несчастных долго гнали в сопровождении полицаев и собак. По дороге они останавливались в каком-то селе, где узники жили в конюшне, потом снова мучительная дорога…

И так пока все они не оказались в селе Печёра. «Нас поместили в неотапливаемом помещении. Мы лежали на голом, холодном цементном полу. С собой у нас было только то, что мы смогли захватить из дома – нехитрый скарб в узелках. Позже в это помещение было согнано очень много евреев из Винницкой области и из Молдавии. Повсюду царили ужасная скученность, голод, холод, болезни. Территория была ограждена высоким каменным забором и хорошо охранялась украинскими полицаями с собаками. Сразу начали свирепствовать брюшной тиф, дизентерия, чесотка, люди стали массово умирать. Нас никуда не выпускали, не кормили, только издевались. Сначала от брюшного тифа погибли мои дедушка и бабушка. Зимой 1942 года от сердечного

приступа умер мой отец, Пиня Моисеевич Вильгер, ему было всего 42 года. Спустя месяц моя мама, Рива Юрьевна, пыталась выйти с территории концлагеря, чтобы найти нам с сестрой что-то поесть и была зверски избита охранниками. Спустя два дня она скончалась. И мы со старшей сестрой Фримой остались совсем одни. Кто как мог добывал еду, а мы с сестрой были лишены этой возможности, оставшись в заключении полностью разграбленными, без всего и без всех. Есть нам было нечего, зима выдалась невероятно холодная…» – вспоминала Фрида.

Вскоре старшая сестра Фрима (1929 г.р.) заболела дизентерией и, в марте 1942 года умерла. Фрида Вильгер, ещё совсем ребёнок, осталась в концлагере совершенно одна. От голода и холода слегла с ревматизмом и язвой желудка. Она потом не раз говорила, что каждый день в «Мёртвой петле» массово гибли люди. Трупы лежали прямо в помещении, затем за ними приходили погребальщики, раздевали их, сбрасывали на подводу и отвозили в ближайший лес, где для тел, замученных и убитых были вырыты большие канавы. От верной смерти осиротевшую девочку спасла её тетя, Геня Яковлевна Манелис, которая её случайно нашла. «Помню, старшая сестричка перед смертью шепнула мне, что где-то там видела нашу тётю. И мы каким-то чудом с ней встретились. Тётя потеряла в концлагере своего двухлетнего сына – малыш погиб от невыносимых условий жизни. Она осталась с двухлетней дочерью. Там же погибла и моя тётя - Хейвэд Моисеевна Вильгер».

Так они начали выживать втроём. По ночам Фрида, тётя и её дочка выбирались через высокий забор в село, где истощённых людей подкармливали местные жители. Тётя Фриды, профессиональная портниха, понемногу шила для местных крестьян, а они давали ей за это какую-то еду. Так они и спаслись от голодной смерти. Перед освобождением, весной 1944 года, концлагерь был окружён плотным кольцом румын, людей никуда не выпускали. Оккупанты хотели расстрелять всех, оставшихся в живых узников, чтобы замести следы своих страшных преступлений, но не успели.

После освобождения появилась новая беда: земляки рассказали Фриде, что их прежний дом в Шпикове полностью разрушен, от него осталась большая яма, а имущество семьи Вильгер разграблено. Девочке с тётей и с её дочкой совсем некуда было идти. Но мир не без добрых людей, и тётю с её дочкой приютила в своей части дома в Тульчине их бывшая соседка по Шпикову.

Фрида с мужем и детьми. Тульчин

Сама же Фрида покинула концлагерь с «букетом» приобретённых в Печёре тяжёлых заболеваний, включая лишай и облысение. Её тётя, имея на руках ещё и свою дочку, физически и материально не могла в одиночку лечить, кормить Фриду, заботиться о ней, пока та находилась в таком чудовищном состоянии.

И поэтому, ради её же благополучия, тётя Геня отправила Фриду в детский дом в Гайсине. Потом девочка признавалась, что только там, впервые с момента попадания в «Мёртвую петлю», она хорошо поела. В детском доме новенькую подлечили, подкормили и восстановили ей рост волос. После трёх лет в приюте, подлеченная и окрепшая, завершившая изучение школьной программы, наша героиня вернулась к тёте в Тульчин. Втроём они обосновались в одной комнатёнке. Надо было на что-то жить, а содержать Фриду было некому. Тётя Геня работала портнихой в местном ателье. И Фрида тоже отправилась на работу, она посменно трудилась швеёй на местной швейной фабрике.

Через некоторое время она познакомилась со своим будущим мужем, Цалем Хаимовичем Бурбаном (1927–1989), который вместе со своей семьёй прошёл все ужасы гетто Тульчина. Его отец был там маляром. В гетто, как говорит Раиса, очень нужны были представили этой специальности. А в 1944 году, после освобождения, будущий супруг Фриды был призван в Красную Армию и служил семь лет. В 1951 году он вернулся в Тульчин, а в 1952 году Фрида Вильгер вышла за него замуж. «У нас была очень хорошая семья. Когда в 1954 году я родилась, мама ушла с работы, так как сидеть со мной было некому. Потом родился младший братик. Отец сам нас обеспечивал. Тётю Геню мы звали бабушкой, ещё не зная, что у нас нет бабушек и дедушек со стороны мамы. Дочка тёти Гени тоже выросла, закончила школу и стала портнихой в Тульчинском ателье. Помню, я ещё ходила в школу, и мама мне постоянно рассказывала про лагерь, про всё, что ей пришлось пережить. Каждый год мы с ней ездили в лес, к тому самому рву, где расположена большая братская могила, унёсшая жизни более четырёх тысяч человек» – вспоминает Раиса Барабаш.

В конце 80-х - начале 90-х годов глава Союза бывших малолетних узников Тульчинского гетто Михаил Бартик, также переживший в детстве этот страшный концлагерь и потерявший там родных, младшего братика, стал добиваться, чтобы евреев Тульчина и окрестностей, прошедших гетто и концлагерь в Печёре, признали жертвами Холокоста, для получения ими денежных компенсаций. И активно принялся составлять списки жертв Холокоста Тульчинского района, которые сегодня хранятся в Винницком архиве. Туда вписана и Фрида, нашедшая свой вечный покой в Израиле...

Нелли Пехотник: «Война, побег из лагеря «Мёртвая петля», послевоенная жизнь, трудности репатриации...»

Нелли Пехотник – Глинер – жительница Ашдода, репатриантка из бывшего СССР. Мы поговорили с ней о её детстве в Тульчине, которое она никогда не забудет, об её отважных предках, прошедших Великую Отечественную войну и Холокост, о том, с какими ужасами родным Нелли пришлось столкнуться в период уничтожения евреев в оккупированной румынами части Украины и голодного послевоенного времени, какие трудности ждали её семью после переезда в Израиль. Возможно, кому-то пригодится бесценный опыт нашей героини и её близких – настоящий пример еврейской силы, смелости, мужества и стойкости. Когда люди, несмотря на все, выпавшие на их долю трагические испытания судьбы, сохранили свою любовь, веру и желание жить.

О Тульчине. Лагерь «Мёртвая петля» и побег из него. В Тульчине с 1922 года проживали мои родные и близкие – бабушка с тремя детьми и мужем. Когда дедушка с бабушкой поженились, то сразу переехали в Тульчин и поселились в двухэтажном доме, недалеко от бывшей швейной фабрики, можно сказать, создав в этом городе родовое гнездо. Там у них и родилось трое детей. До сих пор помню любимый, солнечный городок моего детства, где гостила в тёплом, гостеприимном доме моих дедушки и бабушки. Эти воспоминания – всегда со мной и греют меня всю жизнь. Мой дедушка, мамин папа Меер Беркович Гутарц (1902-1977), родился в селе Вороновица *(ныне – Винницкой области)*, являлся участником Великой Отечественной войны, красноармейцем 93-й танковой бригады. 16 марта 1945 года – он был награждён медалью «За отвагу». В мирной жизни он работал мужским парикмахером, весь Тульчин его знал, очень любил и приходил к нему на качественную стрижку. Моя бабушка, мамина мама – Пироговская – Гутарц Лея Срулевна (Израильевна) (1901-1981), родилась и до замужества проживала в местечке Шпиков *(ныне – Винницкой области),* была домохозяйкой. В 1923 году у них родилась старшая дочка Татьяна, в 1927 году – дочка Софья (Соня, моя мама) и в 1937 году – сын Борис. Когда началась война, в первые её дни, дедушку сразу призвали на фронт. Его отправной точкой стала Хацапетовка – там формировалась танковая часть. Меер Беркович начал служить в её составе, прошёл

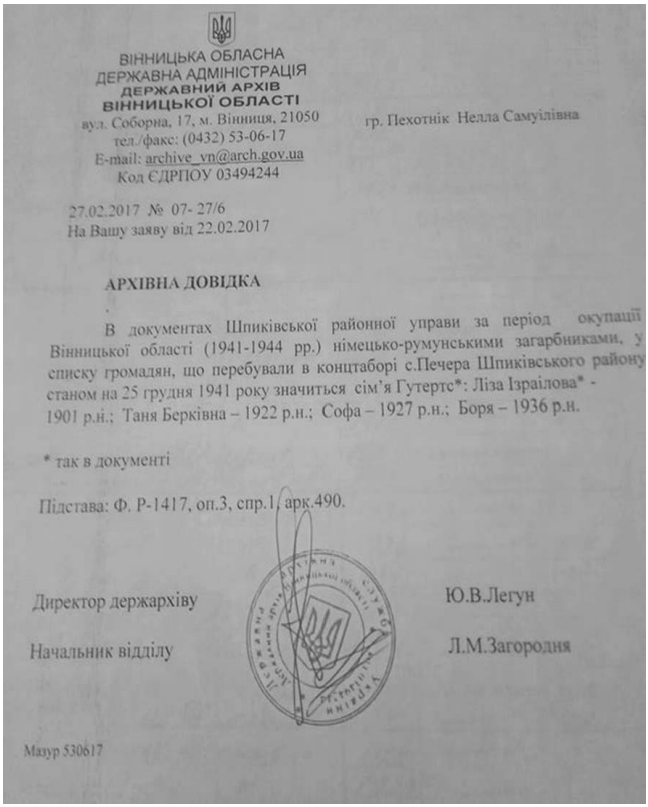

После освобождения из лагеря «Мёртвая петля». Лея Гутарц вместе с детьми: Татьяной, Софой и Борей

весь долгий фронтовой путь, дойдя до Польши. В 1945 году дедушка вернулся в Тульчин. Бабушка во время оккупации находилась в Тульчине, как все, оставшиеся там евреи, попала сначала в гетто, а потом, с тремя детьми (Таней, Соней и Борей) её отправили в лагерь «Мёртвая петля» в Печёре. И там она прошла все те же ужасы, что и остальные заключённые – голод, холод, лишения, смерти, побои, унижения, нечеловеческие условия существования. До сих пор помню у неё на спине многочисленные отметины побоев, в виде звёздочек от нагайки.

Эти шрамы остались с ней на всю жизнь. В лагере они находились до конца 1943 года. А потом ей с сыном и младшей дочкой, удалось бежать. До сих пор мне неизвестно, бежали ли они сами, или были люди, которые им помогли. А бабушкина старшая дочка Татьяна оставалась на работах у румын. И была договорённость, что, если им удастся убежать, она последует за ними, понимая, где её родные будут прятаться. Моя тётя Таня так и поступила, самостоятельно добираясь до села Мурафы в Шаргородском районе, также под оккупацией румын. Там, в двухэтажном доме, заботливо построенном своими руками, проживала бабушкина старшая сестра. И беглецы отправились к

Справка о пребывании Гутарцев в концлагере «Мёртвая петля»

ВІННИЦЬКА ОБЛАСНА
ДЕРЖАВНА АДМІНІСТРАЦІЯ
ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ
ВІННИЦЬКОЇ ОБЛАСТІ
вул. Соборна, 17, м. Вінниця, 21050
тел./факс: (0432) 53-06-17
E-mail: archive_vn@arch.gov.ua
Код ЄДРПОУ 03494244

гр. Пехотнік Нелла Самуїлівна

27.02.2017 № 07- 27/6
На Вашу заяву від 22.02.2017

АРХІВНА ДОВІДКА

В документах Шпиківської районної управи за період окупації Вінницької області (1941-1944 рр.) німецько-румунськими загарбниками, у списку громадян, що перебували в концтаборі с.Печера Шпиківського району станом на 25 грудня 1941 року значиться сім'я Гутертс*: Ліза Ізраїлова* - 1901 р.н.; Таня Берківна – 1922 р.н.; Софа – 1927 р.н.; Боря – 1936 р.н.

* так в документі

Підстава: Ф. Р-1417, оп.3, спр.1, арк.490.

Директор держархіву Ю.В.Легун

Начальник відділу Л.М.Загородня

Мазур 530617

ней, проделав невероятно сложный путь. В нашей семье долгие годы об этом никто и ничего не говорил. Просто мама Соня рассказывала, что они были в лагере. Ей на момент попадания в «Мёртвую петлю» исполнилось 14 лет, а её сестра Таня тогда только окончила школу, была очень грамотная. Обе девочки поначалу пробирались в сёла, чтобы попросить еды и не только перебить жуткий голод самим, но и принести что-то назад, в лагерь, остававшимся там маме и младшему братику Боре, чтобы они не умерли от голода.

Спасло умение вязать. А как они это делали, как выпрашивали крохи еды в соседних сёлах, с огромным риском для жизни?! Дело в том, что моя мама Соня и тётя Таня умели прекрасно вязать, шить, вышивать, были настоящими рукодельницами. И они вязали и обменивали вещи на еду, так они и выживали. Мой папа, военный связист Глинер Самуил Айзикович (1918-2008), будущий муж Сони, тоже

прошёл всю войну и тоже нечасто рассказывал о войне. Только говорил, что, если бы не было той войны, мы бы не знали, как люди живут в Европе. А папа прошёл Румынию, Австрию и привёз оттуда домой очень много открыток с видами городов, у него собралась большая коллекция, которую я потом безответственно раздарила во дворе мальчишкам! *(смеётся*)*. Папино детство связано с Белоруссией, а в Смоленске он закончил техникум связи.

Победа в Великой Отечественной войне, уничтоженное жильё. Но вернёмся в наши края. В 1945 году мой дедушка Меер Беркович Гутарц пришёл с фронта в Тульчин, где встретился с женой и детьми, после всех трагических испытаний, выпавших на их долю. Но они обнаружили, что их любимый дом со всем имуществом - разбомбили, жить им было негде. Между тем, в те годы наблюдалось небывалое единение людей, все помогали друг другу. Какое-то время, благодаря милосердию их соседей, они жили в Тульчине, перебивались у друзей – знакомых.

Переезд в Биробиджан. Наконец, дедушка с бабушкой, поняв, что нового жилья от государства им ждать нет смысла, в декабре 1946 года уехали с детьми в Биробиджан в поисках лучшей жизни. После долгой и трудной дороги до места поселились в столице Еврейской автономной области, в деревянном доме. Знаю это не понаслышке, потому что все родственники моего отца были переселенцами в Биробиджане, и когда они рассказывали о своих жилищах, то там были не каменные, белые дома, как в Тульчине («каменки»), а именно деревянные. А до этого моя тётя Таня в 1946 году в Тульчине вышла замуж за фронтовика Зальцмана Исаака Львовича (1916-1973), который прошёл всю войну с 1939 по 1945-й год, закончив свой военный путь в Берлине. Они поженились, и вся их семья тоже уехала в Биробиджан. К нам на Дальнем Востоке также присоединились мои дедушка и бабушка со стороны отца. Танин муж на новом месте устроился работать диспетчером на железную дорогу, а Таня – на железную дорогу кассиром. Моя мама Соня работала в Биробиджанской поликлинике в регистратуре. А мой дядя Боря, которому на тот момент исполнилось уже 9 лет, отправился в городскую школу. В 1947 году мой папа – лейтенант, служивший в войсках специальной связи, был назначен военным комиссариатом города Биробиджана на должность связиста. Я родилась в Биробиджане в 1949 году, далее мы жили в Комсомольске-на-Амуре, где отец трудил-

Слева направо. ***Верхний ряд:***
Татьяна и Исаак Зальцманы, Соня и Самуил Глинер.
Средний ряд:
дедушка Меер Беркович, Лиза и Борис, бабушка Лея.
Нижний ряд:
Нелли Глинер, Валя и Лена Зальцман

ся старшим техником воинской части. А в 1950 году он неожиданно получил приказ об увольнении. Между строк читалось, что, мол, евреям нечего делать на этих должностях. Видимо, это из-за того, что кто-то из наших дальних родственников переехал жить в США. Работы у отца не было, а он до этого проделал огромный путь и невероятно расстроился, что его уволили, всем нам и ему оказалось очень больно это принять и понять. И в 50-х годах наша семья решила вернуться в Тульчин.

Возвращение в Тульчин, тяжёлая жизнь на новом месте. Родители мамы, мои дедушка и бабушка Гутарцы, другие наши родственники, вернувшись из Биробиджана, поселились в тульчинском бараке на ул. Ленина, где проживало ещё 8 семей, из них – только две семьи были русские, остальные – еврейские. Барак располагался напротив

центрального тульчинского рынка. У бабушки в стенах барака находилась однокомнатная квартира с русской печкой по центру, а в уголке комнатки мои предприимчивые родные соорудили место для приготовления еды на керосинке. В этой маленькой комнате оказалась я с мамой и папой. Отец стал искать работу, в Тульчине он найти её не смог и поехал в Винницу, устроился начальником смены на Винницкой телеграфной - телефонной станции. И с 1951 года наша семья уже проживала там. Но все остальные наши близкие – бабушка, дедушка, тётя, ребёнок и муж тёти – все вместе, ещё долгое время проживали в этом бараке на ул. Ленина. И лишь в 1953 году тётя получила от государства новую квартиру в Тульчине на ул. Островского. Существовали все тогда очень тяжело, голодное, послевоенное время, воду носили коромыслом. Дедушка продолжал трудиться в Тульчине парикмахером, бабушка вела домашнее хозяйство. Моя тётя Таня работала на городской швейной фабрике, а её муж – на обувной.

Мой замечательный дядя Борис Гутарц. В 1956 году моему дяде Боре Гутарцу, который закончил школу в Тульчине, исполнилось 18 лет. В классе он учился с красавицей Лизой Флейшман, бывшей узницей лагеря «Мёртвая петля». И у них была такая пламенная любовь, что в 1956 году они поженились. Столько лет прошло, а я до сих пор помню эту роскошную пару. Это была настоящая еврейская свадьба, по всем традициям! Потом у них родился первенец. Лиза Флейшман жила в Тульчине с мамой, двумя братьями и сестрой. К сожалению, через какое-то время, мой дядя Борис заболел лейкемией и умер в весьма молодом возрасте, оставив Лизу вдовой. Родные пытались его спасти, как могли, возили ко всем, самым лучшим врачам, но страшная болезнь оказалась сильнее. А Елизавета Флейшман (Гутарц) уехала в Москву, снова вышла замуж и стала Мыльниковой. Сейчас она живет в Зеленограде и активно участвует в жизни Московской организации евреев – бывших узников гетто и концлагерей под руководством О.Е. Мортковича, передавая молодому поколению урок, который ни в коем случае нельзя забывать. Вот так сложилась наша послевоенная жизнь.

О себе. Я закончила школу, Винницкий техникум связи и с 16 лет работала на телеграфной телефонной станции, сначала телеграфисткой, потом – инженером по обслуживанию автоматической телефонной станции. На том предприятии я отработала 25 лет. Мы с мужем и дочкой из тесной «двушки», где жили с родителями, переехали в более

просторную квартиру с ремонтом, жизнь потихоньку стала налаживаться.

Репатриация в Израиль, трудности адаптации. А в девяностых годах прошлого века евреи из стран бывшего СССР стали массово уезжать в Израиль. И мы совершенно неожиданно получили разрешение на въезд. Повторюсь, это случилось в тот момент, когда наш быт в Виннице стал значительно улучшаться. Отец с моей сестрой остался в Украине, а мы с родителями мужа уехали, со слезами на глазах. Абсорбция наша в Израиле тоже была весьма нелёгкой – вместо налаженной жизни в Виннице, нас в еврейском государстве ожидали ограничения, неустроенность, языковой барьер, много непонятного, но мы не сдавались. А ещё, после приземления в Израиле, не получили наш багаж и ждали его из Румынии в течение трёх месяцев! И были фактически «голые и босые». За окном стоял сентябрь, тогда как раз начались еврейские праздники, а вместе с ними и проливные дожди. В те годы в Израиль случился страшный наплыв репатриантов – самолёты за самолётами. К тому же, следует вспомнить и про Иракскую войну 1991 года – всё это нас пугало и казалось непривычным.

Все дороги ведут в Ашдод. Советы новым репатриантам. Сначала мы отправились в ульпан, а наша дочка пошла в школу, в конце получив аттестат о завершении учёбы. Нам помогли снять трёхкомнатную квартиру. В ней без отопления было очень холодно. Муж прозанимался месяц в ульпане и бросил, ему было тяжело. И устроился на завод, где усердно «вкалывал» по 8-9 часов в смену. Я окончила ульпан и начала работать. Сначала это была швейная мастерская, потом – уборка на предприятии, а затем 15 лет проработала до выхода на пенсию на электронном заводе в Ришон-ле-Ционе. Наш переезд в Израиль не был лёгким, мы столкнулись здесь с массой сложностей. Но выстояли, со всем справились. Почему мы выбрали именно Ашдод? У родителей моего мужа Бориса в Ашдоде жили знакомые. Мы с ним хотели остаться в Тель-Авиве, но мои свёкор и свекровь настаивали только на Ашдоде, хотя все говорили, что в крупном городе у нас больше возможностей. Несмотря на все испытания, мы уже 35 лет в нём живём. Каждый раз проходим все сложности многочисленных войн и благодарим за всё Вс-шнего! Мы – счастливы, это – наша страна!

Фото из Архива Нелли Пехотник-Глинер.

«Много раз мог погибнуть…» О судьбе Романа Левина, одного из самых известных узников гетто

Известный писатель, поэт, автор более 30 книг, человек весьма необычной судьбы, бывший узник Брестского гетто Роман Александрович Левин покинул этот мир в немецком городе Хемниц в 2024 году. В 1994–2019 гг., то есть целых 25 лет, Роман Левин плодотворно сотрудничал с Центром «Холокост» и с сопредседателем Центра, профессором РГГУ Ильёй Александровичем Альтманом, с которым мы и поговорили об этом потрясающем человеке, точно «родившемся в рубашке».

* * *

– Уважаемый Илья Александрович, бывший узник Брестского гетто Роман Левин сыграл в вашей жизни, как и в судьбе Центра «Холокост», в жизни участников ваших образовательных программ свою, особую роль. В чём вообще уникальность его биографии?

– Действительно, Роман Левин – человек необычной судьбы. Уроженец г. Лубны Полтавской области, он в конце 1939 года, вместе семьёй переехал в Брест, где его отец служил в областном управлении НКВД, курируя Брестскую крепость. После заявления ТАСС от 14 июня 1941 года, опровергающем слухи о грядущей войне, Александр Левин пригласил своих родителей в Брест, куда они приехали 20 июня. Через два дня, на рассвете, при попытке выехать из города, в их машину попал артиллерийский снаряд. Дедушка Романа был убит, а сам он, осенью, вместе с бабушкой, матерью и старшей сестрой Тамарой оказался в Брестском гетто. Отец семейства ещё ночью 22 июня ушёл на службу и сумел вырваться из окружения. Сын найдёт его только в конце войны. А Роман Левин оказался одним из 19 уцелевших узников Брестского гетто (на момент оккупации, в городе проживало около 25 000 евреев). Знаменитый писатель С.С. Смирнов, работая над поиском уцелевших защитников Брестской крепости, заинтересовался судьбой мальчика. Известно, что в СССР не говорили о Холокосте. И только благодаря Смирнову, судьба 11-летнего Ромы Левина, которому в знаменитой «Брестской крепости» посвящена глава «Мальчик из Бреста», стала для многих советских граждан источником информации о еврейской трагедии – не только о гибели евреев Бреста, но и о судьбах узников

Илья Альтман

нацистских лагерей смерти. Смирнов потом получил 10 миллионов писем, как отклик на свой литературный труд и на радиопередачу о Брестской крепости.

Стихотворение Романа Левина «Медальон» впервые было опубликовано именно в книге Смирнова, а впоследствии стало путеводной звездой творчества нашего героя и данью памяти людям, с риском для жизни, спасавшим евреев. В 1958 году писатель Смирнов лично приехал на место расстрела в лесу у деревни Петровичи, где было казнено 200 человек, включая мать Романа. Ископав лопатами десятки метров, они с Левиным нашли эту могилу. Позже, благодаря невероятным усилиям самого Романа, на этом месте был установлен памятник уничтоженным евреям.

– Захватывающая история! А как вы с ним познакомились?

– В начале 90-х гг. мой коллега из Бреста, историк Евгений Розенблат сообщил, что в Брестском архиве найдены анкеты всех узников Брестского гетто, которым на 1942 год исполнилось 14 лет и старше. Когда мы соприкоснулись с этими материалами, у меня, и у известного кинодокументалиста Елены Якович возникла идея создания документального фильма на эту тему. Надо отметить, что к анкетам узников, сохранённых в местном архиве, были приклеены их фотографии: из личных альбомов, советских паспортов или сделанные в гетто. Дело в том, что узники – подростки, достигавшие 14-летнего возраста, как и взрослые евреи, должны были сфотографироваться в робах с жёлтыми звёздами. Но вернёмся к идее создания этого документального фильма.

Для съёмок были нужны живые свидетели. И тут нас ждало настоящее потрясение. Как я сказал выше, из 25 тысяч евреев довоенного Бреста, из тех, кто не ушёл в Красную Армию, не успел эвакуироваться, уехать в первый день войны (а это – несколько сот человек), после освобождения города осталось лишь 19 евреев. А когда мы задумались о

съёмках фильма, в живых оставался только бывший узник гетто – поэт, живший в Харькове, ставший известным в СССР, Роман Левин.

Так Роман Левин стал сначала главным героем нашего фильма «Брестское гетто», впервые рассказавшего о еврейской трагедии и показанного по федеральному каналу в марте 1995 года, а с 2001 по 2011 год – неизменным участником и главным героем ежегодных международных конференций школьников и студентов «Холокост: память и предупреждение». Они ежегодно открывались в Брестской крепости 22 июня, ровно в 4 утра – в день и час начала войны. Он лично показывал все места, связанные с гетто, с собственной судьбой, благодаря чему мы в деталях узнали всё то, что происходило на Брестской земле в годы нацистской оккупации. Кстати, приехав в Брест через полстолетия для съёмок в нашей киноленте «Брестское гетто», Роман нашёл в местном архиве анкету своей мамы, которую показывал нашим школьникам. Из этой анкеты Роман узнал, что мать указала возраст сына годом младше, чтобы его не привлекали к принудительным работам.

– До нашего интервью, я была уверена, что ветераны войны, выжившие узники гетто, евреи, уцелевшие в концлагерях – ни в коем случае не хотят вспоминать и рассказывать о пережитом, неохотно делятся самым сокровенным, им ведь очень тяжело и больно «ворошить» в памяти своё прошлое, говорить об этом с другими. Как удалось разговорить его, добиться подробного рассказа о тех страшных, трагических событиях?

– Это один из мифов, что свидетели Холокоста и ветераны войны не хотели ничего вспоминать, показывать и обсуждать, о

Роман Левин. 1945 г.
Архив НПЦ «Холокост»

своём болезненном прошлом. Просто у выживших во время Великой Отечественной войны евреев в нашей стране долгое время не было аудитории, готовой их выслушать. Однако, в 90-х началась выплата компенсаций жертвам Холокоста. И даже те, кто в советское время по каким-то причинам не хотели говорить о своём прошлом, стали записывать свои воспоминания для оформления материальных зачислений. Так в середине 90-х проект Фонда Спилберга зафиксировал десятки тысяч свидетельств евреев о пережитом на территории бывшего СССР. Речь здесь идёт о тех узниках, которым в период Холокоста было не меньше 12 лет. Роман Левин также рассказал Фонду Спилберга свою историю.

– Насколько комфортно было Роману после всего случившегося переехать в Германию?

– Когда мой коллега, тогда историк из Франции Клаудио Ингерфлом, ныне живущий в Аргентине, заинтересовался судьбой нашего героя, мы провели с ним более 10 часов, слушая и записывая на видеоплёнку ответы Романа на наши вопросы. Клаудио обратил мое внимание на то, как Роман Левин говорит о немцах. За свою жизнь он видел и полицаев, стоявших на воротах гетто, и карателей, охотившихся за ним, когда мальчик бежал из-под расстрела, и слышал речь немецких эсэсовцев, уводящих на расстрел его мать. Мама Романа была в 1942 году послана на сельскохозяйственные работы «у пана», в небольшой населенный пункт Петровичи, для работы на местного помещика (подобная «возможность» существовала лишь у небольшой части узников Брестского гетто). Там её и убили. Да и сам Роман Левин много раз мог погибнуть. Например, в период существования Брестского гетто, он каждый день бесстрашно выходил за колючую проволоку, став главным кормильцем семьи, и его могли уничтожить уже за это, ведь покидать территорию за колючей проволокой запрещалось под угрозой расстрела. Роман мог погибнуть и когда его прятала полячка Флория Будишевская, повесившая ему на шею свой медальон, который наш герой потом проносил до конца жизни, не снимая. Можно сказать, он уцелел лишь каким-то чудом. В отличие от других детей, гордый 12-летний мальчик, выходя «на охоту» за копейкой или куском хлеба, никогда ничего не клянчил, не мог просить милостыню, а честно пытался заработать в тех обстоятельствах, в которых оказался. Для этого он часто отправлялся на железнодорожный вокзал Бреста, вместе с местными мальчишками чистить обувь немецким офицерам. На платформах тогда

гуляло много немцев, они отдыхали, курили, ждали, пока поменяют колеса их поездам, чистили обувь. Со всем этим связан один из эпизодов его детских воспоминаний.

– Об этом, пожалуйста, подробнее…

– Разумеется, местные нееврейские мальчишки также целыми днями шатающиеся на железнодорожном вокзале Бреста, дабы что-то заработать, видели в Романе конкурента. И один из них, рослый мальчуган, указал немцу на Романа, сказав, что тот – еврей из гетто. Наш герой очень испугался и был уверен, что его сейчас арестуют и убьют. Но то, что произошло дальше, Левин запомнил на всю жизнь. Этот немецкий офицер крепко взял за нос мальчишку, который говорил про Романа и пнул его ногой. А Роману дал не обычную цену за чистку обуви, а в два раза больше. Именно тогда герой нашего повествования понял, что не все немцы одинаковы.

После освобождения Бреста мальчик решил отыскать своего отца. Как ни странно, он нашёл его. В 1945 году, после Победы, папа Романа Левина увёз его на два года в Германию, где тот увидел немецких мальчишек, невероятно похожих на него самого в годы войны. Такие же запуганные, обездоленные, несчастные, со страхом глядящие на людей в форме. И поэтому в своих воспоминаниях о войне, в своем творчестве, Роман не делил людей на национальности, а судил о них лишь по их поступкам. Вторую часть свой жизни наш герой провёл в трёх городах: приезжал к своей семье в город Хемниц (бывший Карлмарксштадт), но обязательно половину года проводил и в Харькове, где раньше жил, а также часто бывал в Москве, где легко знакомился с людьми, активно выступал перед зрителями. В советское время, как один из героев Брестской крепости, он объездил со своими рассказами о войне весь Советский Союз, всегда много работал, в Харькове у него практически ежегодно выходили книги стихов.

– Да, удивительная работоспособность…

– Продолжая тему творчества Романа Левина. Недавно вышло новое издание – «Бабий Яр. Рефлексия» – антология моего коллеги, историка и публициста Павла Поляна, в основе которой лежит глубокий анализ источников, хранящих память о трагедии в Бабьем Яре: это – поэзия, проза, музыка, живопись и скульптура. На её страницах – переданное мной Павлу стихотворение Романа Левина, написанное им в конце сороковых годов. Тема Холокоста действительно была для

нашего героя очень важной, он пронёс ее через всю жизнь. А переехав в Германию, не хотел терять связь с нашими педагогами, обучающимися на образовательных семинарах Центра «Холокост», да и с самим Центром «Холокост», стремясь ни за что не прерывать наше эффективное, весьма плодотворное сотрудничество.

– Как же Роману удалось спастись в период Холокоста?

– Роман Левин после расстрела матери пешком дошёл до местечка Жабинка, где должен был зарегистрироваться в полиции. Здесь его задержали. Начальник местной полиции Гудыма быстро понял, что перед ним еврейский ребенок. Но его разговор с немецким комендантом Жабинки услышала местная жительница Флория Будишевская, работавшая у этого коменданта экономкой. Она сразу почувствовала, что мальчику грозит опасность и попросила коменданта, с которым у неё были особые личные отношения, отдать ей Романа. И вопреки угрожающему взгляду начальника полиции, Роман остался в доме у Флории. Её сын был практически сверстником Романа, они подружились. Однажды ночью, спустя несколько месяцев пребывания в этом новом жилище, Роман услышал странные шорохи на чердаке. Уже потом он узнал, что его спасительница, с 1941 года, в течение трёх лет, прятала там одну из немногих уцелевших в Жабинке – молодую еврейку, аптечного провизора. За которой охотился тот самый начальник полиции, узнав, что она куда-то исчезла из-под расстрела.

– Читала, что саму Флорию Будишевскую убили, якобы за «связь с партизанами».

– Красная Армия наступала, и в один из дней, когда немцы покинули эти края, да и покровителя Флории Будишевской уже не было в Жабинке, начальник полиции Гудыма решительно отправился к её домику. Прятавшаяся там еврейка решила бежать, но он ее настиг в поле и застрелил. А спасительница Романа Левина после этого была арестована и отправлена в Брестскую тюрьму. Оставалось несколько дней до освобождения Бреста Красной армией. По некоторым свидетельствам, её зверски пытали, травили собаками, после – расстреляли. О Флории и о своём чудесном спасении Роман Левин издал в 2004 году книгу «У вас доброе сердце, мадам…». В ней помещён цикл стихов автора «Всю жизнь бегу из-под расстрела…». И опубликовано главное стихотворение нашего героя – «Медальон».

– А кто помог присвоить Флории Будишевской звание Праведника народов мира?

– Долгое время никому не приходило в голову представить эту героическую женщину к званию Праведника народов мира. Но в период нашей второй конференции школьников, мы с Романом приехали к тому самому дому в Жабинке. Жилище Флории на тот момент полностью сохранилось, вместе с чердаком. Зная о строгости требований «Яд Вашем» для присвоения звания «Праведник народов мира», я предложил нашим школьникам записать свидетельства пожилых соседей о случившемся много-много лет назад, в этом месте. Так, мы собрали свидетельские показания соседей спасительницы Романа, приложили к ним письмо от самого Левина и выслали всё это в Израиль. Через какое-то время Флории было присвоено почётное звание Праведника народов мира. Несомненно, это событие стало очень важным в жизни наших школьников. Они таким образом переняли у Романа Левина эстафету памяти и с особой гордостью понесли ее дальше. Каждая наша группа ребят состояла из 25 человек, а всего, на молодёжные конференции в Бресте приезжало не менее 250 школьников из России, Украины, Белоруссии, Израиля, среди них были волонтёры Центра «Холокост» из Германии и Австрии. Все они встречались с Романом, слушали его рассказы, хорошо знали его биографию.

Брестская крепость – символ Великой Отечественной войны, и для нас было очень важным связать всем известную Брестскую крепость с историей Брестского гетто. Кстати, в этом месте сначала были расстреляны евреи – мужчины, первая категория жертв. И среди них был отец Менахема Бегина, будущего премьер – министра Израиля.

– Как сейчас, после ухода Романа Левина из жизни, вы планируете сохранять память о нем?

– Биография Романа Левина настолько многоаспектна, что с ней можно связать массу самых разных тем, это и история Брестского гетто, и судьба подростков и детей во время войны и Холокоста. Об этом удивительном человеке мы продолжаем рассказывать в ходе наших образовательных семинаров. Однако, у нас нет задачи увековечить память именно о Романе.

Для нас главное - зафиксировать то, что Холокост тесно связан с историей нашей страны и это должно быть понятно современным педагогам и школьникам. Однако, данный вопрос заставляет задуматься

и о новом издании воспоминаний Романа Левина, потому что его книги всегда имеют особую актуальность и востребованность. Отмечу, что Роману Левину посвящена статья в Энциклопедии «Холокост на территории СССР», выпущенной НПЦ «Холокост», его воспоминания «Мальчик из гетто» изданы Центром «Холокост» в 1996 году, а в 2003 году во Франции, в издательстве «Фломарион», благодаря моему коллеге, вышеупомянутому историку Клаудио Ингерфлому, вышла книга о судьбе нашего героя на французском языке «Рем – мальчик из гетто». Думаю, немногим выжившим узникам гетто – сверстникам Романа Левина, оставшимся после войны на советском пространстве, выпадала такая удача – издать свои мемуары на Западе, стать известными во многих странах нашей планеты, навсегда вписав своё имя в мировую историографию Холокоста...

– Насколько я знаю, вы с Романом виделись в Берлине в 2019 году?

– Это так. В 2019 году наша выставка, посвящённая Холокосту, должна была открыться в Берлине, а нашими партнёрами по стажировке российских педагогов в Германии выступили Дом Ванзейской конференции и Дом Януша Корчака. Роман Левин тогда приехал в библиотеку Дома Корчака на встречу с нашими педагогами и несколько часов активно общался с ними, дарил им свои книги с автографом. К сожалению, в Германии для подобных выступлений его почему-то никуда не приглашали. Лишь в последние годы жизни, Роман, по словам его дочери, общался с группой местных молодых германских антифашистов.

Потрясающей судьбой и историей спасения Романа Левина активно интересуются современные российские школьники и студенты. Например, именно эту тему взяла для своего исследования москвичка Александра Чебукиани, студентка Исторического факультета РГГУ (научный руководитель – И.А. Альтман): «Изучением нашего прошлого увлекаюсь с 11 класса школы, мне нравится читать и узнавать про Вторую Мировую войну, про события Холокоста. На первом курсе нам дали на выбор множество тем для своих курсовых работ. Выбор я сделала в пользу Холокоста, после чего мне предоставили контакты Ильи Александровича Альтмана. При подборе наиболее подходящей темы для своей работы, опиралась на свою заинтересованность в направлении детей – жертв Холокоста, благодаря чему, Илья

Александрович предложил мне написать работу о Романе – 11-летнем мальчике, которому пришлось пережить страшные события, потерять семью и остаться одним из 19 уцелевших евреев в Бресте. Помимо этого, Роман был талантливым человеком. Всю тяжесть судьбы он передал в своих стихотворениях. Биография Романа Левина меня привлекла тем, что после всего пережитого он оставался энергичным, жизнерадостным и сильным человеком. Мне понравилась его сильная энергия, именно поэтому я начала писать свою работу. Самыми главными «помощниками» в написании моей работы стали: воспоминания Р.А. Левина «Мальчик из гетто», «Чёрная книга» под редакцией В. Гроссмана и И. Эренбурга, а также первый российский документальный фильм о Холокосте «Брестское гетто», с участием Романа Левина. Я читала книги, изучала источники и несколько раз пересматривала документальный фильм, долго и кропотливо трудилась над своей курсовой. Осваивая материал, всё больше углублялась и влюблялась в свою тему, хоть она весьма тяжёлая в эмоциональном плане. Но я была готова к этому. Биография Романа Левина и судьбы детей – жертв Холокоста сильно повлияли на меня, я осознала все ужасы геноцида евреев, моё восприятие отечественной истории изменилось. Наибольший вклад в память об истории Холокоста, на мой взгляд, внесли люди, которые пережили эту огромную трагедию и рассказали об этом другим. Благодаря такой интересной теме, сегодня я могу развивать свой научный потенциал…».

Роман Левин выступает в Центре «Холокост». 2016 г.

Клара Горлачева (Шварц): «Во время войны я научилась не плакать…»

Однажды, жительница Нюрнберга Клара Горлачева (Шварц), родившая в 1938 году в посёлке Тростянец Винницкой области, прочитала в «Еврейской панораме» мой материал об установке памятников жертвам Холокоста в Печёре и Тульчине и сразу позвонила в редакцию газеты, оставив главному редактору сообщение: «Я – бывшая узница концлагеря «Мёртвая петля», прочитавшая статью Любарской об этих краях. И мне есть чем это значительно дополнить. Я была два года в концлагере Печёра и год – в гетто в Верховке. Там быстро стала взрослой и научилась не плакать…». Так и появился этот материал.

* * *

– Клара Иосифовна, что побудило вас обратиться в редакцию газеты?

– Всегда хотела рассказать о том, что видела во время войны. И очень долго, большую часть своей жизни – об этом молчала. Конечно, тогда, будучи ребёнком, ещё ничего не понимала. Мой еврейский муж знал, что я была в гетто и концлагере во время войны, мои близкие тоже знали. Но подробностей никому не раскрывала – боялась репрессий, ведь мы тогда выжили на оккупированной территории. Начала открыто говорить об этом, лишь находясь в Германии. Однажды меня очень задел один возмутительный случай. К нам, в синагогу в Нюрнберге приехала передвижная выставка об Аушвице и Дахау.

Представитель экспозиции закончил свой рассказ. Тогда я спросила его: «А почему вы никогда не рассказываете о концлагере в Печёре?!» – «Там концлагеря не было…» – ответил он и презрительно на меня посмотрел. «Как это не было?! Я была два года в этом концлагере и год в гетто!» – в сердцах ответила я. С тех пор и начала рассказывать жителям Германии о Печёре.

– Что помните о своих предках?

– О своих предках знаю очень мало. Помню лишь, что у нас была очень крепкая, настоящая, дружная еврейская семья, мы жили в любви, нежности, в заботе друг о друге. Когда я рассказываю об этом сегодня – люди плачут навзрыд. От моих воспоминаний плакал даже

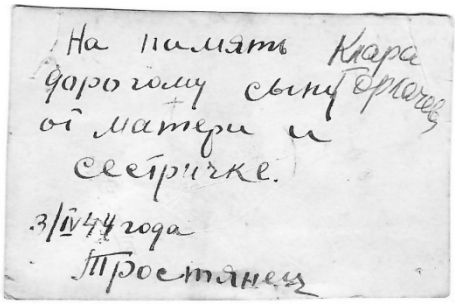
священник. Мой дедушка по маме – Наум Землянский, бабушка – Клара. У них было трое детей. Бабушка была красивая. К дедушке часто приходили соседи в гости, посидеть, поговорить. Он был очень набожный, весьма начитанный. Но их семейному счастью уготовано было длиться недолго. В семье произошли трагические события, после которых его красавица – жена умерла в возрасте 29 лет от воспаления лёгких и туберкулеза. Осталось трое детей. Среди них – моя мама, Рива Землянская. Через какое-то время мой дедушка Наум Землянский женился второй раз. Но мачеха была очень злая. И один сын из семьи Землянских убежал, отправившись в Одессу. Великая Отечественная война трагическим колесом истории прокатилась по жизни всей моей семьи. В 15 лет моя мама Рива познакомилась с парнем Иосифом Шварцем, на пять лет старше её. Он сообщил дома, что хочет жениться на Риве. Но мама Иосифа чуть в обморок не упала от услышанного: «Она – нищая, сирота, зачем?! Есть лучше и богаче!» Однако, вопреки протестам семьи жениха, они всё же поженились. В 1923 у них родился мальчик Арон (Айзик), в 1925 – Илья. Жили тяжело. Ещё в 20-е гг. мама Иосифа, её дочь и её муж – решили уехать из Украины в США, вместе с Иосифом и детьми, но без своей невестки. А мой папа, супруг Ривы, так любил мою маму, что схватил своих детей с уже готовой подводы, направлявшейся в путь, и сказал, что без Ривы – он точно никуда не едет. И в итоге, все они остались в Тростянце. И когда мы попали в лагерь, мама потом попрекала этим отца: «Сейчас могли бы быть в Америке, а не в «Мёртвой петле»!»

– Что ещё можете сообщить о своих родителях?

– Как я уже сказала, мои папа и мама жили в Тростянце, это – посёлок городского типа Гайсинского района Винницкой области Украины. Они очень любили друг друга, вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам. Вначале папа работал на перевалочной базе. В этом местечке были очень богатые колхозы, заводы, фабрики, также у нас проходила узкоколейная железная дорога – поезд двигался от Тростянца до Вапнярки. У родителей был маленький домик – комната и кухня. Папа очень хотел девочку, а девочки все не было. И спустя 13 лет после рождения Ильи, в семье родилась я. На радостях, отец сразу начал строительство нового дома. Мама спрашивала: «Зачем?! Мальчики уедут учиться, а нам троим хватит и этого домика».

Но Иосиф Шварц вместе с друзьями упорно продолжал возводить своё новое, более вместительное жилище для своей семьи. «Ривочка,

Сразу после освобождения Тростянца Рива Шварц пишет одному из своих сыновей

На память Кларе
дорогому сыну Ярочке
от матери и
сестричке.
3/IV 44 года
Тростянец

наш Ларчик выйдет замуж, нарожает много детей, и мы будем жить все в большом доме, а мальчики со своими семьями будут приезжать к нам в гости». – объяснял он. В итоге, мы жили в огромном, по тем меркам, хорошем доме, и все – в своих комнатах. Я была настоящей папиной драгоценностью, он меня всячески баловал и очень любил. И даже купил корову, чтобы у меня было молоко. Рядом с нами жила бабушка - папина мама. Она забыла про старые обиды и приходила к нам, чтобы со мной побыть и поиграть. Вскоре папа стал директором местного кафе – чайной. В ней любили подолгу засиживаться гости штетла и местные жители – распивали чай, пробовали в папином заведении фирменный борщ, вареники, аппетитную выпечку. Иосиф Шварц стал настоящим радушным хозяином этой чайной, со всеми приветливо беседовал, очень любил гостей, там было вкусно, весело, интересно. После работы папа с радостью бежал домой, подбрасывал меня и подолгу играл со мной и с братьями. Это самые счастливые, светлые, яркие моменты, оставшиеся в моей памяти, которые больше уже никогда не повторились.

– Как в местечке началась война?

– Летом 1941 года к нам пришли страшные вести, окрасившие всю нашу жизнь в весьма мрачные тона. Папа ведь близко дружил с председателем местного колхоза. И однажды тот сказал: «Йоселе, Германия уже напала на Польшу, на Чехословакию. Евреев убивают немцы, им помогают поляки. Даю тебе подводу, бери жену, детей и беги». Мы очень сильно расстроились, испугались, плакали. И уже слышали вдалеке канонады выстрелов. На ту подводу набилось много людей. По дороге мы встретили местных жителей, как оказалось, впоследствии, пособников нацистов. Они специально указали нам неверную дорогу, и мы оказались почти в руках у врага. Дети начали плакать и просить отвезти нас обратно, домой, и мама сказала отцу: «Едем назад. Умрём хотя бы на своей кровати, в своём доме». Старший брат вёл себя, как старший, он уже закончил школу. Его уже готовили к военной службе.

Рива Шварц с дочерью Кларой и сыном Ильёй

А средний, Илья, закончивший на тот момент 8 классов, не отпускал меня в те дни из рук ни на минуту. Мне должно было исполниться три года.

– Что хотите добавить о том времени?

– С 25 июля 1941 года и до 13 марта 1944 года Тростянец был занят немецко – румынскими войсками и находился в зоне Транснистрия. После оккупации к нам часто приходила знакомая нашей семьи, тётя Маруся. Она жила около вокзала, у нее не было своих детей, и мама её попросила, чтобы она меня удочерила, так как всем евреям, как мы уже поняли, грозила смертельная опасность. Маруся согласилась, сказала, что она меня покрестит и назовёт Катей, оденет на меня крестик. Время шло, Маруся приходила за мной, но каждый день родители не могли со мной расстаться, всё просили: «Дайте ещё хоть один часик, чтобы Кларочка побыла дома». И в один страшный день, у нас выбили двери с криками: «Выходите все на улицу, одевайтесь, возьмите с собой самое ценное». Папа уже понимал, что нас не ждёт ничего хорошего. Мы захватили с собой мешочек с едой. Мне кажется, что это было ещё лето или ранняя осень. Я была одета в летнее платье, шесть пар чулок, ботинки на вырост. На маме – летняя блузка. Нас всех собрали на площади Тростянца – огромное число евреев, охраняемых оккупационными властями. Среди них был и преступник, перешедший на сторону нацистов, Мыкола Золотарь – пастух, который каждое утро пил у нас дома чай с булочкой и с вареньем перед тем, как пасти нашу корову. Появился и староста – человек, который раньше дружил со всеми нами. Полицаи убедились, что все евреи Тростянца уже тут, на площади. Мама меня держит на руках, слёзы льются градом. Она попыталась отдать меня той самой Марусе, которая тоже прибежала к месту сбора: «Возьми, мол, девочку…». Но та уже испугалась наказания и не забрала меня. Дальше украинские полицаи, немцы, румыны – стали обсуждать, что с нами делать. Староста им ответил: «Мы с ними жили хорошо и дружно. Делайте с ними, что хотите, но только, чтобы мы этого не

видели…». И нас погнали в село Печёра, через Ладыжин. Сколько мы находились на этом опасном пути – не могу сказать точно, не умела считать, но видела, что тех, кто не мог идти – оставляли на дороге и добивали, травили собаками. Это была настоящая дорога смерти. Тех, кто хотел пить и кидался к луже напиться – избивали палками украинские полицаи, и они так и оставались в этой луже. Нас было пятеро – я, мои мама и папа, мама отца, тётя Шейва – папина сестра. Мой папочка нёс меня на руках. Прошло немного времени, и бабушка уже не могла идти. Тогда её по очереди несли на себе – то её сын Иосиф, то его сестра Шейва, то моя мама. Так мы дошли до какого-то села, где нас поместили в коровник. Отобрали детей и в одной из комнат нам всем сделали какие-то уколы. Мама очень просила меня не плакать: «Если ты заплачешь – нас всех убьют!» «И папу тоже убьют?» «И папу!». И я научилась не плакать, даже во время укола, только слёзы тихонько текли по щеке. Вообще, во время войны, очень часто приходилось тихо терпеть боль, стиснув зубы. После уколов нас погнали дальше. После войны я узнала, что от этого места оставалось 17 километров до Печёры.

– Поняли ли вы затем, почему вас гнали именно через Ладыжин?

– Наша толпа очень переживала, почему именно через Ладыжин, ведь ближе – было через Немиров. Оказалось, что в Ладыжине местное население поубивало половину евреев, разграбило их дома. А остальную половину ладыжинских евреев, которая осталась жива – присоединили к нам. Дорога была ужасная, по дороге валялись трупы, измученные люди уже не могли идти. Наконец наш изнурительный путь завершился. Перед нами предстали – огромные, высокие, чёрные ворота и ограда невероятной толщины, на которых можно было сидеть. Нас загнали туда и ворота смертельной ловушки захлопнулись. Евреев было видимо – невидимо, а вокруг кирпичный, толстый, трёхметровый забор.

– Очень страшно…

– Огромное, трёхэтажное красивое здание бывшей усадьбы Потоцкого, а в советские годы – противотуберкулёзного санатория, вокруг – прекрасная природа, фонтан с мишкой, который никогда не видела. Это было что-то страшное – нам не давали ни пить, ни есть, никакой медицины, люди умирали сотнями, по сто и больше человек в день. Я сильно

заболела – всё тело покрылось гнойниками, поднялась высокая температура. Папа очень переживал. Его доченька больна, без сознания, а он даже не имеет капельку воды – смочить её губы. И папе сказали, что где-то в поле, неподалёку, осталась свекла. Он пополз туда ночью. Возвращается с поля счастливый, со свеклой. И вдруг навстречу ему – румынский полицай. А полицаи, охранники – румыны и их украинские пособники были в лагере невероятно жестокие, настоящие звери. Этот изверг подошёл к папе и ударил его автоматом по голове так, что его голова раскололась на две части. Я этого не знала, не видела, об этом потом рассказали моей маме, мы долгое время об этом не знали. Я по – прежнему тяжело болела, лекарств у нас не было, находилась в беспамятстве. Папину сестру, тётю Шейву, погнали на работу. Бабушка умерла в лагере от голода. В какой-то момент, я пришла в себя и поняла, что мы остались вдвоём с мамой. И тут нам, если можно так сказать, «повезло». Каждый день умирало столько евреев, что в здании освободилось местечко в коридоре на втором этаже. Понятное дело, что в таких условиях нас одолевали голод, холод, вши, дизентерия, тиф. В отличие от немцев, которые приходили в лагеря с целью насилия и убийства, румыны действовали более «благородно». Они оставляли нас без еды, воды, без медицинской помощи, и узники умирали сами, в холоде и голоде, сотнями в день. 1942 год выдался очень холодным – морозы минус 20, а мы так и были одеты по-летнему, в том виде, в каком нас пригнали в лагерь. Один мужчина из узников шёл по коридору и случайно вылил мне на ногу кипяток. Я тогда не заплакала, сдержалась. Прошло какое-то время и от моей ноги пошёл нехороший запах. Маме пришлось снять с меня мои 6 пар чулок и обувь. Мы увидели, что на коже образовалась объёмная гнойная рана. Подошла какая-то женщина и дала моей маме немного пепла – это был в лагере большой дефицит. *(При отсутствии антисептиков, пепел служил для дезинфекции раны. – прим. автора).* Потом мама замотала мою рану куском своего одеяния. И это была моя одежда – на три года, на все сезоны.

– Как вы вообще выжили в лагере?

– Через два года мы стали с мамой, как скелеты. Мама принялась сторожить наше место, а я отправлялась на поиски еды, бродя исключительно по территории вокруг нашего здания, по которой мама мне разрешала ходить. Она меня предупреждала, что спуск к реке Буг – для меня строго запрещён, и что мне также строго – настрого возбраняется подходить к кустам, что я могу искать еду только на территории парка

Клара Горлачёва на месте массовых захоронений в селе Печёра. Конец 90-х годов

вокруг усадьбы. И я стала собирать какие-то травинки, кусочки коры, косточки – вишнёвые и сливовые, какие-то листики и плоды. Набрала горку косточек и бежала к маме. Вот сейчас меня даже удивляет – я, такой голодный ребёнок, но ни одно зёрнышко не положила себе в рот, чтобы не поделиться с мамой. Когда рядом не было охранников, заключённые лагеря подходили к забору и пытались поменять что-то из оставшихся лохмотьев на какую-то еду. Полицаи были хуже зверей. Но местное население жалело нас. Хотя они, конечно, хорошо на нас нажились. Например, евреи из Румынии, попавшие к нам, считались очень обеспеченными, у них были румынские деньги, золото, даже шубы, которые мы ранее никогда не видели. Они общались с полицаями на своем языке. У нас же с мамой ничего этого не было, кроме того, что было на нас надето. Нам бросали за забор морковь, картофелину, луковицу, свеклу. Кто словил – тот и съел. Помню и страшного лагерного полицая Сметанского («Сметану», как его звали узники), который избивал детей и взрослых до полусмерти и смерти. Счастье, если избитый человек сразу умирал, потому что лечения никакого не было, а смерть была очень длительная и тяжёлая. А однажды на спор, забавы ради, на моих глазах, румын застрелил мальчика, нагнувшегося к забору над ведёрком с вишнями. Бедняга упал, раскинув руки, ведро с вишнями рассыпалось, а обезумевшие узники, забыв обо всём, бросились собирать эту ягоду. Над нами ставили настоящие нацистские эксперименты – сколько человек протянет без еды и воды, без лекарств, без отопления, в холодное время года.

Рядом с нами, на голом цементном полу лежала совсем молодая девушка, и по ней ползал ребёнок. От голода у него выпала прямая кишка, он плакал и всё время просил есть. Во время обхода, полицай взял этого ребёнка на сапог и выбросил на асфальт со второго этажа. А ещё полуживую маму этого малыша закопали вместе с мертвецами. В

Мемориальные таблички на местах массовых братских захоронений в с. Печёра

памяти также осталась очень красивая девушка с тяжёлой, открытой формой туберкулёза, которая мечтала дождаться Красную Армию, а уже после этого умереть. Так и случилось. Каждый день 10 подвод, набитые живыми и мёртвыми, выезжали за ворота концлагеря и отправлялись в лес к вырытым ямам. В лагере я видела немало ужасов – слышала, как стреляли, видела, как людей избивали, убивали, меня в лагере кусала собака.

– Как вы всё-таки покинули лагерь?

– В какой-то момент, осенью, спустя два года после нашего нахождения в «Мёртвой петле», к маме пришёл неизвестный мужчина с бородой и назвал её по имени: «Рива, там копают два больших рва, это – для нас. Мы решили устроить побег.». – «Куда я могу бежать в таком состоянии?!» – спросила мама. «Это - единственный способ остаться в живых». «Но как преодолеть этот огромный забор?!» – спросила она. – «За это не волнуйся. Будут насечки в заборе, и мы поможем» – ответил он.

Обстоятельства в ту ночь нам «благоволили». Мы подошли к забору, и мама швырнула меня по другую его сторону, абсолютно не зная, что там, за ним, то есть – в полную неизвестность. Но выбора у нас не было. Потом узники – мужчины помогли вылезти и моей маме. Нам снова повезло. Недалеко располагался огород, на котором росли картофель, кукуруза, подсолнухи. Мы слышали, как мальчик кричал: «Туда побежала жидовка с ребёнком…» В нашу сторону стреляли, но пули прошли мимо нас. Мы продвигались в тёмное время суток, огородами, лесами, ели по дороге по чуть-чуть то, что находили на земле – кукурузу, картофель, что встречали на своём пути. Где-то мне дали кусочек хлеба, и я была так счастлива.

– Что было дальше?

У одного из символов братских захоронений жертв Холокоста в с. Печёра

– Так мы преодолели 40 километров и добрались до Тростянца, до женщины, с которой мама когда-то дружила. Та не пустила её на порог, но сделала нам узелок с едой в дорогу: «Не могу пустить тебя в квартиру, потому что у нас был такой приказ, что, если кого-то примут из Печёры – сожгут все село». И она отправила нас к доктору Низведскому, когда-то принимавшему у неё ребенка. Подруга сказала: «Он принимал у меня роды. Сделайте с дочкой всё, что он вам скажет. И всё будет хорошо!». Мы очень обрадовались и отправились к нему. Это было настоящее счастье. Врач жил при больнице, в небольшой квартирке. Дверь у него не закрывалась. Накормил нас, принял. «Откуда вы?! Из Печёры?! Как вам удалось…?! Идите в Верховку, там – гетто, там никого не убивают, там – румынская территория». Мама возразила: «Мы тоже с румынской территории! И там – ещё как убивают!». Он возразил ей: «Послушай меня». У него был готовый мешочек с продуктами, он положил туда нитки, иголки, сказал маме: «Ты умеешь вязать? А не умеешь – научишься. Это очень востребовано сейчас, ты с дочкой останешься жива. Наши уже побеждают! Потерпи...». И ночью, мы направились в сторону Верховки.

– Вы сказали, Клара Иосифовна, что тема Низведского для вас очень важна. Что вас спас именно доктор Низведский. Но знаю много примеров, когда достойнейшие люди прятали евреев от опасности – у себя дома, рискуя своей жизнью и жизнями своих близких. А не отправляли в ночь, в неизвестность, измученную женщину с ребёнком, после концлагеря, которые в итоге попали в лапы пособников нацистов. Поэтому, на мой взгляд, Низведский, конечно, невероятно помог, но здесь нельзя называть его вашим спасителем.

– Он – не только наш спаситель, он точно спас от верной гибели очень многих евреев Тростянца и окрестностей, этот доктор многим евреям помогал и до нас, и после нас. Просто спрятать кого-то он не мог, так как жил не у себя, а при больнице, прятать ему было просто негде. И я всё равно, по-прежнему считаю, что нас спас доктор Низведский. У

него имелись заранее заготовленные мешочки с продуктами, их он раздавал евреям, которые к нему приходили и говорил, куда им дальше идти, лечил их, кормил. После войны он переехал в Житомир. Там, к нему заскочил в дом раненый милицией преступник, так как двери его жилища всегда были открыты людям. Он помог ему, как доктор, остановил кровь. Но его потом арестовали, в качестве соучастника. Тогда евреи Тростянца собрались и написали коллективное письмо в суд, объяснив, скольким евреям он помог во время войны! Евреи Тростянца также пришли домой к моей маме, за её подписью. Мамы дома не было. Мне эти люди сообщили, что они собирают подписи, чтобы Низведского освободили. И я написала обращение – за маму. Потом, на суде зачитали моё письмо и сообщили, что честного медика просит освободить маленькая, спасённая им, девочка.

– Как добрались до Верховки?

– Когда мы направились в сторону гетто, в Верховку, нам навстречу вышли два полицая, один из них был бывший пастух Мыкола Золотарь. Мама очень обрадовалась. Когда-то, в мирное время, он сполна пользовался гостеприимством Ривы Шварц. Однако, война лишила его человечности. Увидев беженок, он зверски избил мою маму, до потери сознания. Второй полицейский не бил мою маму, а только смотрел. Меня они решили оставить, со словами: «Сдохла мама, и ребёнок сдохнет с голоду». Мама пролежала день и ночь и лишь на утро пришла в себя, я осталась рядом с ней. Потом, мы кое-как (мама еле могла идти) направились в Верховку, где жила двоюродная сестра моего отца. Муж – жестянщик, она – домохозяйка, у них двое детей. После лагеря смерти, пребывание там казалось нам настоящим раем. Мы ели очистки от картофеля и стали потихоньку отходить от пережитого. Мама помогала местным крестьянам сажать, копать, обрабатывать землю и получала за это какие-то овощи и фрукты, в сыром виде. Мы не ели термически обработанную (варёную) пищу в течение трёх лет оккупации. Пережив ад в лагере смерти, я нашла во дворе того дома сломанный крестик, повесила его себе на шею и на всякий случай, не снимала его до конца войны. Именно в Верховке нас освободила Красная Армия.

– Сохранилось ли в вашей памяти, как к вам пришло долгожданное освобождение?

– Да, прекрасно помню. Раздался страшный грохот, все жутко перепугались. А потом появился советский танк, и на нём мелом, большими буквами, было написано: «На Берлин». Все узники гетто бросились к этому танку – оборванные, тощие, грязные, немытые три года. Помню, как мама встала перед ним на колени и целовала этот танк. До сих пор не могу слушать без слёз песню «День Победы.». Я уже пять лет не хожу в нашу синагогу, потому что всё время вижу мою маму, стоящую на коленях и целующую танк.

После освобождения Винницкой области, мы отправились к себе домой. Наш тёплый, гостеприимный дом в Тростянце, когда-то полный взаимной любви, детского смеха, нежности и счастья, был на тот момент разрушен. Это вышеупомянутый пособник нацистов Золотарь, от злости, что не может найти у нас ничего ценного, сломал наш дом, забрал из него все вещи, а из материалов нашего прежнего жилища – возвёл себе новое. Тогда же к нам пришла наша украинская соседка: «Рива, когда вас угнали в Печёру, соседи растащили всё из твоего дома, и я забрала твою кровать. Возвращаю». И она привезла на тележке нашу «убитую» кровать, на которой до войны спали мои братики. Потом к нам заглянула вторая женщина – украинка и отдала нашу подушку. И мы стали как-то обустраиваться на этих развалинах. В 1945 году вернулась из эвакуации мамина подруга Эстер, и мама рассказала ей всю нашу историю, в подробностях. Нас также отправили отметиться в сельсовете, что мы живы. В 1945-ом году в Тростянце открыли школу, мама меня туда записала. Ей тогда подарили три американских мешка, из них мы сшили себе одежду. Из зелёной фетровой шляпы мне соорудили туфли.

Нас, семи – восьми – девятилетних ребятишек, которые не учились в годы войны, отправили всех в один класс. В школе у нас была очень строгая, пожилая учительница Олимпиада Ивановна, которую мы все боялись, сидели ровно на скамейках, не шелохнувшись и смотрели на неё. Зато на учёбе нам давали похлёбку и кусок хлеба. На самом деле, я 1938 года рождения, а мама записала, что я – 1937 года, чтобы меня взяли учиться. Потом из эвакуации стали возвращаться уже мамины двоюродные сёстры, с мужьями и детьми. Они обсуждали всё произошедшее с ними на идише, а я сидела рядом за столиком. Как бы делала уроки, но всё слушала. Потом они встречались по пятницам, читали молитвы за погибших. Никто из тех наших родственников потом не остался в Тростянце, все разъехались дальше. А я, признаться, в тот

момент очень боялась своего еврейства и не хотела слушать еврейский язык. Сейчас об этом сожалею, дополнительные знания – не помеха.

– Известно, что после освобождения Тростянца частями Красной Армии 13 марта 1944 года в местечко вернулось не более десятка евреев, которым удалось убежать из лагеря и найти убежище в других зонах Транснистрии. Впоследствии туда возвратились некоторые евреи-фронтовики и семьи, успевшие эвакуироваться до оккупации. И уже в начале 1990-х гг. в Тростянце проживало не более тридцати стариков-евреев. Но вернёмся к нашей беседе…

– В 1945 году председатель нашего колхоза выделил грузовую машину, прибил доски, чтобы мы из неё не выпали, постелил солому и повёз нас в Печёру, на братские захоронения. Так мы получили возможность навестить своих погибших родных. Выжившая в лагере сестра отца, тётя Шейва, не поехала с нами, а мы с мамой очень хотели увидеть могилу папочки. Нас привезли к бывшему логову смерти, где опять организовали противотуберкулёзный санаторий. Но мы не знали, где нам искать захоронения, никто не мог нам подсказать. Подошёл какой-то человек, мы поговорили с ним на украинском, он сказал, что знает, где могилы: «Покажу вам. Лично вывозил трупы из лагеря». Сначала, как мы поняли, замученных и убитых евреев хоронили здесь по одному, в одной яме. Потом сами узники выкопали ещё две ямы. В них кидали каждый день очень много человек, причём, как полуживых, так и мёртвых, посыпали их землёй и уходили. И земля ещё долго шевелилась над ними. На следующий день сверху бросали следующую партию трупов, и так – до самого конца. Мама спросила: «Где тут приблизительно трупы жертв, убитых в 1941 году? Там мой муж!». Наш новый знакомый показал это место. С 1945 по 1997 год я была на захоронениях в Печёре восемь раз. Потом из Германии туда уже ездил мой сын Рома.

– Ваш средний брат Илья остался жив. А что случилось с Ароном, старшим сыном в вашей семье?

– Когда мы вернулись в Тростянец, мама стала писать письма, чтобы узнать где её фронтовик, старший сын Арон (Айзик). И получила страшное извещение, что он погиб. Уже потом выяснилось, что он был на учёбе, но узнав, что Украину захватили, что там убивают евреев, вместе со своим лучшим другом Григорием Нейманом, вопреки всем

уговорам продолжить учёбу, отправился на фронт. Был тяжело ранен в огне Сталинградской битвы и из-за ранений скончался. А младший брат Илья выжил, стал нас искать, написал в сельсовет письмо с просьбой рассказать о его семье. Оттуда сразу прибежали к маме и отдали ей эту весточку. И мама тут же послала ответную телеграмму. В 1946 году Илья приехал к нам в гости, взял машину, и мы сразу же отправились в Печёру, на могилы. Через пару месяцев после того, как братик уехал обратно на учёбу, нас совершенно незаконно выселили из нашего же дома. Заступиться за нас было некому. И мы кинулись к тёте Шейве, в соседний дом. Её муж Ефим вернулся с фронта, где был ранен, одна нога короче другой, на груди – ордена, медали, член партии, инвалид. И ему сразу дали работу в сфере торговли. То есть, материально они жили хорошо. Тётя Шейва пекла вкусные, красивые хлеба. Детей у них не было. Но отношения мамы и тёти Шейвы совсем не складывались, и мы больше не могли у них оставаться. Потом мама сильно заболела, её увезли в больницу, а я жила год и восемь месяцев у маминой сестры Розы в местечке Песчанка. Замуж моя мама Рива больше не вышла.

– Понёс ли потом пособник нацистов Мыкола Золотарь заслуженное наказание?

– Понёс. Как я уже говорила, Золотарь, когда нас увели на верную смерть, обыскал весь наш дом и ничего не нашёл. Зато, от злости, развалил наше жилище и из материалов нашего дома построил себе свой дом. Много раз после войны я была в Тростянце и ни разу не могла подойти к этому зданию. Говорили, что там при входе лежало моё байковое платьице, и они вытирали им ноги. Но когда Винницкую область освободили, его арестовали, над ним состоялся суд. Маме было очень больно участвовать в нём на стороне обвинения, причём, как морально, так и физически. И те мучительные травмы после избиения, ещё не раз проявлялись в её жизни. В итоге, Золотарю, у которого на тот момент была семья, дали 10 лет заключения. Вернулся он оттуда или нет – не знаю. Но то, что он получил заслуженное наказание за содеянное, считаю вполне справедливым и честным.

– Итак, из вашего дома, точнее из этого, что от него осталось, вас выселили. С тётей Шейвой – не сложилось, мама вышла из больницы и забрала вас. Что было дальше?

– Мы поселились в ужасной пристройке, через крышу которой протекал дождь, с холодными стенами и крысами. Шёл 1951 год. Илья

Шварц, мой брат, узнав о наших неприемлемых условиях жизни, сказал мне: «Закончишь школу, приеду и заберу вас». Я закончила 7-ой класс. Илья приехал и забрал нас в офицерское общежитие в своём городе, где он работал. До отправки на фронт Илья трудился на заводе у станка и спал около него же. Ему было очень тяжело. При этом, он рвался на фронт. В декабре 1942 года он уже был в армии. Закончил лётное училище. В 1954 году женился на девочке из Джурина, тоже пережившей гетто, потерявшей своих близких.

– Куда после школы поступили вы?

– Я в 1955 году закончила 10-й класс, мне очень нравилась химия. Сначала отправилась поступать в Житомирский фармацевтический техникум, но, к сожалению, не поступила, комиссии не понравилось, как я написала сочинение. Потом в Винницком медицинском техникуме открылся факультет, обучающий старших медицинских сестёр, для дальнейшей работы в детских садах. Туда я поступила и училась на одни пятерки. У нас преподавали настоящие врачи, профессионалы своего дела. После обучения мне дали направление на работу в Немиров. Вышла замуж за еврея Владимира Горлачёва, родила двоих замечательных сыновей.

– Когда и где вы впервые начали рассказывать о Холокосте?

– Находясь в Советском Союзе, я никогда не рассказывала окружающим о том, что мне пришлось пережить, очень боялась, не знала, чем это обернётся. Во-первых, о Холокосте не говорили до перестройки, во-вторых, мы выжили на оккупированных территориях. Просто опасалась открыто сообщать об этом. Тогда это было не принято, очень долго я хранила всю боль глубоко в себе. «Спусковым крючком» к тому, чтобы я начала рассказывать, послужил тот самый случай, о котором упоминала ранее. Когда в синагогу Нюрнберга привезли выставку и завязался наш разговор о концлагере Печёра.

– Как прошла ваша адаптация в Германии?

– Непросто. Мы ехали в 1997 году из Винницы, чтобы мой муж, страдавший проблемами с сердцем, смог бы получить качественное лечение, но перед нашим отъездом в Германию, Владимир внезапно умер. Похоронили его в Виннице. В Германии мы переехали в Нюрнберг. Я весьма сложно привыкала к новому месту. Но через три года

нахождения в стране – взяла себя в руки, начала посещать языковые курсы, погрузилась в жизнь местной еврейской общины. Хотя каждый раз, когда вижу колючую проволоку на заборе, мне становится не по себе. Сейчас мне не так важно, чтобы люди прочитали моё имя, как бывшей узницы концлагеря. Но мне так хочется, чтобы будущее поколение знало и помнило о массовых преступлениях нацистов, о страшном лагере в селе Печёра, унёсшем жизни тысяч невинных евреев. Вот поэтому я сегодня веду широкую просветительскую деятельность, выступаю в общинах, церквях, перед молодёжью, даю интервью, делаю в этой области всё, что в моих силах. И мне, наконец, стало легче на душе, ведь я выполнила пожелание той, что пела в лагере песню: «Я песню новую пою. Мои евреи – никто нам не поможет. Никто нас не спасёт. Прошу лишь об одном, мои друзья-евреи. Пусть правду хоть один из нас до мира донесёт!». В середине октября 2025 года - снова выступала перед большим залом людей от германского общества Христианско – еврейской дружбы. Собралось более 130 человек, мне понадобилось два часа, чтобы рассказать. В конце концов, я не выдержала и всё-таки заплакала, поразившись самой тёплой, искренней реакции слушателей…

Фото из архива семьи Горлачёвых.

Памятник погибшим

Александр Аграновский: «Среди уничтоженных немцами евреев были мои бабушка и дедушка Аграновские»

История семьи Аграновских – это летопись, в которой переплелись боль и скорбь трагедии Холокоста на Брянской земле, доблесть защитников Отечества и созидательный труд родителей Александра, в послевоенном Баку.

Александр Аграновский - «Человек года – 2025» по версии Всеизраильского объединения евреев - выходцев с Кавказа, впитал в себя советское воспитание, азербайджанскую культуру интернационального Баку – города, где он вырос и учился, а также культуру Израиля – исторической родины, где он живёт вместе со своей семьёй уже более 35 лет.

Мой собеседник родился в 1944 году на афганской границе, где служил его отец. Будучи выпускником факультета автоматизации производственных процессов Азербайджанского института нефти и химии, он прошёл путь от инженера до начальника лаборатории СКБ завода «Азон» – предприятия, выпускавшего микросхемы для систем ПВО и космических программ.

В 1991 году Александр с родителями и семьёй репатриировался в Израиль, выдержал сложные этапы адаптации, но нашел своё место на электронном предприятии AVX, отвечая за измерения электрических параметров на пластине. С 2011 года известен, как руководитель Иерусалимского отделения и член правления Международной Ассоциации Израиль-Азербайджан «АзИз», является заместителем председателя Иерусалимского Пресс-Клуба.

В этом интервью мы поговорили с ним не о его профессиональной деятельности, а об истории его еврейской семьи, которой коснулись самые страшные события XX века. Основная тема нашего повествования – рассказ о гибели дедушки и бабушки Александра, чьи имена сегодня высечены на памятнике из чёрного мрамора в Карховском лесу около города Новозыбков Брянской *(до 1944 года – Орловской)* области. В лесу, переставшем быть просто местом безымянных могил. Благодаря неравнодушным жителям Брянщины, благодаря Центру «Холокост», имена Абрама и Дворы Аграновских вернулись из глубокого небытия и сегодня увековечены на мемориале.

Новозыбков. Молодожёны Аграновские. 1940 г.

Абрам и Двора Аграновские. Дедушка Александра, Абрам Лейбович Аграновский был человеком исключительной физической силы, ветераном русской армии, прошедшим через горнило Русско-японской войны и оборону Порт-Артура, за что имел боевые награды. В мирное время трудился кузнецом, на фабрике и в пожарной части; говорили, что он мог голыми руками гнуть подковы. Именно его военный опыт, вера в людей и в то, что всё будет хорошо, сыграли в его биографии роковую роль. Помня немцев по Первой мировой войне, Абрам Лейбович категорически отказался от эвакуации, будучи убежденным, что немцы – «культурная нация», и мирным евреям, особенно старикам, а им с бабушкой было по 60 лет, ничего не грозит. К сожалению, он не мог и представить, что его ждёт. По некоторым данным, его расстреляли одним из первых, по доносу пособников нацистов.

Бабушка моего собеседника, Двора (Вера) Давыдовна Аграновская (в девичестве Резникова) была хрупкой, доброжелательной хозяйкой приветливого еврейского дома, занималась бытом, отлично шила и готовила. После оккупации Новозыбкова её судьба оказалась не менее

ужасной, чем гибель её мужа. Соседка сообщила властям, где скрывается мать красного командира.

Сегодня их имена высечены на мемориале в Карховском лесу. Из 2 860 убитых, большинство были евреями. На месте, где в морозные дни января 1942 года были расстрелы, возведён мемориал из чёрного мрамора с именами погибших. Он установлен в 2016 году Центром «Холокост», при поддержке Благотворительного фонда «Эвен Эзер», Еврейского благотворительного центра «Хесед Тиква», «Проекта имён» «Яд Вашем» в Иерусалиме, администрации города Новозыбков и школы № 6.

У дедушки и бабушки Александра было трое детей: Люба, 1910 года рождения (работала в МИД СССР в Москве и Тегеране), Израиль – 1912 года, учитель географии, офицер, закончил службу в Баку и Соломон (Семён) - 1914 года, офицер, инженер-механик в Воронеже. Все они, к счастью, уцелели, так как Люба работала педагогом в школе при посольстве СССР в Тегеране, Израиль служил в эвакуированном в Казахстан Гомельском пехотном училище – преподавал военное дело, а Семён служил под Мурманском.

Новозыбков. Аграновские – Израиль, Абрам Лейбович, Вера Давыдовна и Люба

Жили Аграновские в Новозыбкове в своём доме на улице Ленина, от которого после войны ничего не осталось. Не сохранилось ничего и от дома родителей мамы Александра, Хайкиной Буси, на Володарского 45, только старый каштан. «Да, среди уничтоженных немцами евреев были мои бабушка и дедушка Аграновские. Сегодня в «Яд ва-Шем» есть «Долина памяти погибших еврейских общин», где упомянуты знакомые мне с детства города – Брянск, Новозыбков, Стародуб, Клинцы, Мглин, Почеп, Унеча, Злынка…» – говорит Александр.

Особенности уничтожения евреев в Новозыбкове. Холокост в Орловской (ныне – Брянской) области имел свои особенности: только 18 января 1942 года в Карховском лесу были расстреляны 950 евреев (по данным ЧГК), а общее число жертв в этом месте достигает 2 860 евреев. Нацисты уничтожали целые еврейские семьи – от младенцев до стариков. Например, в тех же рвах, погибли маленькие дети двоюродной сестры Израиля - Фриды Резниковой, разлучённые с матерью.

Судьба Израиля Аграновского, папы Александра. По словам Александра, Израиль Абрамович Аграновский (1912–1996) всего 4 года проучился в еврейской школе – хедере, где применялись телесные наказания, и учитель – меламед за любую провинность бил учеников длинной линейкой. Девятилетний Израиль не терпел несправедливость и однажды, когда бородатый учитель уснул за столом, он с другом разлил на столе столярный клей так, что бороду учителя пришлось подрезать, что недопустимо для верующего еврея. Второго подростка вскоре нашли убитым, а Израиля не тронули, побоялись связываться с Абрамом Лейбовичем, сильным человеком. На этом еврейское образование Израиля закончилось и началось самообразование. Он трудился на спичечной фабрике, активно занимался комсомольской работой, свято веря, как и многие его сверстники, в идеалы коммунизма. Был весёлым, компанейским, прекрасно танцевал, мог пройтись вприсядку. Срочную службу отслужил в Сибири и на Алтае. На Енисее провалился под лёд и был чудом спасён однополчанами. После службы организовывал пионерские лагеря в Злынке и в Карховском лесу, где позже расстреляли евреев. Активный комсомолец, в конце 30-х гг. он был направлен в Смоленск третьим секретарём обкома комсомола. Через три дня после начала работы с ужасом узнал, что все руководители обкома арестованы, как вредители. Поступил на рабфак, а потом - в Новозыбковский учительский институт, на факультет географии. Учился только на

отлично и на церемонии награждения отличников познакомился с будущей учительницей русского языка Бусей Хайкиной, которую любил, обожал и лелеял всю свою жизнь. В 1940 году они с красными дипломами уехали по распределению в казахский город Джамбул. Там, в школе имени Пушкина, молодых педагогов опекала директор – репрессированная литовка Анна Адамовна Тутлис, местный «Макаренко». Через 8 лет, во Фрунзе Израиль случайно встретил изгнанную из Джамбула Анну Адамовну и устроил её на работу библиотекарем в Дом офицеров. В июне 1941-го года Аграновские поехали в первый свой отпуск к родителям в Новозыбков. Там, брат Буси – Иосиф Хайкин, позже погибший под Сталинградом, закончил школу, и вся семья была на выпускном вечере 21 июня, гуляли до утра, того самого страшного утра, когда началась война. Израилю нужно было срочно возвращаться в Джамбул, где он состоял на военном учете. Семья Хайкиных – родители Буси, её сестра и брат за 2 дня до прихода немцев тоже эвакуировались в Джамбул, а наивный Абрам Аграновский с женой, не веря в зверства немцев, отказался ехать, не захотел оставлять родной дом. Вечная им память!

Эшелон, в котором ехали эвакуированные, бомбили под Брянском, но их вагон уцелел. В Казахстане Израиля призвали в армию, в пехотное училище в Катта-Кургане, где он сначала учился, а потом преподавал военное дело, несколько раз подавал рапорты, но его так и не отпустили на фронт. Израиль служил на афганской границе, где родился Александр, в Фергане, Фрунзе, Самарканде и с 1950 года – в Азербайджане, сначала в авиадивизии в Сангачалах, а с 1952 года – в Баку. Израиль Абрамович преподавал географию в заочной школе моряков Каспия, в 164 и 178 школах. Был методистом, его большой портрет, как лучшего учителя Азербайджана, поместили в павильоне «Образование» на ВДНХ СССР.

Судьба Буси Аграновской, мамы Александра. Родилась в местечке Мартиновка Могилёвской области. Педагог русского языка и литературы, Аграновская Буся Ильинична (1921–2011), как жена офицера, вместе с мужем объездила Среднюю Азию, в каждой республике продолжала учёбу в пединститутах и сдавала сопоставительную грамматику с русским казахского, туркменского, узбекского, киргизского и азербайджанского языков, получала Сталинскую стипендию. И только

Аграновский Израиль Абрамович. Баку

Аграновская Буся Ильинична. Баку. 1957 г.

в 1961 году она закончила Азербайджанский педагогический институт имени Ахундова. Работала в Баку педагогом, была директором 222 и завучем 35 школы. Имела звание «Учитель-методист», награждена Почётной грамотой Верховного совета Азербайджанской ССР и значком «Отличник просвещения АзССР». В 1991 году семья репатриировалась на Святую землю. Рассказы об Израиле и Бусе Аграновских включены в сборник «Расцвет еврейства Азербайджана в годы руководства Гейдара Алиева», изданный «Азербайджанским культурным центром в Израиле» в 2025 году.

Сохранение памяти о Холокосте в Брянской области сегодня. В наши дни память о трагедии в Новозыбкове сохраняется, благодаря союзу усилий местных жителей и потомков жертв. Огромную роль в этом сыграла Галина Выкочко, учитель истории школы № 6 города Новозыбкова, активно сотрудничающая с Центром «Холокост». Учитель и её ученики-поисковики начали восстанавливать имена погибших, когда информации практически не было. Благодаря

Мемориальная плита с фамилией Аграновских

этой важной работе, из почти 3 000 погибших евреев, удалось установить имена 400 человек. В 2016 году, в Карховском лесу был открыт мемориал с 16 плитами, на которых высечены эти имена. Сам Александр также делает всё, чтобы печальная история его семьи не была забыта, чтобы не допустить геноцид евреев в дальнейшем. Ведёт переписку с редакцией Новозыбковской газеты «Маяк», присылая материалы о своих предках, публикует статьи о Холокосте в Новозыбкове, в израильской, российской и в азербайджанской прессе, посещает «Яд Вашем», где в «Долине памяти погибших еврейских общин» высечено название родного города родителей – Новозыбкова. Александр очень благодарен Екатерине Деревянко из Брянска, заведующему Архивом Центра «Холокост» Леониду Тёрушкину, Анне Дмитроченко и Татьяне Белас из Новозыбкова за поддержу памяти о его погибших родственниках.

Александр – один из организаторов присвоения в 2017 году имени Марка Шагала площади в центре Иерусалима, на которой проходят теперь вечера в честь великого художника. Недавняя инициатива Аграновского – установка мемориальной доски на «Театре песни» имени Рашида Бейбутова в Баку (Улица Рашида Бейбутова, 12). Здание построено в 1901 году по проекту архитектора И.В. Гославского, как синагога. Там и располагалась Ашкеназская хоральная синагога. Мемориальная доска нужна, чтобы сохранить еврейскую историю города Баку, ставшего тёплым, спасительным, гостеприимным домом для ашкеназских и горских евреев. Города, где не было и нет антисемитизма…

Автор Исай Фуксман

«176 ступенек жизни»
История бывшего узника Зямы Фуксмана

Предлагаем вашему вниманию удивительную семейную историю о Зяме Фуксмане, бывшем узнике концлагеря «Мёртвая петля» в селе Печёра, который смог уцелеть сам и мужественно вывести из этого логова смерти ещё 27 человек. О судьбе своего отца, одного из героев – евреев, нам любезно рассказал Исай Фуксман, житель г. Бат-Ям (Израиль) и поделился своими архивными фотографиями.

Я пишу этот текст в Международный День памяти жертв Холокоста. День, когда мы с грустью вспоминаем о тех, кто прошёл страшные испытания в годы нацистской оккупации.

Мой папа – Фуксман Зяма Исаакович (1930-1988). Ему было всего пять лет, когда в 1935 году от сердечного приступа внезапно умерла его молодая и очень красивая мама, моя бабушка Рая. Мой дедушка Исаак, старший сын Лёня и маленький Зяма остались одни, без весёлой и жизнерадостной Раи, в мгновенно опустевшем доме, без женской ласки, женского тепла и заботы.

Зяма с отцом Исааком жили в маленьком старом домике в селе Мястковка (Городковка) Тульчинского района Винницкой области. Именно там, на старом еврейском кладбище была похоронена его мама Рая. Он рос, взрослел, учился в школе, помогал отцу. А в 1940 году старший брат Лёня уехал учиться в Одесское военное пехотное училище. В конце мая 1941 года он закончил училище и получил назначение на погранзаставу в районе Львова. Младший политрук. В первые дни войны он пропал без вести. Следы Лёни мы потеряли и найти так и не смогли. От него осталась только одна маленькая фотография.

Началась война. Немцы и румыны, их пособники – пришли в Тульчин очень быстро. Всех евреев собрали и погнали в сторону Немирова. В колонне были только старики, женщины и дети. Еду и воду не давали.

На ночь загоняли в коровники и какие-то старые сараи.

Питались тем, что находили по дороге. Воду пили из лужиц. Иногда местные жители что-то бросали в толпу, но этого было очень мало. Тех, кто не мог идти или шёл медленно, убивали. Трупы оставались лежать

Бывший лагерь смерти. *Сегодня там – поликлиника*

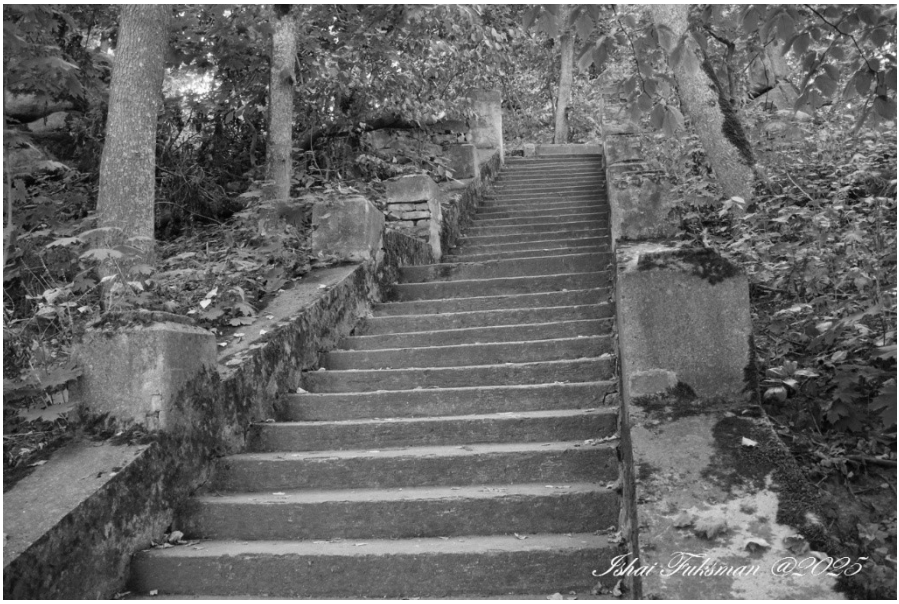
на дороге. Шли четыре дня. Колонну пригнали в село Печёра, на территорию туберкулёзного санатория. Люди сразу разошлись по территории, ставшей страшным лагерем смерти «Мёртвая петля».

Появилась охрана, которая объявила, что подходить к забору категорически запрещено. За приближение к забору – расстрел. Еды и воды не было. Там был девиз: «Мы вас не убиваем, мы вам даём право тихо умереть».

И здесь румынами и украинскими полицаями были созданы все условия, чтобы невинные евреи – дети, женщины, старики просто умирали. В течение очень короткого времени на территории лагеря было съедено всё, что можно было съесть – листья, почки на деревьях, трава, корни. Пили всё, что можно было найти. Лагерь находился на румынской территории оккупации, в зоне Транснистрии. Внешний периметр лагеря охраняли румыны, а внутри зверствовали местные украинские полицаи. Территория его находилась на возвышенности, над рекой Южной Буг.

Воду заключённым не давали, а внизу, совсем рядом, шумела река, на прекрасных перекатах. От территории лагеря вниз, к реке, вела красивая мраморная лестница. Её называли «176 ступенек жизни». Потому что спускаться к реке запретили под страхом смерти, под страхом расстрела. Но вода – это жизнь. Дети и женщины, старики просили пить, им нужна была вода. И мужчины, те, кто ещё мог ходить и взять хотя бы небольшой груз в руки, спускались ночью к реке по этой мраморной «лестнице жизни» для того, чтобы набрать хоть немного воды. Но не все смогли вернуться. Полицаи узнали о том, что люди ходят к реке набирать воду и устроили для себя развлечения – тир по живым мишеням.

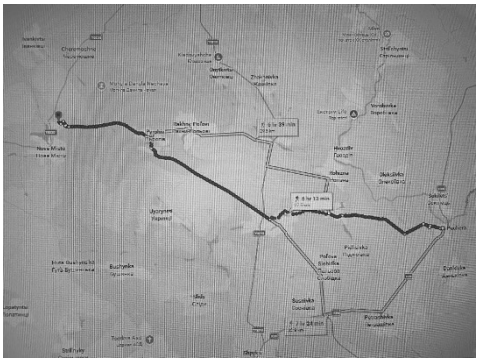
В одну из таких ночей мой папа Зяма (ему тогда было 11 лет) со своим отцом Исааком спустились по ступенькам к реке для того, чтобы

Спуск к реке Буг, те самые «176 ступенек жизни»

набрать немного воды в жестяную коробку и бутылку. Прозвучало два выстрела. Первая пуля попала в бутылку, а вторая - в голову моего дедушки Исаака. Из-за большого камня вышли два полицая. Они убили отца на глазах у ребёнка, а сейчас хотели убить и мальчика. Но мой папа всё понял, прыгнул в кусты и смог убежать. Зяма видел, как его отца бросили в подводу с другими умершими и повезли в лес, к братской могиле. Первые дни после гибели отца были для Зямы очень тяжёлыми. У него перед глазами было мёртвое, залитое кровью лицо папы, он слышал пьяный смех его убийц - полицаев, которые перезаряжали карабины, чтобы его тоже убить. Мой папа Зяма остался один, без родителей, без помощи. Теперь жизнь одиннадцатилетнего ребёнка зависела от того, сможет ли он найти себе хоть какую-нибудь еду и немного воды, и кто его пустит переночевать. И ещё, было очень – очень холодно, особенно ночью.

И он искал… Однажды удача улыбнулась ему. Он вечером залез в старую конюшню, которая стояла в самом углу лагеря, возле забора. Там он обнаружил силосную яму, которая выходила на другую сторону забора, за территорию лагеря. Зяма смог ночью пролезть в узкий лаз силосной ямы и в темноте уйти из лагеря. Папа Исаак учил Зяму, как ориентироваться по звёздам, и это сейчас очень помогло мальчику. Он

Этим путем узники бежали из лагеря смерти

шёл всю ночь. Перед рассветом он нашёл яму под корнями старого дерева, принёс немного сена из копны и устроил себе дневную лёжку. Надо было пересидеть в выбранном убежище, так как днём идти было очень опасно. Утро началось с дождя. Зяма смог собрать немного воды в кепку и попить. Очень хотелось есть. Еды не было и надежды не было, только отчаяние.

И тут он услышал шум, выглянул из своего убежища и увидел пастушка, по виду своего ровесника, который вёл корову по краю поля вдоль перелеска. Зяма вылез из ямы и тихонько пошёл вслед за пастушком, скрываясь за кустами. Пастушок дошёл до конца поля, привязал корову к дереву, сел на землю и вынул из кармана кусок хлеба и варёную картошку. Тут Зяма не выдержал, подошёл к пастушку и попросил что-нибудь поесть. От пастушка он узнал, что за полем находится село Красное. Там немцы устроили гетто, где содержатся евреи, которые работают на сахарном заводе *(Село Красное Винницкой области, Тывровского района – прим. И. Фуксмана)*.

Румыны выселили из заводского посёлка всех жителей, согнали туда евреев и закрыли всю территорию высоким забором с колючей проволокой. Старшим назначили работника сахарного завода – еврея. Его звали Яков. Он много лет работал в селе Красное на заводе. Оккупанты назначили его на должность старосты, и он отвечал за всё, что происходило на сахарном заводе, за производство, вёл учёт людей в гетто. Зяма нашёл Якова и рассказал ему всё, что произошло с ним за последние дни. На Зяму было страшно смотреть: худой, кожа и кости, лицо обветренное, глаза воспалённые, руки – в язвах, весь в оборванной одежде, сильно кашлял. Яков поговорил с Зямой и отвёл его к своим друзьям, попросил приютить, пока Зяма выздоровеет. Мальчика там согрели, одели и подлечили. А Яков выдал ему справку, как члену семьи, приютившей его.

В гетто в селе Красное пока что можно было жить. Надо было только соблюдать границы гетто и иметь силы работать на сахарном заводе. За это выдавалось удостоверение «Jude-Kenyatta», с пометкой «Jude».

А через месяц Зяма пришёл к Якову и сказал, что хотел бы попробовать вернуться в лагерь и попытаться спасти кого-нибудь. Яков согласился оказать помощь людям, если Зяма приведёт их в Красное.

Ночью Зяма взял сумку с хлебом, луком и картошкой и пошёл обратно в лагерь. Дорога заняла у него две ночи. У него была очень хорошая память, и он перед рассветом уже пролез через лаз в силосной яме и зарылся в соломе на старой конюшне на территории лагеря. Энергичный, пытливый мальчик был знаком со многими людьми в лагере и очень скоро собрал одиннадцать человек, которые согласились покинуть лагерь. Вечером, когда стемнело, они встретились в конюшне и ночью ушли из лагеря. Они были в пути две ночи. Днём отлёживались в перелесках, которые Зяма присмотрел раньше. На второй день беглецы благополучно пришли в село Красное, где староста Яков разместил их в семьях в гетто и выдал им документы. А через неделю Зяма опять пошёл в лагерь и привёл новую группу – десять человек из страшного лагеря «Мёртвая петля».

В январе и феврале выпало много снега. Зяма сидел в гетто, так как выходить оттуда было опасно: на свежем снегу оставались следы. А в начале марта, когда немного потеплело, мальчик опять пошёл к Якову и попросил разрешение выйти из гетто. Ночью, взяв продукты в дорогу, он опять пошёл в лагерь.

Собирать третью группу пришлось дольше обычного, так как люди в лагере за эти два месяца очень ослабели и не решались на столь тяжёлый ночной переход. Зяма с трудом нашёл восемь человек – шесть женщин и двух мужчин. Ночью они ушли из лагеря. Но в этот раз удача отвернулась от несчастных беглецов.

В группе находились пожилые женщины, люди были обессилены, группа шла очень медленно. К рассвету они не смогли пройти необходимое расстояние до безопасного места, где можно было переждать и отдохнуть. Поэтому пришлось остановиться в перелеске, который оказался недалеко от оживлённой дороги, где днём было движение немецких войск и постоянно передвигались патрули жандармов с собаками. Надо было лежать очень тихо, даже не двигаясь. Среди беглецов была молодая женщина. Грудь у неё была перевязана тремя платками.

Мемориальная доска жертвам Печёрского концлагеря

Никто не знал, что она несёт на себе грудного ребёнка. В самый неподходящий момент ребёнок заплакал. Это был даже не плач, это был тихий писк. Но собаки его услышали. И патруль решил проверить, что происходит в кустах. Беглецам пришлось срочно покидать убежище и убегать в лес. Жандармы увидели их и начали стрелять. Двоих беглецов убили, трое были легко ранены.

Зяма повёл людей в лес. До села Красное оставалось пройти меньше половины пути, но они вынуждены были уйти в сторону и попали в болото. Обходить болото не было времени. За ними шли солдаты с собаками. И тогда Зяма начал искать брод. Он уже попадал на болото и знал, как по нему надо идти, нашёл брод и вывел людей на сухое место. Собаки в болото не полезли, беглецы смогли уйти от погони.

Но пока Зяма искал брод, он весь промок, потому что несколько раз срывался с тропы и с головой уходил под воду. Развести костёр, согреться и высушить одежду не было возможности – надо было быстро уходить из этого леса. Потому что немцы и румыны могли организовать погоню и пойти в обход болота. Люди бежали, падали, вставали и опять бежали из последних сил, бежали от смерти, промокли и сильно промёрзли. Это был холодный март 1942 года.

К вечеру Зяма очень сильно заболел. Купание в ледяной воде не прошло для мальчика даром. У него поднялась очень высокая температура и начался сильный кашель. Но Зяма понимал, что только он может вывести людей в село Красное. Тогда он позвал одного из мужчин и объяснил ему куда надо идти и как найти Якова.

Через некоторое время мальчик потерял сознание. Беглецы принесли Зяму в Красное на руках. Там была очень хорошая медсестра, которая смогла его вылечить. Зяму лечили полгода, но он остался на всю жизнь болен хронической пневмонией.

Мой папа Зяма был очень добрым человеком. Он всегда гордился, что смог, будучи ребёнком, спасти двадцать семь жизней от неминуемой смерти. И обязательно плакал, когда вспоминал лагерь и слышал песню «Купите папиросы!». После войны он встретил свою любовь, воспитал двух сыновей.

Зяма Исаакович Фуксман ушёл из жизни 13 сентября 1988-го года, похоронен на старом еврейском кладбище в городе Тульчин. Все спасённые им евреи, бывшие узники лагеря смерти «Мёртвая петля», благодарны ему. Вечная светлая память моему дорогому отцу и всем нашим родным, которые прошли через ужасы Холокоста!

Зяма и семья. 1953 год

Зяма Фуксман с женой.

КТО ЗНАЛ ЗЯМУ?

ЭХО ХОЛОКОСТА

Будучи недавно в Израиле, мы с зятем прочитали на украинском сайте материал о том, как юные проводники выводили из Печерского гетто своих земляков и тем самым спасали десятки жизней.

Среди спасателей был Зяма (Зязя) Фуксман, уроженец Шпикова, послевоенный житель Тульчина. В сайте написано, что в возрасте 12-14 лет он 14 раз выводил группы беглецов из Печерского лагеря в Красное и Деребчин. Эта деятельность малолетних героев была связана со смертельным риском и для проводника, и для беглецов.

Зяма Фуксман вспоминал, что, когда он тяжело заболел, его выхаживали вместе узники гетто в течение трех месяцев.

Тот самый Зяма – отец моего зятя, проживающего в Израиле. Герой вырастил двоих сыновей – патриотов Израиля.

К сожалению, Зяма Фуксман несколько лет назад ушел из жизни...

Детям и внукам Зямы Фуксмана было бы приятно узнать (и прочесть в вашей газете) о судьбе тех, кто как-то соприкасался с юным героем или был им спасен.

Вечная память всем павшим в годы Холокоста. Да будут счастливы те, кто пережил эту страшную трагедию.

С уважением,
Семен ТИТЕЛЬ,
Бруклин

Лагерь смерти

Жёлтые звезды – вот знак.
Гитлер хотел только так:
Можете здесь умирать…
«Мёртвой петлёю» назвать
Лагерь решили враги.
Снова стучат сапоги.
Зяме одиннадцать лет.
Сколько же горя и бед
Видит мальчишка вокруг.
Замкнутый, замкнутый круг.
Лагерь в Печёре. Отец
Ночью сумел наконец
К Южному Бугу пройти,
Сыну воды принести.
Но полицай тут как тут.
Папу Исаака убьют.
Мальчик без стона и слёз
Спрячется среди берёз.
Буду бороться и жить,
Чтоб за отца отомстить.
Путь он находит, людей.
Вывести хочет скорей,
Чтобы от смерти спасти.
Надо ночами идти.
Надо молчать и молчать.
Вот начинает светать.
В Красном, в селе, уже ждут.
Воду, одежду дадут.
Даже еду. И опять
Зяма уходит спасать
Тех, кто в Печёре, без сил,
Кто о пощаде молил.
Сколько им выпало бед!
Зяме одиннадцать лет.
Но размыкается круг.
Свет появляется вдруг:
Это солдаты идут.
Мир от фашизма спасут.
Маленький Зяма, герой.
Нам свое сердце открой!
Мирный приходит рассвет.
Зяме одиннадцать лет…

Мария Фуксман-Титель.
Бат-Ям, Израиль.

Часть 2. Эвакуация

Александр Городницкий: «Время было тяжёлое, голодное…»

Александр Моисеевич Городницкий – поэт, один из основоположников жанра авторской песни в России, один из ведущих российских учёных в области геологии и геофизики океана. Им опубликовано более 250 научных работ, в том числе 20 монографий. Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2005), Заслуженный деятель искусств Российской Федерации (2013), первый лауреат Государственной литературной премии имени Булата Окуджавы (1998). По мировоззрению – шестидесятник. В октябре 2018 года песня Городницкого «Атланты» стала официальным гимном Государственного Эрмитажа. Его именем названы малая планета Солнечной системы (астероид) № (5988) Городницкий и перевал в Саянских горах.

Он родился в 1933 году, в Ленинграде на Васильевском острове, в еврейской семье. Отец – Моисей Афроимович Городницкий (1908-1986), инженер-полиграфист, кавалер ордена Трудового Красного Знамени (1945); мать – Рахиль Моисеевна Городницкая (1908-1981), в молодости – преподаватель математики, затем редактор морских лоций. До войны семья жила в коммунальной квартире. Вместе с матерью мальчик пережил в Ленинграде первую блокадную зиму. В апреле 1942 года маму и сына эвакуировали в Омск, где глава семейства работал в военной гидрографии. В 1945 году семья Александра Моисеевича вернулась в Ленинград. Он поделился с нами своими фотографиями и уникальными воспоминаниями о войне, о том страшном времени, голоде и Блокаде, о нелёгкой жизни в эвакуации, об антисемитизме тех лет.

* * *

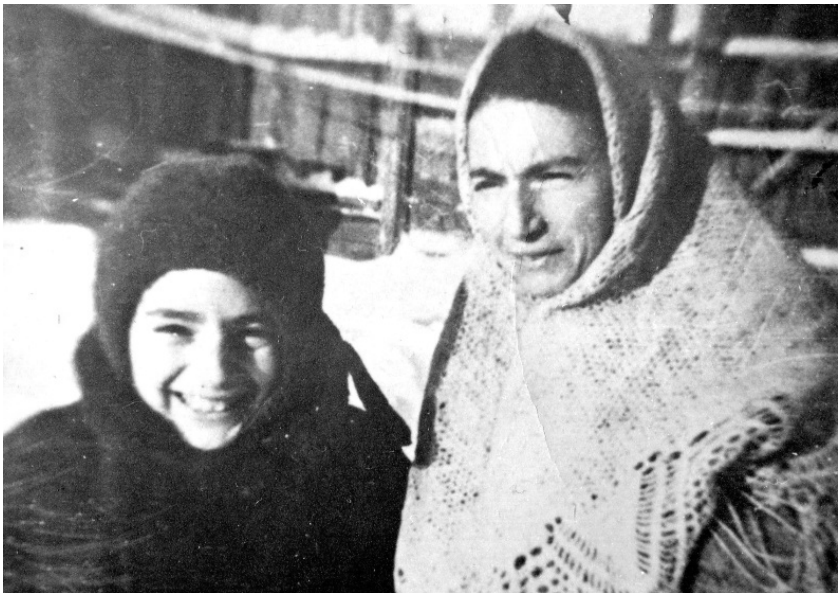
Начало войны. Для меня война началась не 22 июня, а 1 мая 1941 года, на первомайской демонстрации, на которые я любил ходить вместе с отцом. Колонна Картографической фабрики ВМФ, двигавшаяся по улице Герцена, которой сейчас вернули прежнее, дореволюционное название Большая Морская, через Исаакиевскую площадь, ненадолго остановилась у здания германского консульства, на котором развевался огромный красный флаг с белым кругом и черной свастикой

посередине. Тогда мы ещё дружили с Третьим рейхом. Уже потом, в чёрную зиму блокады и в сибирской эвакуации, мне, как страшный сон, как кошмар, виделся этот гитлеровский флаг, развивающийся над моим родным Ленинградом.

Я отчётливо помню ясный июньский день, когда отец приехал из города на дачу и сказал, что началась война. В это трудно было поверить – вокруг стояла невозмутимая летняя тишина, и казалось, что ничего не изменилось. Однако, изменилось многое. Почти сразу после начала войны, в июле 41-го, моя мать вместе с начальными классами своей школы выехала, забрав меня с собой, в деревню под Валдай. В соответствии с планом эвакуации, составленным ещё перед Финской войной, в 1939 году, туда отправили несколько тысяч ленинградских детей. Как вскоре выяснилось, вывезли нас практически навстречу немцам... Уже в первый месяц войны вермахт вплотную подошёл к Валдаю, в то время как Ленинград ещё был относительным тылом. Вспоминаю, как громыхали на западе орудийные залпы, горело небо, через деревню тянулись обозы с беженцами и медсанбаты. Линия фронта стремительно приближалась. Многие родители кинулись из Ленинграда за своими детьми, чтобы забрать их обратно. В августе, одним из последних эшелонов, нас с матерью вывезли в Питер.

Помню бомбёжку на станции Малая Вишера, когда мы прятались под вагонами, а вокруг всё было красиво освещено яркими осветительными ракетами. (Несколько лет назад в Нью-Йорке я неожиданно встретил женщину примерно моего возраста, с которой, как оказалось, мы тогда ехали в одном вагоне). Так, с горем пополам, в конце августа мы добрались до Ленинграда, а 8 сентября немцы взяли Шлиссельбург, и замкнулось кольцо блокады.

Осень 1941 года тоже была сухой и погожей. Бомбёжки становились всё чаще, к ним добавился артиллерийский обстрел. Пайки урезались каждую неделю. К зиме вырубили все деревья на бульваре. Исчезли с улиц и дворов голуби, кошки и собаки. Располагавшийся неподалёку от нашего дома Андреевский рынок, из праздничной выставки пищевого изобилия, превратился в мрачную пустыню. По городу распространились упорные слухи, что детей воруют, убивают и продают потом на рынках в качестве телятины. Поэтому, мать категорически запретила мне выходить на улицу. Отца ещё в августе отправили в Омск, куда была эвакуирована Картографическая фабрика, для срочного выпуска военно-морских карт, и мы с матерью остались вдвоём. Началась бесконечная, чёрная и голодная блокадная зима.

Александр Городницкий с мамой в эвакуации. Омск. 1943 год

Пожар в доме в Ленинграде. Дом наш загорелся в январе 1942 года не от бомбы и не от снаряда. В квартире выше этажом умерла соседка и оставила непогашенной буржуйку, а гасить понемногу разгоравшийся пожар было нечем – воду тогда приходилось таскать из проруби на Неве. В апреле 1942 года через ладожскую «Дорогу жизни» нас отправили в эвакуацию в Омск, где уже работал отец. Машины шли ночью, с погашенными фарами, чтобы не заметили немцы.

Многие из этих автомобилей навсегда проваливались под весенний лёд. На восточном берегу Ладоги нас пересадили в товарные вагоны. В Омске, первый год, отец почти всё время был на казарменном положении – надо было срочно пустить фабрику. Мать пошла работать вахтёром (за это давали рабочую карточку), а к 1944 году освоила специальность сначала корректора, а потом технического редактора в Гидрографии, где и проработала до пенсии. Около двадцати пяти лет, уже после войны, она редактировала морские лоции, штурманские таблицы и наставления для мореплавателей. Вспоминаю, что уже через десятки лет, во время долгих плаваний на «Крузенштерне» и других гидрографических судах, открывая по ночам на вахте в штурманской рубке увесистые тома морских лоций, в выходных данных я не без гордости читал: «Технический редактор Р.М. Городницкая».

Александр Городницкий (в центре) в детском лагере «Чернолучье» под Омском. Июль 1945 года

Эвакуация. Омск. В эвакуации, в Омске, я пошёл в школу, сразу во второй класс. Время было голодное. Немногие носильные вещи, захваченные из Ленинграда, были довольно скоро обменены на продукты. Спасала посаженная нами картошка, которая заменяла все. В эвакуации, класса с третьего, я пристрастился к чтению. В доме на Войсковой улице, где нас поселили, каким-то образом оказались подшивки старых журналов «Вокруг света», которые я перечитывал много раз, наивно мечтая о дальних путешествиях. Может быть, именно поэтому, география стала моим любимым предметом. Сюда же, в Омск, был эвакуирован из Москвы Театр имени Евгения Вахтангова, так что, первый мой выход в драматический театр состоялся в Омске. Было это, кажется, уже в 1943 году. На сцене шёл «Сирано де Бержерак» в переводе Щепкиной-Куперник. Мне посчастливилось месяца за два до этого прочесть однотомник Ростана, так что всего «Сирано» я знал почти наизусть. В конце первого акта, действие которого происходит в театре, король проходит со свитой через сцену и говорит: «Что сегодня было на ужин?».

Ко всеобщей радости публики, актёр, игравший короля, под сильным впечатлением от собственного ужина, а возможно, в мечтах о нём, неожиданно сказал: «Что сегодня было на ужин – биточки!». Однако, основу культурной жизни в эвакуации составляло кино. Его крутили в клубе Гидрографии по два раза в неделю. И песни, впервые

прозвучавшие с экрана, надолго овладевали зрителями. Помню, как поразил меня фильм «Большой вальс», как все мальчишки после фильма «Три мушкетера» постоянно распевали на пыльных омских улицах бодрую песенку Д'Артаньяна: «Вар, вар, вар, вар, вара, я еду на коне», но более всего запомнился мне Марк Бернес в фильме «Два бойца», с его знаменитой песней «Тёмная ночь». Кинофильм этот был особенно близок мне ещё и потому, что действие его проходило в недоступном для меня тогда Ленинграде.

Вместе с тем, когда я думаю об истоках авторской песни в нашей стране, полагаю, что её зачинателями были не только Булат Окуджава и другие авторы начала 60-х. Их предтечей в военные годы был и Марк Бернес с гитарой в руках, который среди грохота бомб и снарядов «ревущих сороковых» впервые открыл для нас её задушевную интонацию. И если именно интонация, негромкий, но проникающий в самое сердце голос – отличительная особенность этого жанра, то Марка Бернеса можно с уверенностью относить к одному из его основателей. И это в те времена, когда гитара ещё обличалась, как символ мещанства.

Не случайно песня «Тёмная ночь», сразу же выделившись на гремящем фоне грозных и бравых военных песен, за несколько недель облетела всю страну, стала любимой на фронте и в тылу, породила массу весёлых и грустных пародий. Открыв для себя Бернеса на этой песне, я стал буквально отслеживать все его роли. Оказалось, что удивительная и точная интонация его негромкого речитатива звучит во всех мелодиях, которые он поёт, – и в кинофильме «Истребители» («В далекий край товарищ улетает»), и даже в не слишком удачной песне о Ленинграде («Слушай, Ленинград, / Я тебе спою / Задушевную песню мою»). Все песни он пел так, как будто сам их написал. При этом, задушевность исполнения совершенно не зависела от сопровождающего инструмента – это могла быть гитара («Тёмная ночь»), рояль («В далекий край товарищ улетает») и даже гармошка («Тучи над городом встали»).

«Омские мальчишки объяснили, что значит быть «жидёнком». В Омске я впервые понял, что песня может не только радовать, но и вызывать чувство обиды и стыда. Ещё в 1942 году, в начале эвакуации, словоохотливые омские мальчишки в нашем дворе, обозвав меня «жидёнком», популярно объяснили, что это значит. Хорошо помню растерянные лица родителей, к которым я кинулся за поддержкой. Помню, как долго плакал и ни за что не хотел быть евреем, хотел быть, как все вокруг. Уже значительно позднее я узнал о нацистских

песнях, распевавшихся в гитлеровской Германии, и понял, какой страшной может быть песня, призывающая к убийству и погромам.

«Пытался найти наш омский дом». Работая над автобиографическим документальным фильмом «Атланты держат небо...» (режиссёр Наталья Касперович), я со съёмочной группой побывал в Омске. Надо сказать, что в огромном современном промышленном городе, не узнал того города военных лет, где прожил годы эвакуации. Пытался найти наш омский дом, но, видимо, он уже не существует. А проблемы того времени есть до сих пор. Из всех дней, проведённых в Омске, отчётливо всплывает в памяти самое радостное событие – День Победы в 1945 году.

Город был на военном положении, но школы и госпитали работали вовсю. Помню, когда я учился во втором и третьем классах, мы читали стихи раненым. Время было очень тяжёлое, голодное. Первые диктанты писались в самодельных тетрадках из обёрточной бумаги. Но борьба с общим врагом и наша общая Победа над ним - объединяли людей.

Возвращение в Ленинград. В сентябре 1945 года мы возвратились в родной Ленинград. Поскольку дом наш на Васильевском сгорел, отцу выписали ордер на комнату, разрушенную попаданием снаряда, в

Александр Городницкий (слева) с Володей Михайловским. Ленинград. 1947 г.

в большом доме на углу Мойки и Фонарного переулка. На время ремонта нас почти на три месяца приютила семья Карцевых, с которыми мои родители познакомились в начале эвакуации, в товарном вагоне эшелона, идущего в Омск. Глава семьи Георгий Николаевич был старым «морским волком» и ещё до войны много лет проработал в Главсевморпути. Только в конце ноября мы с родителями наконец-то перебрались в собственную комнату в большой коммунальной квартире на Мойке, 82, где я прожил более десяти лет. Война для меня закончилась. Но её отзвуки ещё не раз возникали в моей жизни.

Мама. Моя мать, Рахиль Моисеевна Городницкая, умерла от очередного инфаркта. Сама она за всю свою жизнь, кроме повседневной работы и забот по дому, ничего не видела, за границей не бывала, по морям не плавала. Последние годы мать мучили постоянные страхи за меня и за отца, превращавшиеся в нервную болезнь. Она боялась взять телефонную трубку, открыть дверь на внезапный ночной звонок. Когда я задерживался вечером в городе, она могла часами стоять у окна, с тревогой вглядываясь в темноту. При этом, к моим многомесячным экспедициям в Арктику и дальние моря она относилась спокойно, даже зная о риске во время погружений на подводных аппаратах. Всё это происходило, как бы вне её реальной жизни и не вызывало такого беспокойства, как мои вечерние опоздания.

Все невзгоды нашей семьи ложились на хрупкие мамины плечи. Её любили, кажется, все вокруг – и домочадцы, и соседи. Каждого вошедшего в дом, она старалась прежде всего накормить, хорошо помня чёрные военные годы. Более всего боялась обременить кого-нибудь собой, причинить неудобство. Терпеть не могла долгов и внушила эту нетерпимость мне. В доме, несмотря на нужду, всегда поддерживала медицинскую чистоту. Она и умерла оттого, что, почувствовав себя плохо и уже вызвав врача, вдруг решила вытереть пол, показавшийся ей недостаточно чистым. Её внезапная смерть в ноябре 1981 года, по существу, сломала отца.

Папа. Отец, Моисей Афроимович Городницкий, после ухода мамы потерял интерес к жизни, хотя был человеком любознательным и общительным. В январе 1985 года у него обнаружили рак лёгких, к сожалению, неоперабельный. Летом того же года мы с женой не без труда уговорили его переехать к нам в Москву (он долго сопротивлялся этому переезду, не желая уезжать от могилы матери). Скрывая от него смер-

Александр Городницкий с отцом. Ленинград. 1947 год

тельный диагноз и стараясь отвлечь от размышлений о болезни, я предложил ему написать воспоминания о его детстве и юности. Будучи человеком, приученным к порядку и каждодневному труду, он завёл конторскую книгу и начал аккуратно записывать туда свои воспоминания. Работал он, к несчастью, недолго. 6 мая 1986 года он умер на моих руках, от горлового кровотечения.

О родителях. Когда я думаю о счастливых семейных парах, в наше время достаточно редких и нетипичных, то всегда вспоминаю своих родителей. Сейчас они лежат рядом, под одним надгробным камнем на Казанском кладбище в Царском Селе, и я - рано или поздно, надеюсь к ним присоединиться.

Каждый раз, по приезде в Питер, навещая их могилу, расположенную в конце еврейского участка, я прохожу мимо древнего покосившегося и заросшего мхом могильного камня с изображением могендовида и надписями золочёными буквами по-русски и на иврите. Здесь похоронен в 1896 году лейб-гвардии фельдфебель Шимон Черкасский, видимо выходец из кантонистов, отдавший жизнь за обретённую им

Александр Городницкий с родителями

негостеприимную родину. Заброшенная эта могила поневоле заставляет задуматься о собственной судьбе.

День сегодняшний. Однажды питерский телеканал «100 ТВ» выпустил документальный сериал «Дети Блокады» об известных жителях Петербурга, переживших блокаду, в число которых попал и я. Съёмочная группа сначала снимала меня на 7-ой линии у ворот моего старого дома, а потом в Музее истории Санкт-Петербурга на Английской набережной Невы, где есть большой отдел, посвящённый блокаде. Меня привели в маленькую комнатушку, имитирующую блокадную пору: буржуйка, окна, заклеенные крест-накрест бумажными полосками, чёрная тарелка репродуктора на стенке – и усадили на узкую койку. «Подождите пару минут, – сказали операторы, – мы сейчас принесем камеру и будем вас снимать». С этими словами они вышли. Через две минуты в уши мне неожиданно ударил вой сирены, из включившегося репродуктора хорошо знакомый, как бы возникший из подкорки моей памяти, голос закричал: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!» Сердце мое бешено заколотилось. Я съёжился, обхватив голову

руками. Глаза мои вылезли из орбит, на них выступили слезы. Оказывается, всё это время операторы снимали меня скрытой камерой, а потом вставили это в фильм. Ну и методы! Почти как у Анджея Вайды, в картине «Всё на продажу»!

Через пару дней после показа этого фильма по телевидению, мне позвонила моя давняя приятельница, литературный критик Ирина Муравьёва: «Я хотела поговорить с тобой о блокаде, но видела по телевизору фильм и не буду тебя тревожить…».

В статье использованы материалы из книги «Атланты держат небо…»: воспоминания старого островитянина / Александр Городницкий. 3-е изд., доп. и испр. Москва, 2016.

Фото из личного архива А.М. Городницкого.

Руководитель Центра «Sholumi» Шауль Симан-Тов с Александром Моисеевичем Городницким в РКЦ. Израиль. 11 октября 2019 г.

Софья Дрель:
«Родителей о детской эвакуации не предупредили...»

Софья Самуиловна родилась 15 июля 1938 года в Москве, в семье главного электрика завода им. Войкова – Самуила Моисеевича Якубовича и бухгалтера-плановика Рахили Самуиловны Болотиной. Семья была благополучной и счастливой. Но мирное течение жизни нарушило нацистское нападение на страну.

Рассказывает сын Софьи Самуиловны, москвич Леонид Дрель: «Когда началась война, моя мама в возрасте трёх лет, с детским садом срочно покинула столицу и уехала в эвакуацию в Горький (сегодняшний Нижний Новгород). Родителей о детской эвакуации не предупредили. И моя бабушка Рахиль немедленно отпросилась с работы и помчалась за своей дочкой, моей мамой! Чудом достигнув поезда с детсадовскими ребятами, бабушка сняла своё дитя с состава и уже вдвоём они отправились в эвакуацию.

Самое сильное впечатление моей мамы в период войны – громкий гудок паровоза, страшной силы, от которого закладывало детские уши. Военный человек подсказал ей, что во время гудка нужно открывать рот, чтобы уравновесить внутреннее давление.

После окончания войны у мамы началась обычная жизнь советского человека. Окончив восемь классов, Софья поступила в техникум, где получила профессию химика-технолога. А затем поступила в институт на вечернее отделение, продолжая работать. Но обстоятельства заставили её на четвёртом курсе оставить учёбу ради заработка.

Моего отца, инженера-строителя Владимира Ионовича Дреля, она встретила в возрасте 28 лет. Вскоре на свет появился я. Денег в нашей семье всегда не хватало, но я никогда не чувствовал себя обделённым, именно благодаря маме и её стараниям. Всю свою жизнь она посвятила только мне, уделяя максимум времени. Летом непременно старалась вывезти меня на море, потому что в детстве я много болел. Помню яркий эпизод, когда мама учила меня читать, и мы несколько часов подряд учили поэму Некрасова, повторяя строчки: «В лесу раздавался топор дровосека». Благодаря ей, я быстро пристрастился к чтению и полюбил книги.

В моей маленькой маме (у неё – очень небольшой рост), есть удивительная внутренняя сила и крепкий стержень характера. Сломить её было непросто. И это проявлялось во всём…

Софья Дрель в детстве

Вот пример. Отчаянная туристка, отдыхая на озере Селигер во время шторма она плыла на байдарке. Лодка сильно раскачивалась, чуть-чуть не перевернулась, мама могла погибнуть. Но благодаря своей силе, мужеству и выдержке, ей удалось с трудом выбраться на берег и спастись.

Она всегда – на моей стороне, готова помочь и поддержать. В школе я учился хорошо, но случались проблемы. Мама искренне помогала мне справиться со школьными трудностями.

Музыкальную школу по классу фортепиано я также закончил при огромной поддержке и помощи Софьи Самуиловны. Она заставляла меня, так любящего погонять во дворе футбольный мяч с мальчишками, сидеть за инструментом и учить гаммы. Сначала она взяла напрокат пианино, чтобы я мог заниматься дома, а затем, как только скопила денег, купила его. Оно стоит у нас до сих пор.

Затем я поступил в институт и прямо оттуда, в 1985 году, меня забрали в армию. Очередной значимый эпизод из памяти: когда нашу команду призывников везли со сборного пункта на Киевский вокзал, чтобы отправить служить, она – единственная из всех родителей, нашла нас и передала мне в дорогу всякие вкусности. А потом, регулярно посылала в армию посылки со всем, самым необходимым, включая тёплые стельки, очень пригодившиеся во время службы, в лютые зимние морозы. Несмотря на случившуюся тогда чернобыльскую катастрофу (служил я вблизи от места аварии), мама регулярно навещала меня.

Проработав всю жизнь химиком-аналитиком на секретном заводе, сейчас мама на пенсии. Несмотря на солидный возраст, имеет прекрасную память и живой интерес к жизни, к политике, очень любит читать российскую и еврейскую прессу, делает подшивку газет и журналов,

Софья Дрель с сыном

слушает радио, смотрит новости, имеет свое мнение по ряду происходящих событий. В её лице я всегда найду интересного и достойного собеседника, способного обсуждать со мной любые темы.

Все черты, так присущие а идише маме – самоотверженная и бескорыстная любовь к своему ребёнку, его развитие и образование, его счастье и брошенные только на него последние силы, так присущи и ей, ведь я был и есть для неё – главная и единственная цель в жизни. А ещё, как и все еврейские мамы, Софья Дрель прекрасно готовила фаршированную рыбу, котлеты и весь наш национальный спектр еды. На праздники мы подпольно доставали мацу. Очень люблю свою маму и каждую новогоднюю ночь загадываю, чтобы следующий год провести с ней».

Софья Самуиловна Дрель умерла дома, в Москве, 2 февраля 2024 года, похоронена на Митинском кладбище. Подробный рассказ об её отце, Самуиле Якубовиче, пережившем Великую Отечественную войну и гибель своих родителей от нацистских оккупантов – можно прочитать в моей первой книге: «Евреи – жертвы Холокоста и воины Красной армии. Избранные истории из первых уст».

Марат Бендерский. «Мама» .

Я уже далеко не молод, но память хорошо сохранила детали того времени, когда мне было пять лет. Приграничный городок, артиллерийский полк, начальником полковой школы там служит мой папа – капитан. Дом Красной Армии, там работает мама. Папа – Израиль Эльевич Бендерский (1909-1986) учит молодых бойцов метко стрелять из пушек и миномётов, а мама командиров и их жён – танцевать. Мама – Клара Марковна (1914-2011) руководит танцевальным кружком, ставит и репетирует всякие разные танцы, а потом они выступают с концертами перед бойцами. Папа целыми днями пропадает в полку, занимается с молодыми артиллеристами, а в перерывах скачет на своём любимце коне Буяне.

Вскоре, мама стала брать меня с собой на работу. Она работала, а я свободно бродил по Дому Красной Армии, заглядывая во все углы. Особенно интересно было смотреть, как киномеханик в своей будке перематывает киноплёнку. На столике – две катушки. Киномеханик быстро крутит специальную ручку и перематывает плёнку с одной катушки на другую. Затем жмёт куда-то пальцем, и катушки останавливаются. Мне очень хотелось самому перемотать плёнку, но киномеханик не разрешал, говорил, что детям вообще здесь находиться опасно и выгонял из кинобудки.

Однажды по случаю какого-то праздника в Доме Красной Армии был бал. Мама с папой танцевали, а я, как всегда, бродил один. Заглянул в кинобудку, там никого. Подошёл к столику. На одной из катушек была намотана киноплёнка.

Я не удержался, взялся за долгожданную ручку и с замиранием сердца начал быстро крутить. Кто-то шёл по коридору. Я испугался и решил, как киномеханик, пальцем остановить катушки. И вдруг мне стало очень больно, я закричал, увидел кровь и болтающуюся на шкурке фалангу указательного пальца, начал кричать ещё громче. Вбежавший киномеханик схватил меня на руки и не знал, что делать дальше. Затем прибежали мама, папа. Мама сказала, что во всём виноваты они с папой и заплакала. Киномеханик что-то испуганно пытался объяснить, говорил, что его в будке не было, что будку он никогда не закрывает, а палец попал в какую-то зубчатую передачу, но его никто не слушал. Папа схватил меня на руки и побежал в санчасть, которая находилась недалеко от Дома Красной Армии. Доктор сделал мне

Семья Бендерских. Слева направо: Катя, дочь Марата, Люба, жена Марата, Марат, Наталья – сестра Марата, дети Кати и Насти – внуки Марата, Настя – дочь Марата

укол, пришил фалангу и наложил гипс. Мама держала меня за руку, плакала и говорила, что теперь она всегда будет рядом и никуда меня одного не отпустит. Доктор успокаивал маму, обещал, что всё будет хорошо, и не надо так волноваться.

Когда сняли гипс, оказалось, что не всё так хорошо, как обещал доктор. Фаланга срослась неправильно, палец был кривой и некрасивый. Мама повезла меня во Львов, к специалисту. Специалист сказал, что, если мы хотим иметь красивый палец, его надо ломать и делать всё заново. Мама сказала, что больше мучить ребёнка никому не даст, и мы уехали. Своё обещание не оставлять меня одного мама сдержала, бросила работу, бросила танцы и всё время проводила со мной. Я был счастлив. Я смотрел на свой некрасивый палец и благодарил его за возможность быть постоянно рядом с мамой. Правда, это не уберегло меня от других травм. Однажды в киножурнале я увидел, как прыгают с самолёта парашютисты и сразу заявил, что, когда вырасту, тоже буду парашютистом. Папа сказал, что для этого надо много тренироваться. Тренироваться я начал сразу. Парашютом служил мамин зонт. Я становился на стул, раскрывал зонт и прыгал. Тренировки закончились, когда я решил прыгнуть со стола. Приземление оказался неудачным, я врезался в ребро батареи отопления и сильно рассёк голову. Мне было больно, я плакал. Мама тоже плакала и вновь винила себя. Память об этом полёте – шрам, осталась у меня на всю жизнь.

Клара Марковна Бендерская. 1941 г.

Наконец, папа объявил, что мы едем в отпуск. Мы давно ждали этого, но папа никак не мог вырваться. Так он говорил. Ура, мы едем на море, в Ялту! По дороге собирались провести несколько дней в Виннице, где жила бабушка, папины и мамины родственники. Мама начала собирать вещи. Вещей набралось много, три больших чемодана. На молчаливый вопрос папы, мама объясняла, что в одном чемодане наши с тобой вещи, в другом – сына, а в третьем – подарки бабушке и родственникам. Утром должен был прийти Петро и отвезти нас на вокзал. Когда я проснулся, папа разговаривал с незнакомым солдатом, который сказал, что объявлена боевая тревога и папе необходимо срочно прибыть в расположение части. Папа сказал, чтобы мы были готовы, ждали его и Петра, а он постарается всё быстро выяснить и вернуться. Ни папу, ни Петра мы так и не дождались. Пришёл незнакомый капитан и сказал, что это – война, и ему поручили срочно организовать эвакуацию семей офицеров, т.к. городок наш находится недалеко от государственной границы. Было воскресенье 22 июня 1941 года.

Капитан приказал взять с собой документы и самое необходимое, но не более одного чемодана, зайти в гарнизонный магазин, получить бесплатно продукты на два-три дня и через полчаса собраться у столовой. Сказал, что все распоряжения даны, но мы должны поторопиться, так как стреляют уже близко и убежал. Мама побледнела:

– Что значит близко? Кто стреляет?

Я плакал. Мама прижала меня к себе, голос её дрожал:

– Не плачь, Маратик, не плачь. Всё будет хорошо. Я с тобой.

Где-то далеко стреляли, мне стало страшно. Мама засуетилась, схватила сумку с документами, какой-то чемодан, меня, и мы побежали. Около командирской столовой собрались жёны командиров с

детьми и около десяти запряжённых подвод. Прибежал капитан, проверил, все ли на месте и приказал рассаживаться по подводам. Не прошло и 15-ти минут, как мы тронулись в путь. Ехать надо было километров 40 на станцию, где, как сказал капитан, уже готовят товарные вагоны для эвакуации населения. По дороге встретили две грузовые машины с солдатами, они возвращались со стрельбищ, веселились, пели песни и не знали, что уже несколько часов идёт самая настоящая война. Капитан приказал освободить машины, развернул их и велел всем пересесть на машины, без вещей. Женщины заволновались:

– Что значит без вещей? А как же вещи?

– Вам надо спешить! – хрипел капитан, совсем потеряв голос – а вещи привезут попозже.

– Что значит попозже? А если не привезут?

Капитан стал терять терпение:

– Я сказал, привезут, значит привезут! А если кто-то не привезёт, я лично его расстреляю! – и строго посмотрел в сторону возчиков подвод.

Грозное предупреждение капитана успокаивающе подействовало на женщин, все стали занимать места в кузовах машин. Капитан ехал с нами, подводы ехали самостоятельно, без сопровождающих, но к моменту погрузки все подводы и все вещи были на станции.

Наш поезд ехал медленно, часто подолгу стоял на станциях и перегонах. На станциях - для пропуска воинских эшелонов, на перегонах - потому что нас бомбили. Когда прилетали немецкие самолёты, мы покидали вагоны, бежали подальше от состава и ложились на землю. Мама прижимала меня к земле, прикрывая своим телом. Когда недалеко был водоём, и бомбы падали туда, поднимался высокий фонтан брызг. Дети, забыв про опасность, радостно кричали друг другу:

– Смотри! Смотри!

Мы поднимали головы и смотрели.

Самолёты улетали, раненых относили в санитарный вагон, и мы ехали дальше. В каждом вагоне находилось несколько семей. Много детей. Мы не очень понимали, что война – это плохо, что на войне можно умереть. Мы веселились, затевали разные игры, смеялись и удивлялись, почему наши мамы постоянно плачут. Но как-то сразу повзрослели, когда при бомбёжке, осколком убило маленькую девочку. Её мама несла девочку, а на траву капала кровь. Самолёты улетели, стало тихо и очень страшно. Мы перестали играть в шумные игры и беспричинно веселиться. Спали на деревянных нарах. В вагоне было четыре маленьких окошечка, и мы завидовали тем, кому повезло занять

места около них. Мама обнаружила, что перепутала чемоданы. Думала, там – мои вещи, а оказалось, что в чемодане подарки для родственников. Это очень её расстроило. Но делать было нечего, мама брала подарки, и когда поезд стоял на станциях, бежала на стихийный рынок у вокзалов и меняла их на вещи и продукты. На станциях всегда стояли долго, пропускали воинские эшелоны, и мама успевала вернуться. Но один раз не успела. Мы уехали без мамы. Со мной случилась истерика. Я боялся, что уже никогда её не увижу. Все меня успокаивали, а я жалел себя и ревел ещё громче. А мама в это время бегала по станции и не знала, что делать. Все ей сочувствовали, но ничем помочь не могли. Догнать наш поезд можно было, только сев в воинский эшелон, но начальники эшелонов её не брали:

– Нельзя, не положено!

Начальником одного эшелона оказался папин сослуживец. Он знал маму, в нарушение установленного порядка взял её с собой. Через несколько часов эшелон догнал наш поезд на одной из станций. Я вдоволь наревелся и заснул. Спал всю ночь, снилась мама и Ялта, которую я никогда не видел, и не было никакой войны. Когда я проснулся, мама сидела рядом и смотрела на меня. Я закрыл и открыл глаза, мама сидела на том же месте. Значит, это – не сон, значит, это – настоящая, живая мама, и я бросился к ней.

Наш поезд проходил через Винницу, мы решили сойти. Многие родственники выехали, но бабушка и мамина сестра с тремя детьми оставались. Сестра Ева Хмиль (Штрамбрандт) была на два года старше мамы, у неё имелось трое детей, все – девочки: Роза, Мира и Женя Хмиль. Моя мама Клара и тётя Ева в эвакуацию решили ехать вместе, звали бабушку. Но бабушка сказала, что она не может пока бросить внука от старшего сына, подождёт его родителей и постарается выехать позже, однако, к сожалению, этого уже не случилось. *(В опасное и тревожное время, когда немцы подступали к городу, шестидесятилетняя Блюма Штрамбрандт не стала эвакуироваться со своими взрослыми дочерями Евой и Кларой и с внуками (последние чудом успели уехать, избежав смерти), а решила оставаться дома с детьми своего сына, вдовца Абраши, чтобы позаботиться о них. К счастью, этих ребят позже успели вывезти в безопасное место. А Блюму, с одним из внуков, как и других евреев, остававшихся в Виннице, 19 сентября 1941 года, расстреляли на окраине города, во время крупной акции по уничтожению местного еврейского населения – примечание автора).*

Марат Бендерский (слева); его двоюродные сёстры (сверху вниз): Роза, Мира, Женя и его тётя Ева в эвакуации. Чкаловская (ныне – Оренбургская) обл., 1943 год

Из Винницы мы перебрались в Киев, где формировались эшелоны для эвакуации населения. В ожидании погрузки всех беженцев собрали в большом сквере. На скамейках, на лужайках сквера сидели и лежали женщины и дети. Вещи стояли рядом. Все ждали команду на погрузку. Встретили знакомого. Сказал, что недавно видел в сквере нашего папу. Папа получил новое назначение и отбывал на фронт. В сквер он забежал, надеясь встретить знакомых, узнать что-нибудь о нас. Мы с мамой обошли весь сквер, надеясь, что папа не успел уйти, но увы, его нигде не было.

Эвакуировали нас в Чкаловскую (ныне – Оренбургскую) область. Поселили в доме молодой крестьянки, в селе Покровка. Мужа её забрали на войну, и она осталась одна с маленьким ребёнком. В доме было две комнаты и кухня. Одну комнату выделили нам. Комната небольшая, одна кровать. На кровати спала тётя с маленькой дочкой, а мы все – на полу. И даже на полу было тесно. Днём было проще – мы всё время проводили во дворе. Мои сестрички были очень разные. С ровесницей Мирой мы сразу подружились. Ласковая и добрая, она никогда не грустила и всегда была готова помочь мне и своим сёстрам. Старшая Роза считала себя взрослой и часто пыталась нами командовать. Она постоянно обижалась, что мы не обращаем на неё никакого внимания. Младшей, Жене, исполнилось два года. Маленькое красивое существо, которому позволялось всё, вредничало и капризничало. Она не отходила от нас с Мирой, но, если что-то не по ней, плакала и бежала жаловаться. Виноватыми всегда оказывались мы. С Мирой мы потом дружили всю жизнь. Вместе пошли в школу, вместе росли, вместе были в одной компании, в один год окончили школу и поступили в институт. Учёбу продолжали в разных городах, но никогда не теряли друг друга

из вида. Когда Мира внезапно умерла, в возрасте всего-то 55 лет, я был далеко. Зная наши отношения, мама долго не решалась сказать мне об этом.

Мама устроилась на работу, а тётя, которую я побаивался, занималась детьми. Она всегда находила повод отчитать меня, даже тогда, когда были виноваты мои сестрички. Мама работала в мыловаренном цехе. Работа – тяжёлая, мама очень уставала, но, когда возвращалась домой, всегда находила время поинтересоваться моими делами. Я жалел маму, видел, как ей тяжело и говорил, что у меня всё в порядке. Однажды она застала меня в слезах и потребовала, чтобы я сказал, что случилось. Я пожаловался на тётю. Мама задумалась, она любила свою старшую сестру, прислушивалась к ней и полностью доверяла.

- «Твоя тётя – хороший, не злой человек. Ей тяжело с вами. Вас надо одеть, умыть, найти, чем накормить, поэтому, она иногда срывается. Ты уж потерпи, сынок, прости её. Мама замолчала и о чём-то напряженно думала. Она поняла, что я не очень наговариваю на тётю. Говорила мама с ней на эту тему или нет, не знаю, но отношение тёти ко мне изменилось в лучшую сторону.

Мама постоянно писала куда-то письма, надеясь узнать что-нибудь о папе. Пришёл официальный ответ: «Капитан Бендерский И.Э. в августе 1941 года пропал без вести». Мама долго плакала и, вытирая слёзы, успокаивала себя и меня:

– Значит, его не убили, значит, жив наш папа и обязательно скоро найдётся.

В сентябре 1942 года мы с Мирой пошли в первый класс. Роза училась в четвёртом классе. Тетрадей не было, а перья для ручек считались на вес золота. Мы где только можно было доставали книги и учились писать на них, между печатных строчек. Но это мелочи, по сравнению с тем, что мы постоянно хотели кушать, а в школе дети часто падали в голодные обмороки.

В эвакуации со мной произошёл случай, за который мне стыдно до сих пор. Как-то рано утром в воскресенье, меня попросили посидеть с маленькой девочкой. Девочка спала, а её маме надо было уходить. Я был голоден, как всегда, думал о еде. На столе лежала дневная пайка хлеба, которую перед уходом принесла мама девочки. Я смотрел на этот хлеб и в животе у меня предательски ныло. Отворачивался, но мой взгляд постоянно возвращался к столу, где лежал хлеб. Терпеть было выше моих сил, и я подошёл к столу. «Если отрежу тоненький кусочек, никто не заметит» – подумал я. И я решился – отрезал и съел. Отошёл

от стола, посмотрел на хлеб, мне показалось, что пайка не изменилась и выглядит такой, какой её принесли. Может отрезать ещё? Отрезал. С виду всё как было... Отрезал ещё.

Скандал разразился, когда вернулась мама девочки. Оказалось, что теперь из-за меня, им нечем кормить маленькую девочку, которая проснулась, капризничала и просила кушать. Прибежала моя мама. Когда ей рассказали в чём дело, она молча посмотрела на меня, ушла и принесла нашу пайку. Мама не ругала меня, она просто тихо сказала:

– «Идёт война. Время – трудное, продуктов нет. Кушать хотят все, не только ты, иногда надо терпеть, а ты своей жадностью оставил без хлеба не только маленькую девочку, но и нашу семью.»

Мне было очень стыдно, я просил прощения, но мама молчала. Ни тётя, ни мои сестрички так и не узнали, что произошло. Соседка молчала, а мама об этом больше никогда не вспоминала. То, что мама – хороший психолог, я в дальнейшем убеждался не раз.

В селе некоторое время располагался военный госпиталь. Мама покинула свою мыловарню и стала работать в госпитале сестрой-хозяйкой. Считала, что там она принесёт больше пользы. Раненые и медицинский персонал сразу полюбили молодую, красивую и весёлую сестру-хозяйку. Мама много читала, многое помнила и по вечерам, оставаясь после работы, рассказывала раненым разные интересные истории из прочитанных книг. Послушать её приходили из других палат. Раненные всегда радовались, когда она с улыбкой вбегала в палату, весело здоровалась и убегала, обещая скоро их навестить. Многие влюблялись в маму, а некоторые – всерьёз предлагали ей руку и сердце. Мама смеялась, рассказывала тёте о своих поклонниках, говорила, что это поднимает им настроение и помогает быстрее выздоравливать.

Когда госпиталь переезжал, ей настойчиво предлагали ехать с ним. Мама потом говорила, что от этого шага её остановил я и растерянность тёти, которая, хоть и была старше мамы, но полностью от неё зависела.

В Винницу мы вернулись вскоре после освобождения города. Сняли комнату. Бабушкин дом занял большой партийный начальник, отдавать его не собирался. Нашёлся и папа. Он был в окружении, раненым попал в плен, бежал, руководил группой в Винницкой подпольной организации, после освобождения города вернулся в Действующую армию и сейчас командует своими артиллеристами где-то в Польше. К концу войны гвардии майор И.Э. Бендерский был награждён орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, медалями «Партизану Отечественной войны» 2 степени, «За взятие Будапешта», «За по-

беду над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Жили тяжело, часто голодали, и тут, как манна небесная, папин аттестат. Когда окончилась война, папа приехал и увёз нас в Румынию, где продолжал воинскую службу. Мама сразу включилась в культурную жизнь гарнизона. Организовала танцевальный кружок, стала танцевать и ставить танцы. Я давно не видел её такой счастливой. Папа ревновал, но не мог не гордиться своей женой. Где бы мы ни жили, в доме графини в Алба-Юлия или у хозяина особняка в Браилове, у мамы всегда складывались добрые, доверительные отношения не только с хозяевами, но и с прислугой. Дружила она и с жёнами офицеров, никому не давала скучать. Организовывала гарнизонные вечера, проводила весёлые викторины, приглашала подруг с мужьями в гости. Угощала своим фирменным печеньем, которое, лучше неё никто никогда не смог испечь. Жили мы активно и весело. Но «недолго музыка играла». Папу демобилизовали в 1948 году, мы вернулись в Винницу.

Без квартиры, без хорошей работы, без гражданской специальности у отца, налаживать нормальную мирную жизнь было очень сложно. Первое время спасали «заграничные» запасы одежды и обуви. Постепенно всё или износилось, или было продано на вещевом рынке для приобретения продуктов. Осталась одна мамина каракулевая шуба, которую мама бережно хранила, но никогда потом не одевала, стесняясь стоптанной обуви и облезлой шляпки. Эту шубу продали, когда я окончил школу, нужны были деньги, чтобы отправить меня в Москву поступать в институт.

Пока я учился в школе, мама делала всё, чтобы её сын был одет, имел возможность нормально делать домашние задания, не голодал. Недоедали они с папой.

Мама и папа. Первые дни в освобождённой Виннице

Я не всегда это замечал и мне очень стыдно за моё мальчишеское непонимание и равнодушие. Мама радовалась, когда ко мне приходили друзья. Для них у неё всегда было в запасе её фирменное печенье. Мама с любовью относилась к моим друзьям, и они отвечали ей взаимностью.

После школы я поступил в Московский институт инженеров транспорта. Не сразу стал получать стипендию. Трудно представить, как и на что жили мои родители, если последние деньги отсылали мне. Мама делала всё, чтобы ничто не мешало моей учёбе и переживала, узнав, что мы с ребятами ночью разгружаем вагоны. Любимым занятием нашим было разгружать фрукты, особенно мандарины. Работали добросовестно, но один ящик обязательно «случайно» разбивался. Бригадир грузчиков понимал наши хитрости, называл это издержками производства, разрешал набивать карманы из разбитого ящика, расплачивался наличными и с улыбкой объявлял, что скоро должны поступить импортные апельсины.

Самыми драматическими событиями моей студенческой жизни стали смерть и похороны Сталина, которого я видел дважды: живым, в ноябре 1952 года на Мавзолее во время демонстрации и мёртвым, в марте 1953 года в Доме Союзов.

На демонстрацию в честь 35-летия Октябрьской Революции мы, студенты, пытались попасть в колонну физкультурников. Мне удалось. Муштровали нас целый месяц. Маршировали, в основном ночью, сначала в Тушино, затем репетиции на Красной Площади. Было тяжело, не высыпались, но зато колонна проходила рядом с Мавзолеем, и нам хорошо было видно Сталина, а самое главное, после демонстрации, вся спортивная одежда (свитер, брюки и «чешки») оставалась участникам физкультурного парада.

Похороны Сталина оставили тяжёлые воспоминания. Масса неуправляемых личностей, невыносимая давка, молодые ребята, пытавшиеся по крышам опередить толпу и падающие со скользких крыш многоэтажных домов.

Послевоенная Винница. Клара Бендерская (в центре) рядом со своей старшей сестрой Евой Штрамбранд (Хмиль). Ева стоит справа от Клары. Крайний справа – муж Евы Штрамбранд (Хмиль) – фронтовик Абрам Хмиль (мои прадедушка и прабабушка)

Люди, теряющие равновесие в условиях гололёда на Самотёчной улице, впоследствии, раздавленные толпой. Машины, ограждающие Пушкинскую площадь от улицы Чехова и перевёрнутые напором толпы, тела покалеченных людей, всё это - видел своими глазами. Толпа находилась в каком-то странном состоянии, она не замечала гибели тех, кто только что стоял рядом, её волновало только одно, умер ОН. Страх и понимание всей трагедии и ужаса, от нелепой смерти других пришли значительно позже. Огромное несчастье, случившееся на этих похоронах, тщательно умалчивали, но гибель людей скрывать было невозможно. Мама сильно волновалась и переживала, пока не получила от меня письмо.

Окончив институт, я получил направление в тепловозное депо Баскунчак Приволжской железной дороги, где проработал два года. Затем нас, группу молодых инженеров, приказом министра путей сообщения, перевели в депо Кочетовка Московско-Рязанской ж.д., которое переходило на тепловозную тягу, а специалистов-тепловозников не было. Так я оказался в Мичуринске, где живу много лет и который стал моим родным городом. Здесь я познакомился со своей будущей женой Любой.

Марат Бендерский (справа) после окончания института. Середина 1950-х гг.

Сейчас всё можно купить в магазинах, а тогда у бабушки был ритуал – к праздникам и дням рождения внучек Кати и Насти готовить посылки со всякими сдобами, которые она пекла сама. Дочери говорили, что таких «вкусностей» они больше никогда не ели. Став взрослыми, Катя и Настя никогда не забывали бабушку. Когда у Кати родился сын, она, как только можно было везти ребёнка, поехала в Винницу – показать правнука Сёму своей любимой бабушке. Настя тоже первым делом привезла своего первенца Глеба в Винницу. Маме тогда было 94 года, она уже ухитрилась сломать шейку бедра и могла ходить только со специальным приспособлением, но весело и азартно затевала разные игры со своим правнуком. Где бы ни были мои дочери, как бы они не были заняты, они всегда приезжали поздравлять бабушку с юбилейными датами. Когда мама праздновала 90 и 95 лет своей жизни, а мы с женой по состоянию здоровья не смогли приехать, Катя и Настя были достойными нашими представителями.

Мама умела слушать и поддержать беседу. Когда она после домашних хлопот выходила отдохнуть на скамейку у подъезда, к ней всегда сразу подсаживались женщины-соседки. Они не обсуждали других, не жаловались, а просто рассказывали маме о своих жизненных проблемах. Рассказывали откровенно о том, что их мучает. Мама никогда не перебивала, никогда не переспрашивала, слушала внимательно и сочувственно. Я не мог понять, почему они с ней так откровенны. И только когда мама умерла, на поминках, одна из соседей по дому сказала:

– Мы шли к ней с нашими бедами, «исповедовались» и доверяли ей, мы знали, что эта мудрая женщина внимательно выслушает, даст совет и никогда, ни с кем не будет обсуждать наши трудности.

Мама прожила долгую жизнь. И даже в 90 лет у неё были живой ум и превосходная память, но сильно начало подводить зрение. Она умерла в возрасте 97 лет, тихо, спокойно, во сне, и мне хочется думать, что она до сих пор ещё не знает, что её нет больше на этом свете...

Слева-направо: дочь Марата Бендерского – Екатерина,
жена Марата – Любовь Викторовна,
правнук Семён (сын Екатерины), К.М. Бендерская
и крайняя справа Наталья – сестра Марата

Об авторе: Марат Израилович Бендерский (3 февраля 1935 г., Жмеринка – 11 октября 2023 г., Санкт – Петербург). 50 лет трудился на железнодорожном транспорте. «Почётный железнодорожник»; «Почётный ветеран железнодорожного транспорта России». Записывать свои воспоминания стал, когда вышел на пенсию и купил компьютер. Печатался в литературно-историческом журнале «АЛЕКСАНДРЪ», в газетах «Сельская жизнь», «Тамбовская жизнь», «Мичуринская правда», в приложении газеты «Гудок», в журнале – газете «Мастерская» (Германия, Ганновер). В 2008 году в Тамбове вышла его первая книга «Тепловоз для Хрущёва». В Санкт-Петербурге в 2017 году – вторая книга – «Не судите строго» и в 2019 году – третья книга «Всё что было…».

Фото из архива семьи Бендерских.

Фаина Лифшиц-Чаусер: «Зяма умер в больнице…»

Пропитанные болью, страхом и ужасом воспоминания Фаины Лифшиц-Чаусер (1920. Могилев – 2013. Израиль) о начале войны и эвакуации прислала в Центр «Холокост» её внучка Наталья Гуревич из Хайфы. О том, что уже более 30 лет идёт поиск фронтовых писем и воспоминаний тех, кто пережил эвакуацию, Наталья узнала 9 мая 2024 года из выступления заведующего Архивом НПЦ «Холокост» Л.А. Тёрушкина на Радио KAN-REKA (Израиль).

22 июня 1941 года муж Фаины – Семён Ефимович Гуревич находился на работе, но вскоре ему принесли повестку из военкомата. С.Е. Гуревич был призван в Красную Армию. Существует версия, что он попал в плен при обороне Могилёва, бежал, скрывался у соседей, но потом его предательски выдали немцам, и те закопали его живым. Его супруга так никогда и не узнала точно, как погиб Семён Гуревич. Родственники берегли столь впечатлительную личность от таких страшных подробностей расправы над её любимым мужем.

В июне 1941 года Фаина была в декретном отпуске, ожидая пополнения семейства, но уже воспитывала сына Зямочку, которому исполнилось два года. «26 июня меня и родных забрали в деревню Копани, в сорока километрах от Могилёва. Думали переждать бомбёжку. 28 июня у меня начались схватки, мне вызвали скорую из районной больницы. Меня хотели туда отвезти, но я отказалась и рожала в доме, где было полно людей. Меня только огородили от других простынёй. Если бы поехала в больницу, меня бы уже не было в живых, в эту ночь её здание разбомбили, и все погибли. 30 июня за нами приехал товарищ моего мужа, кучер Чернявский. Он должен был отвезти нас обратно в Могилёв. И я села на подводу с двумя детьми: двух лет и двух дней».

Фаина вспоминает, что в те дни ей очень помогали близкие: её мама, папа, сестра и 14-летний братик. Пожилой отец к тому времени уже серьёзно болел. «Когда кучер ненадолго, следуя в Могилев, привёз нас к себе в деревню, соседи сильно ругали его, «что придут немцы, и он получит от них...» Такое вот повсюду царило настроение. По дороге нас бомбили, подводы то и дело останавливались. Люди бежали в лес, а я не имела возможности прятаться, оставаясь с малышами на подводе».

Наконец, добравшись домой, женщина сначала отправилась в свою

Слева направо: Галина (сестра Фаины), Сима – мать девушек с дочкой Галины – Женей и Фаина с сыном Гришей

районную поликлинику, а потом – на пивзавод, где работала до декрета бухгалтером, получила выплаты и договорилась, чтобы при эвакуации её близких и её саму с детьми отвезли бы на вокзал. «Это – счастье, что поликлиника и завод находились недалеко от моего дома в Могилёве и рядом друг с другом. В первые дни войны мы не были уверены в правильности нашего решения уезжать. Думали выкопать яму во дворе и прятаться, но помню, что выразила свои опасения. Сказала, что в этой яме ребёнок может плакать, и фашисты услышат. Настолько я была расстроена, что ничего не соображала, но это – точно счастье, что мы уехали! Второго июля за нами приехали подводы и повезли нас на вокзал. Ехать надо было через мост. По нему мы двигались пешком, а подводы шли самостоятельно. Приехали на вокзал второго июля сорок первого года, я постелила своё пальто и лежала с маленьким ребёнком. Где на тот момент находились мой старший мальчик и мои родные – не помню. Ждали вагоны несколько дней, очень боялись, что нас не заберут. Людей было огромное количество. Но четвёртого июля появился состав товарного поезда, и нас всех вывезли последним рейсом. Спасибо государству, что позаботилось о нас. Многие переживали, что им делать, но так и не решились покинуть родные края, погибнув в оккупации мучительной смертью».

Такая же трагическая судьба постигла и родственников женщины. Семья матери Фаины проживала в Ивенце, возле Воложина, в сорока километрах от Минска, и все они были убиты, потому что родились евреями. «Погибли мамины отец и мать, её сестра с четырьмя детьми и ещё одна сестра мужа, которую немцы расстреляли, как пришли. Позже мы навещали памятник жертвам Холокоста в Ивенце, на том месте были уничтожены все местные евреи».

Сев в поезд с беженцами, Фаина с двумя своими маленькими детьми, родителями, своей младшей сестрой Галиной и младшим братом Анатолием ехала две недели, двигаясь в сторону Урала. Сестра и брат молодой мамы помогали ей, как могли, бегали на станциях за во-

Сын Фаины – Григорий с бабушкой Симой и со своей мамой

дой, стирали малышам пелёнки, доставали пищу.

Но однажды оба отстали от поезда. Фаина и её родители сходили с ума, они очень переживали за Галину и Анатолия, но, к счастью, отставшие молодые люди вскоре их догнали. «На Урале нас поместили в клубе. Народа – много, но с такими малютками были только мы. Нам посоветовали ехать в Ташкент, так как у нас не имелось тёплой одежды и обуви, и не было денег, чтобы их купить».

Приближалась холодная зима, а наши герои так и оставались без тёплой обуви и одежды, приобрести её им по-прежнему было не на что и негде. По этой причине в конце октября 1941 года они всё же решили добираться до Ташкента. До этого близкие Фаины, включая очень слабого отца, трудились в колхозе и смогли что-то заработать, накопив небольшую сумму. Решение ехать в более тёплые края они не хотели откладывать. «Нас завезли на станцию Кинель, это не доезжая Куйбышева, там на станции нас направили в деревню Утёвского района, кажется, деревня Запрудовка. Приняли нас очень хорошо, поселили в семью, хозяйка была Любаша, очень добрая. Подвесила люльку к потолку, и мой маленький имел, где спать. Все пошли работать, но я и мама оставались дома с детьми. Помню, брат приходил и говорил, что мальчишки обсуждают, что «немцы скоро будут здесь, и нам всем наступит капут». Сестра Галя и брат Толик работали в колхозе, заработали немного. Отец был слаб, но тоже трудился в колхозе бухгалтером, мы собрали, что заработали и решились ехать. Когда мы уезжали, Любаша, хозяйка, нас проводила и просила: «Берегите Зямочку!». Мы уехали, завезли нас на станцию Каган, возле Бухары и поместили в клуб. В Бухару не пускали. А там сильно простыл Зямочка, ему становилось всё хуже и хуже, и его направили в больницу, с ним поехала моя мама, его бабушка. А мы двигались в кишлак. Не помню, сколько

Галина (в центре) после окончания курсов медсестёр

времени мой старший сын пролежал в больнице, где у него обнаружили дифтерит. Бабушку к нему долго не пускали, она кричала, молила медиков, чтобы её внука спасли. Но чуда не случилось, вскоре мой мальчик начал задыхаться».

Неопытный местный врач решился сделать операцию, чтобы помочь заболевшему. Но Зяма умер в больнице во время операции. Из-за отсутствия необходимых лекарств в той же больнице скончалось от дифтерита ещё несколько эвакуированных детишек.

«После этого несчастья мы смогли попасть в Бухару. Первое время нам пришлось там очень тяжело. Я устроилась работать старшим бухгалтером швейной фабрики, а сестра Галя – помощником механика, по ночам подрабатывая ещё на фабрике. Мы тогда жили в доме без окон, только – дверь, в доме постоянно было темно. Сестра мне очень помогала. Она даже когда ходила в столовую на фабрике, то, получив суп, жидкость съедала, а макароны брала в баночку и давала ребёнку. Также, если давали творог, она не ела, несла ему. Мы все очень любили Гришеньку и берегли, как могли».

Фаина с мужем Семёном.

Младший брат Фаины, Анатолий, устроился в Бухаре на эвакуированном из Харькова велозаводе учеником токаря, позднее, работал токарем. Когда освободили Харьков, завод уехал и забрал с собой рабочих.

Григорий с бабушкой Симой (в центре)

А в свои 20 лет юноша отправился в Израиль и создал там семью, у них с супругой родилось трое детей. Сестра Галя после освобождения Могилёва вернулась домой в Белоруссию, вышла замуж. Когда её супруга Лёву распределили в Башкирию, в Стерлитамак, она поехала вместе с ним и всю оставшуюся жизнь прожила в этом городе, до пенсии была заведующей в детском саду.

Отец Фаины умер в апреле 1942 года от истощения. А она вместе с мамой и сыночком Гришей вернулась в Могилёв в 1945 году. Сначала им пришлось поселиться в весьма неуютной квартире без окон, а потом от фабрики, куда молодая мама устроилась по своей основной специальности – бухгалтером, семье дали комнату в общежитии. Все последующие годы она прожила в Могилёве, где трудилась главным бухгалтером, а её сын Григорий, получивший профессию инженера, вскоре переехал в Минск, где жил до репатриации.

В 1991 году Фаина и её сын с семьёй переехали из Белоруссии – в Израиль.

Несмотря на поступавшие красавице Фаине предложения руки и сердца, она очень долго повторно не выходила замуж, так как боялась, что её Гриша не уживётся с отчимом. А когда её сын вырос и ушёл в армию, женщина смогла снова создать семью с весьма достойным человеком, Ильей Ильичом Чаусером, вдовцом.

Особая благодарность Наталье Гуревич за помощь в подготовке данной публикации и за фотографии.

Комментарий Л.А. Тёрушкина: «На сайте «Память народа» имеются очень краткие сведения о Семёне Ефимовиче Гуревиче – «С.Е. Гуревич, 1914 г.р., призванный 22 июня 1941 г., служил в 173-м авиаполку. Пропал без вести в декабре 1943 г.».

Леонид Фидель
«Что придётся бежать, мы скоро поняли…»

4 июля 1941 года город Фалешты оставила Красная Армия. Часть евреев была уничтожена в первые дни румынской оккупации. Осенью того же года румынские власти провели депортацию еврейского населения Фалешт – за Днестр. Большая часть евреев, составлявших существенную часть населения города, подверглась депортации. Евреев собирали в колонны и под конвоем румынских солдат пешим ходом отправляли в Транснистрию. Те обречённые, которые не могли идти, подлежали расстрелу. Тела погибших сбрасывали в ямы. Фалешты были освобождены Красной Армией 27 марта 1944 года. Предлагаем вашему вниманию повествование человека, подробно рассказавшего, как его семья спаслась от уничтожения.

Я, Фидель Леонид Яковлевич, родился в местечке Фалешты (Бессарабия, тогда в составе Румынии) 3 октября 1927 года. С приходом советской власти в Бессарабию 28 июня 1940 года и с образованием Молдавской ССР, местечко Фалешты стало городом. Моя фамилия «Фидель» с идиша переводится как фидл (скрипка). Это потому, что мой папа и все наши родственники были музыкантами (клейзмерами).

Начало войны 22 июня 1941 года наша семья встретила с большими переживаниями за отца, который накануне, вместе с оркестром уехал в город Бельцы (примерно 25 км от наших Фалешт), для участия в олимпиаде школьников. Война началась бомбёжкой города Бельцы, а раскаты взрывов бомб доносились до нас. Музыканты, в том числе и мой папа, заявились лишь вечером 22 июня. Шли они из Бельц пешком по недостроенной дороге, под постоянным страхом. Наш г. Фалешты расположен примерно в 18 километрах от реки Прут, где проходит граница с Румынией. Немецко-румынские войска либо не торопились, либо не могли форсировать реку. В городе слышны были орудийные раскаты с двух сторон: со стороны границы с Румынией и со стороны Бельц.

Фалешты при нас не бомбили. В больницу привозили раненных, и люди, в том числе мой папа и я, принимали участие в уходе за ними. Во дворе, где жила наша семья, был глубокий погреб, облицованный кирпичом. В этот погреб с первого дня войны мы снесли наш скромный скарб. Вечерами сидели у входа в погреб и наблюдали за летевшими самолетами, прислушивались к пушечным выстрелам, не приближаются ли немцы? Спали по очереди. Таких погребов по городу было

очень много. Также, как мы, вели себя и многие жители города, где евреев было около половины населения.

Ведь мы были уверенны и нам неоднократно говорили, что Красная Армия всех сильней, она не будет отступать, а будет воевать на чужой территории.

Но то, что придется бежать, мы скоро поняли. Мама испекла небольшие хлеба и печенье. Каждому приготовили мешок с лямками (в виде рюкзака), куда были вложены вещи первой необходимости. Начиная со 2 июля 1941 года, с наступлением темноты, всё ближе и ближе стали слышны разрывы. Были видны следы пуль. И мы решили бежать. Набросив на себя приготовленные мешки, двинулись в ту сторону, откуда не было слышно выстрелов. Идти в сторону железнодорожной станции было нельзя. Там уже шли бои. Мы побежали к железнодорожному переезду возле села Новые Фалешты, дальше – в сторону сёл Кишкаренского района и далее – к еврейскому местечку Думбравица, где, по мнению многих беженцев, можно было переждать. Думали, что сюда война навряд ли дойдет!

По дороге мы видели наспех брошенное военное снаряжение, гранаты, ящики с патронами, даже пушку. Этой же ночью мы вышли к артиллерийской батарее, бойцы которой метались в поисках то ли места боя, то ли пути к отступлению.

В молдавских сёлах люди собирались группами и выжидали. Нас, беженцев, не трогали. Некоторые не прочь были обменять кусок хлеба на какую-то тряпку. Даже приглашали к себе в гости, уговаривая не бояться немцев и румын. В состав нашей семьи входили: отец – Фидель Яков Лейбович 1897-го года рождения, мать – Фидель Эстер Нахмовна 1894-го года рождения, старшая сестра Туба 1922-го года рождения, сестра Лиза 1923-го года рождения, и я – Леонид 1927-го года рождения.

В местечке Думбравица собралось довольно много людей. Здесь полным ходом работали магазины, пекарня, рынок и даже ресторан. Мы сюда дошли на третий день бегства из Фалешт. К вечеру этого дня люди вокруг начали кричать: немцы, немцы! Мы остановились в доме, где уже жили беженцы. Услышав этот крик, мы, пацаны, несмотря на протесты родителей, побежали смотреть на немцев. Центральная улица местечка располагалась недалеко, и я успел увидеть мотоцикл с коляской, к которому была прицеплена мелкокалиберная пушка. Мотоцикл двигался с небольшой скоростью к краю местечка, в сторону города Теленешты.

Леонид Фидель

Вскоре он скрылся из виду, но через несколько минут мы услышали выстрелы, а ещё через некоторое время мотоцикл вернулся, направляясь в противоположную сторону. Местечко затихло. На улицах – ни души. Трогаться в путь в светлое время, да ещё на виду у немцев, было неразумно. У беженцев назрело решение бежать в сторону Теленешт, Оргеева и Резины, в надежде успеть перейти мост через Днестр, попасть в город Рыбница, а оттуда – поездом, куда Б-г даст.

Миф о том, что эта заваруха скоро закончится, развеялся, когда с наступлением темноты толпы молдаван нагрянули в местечко и начали взламывать и грабить дома и магазины, начались поджоги, и везде был слышен шум стрельбы и треск горевших крыш, гвалт и крики людей, полезших спасать свое добро. Причём грабители и ограбленные, подчас знали друг друга. Наступило время собираться в путь и торопиться. Мы были готовы: сумки на плечи и бегом.

К утру зашли в Теленешты. Здесь перед глазами возникли дома, которые догорали. Ещё немцев и румын не было, а мародёров уже было полно. Эти нелюди жгли и громили всё подряд. Женщины и мужчины тащили на себе всё, что можно было унести. Увидели мы и людей, одетых в фуфайки одного цвета, с винтовками, отстреливающих мародёров. Но грабители почти не обращали внимание на вооруженных людей, которые кричали, а потом стреляли по живым мишеням.

В центре города пожаров не было видно, но и людей тоже. Правда, во многих домах были выбиты стекла. Бомбили ли Теленешты – не знаю. Из Теленешт до Оргеева шли долго, делая небольшие остановки

для отдыха. В Оргееве была организована помощь беженцам – пункты питания в столовых, ресторанах, где можно было покушать и получить кое-какие продукты на дальнейшую дорогу.

Мы быстро нашли один из этих пунктов, где поели хорошо и получили на руки по 1,5 кг. печенья. Спасибо людям, которые в такое тяжёлое время думали о ближних, поддерживая тех, кто лишился крова и покоя. Набрав воды в чайник, двинулись туда, куда беспрерывным потоком шли воинские части – пешком, на подводах, а также на автомобилях. Все направлялись к мосту на реке Днестр. Авиация немцев не дремала, часто налетали самолеты и на бреющем полёте стреляли из пулеметов, сбрасывали бомбы. При налётах люди разбегались, а порой ложились на землю там, где стояли, думая, авось пронесет. Не всем везло. Тут же впопыхах одни рыли ямы и закапывали трупы, другие – грузили мёртвых на подводы в надежде, что довезут до какого-то кладбища. Раненным оказывали помощь на месте, уступая им место на подводах, реже – на автомобилях, увозя туда, где можно будет оказать квалифицированную медицинскую помощь. Приятно вспомнить, что все люди, в том числе и военнослужащие, действовали дружно.

За несколько дней мы добрались до г. Резина. Беженцев здесь было очень много. Мы расположились в саду на берегу Днестра, недалеко от моста. Для перехода через мост гражданским лицам, военные установили очередь. По мосту из Резины в Рыбницу, беспрерывно шли воинские части. При небольших перерывах, глубокой ночью, пропускали беженцев. На район, где был мост, налёты немецкой авиации учащались с каждым днем. К счастью, немцам при нас не удалось разбомбить мост. Но зенитки не дремали. Нам же, беженцам, оставалось только прижаться к земле и надеяться, что пронесёт. Потом мы оказались в каком-то брошенном доме с садом, недалеко от железнодорожной станции Рыбница.

В городе работали продовольственные магазины, где можно было купить любые продукты. Сколько денег было у родителей я не помню, но у нас было всё, что мы хотели. Папа делал все что мог, чтобы мы не голодали.

Задерживаться в Рыбнице нельзя было, фронт приближался. Блуждая по путям станции, я заметил, что загружаются платформы с каким-то оборудованием, и что к этим вагонам приглядываются многие из беженцев. Доложил папе. Он взял меня за руку, мы пошли в разведку. Решено было уехать этим поездом. Собрали свои вещи, расположились поблизости и когда увидели, что прицепляют паровоз, мигом

Леонид Фидель во время службы на флоте

побросали свои мешки на платформу с какими-то станками, залезли туда сами и притаились. Также поступили и другие беженцы. И мы поехали в никуда, понимая, что раз везут станки, значит - это эвакуируют завод. Куда? На восток. Железнодорожные составы долго задерживались на станциях, и у нас была возможность переходить из одного состава в другой. Последняя пересадка произошла недалеко от станции Армавир.

Мы оказались в пассажирском поезде. Глядя на карту, я установил путь следования: Рыбница, Котовск, Первомайск, Кировоград, Днепродзержинск, Днепропетровск, Ростов – на – Дону, Тихорецк, Армавир. Здесь беженцев высаживали из поездов в организованном порядке. Армавир был глубоким тылом страны летом 1941 года. Нас собрали в каком-то зале, произвели регистрацию и спросили: «Кто куда желает ехать работать?» Так случилось, что нас, вместе с другими беженцами, повезли на автомобиле в колхоз имени Сталина, хутор Синюха, Хлебодаровского сельсовета, Лабинского района Краснодарского края.

Здесь нас ждали. В этих краях, как я понял, основное население не имело представления о евреях. Возле правления колхоза, в тени сада, были расставлены столы со всякой снедью. Особенно запомнились тарелки с мёдом возле каждого прибывшего и большая алюминиевая ложка.

После обеда нас стали развозить по домам. Нашу семью определили к деду Ачмизу. Так звали человека двухметрового роста, в почтенном возрасте, женатого на сравнительно молодой женщине и имевшего маленькую дочку лет трёх. Нас приняли радушно. Делились куском хлеба, жалели, все соседи помогали нам.

Раздумывать было некогда. Стояла пора уборки урожая, и мы все пошли работать. Мама с сёстрами Тубой и Лизой получили серпы и отправились на уборку пшеницы. Папа – на конюшню, а я попал в бригаду дяди Коли. Вскоре нас в этом доме стало шестеро. Каким образом с нами оказался Мотл Левицкий – жених и будущий муж моей сестры Тубы – не только я, но и она не помнит. В этом же колхозе появился и мой дядя Аврум – брат отца. Он был сапожником. Работа нашлась и для Мотла – он стал столяром. К сожалению, дядя Аврум и Мотл (Мордко Моисеевич Левицкий) умерли давно и похоронены на еврейском кладбище в городе Бельцы.

Через несколько дней мне, не без помощи отца, передали подводу с двумя лошадьми и направили в тракторную бригаду. Моей основной работой было подвозить горючее из нефтебазы станицы Лабинской *(ныне – г. Лабинск).* Работал я с такими же пацанам, но ездили за горючим почти ежедневно на трёх – четырёх подводах. Ночами, а иногда и днём, мы подменяли прицепщиков на тракторах. Вся наша семья так отработала всё лето 1941 года. За заработанные трудодни, мы получили много пшеницы, подсолнуха, мёда. Такого богатства мы никогда не имели.

Положение на фронтах ухудшилось. Немцы приближались к Ростову-на-Дону, т.е. к Северному Кавказу. Колхоз получил задание послать людей на рытье окопов и строительство противотанковых рвов в местах, где предполагалось наступление немцев. Нашей семье предложили поехать на эту работу, папа согласился. Работы мы не боялись, а кормили нас за счёт колхоза.

Папа пошёл к председателю колхоза посоветоваться. Нам, евреям, больше всех надо было бояться немцев. О чём был разговор, я не знал, но папа вернулся с мешком продуктов: хлеб, сало, крупы. Также папа принёс справку о том, что мы такие-то, были по заданию колхоза на выполнении спецзадания, там-то и там-то и едем обратно в колхоз. Справка была без штампа. Решение уйти от этой каторжной работы, во имя спасения жизни, родители приняли давно. Они заранее сходили в разведку на ближайшую железнодорожную станцию Гулькевичи. Узнали расписание поездов в сторону Баку. Именно туда двигались все,

бежавшие от немцев. Было ли там спасение?

Попрощавшись и поблагодарив хозяев нашего временного приюта, взвалив на себя привычные мешки, отправились в путь. Это был конец 1941, а может – начало 1942 года. Всё задуманное у нас получилось. Добрались благополучно до станции, сели в поезд и поехали.

Проехали город Армавир. Почти успокоились, но тут – проверка документов. Ссылаясь на то, что, выданная нам справка без печати и едем не в ту сторону, нас высадили. Мы оказались на станции Невинномысск. Мы сели на поезд и поехали в Армавир, а там рукой подать до хутора Синюха. Из Армавира пошли пешком (нам не привыкать) и к вечеру добрались до хутора. У деда Ачмиза изба была уже занята, к нему приехали родственники из-под Ростова, но он о нас позаботился. Договорился с соседкой, которая согласилась нас приютить. Но на третий день нам пришлось отправиться на рытьё траншей и противотанковых рвов. Поехали только впятером, без Мотла Левицкого, его забрали в армию.

Надолго здесь мы не задержались. Вскоре работы по строительству оборонительных сооружений прекратились, и мы уехали на колхозном транспорте «домой». Правление колхоза, увидев, что мы – послушные граждане, решило послать всю семью на строительство водоканала в районе станицы Лабинской. В нашем распоряжении была подвода с лошадьми. Родители и я очень беспокоились за наших девушек Тубу и Лею, глядя на поведение молодых людей, приехавших на строительство. Всю ночь мы с папой не сомкнули глаз, охраняя их. А на утро – запрягли лошадей и «айда» домой. Наши доводы не очень-то убедили председателя колхоза, но что с нас возьмешь?

Определившись с жильём на той квартире, о которой договорился дед Ачмиз, мы все пошли на работу. Была весна 1942 года. От Мотла Левицкого регулярно приходили письма. Он служил в понтонных

частях. Мы все работали спокойно, на фронте дела улучшились, но ненадолго. Началось новое наступление немцев. Нам никто не препятствовал собираться в путь-дорожку. Правление колхоза помогло нам. Я получил задание вместе с другими возчиками, отвезти на Лабинский элеватор пшеницу, а потом, на этой подводе уехать, куда нам удастся, чтобы спастись.

Папа, мама и девочки добирались на другой подводе, и мы договорились, что они будут меня ждать возле железнодорожной станции. Но случилось непредвиденное. Я долго ждал очереди на элеваторе. По станице беспрерывно двигалась воинская колонна с отступающими частями Красной Армии. Вместе с этой колонной шли люди со своей ношей на плечах. Сдав, наконец, зерно, с документом на руках, я стал выезжать с территории элеватора. Не успел доехать до ворот, как меня остановили вооруженные люди. Не спрашивая ничего, приказали слезть с подводы, а меня вывели за ворота. Даже кнут забрали. А мои ждали меня с подводой. Возле железнодорожной станции я их не нашёл. Тут бесконечным потоком шли и ехали отступающие войска. Это было бегство.

Что случилось с моими близкими – узнал позже, при встрече. А я остался один, не знал куда деваться. Ясно было, что надо бежать, куда бегут все. Но всё же, я решил зайти в так называемый колхозный двор, квартиру, где останавливались люди нашего колхоза в любое время суток. Я не раз там бывал и даже ночевал. Пошёл туда, главным образом, чтобы покушать. Тут вышел из дома мой родной дядя Аврум, младший брат моего отца. Когда я увидел его, мне стало тепло на душе. Мы обнялись и расплакались. Никто не мог знать, сколько дней и ночей мы будем путешествовать. На полях и огородах можно было набрать картошку, морковь, зеленый горох, помидоры, огурцы. Проснулись на восходе солнца, мокрые от росы. Шли налегке, влились в людскую массу. Иногда приходилось сторониться, пропуская подводы, машины же - шли по центральной дороге. Надо отметить, что военные автомобили гражданских попутчиков не брали.

Вдруг, дядя Аврум остановился и показал на противоположную сторону дороги, там, прямо в поле, паслись запряжённые лошади, которых две женщины не могли направить на дорогу. Лошади, не обращая на них внимания, продолжали пастись. Кроме этих женщин, на подводе было несколько детей. Плакали дети, плакали женщины от бессилия. Не выдержав этого зрелища, дядя Аврум осторожно перешёл дорогу для оказания помощи этим людям. Он подошёл к лошадям,

набросил им на головы упавшие уздечки и взял в руки вожжи, повёл лошадей. Женщины и дети пошли с нами.

Мы с дядей Аврумом держались рядом. На ночь останавливались в удобном месте, пасли лошадей по очереди. Остальной народ спал. Но по мере нашего подъёма в горы, стало хуже с водой и с кормом для лошадей. Совсем редко стали попадаться населенные пункты, дорога почти опустела. Редко обгоняли нас автомобили. Шли по дороге отдельные красноармейцы, которые по каким-либо причинам отбились от своих частей. Что совсем плохо – лошади от нехватки корма и воды ослабли, всё чаще приходилось останавливаться, особенно перед большими подъемами. Мы с дядей и нашими спутниками остались одни.

Перед каким-то высоким подъёмом пришлось остановится надолго. Кормить лошадей почти нечем было. В эту ночь за лошадьми смотрела хозяйка, а я спал. Проснувшись на рассвете, обнаружил исчезновение дяди Аврума. Заплакал от обиды. Запряг лошадей, и мы втроём подталкивали подводу, помогая лошадям взобраться наверх, но напрасно. Вышел я поближе к дороге, где можно было иногда встретить пешехода. Когда приблизились ко мне два красноармейца, я услышал их разговор. Они говорили по-молдавски, румын здесь не могло быть. Я обратился к ним за помощью, и они очень нас выручили.

С большим трудом, благодаря их помощи, не нагружая лошадей, мы сумели всё же вырваться на вершину горы. Отдохнув, спустились вниз и перенесли багаж на себе. Мы были спасены. После отдыха, хозяйка вынула из сумки карманные золотые часы мужа и отдала с благодарностью красноармейцам. Накормила их, они ушли, а мы спустились немного с горы в небольшую долину, где зеленела сочная трава. Накормив и напоив лошадей, тронулись в путь. Лошади еле шли.

Увидев недалеко от дороги населённый пункт, мы решили туда заехать, нужны были продукты питания. Началась, насколько я помню, Кабардино-Балкария. Хозяева, встреченные нами возле дома, приняли нас радушно. По-русски они говорили сносно. Запустили подводу во двор. Дали лошадям овса и сена. Нас же накормили и напоили молоком. Женщины с ребёнком спали в доме, а я, умывшись под бочкой с нагретой водой с пристроенной душевой сеткой, заснул на устланной соломой подводе, где лошади с хрустом ели сено. Утром, вместе с хозяином дома, женщины поехали в Нальчик. У них, жён комсостава, были воинские аттестаты. Они на них получали продукты и деньги. Докупили ещё кое-какие съестные товары и вернулись. Не дожидаясь темноты, мы

тронулись в путь. Мне женщины ничего не сказали, но было видно, что им подсказали торопиться.

Выехав на шоссейную дорогу, продолжали движение, переехали через реку Терек и попали на территорию Северной Осетии. После пребывания в очередном доме, у неравнодушных людей, попали на железнодорожную станцию. Район станции был огорожен, здесь на большой площади, под открытым небом, расположились те, кто бежал от немцев, ожидая своей очереди на поезд. Местных жителей сюда не пускали. У ворот военные проверяли документы. Как меня пропустили, не знаю. У меня никаких документов не было. Выгрузив скарб, мы отдали в руки красноармейца лошадей и подводу.

В первую очередь хозяйка с дочерью пошли на вокзал, где купили билеты на поезд. Это была станция Беслан. Поезд, на котором мы должны были ехать, приходил вечером. Времени было достаточно. Женщины, с которыми я всё это время находился, пошли на рынок, накупили разной еды и даже жареную курицу.

Билет они купили и на меня. Сели мы в плацкартный вагон, но поезд долго не отправляли. Прошёл слух, что немцы разбомбили г. Грозный, а потому, ехать некуда. Ждали всю ночь. Многие спали, уснул и я, устал. На этой станции, в вагоне, мы прождали больше суток. Наконец поехали. В Грозном поезд не остановился, а проехал до Гудермеса. Здесь мы опять ждали часов восемь и приехали на рассвете в Махачкалу. Почему-то поезд остановился в тупике, далеко от станции, но людей и здесь было полно. Высадились из поезда и нашли место для стоянки. Первым делом нужна была вода. Вот я и пошёл с чайником за кипятком. До станции было далеко. За кипятком всегда и везде была очередь. Ещё не совсем светло было – я не разглядел человека, за которым занял очередь. Сказал незнакомцу: «Буду за вами», тот повернулся на мой голос и вскрикнул. Это был мой дядя Аврум. Вот как в жизни бывает. «Слава Б-гу, что я тебя нашёл, а то, как я буду смотреть в глаза твоим родителям? Все! Я тебя больше никуда не отпущу!» – воскликнул он. Я, конечно, обрадовался встрече и согласился с ним. Набрав кипяток, мы с дядей пошли к моим знакомым, тем самым женщинам. Все мы были почти у цели, хотя предстояло ещё много, очень много дней и ночей пути.

В любом случае, эти случайные спутницы были благодарны мне за помощь, но лишней обузы им не хотелось. Распрощались. Позже, в Баку, я их видел издалека, помахали друг другу, и я пошёл по своим делам. Но до того времени надо было ещё дожить.

Леонид Фидель с женой

Первейшая моя цель была – встретить папу, маму и сестрёнок, иначе не было смысла жить на этом свете. Дядя Аврум приехал в Махачкалу за пару дней до меня. Говорил, что не уехал дальше, ждал меня, а может – просто не было возможности уехать. Но вообще, факт нашей случайной встречи – это чудо и наше счастье! Сесть на поезд здесь, в Махачкале, было большой проблемой. Беженцев было столько, что нужны были десятки поездов. Люди стояли везде, где только можно было стоять – на подножках, на тормозных площадках, несмотря на сопротивление работников железной дороги.

Место обитания дяди Аврума находилось ближе к зданию вокзала. Редкие пассажирские поезда, которые проходили со стороны Минеральных Вод, строго охранялись. Во время стоянки двери не открывались, никто не выходил. Милиция оцепляла место стоянки пассажирских поездов, пропуская только тех, у кого были билеты. Билеты приобретали лишь те, у кого имелись военные аттестаты и талоны на бронь. У нас же таковых не было, мы дожидались товарных поездов, но и на такие составы сесть было нелегко. Такие поезда отгоняли в тупики, никто не знал, когда и куда они отправятся. Единственная надежда – на «авось».

Как-то ночью мы решили попытать счастья. Только что остановился грузовой состав. Не раздумывая, кинулись, как и сотни других, к вагонам. Весь состав состоял из открытых полувагонов. Нам достался нагруженный железнодорожными рельсами. Рельсы были длиннее самого вагона, а потому ворота были открыты с двух сторон. Нас никто не гонял. Те, кто сумел взобраться на эти вагоны, был неимоверно рад. Прождали недолго, видимо, где-то этот груз нужен был. Поезд тронулся, мы поехали. Первое время мы не были уверены, что едем куда

надо. Не у кого было спросить. Но раз люди сели, значит, кто-то знал куда. Ночью не видно было, а как стало рассветать, увидели гладь моря, получается – всё нормально. Едем вдоль берега Каспийского моря.

Ночью было прохладно, сквозняком продувало насквозь. Утром я почувствовал, что у меня болит зуб. Бывали у меня зубные боли, но тогда были лекарства, а сейчас я был гол, как сокол. Мучился от боли всю дорогу, пока на одной из станций – Баладжары – нас не начали выгонять из вагонов. До Баку оставалось 18 километров.

Выгнали нас из вагонов потому, что здесь была организована всякая помощь беженцам, в том числе и медицинская. Дядя Аврум повёл меня в медпункт, где дали направление к стоматологу. Люди подсказали, как туда добраться. Нашёл поликлинику, дождался своей очереди, молодая врач предложила лечить заболевший зуб, но для этого нужно время, хотя бы неделю. Времени на это у меня не было, и я попросил врача вырвать зуб. Врач поняла мое положение. При флюсе зуб рвать не полагалось, но она всё же помогла мне. Место удаления разболелось больше прежнего. Таблеток доктор мне всё же дала и, наказав не есть два часа, отпустила. Вскоре боль утихла. За время моего отсутствия дядя Аврум нашёл подходящее место на перроне станции. Еды он взял и на меня, но кушать я не стал, лёг на пол и заснул крепко-крепко. Проснулся от того, что поднялся шум. Подали очередной состав пригородных вагонов, где под руководством милиционеров, люди садились в вагоны, которые повезут беженцев в Баку, а там – на пароход, через Каспийское море, в Красноводск, а дальше кто куда сможет.

Дядя Аврум, видимо, решил, что на этот поезд мы не попадём. Пропускали по спискам, а мы только приехали. Болезнь моя отступила, дядя пригласил покушать. В это время, я обнаружил, что мой карман, где лежал бумажник с 400 рублями, пуст. Я сказал об этом дяде и заплакал. Он начал на меня кричать: «Растяпа, я ещё и кормить тебя должен. Уйди с моих глаз. Вот пришёл поезд, иди и ищи своих!». Заплакал я ещё горше и пошёл к подошедшему поезду. Поезд ещё не остановился, но я с ходу заметил знакомый профиль отца. Да, это он стоял на платформе вагона. Побежал вслед за поездом, а слёзы лились рекой из-за нанесенного мне оскорбления и одновременно – из-за нового чуда в моей жизни – я нашёл самых близких мне людей!

Наконец поезд остановился, а я продолжал бежать, спотыкаясь, не видя ничего под ногами. Добежал до платформы и убедился, что это – мой папа. Он был ловок на выдумки, устроил из одеял убежище и укрытие от солнца, а также лежбище для отдыха всей семьи.

Я начал кричать: «Папа, папа!». Высунувшись из убежища, моя старшая сестра Туба сразу узнала меня и закричала: «Момэ, Лейболы из ду!» (мама, Лейболы – тут!). Слёзы залили мои глаза совсем. Я ничего не видел. В это время папа помогал маме и девочкам слезать с платформы. Они все вместе обнимали меня и целовали, а я стоял, как вкопанный, ничего не соображая. Прибежал и дядя Аврум. Первые мгновения эйфории от встречи прошли, наступили будни. Реальность вернула нас на землю, но ничто не могло затмить ту нашу радость долгожданной, вымученной страданиями встречи самых близких мне людей. Меня мама и папа держали за руки, а девочки повисли на шее, не веря в счастье, которое только что произошло!

Улеглись отдыхать, кто как смог. Утром, в первую очередь, пошли зарегистрироваться и получить продуктовый паёк, а потом ждать. Добрались до Баку, попали в морской порт и отправились в первый в жизни морской поход.

Итак, мы в Красноводске. Тысячи людей, как и в Баку. Беженцы устраивались, где могли. Были палатки, но в основном, спасающиеся от войны располагались вдоль заборов, зданий и обочин дорог. Шум, зловоние и жара. В Красноводске не было пресной воды. Этим пользовались некоторые недобропорядочные личности, чтобы заработать. Ходили мужчины и дети с вёдрами, воду продавали стаканами. Опреснительная станция работала, но воду не успевали охлаждать, отпускали в горячем виде. За ночь она не охлаждалась и не утоляла жажду.

Несмотря на все эти беды, мы с девочками даже сходили в кино. Это был летний кинотеатр, недалеко от нашего «табора». Впервые посмотрели фильм «Искатели счастья» – про евреев, направляющихся в Биробиджан и работающих там в колхозах, на землях, отвоёванных у тайги. Дядю Аврума мы потеряли из вида. Многие разъехались по колхозам Туркмении. Мы пока ждали. Появились вербовщики, которые набирали людей на работу на фабрики и заводы страны. Нам предложили работу на химическом заводе г. Березники Молотовской области (ныне – Пермского края). Обещали рабочие продуктовые карточки, бесплатный проезд до места работы в оборудованных теплушках, а на месте – жильё в общежитиях или бараках и работу. Мы посоветовались и решили, что это – самый лучший выход. Завербовались. Паспорта забрали. Вместо них выдали напечатанные в типографии листочки. Получили продуктовые карточки и талоны на питание в пристанционных столовых по пути следования. Мы видели в этом наше спасение.

Спустя долгое время, дождались нашего состава. Правда, грузиться никто не торопился. Люди не верили ни своим глазам, ни штабу по набору рабочих. Этого в договоре не было. Вместо теплушек подали пассажирские вагоны с полками старого образца. Началась жизнь на колесах. Тронулись в путь на рассвете. Числа и даты не пишу, так как не помню.

Путь от Красноводска до Березников, как мы и предполагали, продлился довольно долго, даже несмотря на то, что наш состав шёл, как военный эшелон. Стоянки были для смены паровозов, для приёма пищи и мытья в банях. Жизнь на колёсах отличается от обычной жизни тем, что всё твое тело находится постоянно в движении, даже когда спишь. Но всё же, мы двигались с надеждой на нормальную жизнь.

В Березники попали под вечер. Уже было холодно. Все ждали выгрузки, но никакой команды не было. Женщины, а среди завербованных их было большинство, начали шуметь. Начальник станции ничего объяснить не мог. Дело дошло до митинга и громких выкриков. Пришло время обеда, а на этой станции пункта питания не было. В эшелоне находилось много маленьких детей. Началась настоящая паника. Видимо, руководство что-то решало. Для принятия мер нужно было время. Но пассажирам злополучного поезда никто ничего не объяснял. Наступил вечер. Люди устали возмущаться. На очередном митинге избрали делегацию, которая отправилась в город к властям. Что там решали – не знаю. Но к утру подали паровоз, и состав ожил. В вагонах появился свет, пришли проводники, которые предупредили пассажиров, что состав убывает с этой станции. Куда – никто не знал.

Ехали не более полутора часов, до конечной станции этой ветки – Соликамска. Было утро, холодно, пошёл снег. Повезли нас в город, к большому дому культуры, где мы выгрузились. Пришло начальство. Собрали людей и предложили два варианта устройства: остаться в городе и устроиться на каком-то предприятии или ехать в села, работать в колхозе. Посоветовавшись, мы решили, что едем в колхоз. Опыт такой работы у нас уже имелся. Подошли к представителю колхоза. Паспорта нам не вернули, никто не знал где они. У папы болела рука, и мы отпросились в медпункт. Врач осмотрел руку, намазал ихтиоловой мазью и перевязал.

За домом культуры нас ждали сани, запряжённые лошадью, мы снова поехали. Остановились в одном жилище, где должны были решить проблему папиной руки и моей чесотки. Хозяйка принесла сковородку жареной картошки и кувшин молока. Мы поужинали, впервые

Леонид Яковлевич Фидель

за несколько месяцев, уснув в доме, тишине и в покое.

Не успели позавтракать, как началось паломничество селян. Щедрость этих людей нас привела в восторг. Приносили картошку, лук, морковь, свёклу, хлеб, кухонную утварь, кое-что из мебели и одежду. Пришла бригадир и предложила работу, сказав, что можно выходить уже завтра на переборку и укладку картофеля на хранение.

После обеда мы пошли в сельсовет, чтобы зарегистрироваться. Паспортов, повторюсь, у нас не было. Мои данные были записаны в справках мамы и папы. Так началась наша жизнь на новом месте, во второй эвакуации.

Из сельсовета мы пошли в правление колхоза. Председатель колхоза принял нас хорошо, предложил работу. Папа пошёл работать конюхом, меня назначили ездовым и закрепили за мной лошадь с санями, наподобие нарт. Женщин направили в полевую бригаду, которая сейчас, зимой, занималась переборкой картофеля. Выписали нам, в счёт будущих трудодней, десять килограмм ржаной муки и пять килограмм говяжьего мяса, кроме того, на каждого человека в день – пол-литра молока и килограмм картофеля. У папы всё еще болела рука, но военкомат беспокоил его каждую неделю, не ожидая, пока та заживёт. Было еще несколько человек, подлежащих мобилизации.

В начале декабря 1942 года папу опять повезли на медицинскую комиссию, признали годным к нестроевой службе и взяли в трудовую армию, отправив в г. Кизел Молотовской области, где он работал проходчиком на шахте 7/8. Он нам писал письма, а мы отвечали. В начале 1944 года я был у него по командировке Соликамского райкома комсомола. Работа у папы была тяжёлая и опасная. Без специального обучения, он владел отбойным молотком, как своим тромбоном.

Шла зима 1943 года. Основная моя работа заключалась в том, что я возил в Красновишерский район мешки с зерном, в счёт хлебопоставок государству от колхоза. А русский язык изучал по книгам.

В начале января 1944 года меня назначили инструктором райкома комсомола, и я перебрался в Соликамск. Вскоре туда же перебрались и моя мама с сёстрами. Мама не работала, а девочки устроились в швейной мастерской, так как умели шить женскую одежду. Я разъезжал по району, организовывал работу комсомольских организаций, а карточку для питания в столовой оставил маме.

Потом приехал отец, причём – на костылях. Он получил травму на шахте, и его отпустили «домой», где он устроился сторожем на огородах. А мне нужно было идти в армию, ведь тогда призывали и 17-летних. Я попал во Владивосток, где меня направили в учебный отряд Тихоокеанского флота, который находился на острове Русский. Окончил учебный отряд с отличием, по специальности радиотелеграфиста, попал во второй отряд торпедных катеров Тихоокеанского флота. В войне с Японией участвовал в освобождении Северной Кореи и Южного Сахалина. Награждён медалью «За победу над Японией» и медалью Ушакова, корейской медалью «За освобождение Кореи». Отслужил на Тихоокеанском флоте семь лет.

Домой, в Фалешты, вернулся в конце ноября 1951 года, а родители с сёстрами вернулись туда раньше, после моего ухода в армию, в конце 1944 года.

Эпилог. После возвращения домой, Леонид Яковлевич Фидель работал телеграфистом на радиоузле Фалешты. Много лет, до самой пенсии, являлся инженером по технике безопасности в строительной организации. Со своей будущей женой, Майей Фихман, он был знаком и ранее, так как молодые люди жили в г. Фалешты. Майя и Леонид поженились 13 сентября 1952 года. У них родились сын Исаак и дочь Ида.

Леонид Яковлевич Фидель умер в 2017 году, похоронен в городе Беэр-Шева (Израиль).

Фотографии из семейного архива.

Виктория Энгель. О чуде спасения

Виктория Энгель – Исполнительный директор общественной организации «Лицом к лицу: содействие диалогу религий и культур». Она рассказала удивительную историю о том, как её родные спаслись во время нацистской оккупации. «Мой прадед – Гриншпун Хаим. Моя прабабушка – Гриншпун Хана, моя бабушка в девичестве – Гриншпун, потом – Бирман, далее – Ваксман Рахель. Моя мама в девичестве – Бирман, потом – Надежда Тетельбина. Кстати, имя ей дали в надежде на скорую победу, иначе она была бы с каким-то еврейским именем» – начинает наш разговор Виктория.

«Бабушкина семья проживала в Унгенах. До 1918 года Унгены входили в состав Российской империи, в январе 1918 года Бессарабия была оккупирована Румынией. Но 28 июня 1940 года на территорию Бессарабии были введены советские войска. После чего была образована Молдавская ССР, в состав которой вошли и Унгены» – говорит моя собеседница.

Бабушка Виктории Энгель происходила из обеспеченной семьи, у них был свой магазин, а у родителей её мужа имелся свой небольшой заводик. Конечно, в 1940 году всё их имущество было национализировано. Это оказалось большим ударом для всей семьи, но постепенно жизнь начала налаживаться. Так прошёл год. И вот, рано утром 22 июня 1941 года в Унгенах прозвучали выстрелы. Но в то время жителей приграничного городка подобным было не удивить, так как в тех краях постоянно проводились военные учения. Однако, в этот раз всё оказалось по-другому, утром семья, как и весь город, уже проснулась, буквально, на фронтовой территории. Дедушку Виктории, Иону Бирмана, сразу мобилизовали. Считается, что он пропал без вести. Виктория объясняет, что до сих пор ни по каким поисковым системам её дедушка не числится. «Унгены стали частью СССР лишь в 1940 году. Думаю, дедушку, как и многих мобилизованных из «новых» советских территорий, бросили в самое фронтовое «пекло». Их, вероятнее всего, некому было идентифицировать. Поэтому, никаких концов уже не найти».

На тот момент бабушка Виктории находилась на девятом месяце беременности. На совете семьи было принято решение – бежать. Учитывая беременность женщины, им выделили подводу. Конечно, все вещи, которые с огромной любовью подготавливались к рождению ребёнка, пришлось оставить, как и многие другие, дорогие сердцу,

Маленькая Надя (мама Виктории) с мамой и отчимом

предметы. Но выбора не было: семья большая (бабушка, её родители и её незамужняя, на тот момент, сестра), а места на подводе немного. Уже вечером 22 июня они покинули Унгены. Туда вскоре вошли румынские войска, а Красная Армия освободила Молдавию только летом 1944 года. К счастью, семья Гриншпун – Бирман своевременно успела покинуть эти края.

Виктория рассказывает: «По дороге моя бабушка родила мою маму. Это случилось 9 июля 1941 года. В роддоме, по закону, роженицу должны были держать не меньше суток после появления ребёнка на свет. Но поскольку немцы и румыны были на подступах, бабушка вынуждена была покинуть роддом уже через два часа после родов. А справку о рождении мамы ей дали задним числом (от 8 июля). Всё то время, что бабушка провела в роддоме, её родные ждали на улице неподалёку. Но бабушка не знала, где они конкретно и очень боялась их не найти, потеряться и остаться одной на улице с ребёнком на руках. К сожалению, в войну это было не редкостью. Она попросила акушерок оставить с ними ребёнка буквально на 10-15 минут, чтобы найти своих и потом вернуться за дочкой. Но ей отказали: «Нет, ты сейчас бросишь ребёнка и исчезнешь!» А поскольку моя бабушка была ярко выраженной еврейской внешности, то, мне кажется, что в роддоме просто побоялись оставить еврейского ребёнка. И бабушка через два часа после родов отправилась искать своих, с новорожденным ребёнком на руках, ведь мобильных телефонов, как сегодня, тогда ни у кого не было. Слава Б-гу, родных она увидела сразу – семья расположилась табором под стенами того самого роддома и радостно приветствовала её с малышкой».

Маленький Миша (папа Виктории) – с родителями

Дальше, снова своим ходом, семья Гриншпун – Бирман отправилась на восток. Еды катастрофически не хватало, все ценности, которые у них с собой были, выменивались на продукты. Если все остальные ещё как-то могли терпеть голод, то кормящая мать – не могла: у неё пропало бы молоко, а больше кормить ребёнка было совершенно нечем. Один раз, когда какой-либо пищи не было совсем, прабабушка украла булку, чтобы накормить бабушку. С водой тоже имелись проблемы, пелёнки часто приходилось стирать в лужах. А при бомбёжках все ложились на землю, прикрывая своими телами малышку.

Так, к январю 1942 года семья добралась до Орджоникидзевского (ныне – Ставропольского) края, позже тоже захваченного немцами – в августе 1942 года. Точнее добрались до села Арзгир, где мама Виктории Энгель была официально зарегистрирована, как новорождённая. Когда малышку по-настоящему помыли, то местные жители очень удивились: оказалось, что перед ними – не негритёнок! Появилось ощущение, что наконец-то им дана возможность хотя бы немного расслабиться. Конечно, было трудно, голодно, шла война, но сейчас они обрели хотя бы крышу над головой.

Вскоре стало понятно, что германские войска приближаются. Семья Гриншпун – Бирман снова решилась бежать, чтобы спастись. «Я отследила этот вопрос по справке из Центра розыска Красного Креста. За две недели до прихода немцев семья покинула Арзгир и опять самостоятельно отправилась в путь, пошла дальше на восток.» – добавляет Виктория.

Она всю жизнь думала, что её бабушка и мама самостоятельно бежали из Унген, но потом централизованно эвакуировались из Арзгира. Её бабушка не очень любила вспоминать это время, а мама моей собеседницы была слишком мала, чтобы что-то запомнить. И уже после

Мама Виктории Энгель

смерти своей бабушки, Виктория узнала, что никакой централизованной эвакуации из Арзгира не случилось, её близкие проделали этот опасный путь самостоятельно. Это была одна из нескольких еврейских семей, которой удалось спастись. Большая часть евреев, в основном – эвакуированных, остались в Арзгире и уже через пару недель были уничтожены. Вот какой тяжелейшей ценой досталось право семьи Гриншпун – Бирман на жизнь!

8 сентября 2016 года в селе Арзгир, где осенью 1942 было казнено 675 евреев и 20 русских и молдаван, был открыт мемориал, в рамках проекта Российского еврейского конгресса и Центра «Холокост» «Вернуть достоинство». Выступая на той памятной церемонии, Илья Альтман, сопредседатель НПЦ «Холокост», профессор РГГУ, отметил важность этого проекта, как эстафеты памяти поколений, поблагодарил власти Арзгира, местных краеведов, ветеранов войны, школьников – за бережное сохранение памяти о жертвах Холокоста. На той церемонии выступил внук Праведников народов мира семьи Палагута и сын спасённого ими еврейского мальчика, глава Арзгирского района Алексей Палагута. Многочисленные школьники Арзгира слушали свидетельство очевидца Ивана Павловича Чипко. Ему в 1942-ом году было 8 лет, он хорошо запомнил, как зверствовали полицаи, как сгоняли евреев на место казни, как ещё долго шевелилась земля на месте трагедии. В открытии мемориала приняли участие члены Ставропольской еврейской организации «Геула», еврейских и христианских структур Кисловодска, Пятигорска, Владикавказа, Ставрополя.

Но вновь вернёмся к нашим героям. Покинув Орджоникидзевский край, семья двинулась в сторону Каспийского побережья. Когда они садились на корабль, чтобы переплыть

Каспий, им не хватило места на палубе, так как с маленьким ребёнком трудно было пробиться через толпу желающих, дабы плыть в более

комфортных условиях. И семья оказалась в трюме, но, как потом выяснилось, именно это и спасло жизнь маме Виктории. Корабль попал в жуткий шторм, и ни одному ребёнку, находившемуся на палубе судна, не удалось уцелеть, всех смыло в море. Остались в живых только те дети, которые находились в трюме. По словам моей собеседницы, её родные все-таки добрались до Средней Азии и оставались в Ташкенте до конца войны.

После войны бабушка Виктории, так и не дождавшись любимого мужа с фронта, приняла предложение руки и сердца другого мужчины, еврея, который давно её знал и любил. Узнав, что Рахель осталась одна с маленьким ребенком, он разыскал её и женился на ней. Всю оставшуюся жизнь он заботился о любимой жене и о её дочери, которую принял, как родную. Спустя несколько лет у супружеской пары родилась ещё одна дочь. Так как во время войны Унгены были сильно повреждены, молодая семья обосновалась в Черновцах, где и выросла мама Виктории. Отец Виктории Энгель, Михаил, в годы Великой Отечественной войны также находился в эвакуации в Ташкенте, вместе с младшим братом отца, мамой и бабушкой. Мальчику в эвакуации тоже было очень голодно и холодно. В их семье работала только одна его мама, врач. И вся семья питалась почти только на одну её пайку. А остальные считались иждивенцами и фактически голодали.

Чудо и то, что, когда Виктории было 13 лет, то есть спустя почти 40 лет после описываемых событий, её мама нашла в Молдавии родственников своего погибшего отца!

История её семьи, летопись спасения её близких, сохранение исторической памяти – в наши дни имеют для моей собеседницы огромнейшее значение. Виктория Энгель гордится своей бабушкой и считает её настоящей героиней. Ведь если бы не её решительность, выносливость, сила духа, мужество, если бы не её неисчерпаемая сила воли, желание жить и защитить своего ребёнка, во что бы то ни стало, на свет ни появились бы ни сама Виктория, ни её дочка…

Свадьба Надежды и Михаила – родителей Виктории Энгель

«Оставить воспоминания потомкам...»
Из архива Ирины Барг

Центр «Холокост» посетила москвичка Ирина Барг. Она принесла в Архив НПЦ фотографии своих еврейских близких по фамилии Барг – Гольд, погибших в Холокосте, участвовавших в Великой Отечественной войне, а также рукописи рассказов о них, которые сегодня представляем вашему вниманию. Ирине Барг хотелось прежде всего сохранить для потомков свои воспоминания о событиях нашего прошлого, о дорогих ей людях, которых уже нет в живых. Но память о них всегда теплится в её сердце. Ирина надеется, что с помощью этой публикации откликнутся те, кто знал её родственников.

* * *

ОДЕССА. СВЕТЛЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА. Мой прадед Григорий Барг родился в середине 19-го века в Одессе. К сожалению, время не сберегло его портрета. Но сохранилось изображение его жены, моей прабабушки по отцу, которую звали Хая Баруховна. Удивительно красивая женщина, с тонкими, правильными чертами лица. В 1895-ом году в семье Барг появился первенец – Меер, мой дед. А затем, в 1909-ом году, его младший брат Ихель. Семья жила в достатке, в центре города, в просторной квартире, где часто собирались многочисленные родственники семьи Барг. Как вспоминал позже дед, мать запомнилась остальным радушной хозяйкой, в доме с лепными, высокими потолками было много места, часто слушали патефон – предмет особой гордости в то время, все вместе пели песни на идиш, шутили. Любили особый одесский юмор, который унаследовали все члены семьи Барг.

Крупный порт, промышленный и богатый торговый город, Одесса того периода выгодно отличалась от других городов страны. Это – особая южная атмосфера, море и наличие роскошных памятников архитектуры, дорогих магазинов и ресторанов, оперного театра, фонтанов и парков. Город называли «Южной Веной», за его красоту. Здесь вместе жили русские и украинцы, евреи и поляки. Более трети населения города составляли евреи. В Одессе работали многочисленные синагоги, еврейские школы и больницы, магазины, кладбище, библиотека, профессиональные общества еврейских врачей, учителей, ювелиров,

портных, рубщиков кошерного мяса, хористов синагоги, портовых грузчиков и т.д. Евреи участвовали в городском самоуправлении, что было уникальным явлением для того времени. Дед вспоминал, что они с отцом ездили на трамвае, и буквально на каждом шагу виднелись модные в то время фотоателье, где можно было сделать кабинетное фото, наклеенное на плотный картон, с именным вензелем фотографа. Такие снимки потом выставлялись в рамках, на видное место или дополняли семейные альбомы. Немало фотоателье располагалось и напротив Главной синагоги, на пересечении улиц Еврейской и Ришельевской (на сегодня), которая напоминала, по словам деда, огромный старинный замок. Видимо, уже тогда у него возникло желание стать фотографом, которое он потом осуществил. Большинство евреев занимались торговлей и коммерцией. Так, прадед владел магазином в самом центре, на первом этаже «Пассажа Менделевича». Крупный и удачливый торговец зерном и хлебом, Моисей Менделевич построил в Одессе на месте старого дома целый торговый комплекс, самую известную гостиницу, на первых этажах которой функционировали многочисленные торговые фирмы и модные магазины. И всё это – с лифтом, центральным отоплением, электричеством. Товары доставлялись в магазины на специальных вагонетках из подвальных складов. Прадед с успехом торговал, а в выходные дни семья отправлялась к морю, в «Аркадию», где у них имелась дача. Это были самые светлые, счастливые дни, как рассказывал потом дед. А затем началась революция и пришло совсем другое, смутное время.

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ. ОТЪЕЗД В ВИННИЦУ. Когда в ноябре 1917-го года в Петрограде произошло большевистское вооруженное восстание, моему деду было 22 года, он всё своё время посвящал любимой фотографии. Младший брат Ихель успешно учился в гимназии и, казалось, ничто не предвещало беды. Тревожные события происходили далеко, и в их серьёзные политические последствия никто верил. Вскоре начался период хаоса и безвластия. За контроль над Одессой боролись националисты, красные и белые, германские и австрийские войска, независимые атаманы и одесские бандиты. Евреи, их дома, имущество, магазины – стали лёгкой добычей для негодяев. Безоружное, мирное население можно было безнаказанно грабить и убивать. Одни видели в евреях сторонников царского режима, другие считали, что они поддерживают большевиков. Магазин деда оказался разграблен, на улицу страшно было выходить. Начались массовые погромы, убийства

Гриша и Софья Иосифовна Барг (с. Уланов, Винницкой обл.). Архив НПЦ «Холокост»

мирных жителей черносотенцами и белогвардейцами, бандитами. Всё, что не успели украсть белогвардейцы, конфисковали большевики. Была введена карточная система, запрещено частное предпринимательство. Все синагоги были закрыты. За труд платили не деньгами, а пайком и промышленными изделиями (мылом, галошами, гвоздями). Одесские уголовники грабили банки, оставшиеся магазины и квартиры. Новая власть повсеместно проводила аресты и расстрелы. Начался голод 1921 – 1922 гг., в городе свирепствовали разруха и страшные болезни – тиф, холера и туберкулез. Выжить в Одессе было невозможно, надо было искать другое место, чтобы спасти семью и детей, и мои близкие вынуждены были уехать на поезде в Винницу.

ЖИЗНЬ В ПРЕДВОЕННОЙ ВИННИЦЕ. Ещё в 1870-ом году была построена железная дорога Киев-Балта-Одесса, которая связывала Одессу со многими крупными городами: Киевом, Москвой, Петербургом. По ней, мой прадед с семьёй добрались до Винницы – живописного города на берегу Южного Буга. Железная дорога способствовала бурному экономическому развитию Винницы. В городе работало несколько заводов и фабрик, развивались торговля и ярмарки, там был один из лучших театров, больница, телефонная и телеграфная сеть, водопровод. Треть населения Винницы составляли евреи. В городе также успешно функционировали синагоги и несколько еврейских училищ. Много евреев можно было найти среди инженеров, техников, бухгалтеров, они быстро осваивали новые, востребованные специальности. Винница занимала в торгово-промышленном развитии ведущее место, среди других городов Подолья.

Но голодные годы и желание прокормить семью, заставили Григория и Хаю Барг двинуться в сторону от города, в село Уланов, где они

Слева направо: Меер Григорьевич Барг, Софья Иосифовна Барг, Броня Яковлевна Гольд. Архив НПЦ «Холокост»

купили дом и решили обосноваться. Село раскинулось на берегах реки Синевода. Рядом – обширные поля для выпаса скота, посадки сахарной свеклы, картофеля, табака – махорки. Недалеко – рафинадный завод, построенный еще в середине 19 века, где работало около 200 человек. Туда и устроился трудиться прадед, а Хая занималась хозяйством.

Сахарные заводы насчитывались в большом количестве в этих краях, поставляя сахар, патоку – в качестве сырья для пищевой промышленности в местные торговые лавки. А продукт переработки – жом (сечка сахарной свёклы, отходы свеклосахарной промышленности) – являлся ценным кормом для скота, особенно, в осенне-зимний период. Семья завела корову, организовала скотный двор, огород, сад. Мой дед Меер открыл фотоателье, продолжая заниматься любимым делом. Его младший брат Ихель уехал в Винницу учиться на инженера. Торговлей сахаром занималась в Уланове и приехавшая из Бердичева семья Гольд. Иосиф Львович и Броня Яковлевна знали семью Барг, чей старший сын в один прекрасный день сделал предложение и женился на Соне Гольд, которая прекрасно пела и танцевала. Меер и Соня часто ездили в Винницу погулять, повидать Ихеля, посмотреть кино в новом, большом звуковом кинотеатре на 750 зрителей, открывшемся в 1931-

ом году. В декабре 1933-го года в семье родился мальчик Гриша, мой отец. Семейные фото тех дней запечатлели первые счастливые моменты жизни моего отца с бабушкой, матерью и отцом. Ихель женился раньше, он нашёл себе жену Цилю в Виннице, и они часто приезжали из Винницы в Уланов к родителям. У них был сын – Гриша, но чуть старше моего отца. Семья собиралась вместе, было шумно и весело, как когда-то в Одессе. Кстати, любовь к родному городу осталась у них навсегда. В середине 30-х годов они отправлялись на выходные на поезде к морю, в Аркадию, где когда-то располагалась их дача, а теперь находились санатории и дома отдыха рабочих. Отец рассказывал, что эти поездки из деревни к морю, оставили у него невероятно яркие воспоминания на всю жизнь. В те годы в Уланове устраивали ярмарки, продавали скот, лошадей, приезжали цыгане, ставили повозки, пели песни. Это было время надежд, люди трудились ударно, потому что надо было достигать светлого будущего, в которое верили и которого ждали.

МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ. В 1937 – 1938 гг. в Винницкой области начались массовые репрессии. Жертвами стали многие тысячи человек. Среди них были украинцы, евреи, русские, поляки. Семья Гольд с моим отцом решили оставить торговлю в Уланове и переехать поближе к Москве, а точнее – в Подмосковье, чтобы избежать преследования. Барги (Хая, Григорий и Ихель с семьёй) – остались на прежнем месте.

ВОЙНА И ОККУПАЦИЯ. РАССТРЕЛЯННОЕ БУДУЩЕЕ. ХОЛОКОСТ. 15-го июля 1941-го года село Уланов оккупировали германские войска. Около тысячи местных евреев согнали на одну улицу, окружённую колючей проволокой. Село вошло в гебит *(территория, участок – на немецком языке – примечание автора*)* Калиновка генерального округа «Житомир», созданного оккупационными властями. В декабре 1941-го и весной 1942-го года к ним добавили свыше 450 евреев из села Сальница. В апреле 1942-го года несколько сотен евреев отправили на работу в Калиновку, где немцы планировали построить аэродром. Оставшиеся евреи (свыше 900), неспособные работать, были расстреляны 10 июня 1942-го года.

В оккупированной Виннице погибло более 20 000 евреев. Хая и Григорий Барг, а также Ихель, Циля и их сын были уничтожены фашистами. В память о массовой гибели евреев в период Холокоста, в селе Уланов установили мемориальный памятник.

Ихель Григорьевич Барг и Меер Григорьевич Барг (справа). Архив НПЦ «Холокост»

ВОЕННАЯ МОСКВА. ЭВАКУАЦИЯ. Как я сказала, другая часть семьи Барг, вместе с моим отцом, ещё до войны перебрались в Подмосковье, в Одинцово, где приобрели небольшой домик с садом. В 1941-ом году враг приблизился к Москве. Началось строительство рубежей обороны города.

Соня вместе с другими москвичками копала противотанковые рвы, прошла курсы медсестёр, став сандружинницей. В 1941-ом году началась массовая эвакуация неработающих женщин и детей из Москвы и пригородов. Люди направлялись в Ташкент, Новосибирск, другие точки на карте СССР. Дедушка и бабушка Гольд, вместе с моим отцом и сестрой Лилей, которая родилась в 1940-ом году, уехали в эвакуацию в Восточную Сибирь. Работая сутками, люди помогали фронту. Отец вспоминал, что, возвращаясь с работы поздно ночью, зимой, дед Иосиф Львович не дошёл до дома, замерзнув по дороге. Бабушка осталась одна, с двумя маленькими детьми на руках. Но помогли люди, отца пристроили в школу, где было много детей, чьи родители сражались на фронте и защищали столицу. Мой дед – Меер Григорьевич Барг был мобилизован на фронт в 1944-ом году, видимо, с учётом преклонного (для того времени) возраста, дошёл рядовым солдатом – артиллеристом до Берлина, был награждён медалью «За боевые заслуги». Пришла Победа, война закончилась, семья вернулась в Москву, им дали жильё в Новом Коптево, началась новая, мирная жизнь...

Вячеслав Шатохин: Об Узбекистане с любовью

Вячеслав Шатохин родился в 1961 году в Ташкенте, в семье евреев из Полтавы. Его мать, София Назаровна Хотимлянская (1930-2019) была эвакуирована из Полтавы вместе с его бабушкой Марией и тётей Слувой. В Украину после 1945 года они не вернулись, остались жить в Узбекистане. Вячеслав Шатохин закончил в 1983 году юридический факультет Ташкентского государственного университета и до отъезда в США работал в органах прокуратуры, а также в народном хозяйстве на разных юридических должностях. С 2010 года он успешно возглавляет проект «Украденное детство». По его мнению, уникальный опыт Узбекистана по жизнеобеспечению, реабилитации и адаптации беженцев вообще и беженцев-евреев – в частности, не только вошёл в золотой фонд человечества, но и является достойным примером и предметом изучения, осмысления и подражания. Мой собеседник по праву гордится тем, что успел собрать обширный архив воспоминаний участников тех событий, разбросанных по всему миру. Сегодня он живёт в Нью-Йорке и делает всё от него возможное, чтобы о подвиге Узбекистана и узбеков в годы Великой Отечественной войны по спасению целого этноса ашкеназов не забывали.

– Уважаемый Вячеслав, расскажите, пожалуйста, подробно о проекте, которым вы занимаетесь.

– Вот уже более 15 лет занимаюсь одним некоммерческим проектом - «Украденное детство», то есть периодом, который у ребятишек той поры забрала Вторая мировая война. Меня к нему подтолкнула история моей мамы, о чём расскажу далее более подробно. В 2010 году я пришёл к осознанию, что должен как-то отблагодарить узбеков, Узбекистан, представителей других национальностей за спасение целого этноса ашкеназских евреев. Если бы не Узбекистан, в Холокосте погибло бы намного больше наших собратьев, чем шесть миллионов. Своим благодатным трудом евреи потом сказали «спасибо» этой щедрой земле и этому хлебосольному народу. Отрадно, что в Узбекистане в те годы, не было ни бытового, ни государственного антисемитизма, а местные жители делились с эвакуированными последним.

В рамках проекта стал собирать воспоминания, документы, биографии, письменные показания на тот момент ещё живых свидетелей, мне помогали мои родители, родственники. Я сам родился в Узбекистане. Ташкент, Узбекистан – моя родина.

В 2016 году от своего нью-йоркского раввина Бински я получил благословение на работу в данной области. И он посоветовал, что мой проект должен быть некоммерческим. Я и сам для себя решил, что коммерческим он не станет. За это время вышло два документальных фильма на эту тему. В 2016 году – документальный фильм «Большое сердце Ташкента», а потом и кинокартина «Последнее лето детства». За последнюю режиссёр Наби Раззаков получил орден «Дустлик» – «Дружбы народов». Свой проект я продвигаю, как могу, на самом высоком, мировом уровне, рассказываю о нём в СМИ, снимаю об Узбекистане фильмы, посвящаю этой стране свои выступления. Мечтаю написать книгу на эту тему, о величайшем гуманитарном подвиге узбекского народа в годы Великой Отечественной войны, но пока не нашёл достойных соавторов.

– Значит, всё началось с вашей мамы…

– Да. Моя мама – София Назаровна Хотимлянская, бабушка Мария, моя тётя Слува, другие родственники, которых уже нет в живых, осенью 1941 года были эвакуированы из Полтавы и назад уже не вернулись. Сначала они попали в город Камышлов Свердловской области. Но их там, мягко говоря, не очень ласково приняли и достаточно быстро дядя решил направиться в жаркий Ташкент, надеясь, что там их семье будет лучше. Так они и поступили, прибыли в Ташкент, пробыли там неделю. Потом попали в Фергану, где находились с 1941 по 1945 годы. А молодёжь стремилась учиться. По этой причине, семья отправилась в Ташкент, где работали высшие учебные заведения. Старшие девочки из семьи Хотимлянских выучились на юристов, а моя мама выучилась на экономиста. В моём проекте есть несколько ключевых слов – 1941-1943 годы, эвакуация, Узбекистан, ашкеназские евреи. Я сам – еврей-ашкеназ.

Моя бабушка, Мария Наумовна Хотимлянская (Ровенская), выбралась из Полтавы под бомбежками, с двумя детьми. По её воспоминаниям, всё прежнее было брошено, оставлено и перечеркнуто. С собою – два баула и ручная кладь. После тяжких дорожных мытарств, они прибыли в Ташкент. Её муж Назар ушёл в ополчение, защищая Полтаву, погиб. Похоронен в братской могиле. Над ним стоит памятник-стела. Бабушка часто вспоминала родные места. Осталась вдовой в 41 год, больше замуж не выходила. Сохранила верность своему супругу и память о нём до конца своих дней. Тяжело работала, но не сломалась. Вырастила дочерей, помогла им получить высшее образование и дала путёвку

София Хотимлянская в детстве (середина 30-х гг.)

в жизнь. Поиски следов моего деда Назара (Семёна) Эммануиловича Хотимлянского не дали результатов. В 1941 году ему было 43 года. Он родился в Елисаветграде *(ныне – Кропивницкий, Украина)*. Мои мама и папа заполнили анкету в «Яд Вашем» на деда, указав, что он пропал без вести, но именно этот факт на протяжении многих десятилетий, как раз мешает моему поиску его следов.

– Продолжим нашу беседу о вашем проекте…

– Хорошо. Свой международный проект я возил в Париж в 2020 году. В Доме Ротшильда была проведена Международная конференция по теме эвакуации в Узбекистан, сумевшая вызвать настоящий фурор. На ней присутствовали представители многих посольств, пресса, выжившие польские евреи, спасённые в разных уголках Узбекистана. Также я обращался в «Яд Вашем», чтобы признать эту землю Праведной, а радушный узбекский народ – Народом – Праведником. Но, к сожалению, гостеприимные узбеки и их государство – глубокий тыл, не оккупированный нацистами, не подпадают под категорию критериев «Яд Вашем». «Вишенкой на торте» моих идей является мечта о создании первого в мире, самостоятельного музея эвакуации им. Софии Хотимлянской. То, что я вам рассказал, лишь маленькая толика того, что происходило за эти 15-16 лет в рамках «Украденного детства». Свой проект полностью финансирую сам, никакой поддержки от спонсоров у меня нет. Но, буду рад, если они появятся.

– Сколько примерно евреев и откуда было эвакуировано в Узбекистан?

– Узбекистан в годы Великой Отечественной войны сердечно принял у себя в гостях миллионы людей, из которых 250 тысяч – ашкеназские евреи из Украины, Белоруссии, Латвии, России, Молдавии и

Польши. Большинство ребят, направлявшихся в Узбекистан, были позже распределены на работу в различные отрасли народного хозяйства, на учёбу, а потерявшиеся дети были возвращены их родителям и родственникам. Если накануне войны в республике существовало 106 детских домов, а число их воспитанников составляло 12 тысяч детей, то в 1945 году число детских домов выросло до 236, а число воспитанников составило 30 тысяч. Можно легко проследить изменение числа узбекских детских домов в 1940-1945 годы. Вместе с воспитанием мальчиков и девочек, оставшихся без родителей, в семьях, в детских домах, массовый характер приняла также деятельность по воспитанию и обеспечению ребятишек на коллективной основе. Трудящиеся Узбекистана за свой счёт организовывали интернаты и детские дома. Детским учреждениям уделялось особое внимание. Каждый детский дом был взят под контроль. Остаётся добавить, что значительную часть эвакуированных детей составляли евреи. Например, у знаменитого кузнеца Шаахмеда Шамахмудова, который усыновил 14 сирот, в семье росло двое еврейских детей. Большинство малышей разобрали многодетные узбекские семьи и ни одного приёмного ребенка не вернули в детский дом. О степени гостеприимства свидетельствует и тот факт, что многие после эвакуации, остались в Узбекистане – так поступила и семья моей мамы. Узбеки делились с иноверцами последним куском хлеба, выделяли им комнаты в своих домах, пытались обеспечить работой, проявляя истинный пример милосердия и великодушия.

Каждый, обогретый теплом узбекского дома, сохраняет в своей душе и памяти чувство благодарности к народу Узбекистана. И не удивительно, что я, сын эвакуированных и спасённых в годы войны, предпринимаю все попытки исследования, систематизации сведений, сохранения свидетельских показаний, вещественных доказательств подвига массового спасения узбекским народом, эвакуированных в годы Великой Отечественной войны. Сам факт подобного явления, истинного проявления гуманизма целым этносом – по-своему уникален. Когда мы брали в США интервью у спасённых в Узбекистане, оказалось, что минувшее время над ними не властно. И многие, оставшиеся в живых, несмотря на преклонный возраст, помнят стихи на узбекском языке.

Саиджон Курбанов – мой друг, коллега, математик, живущий в Бухаре, выяснил, что с началом Великой Отечественной, Узбекистан принял 3 миллиона 200 тысяч беженцев. Он собрал в архивах Узбекистана карточки эвакуированных, оцифровал их, отсканировал и отправил в

Шаахмед Шамахмудов (1890-1970) - справа,
вместе с женой Бахри Акрамовой (1903–1987) – в центре

Музей Холокоста в Вашингтоне. Только представьте себе, Саиджон обработал 147 тысяч карточек на эвакуированных! В личных беседах он мне рассказал, что пока у него не оцифровано и не отсканировано ещё порядка 127 тысяч таких документов. То есть, 270 тысяч карточек – на эвакуированных, в каждой из них – по две – пять фамилий ашкеназских евреев. Есть ещё цифра официальной статистики СССР о том, что с началом войны, Узбекистан принял 3 миллиона 200 тысяч человек.

Из этого числа, молодых людей, достигших призывного возраста, призывали в армию прямо оттуда, из Средней Азии. Сколько ашкеназов, в итоге, осталось в Узбекистане, сколько из них, с наступлением мира уехало – не знаю, такой статистикой не располагаю. Речь в своём проекте я веду о временном интервале лишь с 1941 по 1943 годы.

– Какая из историй спасения вас поразила больше всего?

– Бухарский еврей, уроженец Самарканда – Сион Худойдатов, воевал, был много раз ранен. После очередной контузии лечился в госпитале.

В коридоре он увидел плачущую медсестру, которая горевала, что её племянницу-сироту эвакуировали под Самарканд. Медсестра попро-

Вячеслав Шатохин с мамой Софией Хотимлянской (Шатохиной). США

сила Худойдатова: «Если выживете – найдите племянницу и помогите ей». Фронтовик вернулся домой и вместе с братом он нашёл эту девочку. Племянницу медсестры приютила семья таджиков. Сион увидел девочку с 40 косичками, которая, кроме русского и идиша, свободно говорила на узбекском и таджикском языках. Сион забрал девочку в свой дом и воспитал в еврейской традиции. Сирота получила образование, вышла замуж, но всю жизнь почитала своих еврейских родителей, наравне с таджикскими. Для меня эта история – сигнал из двадцатого века нашему времени, а Ташкент, как вы уже убедились – город не только «хлебный», но и очень радушный. Вспоминая эти давние события, важно сказать о роли бухарских евреев. Они выделяли места на своих кладбищах для погребения ашкеназских евреев, потому что в Узбекистан приходили поезда, в том числе и с трупами эвакуированных, не переживших долгую, тяжёлую дорогу. Не все из еврейских беженцев закапывали покойных прямо рядом с железнодорожной насыпью, а везли их в Ташкент, чтобы похоронить.

– Любопытно узнать подробнее о вашей идее создания Музея эвакуации имени Софии Хотимлянской. Каким вы его видите?

– Сама идея уже получила информационную поддержку в разных странах мира, в том числе – в Узбекистане. Вижу это таким образом: для музея выделяется одно из исторических зданий в районе Центрального вокзала в Ташкенте, на который прибывали составы с эвакуированными. В соседнем с вокзалом, музее железнодорожного транспорта – можно найти старый подвижной состав, аналогичный тому, который привозил беженцев. Или есть возможность открыть музей в районе, где располагались службы по приёму детей, куда приходили простые узбеки из Старого города с просьбой отдать им этих ребят на воспитание. Одновременно с этим, мной и моими единомышленниками идёт активный сбор материалов, документов, экспонатов для будущего проекта,

как в Узбекистане, так и за его пределами. На сей счёт у нас есть чёткое представление о том, как это сделать и где найти материалы. Предполагается, что данный музей будет современным, оборудованным различными интерактивными экспозициями, как дань сегодняшнему дню. Думаю, что он станет вести обширную работу по воспитанию молодёжи, исследовательскую деятельность, продолжать поиск материалов, участвовать в проведении конференций, издании научно-просветительских материалов по гуманитарной тематике.

– Наверное, в процессе своей деятельности, вы заметили, что ещё не все наши читатели осведомлены об огромной роли Узбекистана, в годы Великой Отечественной войны, как некоего спасительного островка не только для евреев-взрослых, но и для детей…

– Да, к сожалению, это так. И мой проект как раз нацелен изменить данную печальную тенденцию.

– Как вы сотрудничали с Леонидом Тёрушкиным, заведующим Архивом Центра «Холокост», где вы с ним познакомились?

– С Леонидом Тёрушкиным меня познакомила москвичка Елена Жилинская – хороший, неравнодушный человек и поисковик. Она занимается розыском родственников евреев – воинов Красной Армии, чьи останки на местах сражений поисковики до сих пор обнаруживают и опознают, восстанавливая их имена. Елена нашла потерянные следы близких нескольких семей, которые сегодня живут и в США. И они ездили в Россию на перезахоронения останков их родных и предков. Активно работал с Еленой Жилинской, также помогал ей с розыском семей в США и Канаде.

– Поговорим о документальном фильме «Последнее лето детства», который был снят в рамках вашего проекта.

– С удовольствием. В конце 2017 года в Нью-Йорке состоялась презентация документального фильма «Последнее лето детства». Фильм был создан мной и кинорежиссёром Наби Раззаковым, по моей инициативе и на основе материалов, ранее собранных мной. В апреле 2018 года Наби Раззаков предпринял поездку в Узбекистан, чтобы уточнить некоторые моменты, вошедшие в фильм, и на основе этих новых данных, перемонтировал его.

Кинолента повествует о судьбах еврейских детей, эвакуированных из европейской части Советского Союза и спасённых узбекским

народом в годы Великой Отечественной войны. Она получила положительную оценку во многих странах мира. «Последнее лето детства» демонстрировался в Узбекистане, США, Канаде, Австралии, Израиле, Аргентине, Германии и других странах. Мы это сделали, создали фильм-документ, и он сейчас живёт своей жизнью, свидетельствуя о человеческой памяти, чувстве благодарности, об огромной отзывчивости и о гуманизме большого узбекского народа.

– Дорогой Слава, нисколько не умоляю всего, сказанного вами. Если бы не Узбекистан – точно не было бы ни ваших близких, ни вас, это совершенно понятно. Но, наверное, найдутся скептики, которые скажут, что Узбекистан принимал беженцев просто потому, что так было положено, то есть, по приказу властей. Добавят, что их принимали и другие. Поручили им сверху – они приняли. Знаю немало воспоминаний людей, эвакуированных в Среднюю Азию, где дети и взрослые голодали, недоедали, страдали, кто-то из них прямо там ушёл из жизни из-за невыносимого голода, мучительно умирал в больницах от болезней, из-за нехватки лекарств и из-за отсутствия квалифицированных врачей. Это было, правда, в Таджикистане, в Киргизии. Но всё же… Что вы возразите таким людям, таким скептикам, какие контраргументы приведёте?

– Постараюсь подробно ответить на ваш вопрос. Во-первых, вы правы, у моего проекта есть много недоброжелателей и скептиков, даже врагов. Но мне бы не хотелось о них сегодня говорить. Мне часто задают вопрос, почему именно Узбекистан – другие государства ведь тоже принимали эвакуированных. Дело в том, что я там родился и прожил почти до 37 лет, очень люблю свою малую Родину, это уже – некая часть меня. Во-вторых, безусловно, Узбекистан не был безоблачным, беспроблемным, сытым оазисом в период войны. Конечно, в нём также было много проблем. Но рассказывая другим, посредством своего проекта, о своей родине с огромной любовью, с ностальгией и теплом, я прежде всего имею в виду сердечность и душевные порывы живущих там людей, душу этого великого народа, то, как узбеки относились к приезжим – представителям других народов. Антисемитизма на государственном уровне там никогда не было, по крайней мере, лично я никогда с этим не сталкивался. Что касается плановой эвакуации, то она имела место быть. В Среднюю Азию выезжали заводы, фабрики, театры, киностудии, учебные заведения, рабочие заводов и фабрик, технический персонал, научные заведения,

Семья Фейги - бабушки Софии Хотимлянской

сотрудники предприятий. Но, кроме этого, существовала и неорганизованная эвакуация в Ташкент, в регионы Узбекистана. На привокзальной площади столицы размещалось несколько эвакопунктов – центральный, госпитальный, детский. Они принимали и распределяли прибывающих детей и взрослых. Благодаря этому, площадь для эвакуированных быстро пустела. Имеются также воспоминания писателя Корнея Чуковского, который чётко описывает, что после прибытия поездов, у этих пунктов никто долго не задерживался. Так как местные радушные жители молниеносно разбирали детей, прибывая за ними на тележках, на машинах, на повозках, кто на чём мог. Руководители узбекских сёл, городов, головой отвечали за каждого ребенка.

Разумеется, в Узбекистане в те годы орудовали и беспризорники, и проститутки, и преступность, и по-другому, с таким наплывом беженцев, просто было невозможно… И винить тут можно только войну.

– Убедили. Что сегодня наполняет ваши дни? Каковы ваши планы и цели на ближайшее время?

– Как уже сказал, вот уже 15-16 лет и сейчас – бьюсь над созданием музея эвакуации, это – невероятно важный шаг для сохранения нашей исторической памяти, нашего прошлого. Это очень нужно, потому что уходит это поколение, а вместе с ним и память. А мы должны оставить всё это нашим детям, внукам и правнукам. Ещё один документальный проект, над которым ныне работаю, носит рабочее название «Узбекский ангел». Он - о потомках тех, кто принимал беженцев, половины из которых уже нет в живых. Ушла из жизни и моя мамочка, в 2019 году. Постепенно покидают этот мир и другие герои моих фильмов. Конечно, при наличии средств, всё это осуществлять гораздо быстрее и легче, но мне повезло. В моём проекте меня всегда окружали альтруисты – абсолютные бессребреники, единомышленники и друзья. Моими коллегами движет сама идея, а не желание заработать. Да, реализовывать свои идеи и проекты без денег – тяжело, но лично для меня они никогда не носили главенствующей роли, потому что есть на этом свете какие-то святые, неприкосновенные вещи. При этом, у меня имеется благодарность от аппарата президента Казахстана за моё участие в международных конференциях по эвакуации, которые там проводятся раз в два года. Мои статьи на эту тему опубликованы в различных СМИ всего мира, в нескольких научных сборниках.

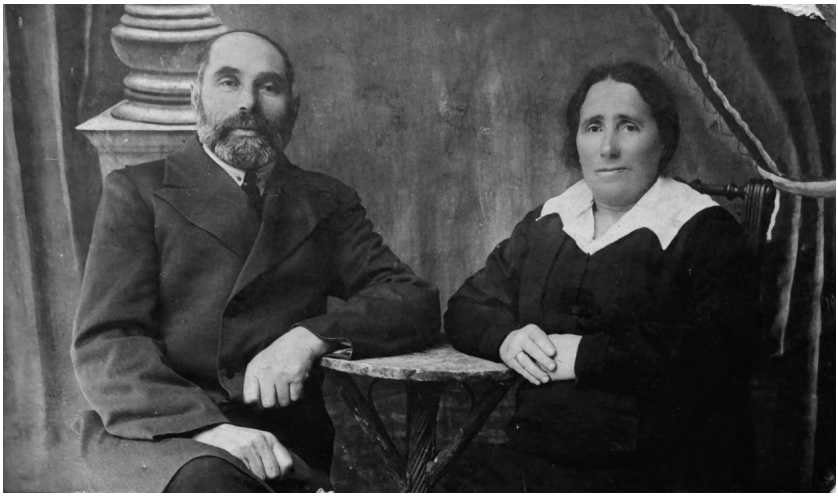
– Огромное спасибо за интересную, полезную беседу и за ваш труд! Желаю успехов и неуклонного дальнейшего развития вашему проекту!

Комментарий Леонида Тёрушкина: «С Вячеславом Шатохиным мы дружим и успешно сотрудничаем много лет. К счастью, смогли и встретиться на открытии нашей документальной выставки «Холокост: уничтожение, освобождение, спасение» в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке в 2018 году. Вячеслав Шатохин уже поделился с нами значительным количеством очень важных и интересных свидетельств бывших беженцев и эвакуированных в Узбекистан. Он собирает эти документы весьма кропотливо и внимательно. Действительно, давно уже пора выпустить отдельную книгу, посвящённую эвакуации евреев в Узбекистан и их жизни там в 1941-1945 годах. Кроме того, Вячеслав помогает в поиске материалов для серии сборников «Сохрани мои письма…». Письмо Н. Хотимлянского было опубликовано в 5-ом выпуске сборника в 2019 году. Там же вышла, аналогично полученная от В. Шатохина, фотография с письмом-запиской на обороте старшего лейтенанта А.М. Хацаревича, погибшего в марте 1943 года. Наше плодотворное сотрудничество будет продолжаться…».

Сага о поиске предков в Баку

История каждой семьи – это целый потаённый мир, в котором войны, миграции и случайные встречи сами чертят причудливые маршруты судьбы. Иногда эти маршруты обрываются на десятилетия, оставляя после себя лишь пожелтевшие фотографии и тихую грусть. Но пока живы те, кто помнит и ищет, нити памяти не прерываются. Предлагаем вашему вниманию уникальное повествование о прекрасной еврейской паре Герша (1878-1943) и Блюмы (1881-1946) Лозовских, чьё земное путешествие началось в украинском местечке, а завершилось под жарким небом Азербайджана. Оно – о том, как по их жизням прокатились трагическим колесом истории многие мрачные, тяжёлые события XX века. И о том, как их правнуки, спустя 80 лет, нашли дорогу к их последнему пристанищу.

Рассказчиком выступает Леонид Шарапович Лозовский – человек, чьё имя в профессиональной среде ассоциируется с фундаментальными знаниями, мудростью, эрудицией, интеллектом. Мой собеседник – доктор экономических наук, профессор, автор множества экономических книг и словарей, ставших настольными для целого поколения студентов, действующих экономистов и руководителей. Будучи советником генерального директора компании и многолетним руководителем обра-

Герш и Блюма Лозовские. Середина 1920-х годов

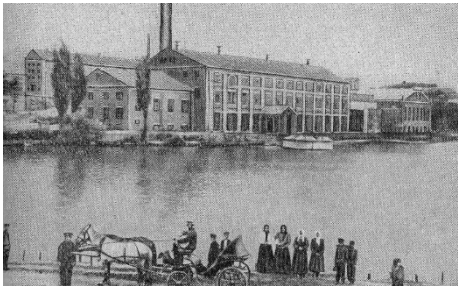

Примерно так выглядели дома и работы по выделке кожи в местечке Ольшаны

зовательной организации, Леонид Шарапович всегда сочетает в себе строгость академического ума с трепетным отношением к человеческим судьбам. И для него поиск могил далёких предков, родителей его отца стал долгом исследователя, сына, внука.

Корни семьи Лозовских по линии ветерана войны, Шарапа Лозовского, уходят в колоритные местечки Ольшаны (Вильшаны) и Шпола Черкасской области. Это были штетлы с традиционным еврейским укладом быта: дедушка Герш, чьи предки когда-то пришли из Румынии, являлся искусным мастером – выделывал кожи, из которых потом сапожники шили крепкую обувь. Бабушка Блюма, родом из Польши, была сердцем их большого дома, где подрастали семеро детей. Трое сыновей помогали отцу в его нелёгком ремесле, впитывая не всегда приятный запах дублёной кожи и познавая ценность честного, человеческого труда. А вот отец Леонида Лозовского, Шарап, пошёл в ином направлении: будучи совсем подростком работал на Шполянском сахарном заводе. Таскал тяжёлые мешки с сахаром, потом научился управлять оборудованием.

Но привычный мир рухнул для этой семьи и для тысяч других жителей СССР – в июне 1941. Нацистское наступление не оставляло шансов на спасение

Шполянский сахарный завод, где подростком работал Шарап Лозовский – сын Герша и Блюмы.

еврейским местечкам Украины. Попытка Герша и Блюмы вырваться из ада войны удалась, благодаря одному из их сыновей, который к тому времени уже десять лет жил в Баку и служил в милиции. Он успел вывезти родителей в Азербайджан – край, ставший тогда приютом для сотен тысяч беженцев, превратившись в один из крупнейших гуманитарных пристанищ СССР. Баку принимал эшелоны с эвакуированными из Украины, Белоруссии и России. Еврейские семьи находили здесь не только спасение от полного уничтожения в период Холокоста, но и уникальную атмосферу веротерпимости, гостеприимства, радушия. Местное население делилось с ними кровом и хлебом, помогало адаптироваться. Однако суровые условия военного времени – дефицит продуктов и болезни, оторванность от родного дома, от своих корней, другой климат – всё равно делали свое чёрное дело.

Дедушка Леонида Лозовского, Герш, ушёл из жизни в Баку в 1943 году, измождённый перенесенными тяготами и недоеданием. Его жена Блюма пережила мужа всего на три года. Оба они покоятся на старом еврейском кладбище Баку. Долгое время над их могилами стояли скромные, забытые таблички. Леонид Шарапович вспоминает домашнюю историю о том, как его отец в 1960-е годы впервые приехал в Баку и решил поставить родителям достойные памятники. Когда встал вопрос об оплате вперёд, брат Шарапа засомневался: «А вдруг обманут?». На что Шарап уверенно ответил: «Здесь не обманывают!». На второй день, получив деньги срочным переводом из Москвы, вручил всю сумму мастерам. И действительно, гранитчики тогда выполнили свою работу безупречно, подтвердив старый кодекс чести.

Сам Леонид Шарапович никогда не бывал в Баку, и надо признать, что со временем, его связь с этим местом захоронения дедушки и бабушки истончилась. Давно уже нет в живых отца и бакинского дяди, дочь которого нашла упокоение в Израиле. Не у кого узнать подробности. Запросы Леонида в официальные инстанции оставались без ответа. Помог нерядовой случай и добрые люди.

Нашелся бакинский энтузиаст по имени Расим – человек с большим сердцем, который занимается розыском и уходом за могилами на старых кладбищах города. Но всё равно, весь этот процесс оказался весьма непростым: три месяца Расим «ногами и глазами» прочёсывал ряды могил, пока не нашёл захоронение дедушки Герша. Ещё месяца два занял поиск могилы бабушки Блюмы. Более 50 лет к этим надгробиям никто не подходил.

Благодаря современным технологиям, Леонид и все его родствен-

Могила Герша Лозовского в Баку. До и после реконструкции

ники в Москве и в других городах, смогли увидеть видеозапись дороги к могилам и обновлённые, очищенные камни, памятные плиты, словно сами прошли этим важным путём.

Прошлой осенью дочь Леонида Шараповича, Анна, практикующий психолог, оказалась в Баку в командировке. Для неё, правнучки, которая знала о Герше и Блюме только по воспоминаниям своих родственников, этот визит стал настоящим моментом истины. Она привезла с собой из Иерусалима камушки – древний еврейский символ памяти, скорби и вечности. Расписывала их вместе со своим сыном, положив на надгробия предков.

Дающий надежду, светлый финал этой грустной семейной саги – наглядное доказательство того, что человеческая память сильнее времени, войн и границ, а сохранение подобных преданий, традиций – дань уважения предкам, наша общая история, позволяющая не забывать, что в наших жилах течёт кровь людей, которые выжили, сохранили достоинство и вырастили детей даже в самые тёмные времена. Они живы, пока мы о них помним…

Часть 3
Евреи-ветераны Великой Отечественной войны

Марк Гальперин. «Папа и мама…»

Марк Гальперин – дружелюбный, открытый человек, давно живущий в Германии. Однажды он решил откликнуться на призыв Российского Центра «Холокост» и поделиться с историками фронтовыми письмами погибшего на войне отца. Мои коллеги из этой организации посоветовали лично поговорить с Марком, больше узнать о его семейной истории.

Наш собеседник, родившийся в Днепропетровске в 1939-ом году, в послевоенные годы окончил Донецкий медицинский институт, почти сорок лет работал врачом, пройдя путь от главврача Енакиевского лечебно-трудового профилактория до нарколога одного из районов Днепропетровска. Совершив в конце девяностых эмиграцию в Германию, Гальперин поселился в Саарбрюкене и в рамках еврейской общины занялся общественной деятельностью. В течение восьми лет вёл невероятно востребованные, открытые на собственные средства компьютерные курсы для русскоговорящих, участвовал в подготовке к изданию трёх альманахов «Саарбрюкен – город жизни и мечты», выпустил две книги своих мемуаров и продолжает писать увлекательные очерки, воспоминания и рассказы. Их можно встретить на сайте prosa.ru

* * *

– Уважаемый Марк, мой коллега Леонид Тёрушкин был рад получить от вас много материалов военного времени, связанных с биографией вашего отца, погибшего в бою в 1944-ом году. Как вы, живя в Германии, узнали об акции по сбору подобных документов?

– Дело в том, что в издаваемой в Германии газете «Еврейская панорама» за май 2020 года была помещена значимая для многих, интересная статья «Твои письма – самая большая радость для меня» (Авторы – И.А. Альтман, Р.Е. Жигун, Л.А. Тёрушкин). Из неё я узнал, что в России существует Научно-просветительный Центр «Холокост». Оказывается, данная организация давно, успешно и плодотворно занимается поиском, изучением и публикацией писем и дневников евреев периода Второй мировой войны.

В конце статьи, включавшей фрагменты многих фронтовых писем, я нашел адрес для обратной связи, и учитывая, что для меня, потерявшего на Великой Отечественной отца, эта тема невероятно близка, решил откликнуться на просьбу сотрудников Центра и поделиться с ними хранящимися в нашей семье фронтовыми письмами папы, фотографиями, личными документами и своими воспоминаниями. К сожалению, не все наши соотечественники выписывают эту полезную газету. Или просто не обратили на тот сюжет должного внимания. А ведь время «тикает», уже даже дети ветеранов войны подходят к «очередному» жизненному рубежу. Поэтому считаю, что надо спешить закрепить память о воевавших в ту страшную пору наших родственниках.

Что касается нашей семьи, то моя мама, Роза Марковна Гальперина, всю свою жизнь бережно хранила фронтовые письма отца, погибшего в тяжелом бою под Новоржевом в июле 1944-го года. Отмечу, что лично я побывал на месте его гибели лишь спустя сорок лет – в 1984-ом году и потом написал о нём несколько рассказов, информировал о папе израильские структуры, занимающиеся сбором сведений о воевавших евреях. Проживая в Германии, заламинировал его письма и другие документы, дабы мои дети могли хранить их вечно. Часть отцовских фронтовых весточек и других документов времён войны отсканировал и переслал в Архивный отдел Центра «Холокост». Уверен, что сделать это было очень важно и нужно для сохранения светлой памяти о наших любимых и родных в последующих поколениях. Надеюсь, многие из читателей этой книги последуют моему примеру, достанут из хранимых со времён Великой Отечественной войны потёртых папок, портфелей, старые военные письма своих близких и свяжутся с московской организацией НПЦ «Холокост». Письма моего отца были опубликованы в 6-ом выпуске сборника «Сохрани мои письма…».

– Расскажите, пожалуйста, про своего папу. Вы совсем его не помните? Откуда родом ваши родители?

– Родились мои родители: папа - Израиль Израилевич и мама - Роза Марковна Гальперины, в городке Богуславе, ныне – Киевской области, а в предвоенные годы они жили и работали в Днепропетровске. Отца мобилизовали на фронт в первые месяцы войны, мне тогда исполнилось два года, я его, конечно, не помню. Но мне всю жизнь его не хватало, я дико завидовал тем, у кого папа был рядом. Благодаря тому, его весточки с фронта и другие документы, я после её кончины создал из хранившихся ею что мама всю жизнь хранила письма отца, начиная

Израиль Гальперин (справа). Архив НПЦ «Холокост»

с периода, когда он был её женихом, семейных раритетов памятные альбомы родителей с их фото, справками, характеристиками и прочим. Уже проживая в Германии, имея массу свободного времени, начал пробовать писать различные очерки о запечатлевшихся в памяти событиях прошлого и о новой интересной жизни «на другой планете», как я называл эту, принявшую нас, европейскую страну.

Помимо этого, я, уже несколько лет знакомый со стремительно входившим в нашу жизнь компьютером, решил помочь другим членам еврейской общины Саарбрюкена получить базисные знания об этом чудесном гаджете. Мои курсы работали бесплатно восемь лет. Среди моих учеников оказались не только писатель Леонид Шнейдеров, печатавшийся в Симферополе под псевдонимом Леонид Строев, но и другие известные личности, искусно владевшие пером. Постепенно, у нас созрела мысль о выпуске сборника, который назвали «Саарбрюкен – город жизни и мечты». Это действительно – чудесный оазис, раскинувшийся между лесистыми холмами на границе с Францией. В итоге, издали три книги. А ещё решил осуществить давние планы: пользуясь сохранившимися документами и вспоминая рассказы мамы, как можно подробнее описать в очерках и рассказах жизнь моих родителей. Мои папа и мама были обычными местечковыми евреями из Киевской губернии, имевшими сравнительно невысокий уровень образования. Они также весьма примитивно «владели пером». Но даже при этом, в каждом их послании ощущались и человечность, и любовь, и яркие эмоции, и их внутренняя доброта и порядочность. Мама сначала окончила 4 класса начальной еврейской школы, местный меламед хорошо обучил её, она говорила и писала (письма для своей матери) на идиш, потом окончила Богуславскую школу – семилетку № 2. У меня хранится её «Удостоверение об окончании 7-летней трудовой школы» в 1923-ем году. После окончания

школы мама, освоив швейное дело, трудилась в Богуславском швейпроме, после ранней смерти отца ей фактически пришлось содержать мать и больного брата. Потом мама познакомилась с моим будущим отцом, они жили в разных городах, активно переписывались. После замужества в 1931-ом году, переехав к мужу в Днепропетровск, она окончила 8-месячные курсы счётных работников, с тех пор бухгалтерия стала её профессией на долгие годы.

– При каких обстоятельствах погиб ваш папа?

– Начну с того, что мы, простые люди, остаёмся в воспоминаниях своих родных и тех, кто нас близко знал: на фотографиях, в различных произведениях наших рук и мозгов. Живые могут периодически проведывать на кладбище ушедших из жизни, приносить туда камни, цветы, приводить в порядок могилки, говорить с покойными, но всё это становится возможным, если близкий похоронен в том же городе, где обитают его потомки. Во время войн, многие погибшие не имели возможности быть по-человечески преданными земле, а сотни тысяч солдат Второй мировой вообще числятся «без вести пропавшими», их родственники не только не знают, где их могилы, но и когда, при каких обстоятельствах они ушли из жизни. Я был одним из многих миллионов детей, лишившихся из-за этой страшной войны отца. Папу призвали в армию в августе 1941-го года, мне тогда исполнилось два года, ему уже было 47 лет. Его жизнь была очень трудной, он родился через несколько месяцев после ранней смерти своего отца (поэтому и получил его имя), жил в бедности с матерью и папиными родителями. Папина мама позже опять вышла замуж, родила дочь. Отношения мальчика с отчимом не складывались, и подросток был взят под опеку братом отца, жившим в Одессе. Там он и воспитывался, помогая дяде, державшему небольшую лавку. Однако дальнейшие мировые события резко изменили папину размеренную реальность. В 1914-ом году он был мобилизован в царскую армию и в одном из боёв попал со своей частью в плен к австрийцам. Условия там оказались не курортные, но и не такие, как в лагерях советских военнопленных во время Второй мировой. Папа посылал своей матери письма, получал от неё через «Красный крест» продуктовые посылки с сухарями и сахаром. Ресторанного питания и возможности получить высшее образование в австрийских лагерях для военнопленных того времени, как это возможно сейчас в тюрьмах для арабских террористов на Святой Земле – ещё не имелось *(смеется)*.

Израиль Гальперин (слева). Архив НПЦ «Холокост»

В одно из писем он вложил фото, на нём изображена группа российских воинов в целой и чистой солдатской форме, в фуражках, смотрящая в объектив фотоаппарата.

Не успела закончиться та кровавая бойня, большевики устроили в Питере революцию. Россия вышла из войны, пленных отпустили, люди вернулись по домам. Хотя «заварушку» 1917-го года и называют «бескровной», крови после неё пролилось немало. Началась Гражданская война, власть во многих местах постоянно менялась, но при любом напряжении, «под раздачу» попадали евреи. Поэтому, в еврейских местечках из бывших солдат создавались отряды самообороны, защищавшие еврейское население от погромов, в рядах самообороны значился и мой отец. После окончания Гражданской войны он устроился в милицию, в отдел охраны, служил там, содержал семью (мать и сестру), поэтому женился поздно, в 36 лет. Ну а я, третий, в качестве резервного, ребёнок (первая девочка умерла в 4-5 лет) увидел свет, когда папе исполнилось 45 лет. Так бы и жить ему спокойно с любимыми женой и двумя детишками, но началась Вторая мировая. Мы отправились в эвакуацию, он – на фронт. Маме пришлось с двумя крохами (сестре Симе было 5 лет, а мне – всего 2 года) сначала добираться до Северного Кавказа, в 1942-ом году снова убегать от наступавших фашистских войск на Урал. Страдания при этом у неё были безмерные, как и у других людей в период эвакуации, она рано, в 35 лет поседела, но всегда считала для себя главным заботу о дочери и сыне, не позволяя себе падать духом, паниковать.

– Хорошее качество характера…

– Вернёмся к истории моего отца. Отмечу, что даже при мобилизации в начале войны военнослужащих запаса 20-ти возрастов, мой 45-летний папа не подлежал призыву. Сначала его, учитывая возраст, назначили старшиной в санитарно – эпидемиологический отряд №8 – поезд, курсировавший на фронт и обратно, производя помывку, дезинфекцию и стирку-ремонт солдатской одежды. Вроде достаточно спокойное место, хотя их «дом на рельсах», несмотря на красные кресты

Письма И. И. Гальперина с фронта. Архив НПЦ «Холокост»

на крышах, неоднократно подвергался атакам фашистской авиации. Однако Красная Армия понесла в 1941-1943 гг. немалые потери, поэтому в начале 1944-го года отца перевели в 525-й отдельный пулемётно-артиллерийский батальон связистом, а 9 июля 1944-го года он погиб.

Мама получила из Кушвинского военкомата, официальное извещение – «похоронку», а через несколько недель пришёл пакет из части, в которой воевал отец. В письме, подписанном командиром батальона и сослуживцами, описывались обстоятельства его гибели: он, налаживая связь, получил смертельное ранение осколком снаряда в грудь. К письму оказалась приложена стопка пробитых осколком рублёвых ассигнаций из нагрудного кармана гимнастёрки отца. В том же пакете находились его письма от мамы и его сестры, нашей тёти Сони. Всё это мама хранила до конца жизни, сейчас – берегу я.

– Что было после войны?

– После войны мы с семьёй папиной сестры тёти Сони жили в Донбассе, в полученной её мужем, дядей Моисеем, главным энергетиком Енакиевского металлозавода, 5-комнатной квартире. Мама до 60-ти лет

Роза Гальперина с сыном Марком и дочерью Симой. Днепропетровск. 1940 год.

работала главным бухгалтером крупной шахтной медсанчасти, была высокопрофессиональной в своём деле, честной, принципиальной и ответственной, на хорошем счету в Горздраве Енакиево. Жили мы бедно, мама не злоупотребляла своим положением, не относилась к категории бухгалтеров – хищников. Запомнил, как она, после проведённых в больнице списаний, приносила домой дырявые, порванные простыни, стирала их, кроила на куски и создавала из них простыни и пододеяльники. Из пришедших в негодность и списанных хирургических инструментов дядя Моисей, мастер на все руки, сооружал различные слесарные инструменты. Вообще, у меня с детства присутствовало ощущение, что моя маленькая мама – человек невероятной силы и трудолюбия. Надо было видеть, как она стирает бельё и одежду на волнистой доске в корыте, полощет, выжимает, крахмалит, синит, гладит, всё это делалось без вздохов и причитаний. Для меня в тот тяжёлый послевоенный период перекраивалась и перешивалась вся поношенная одежда двоюродного брата Иосифа, старшего меня на 5 лет. Понятно, что на локтях и коленях моих костюмов красовались заплаты, это нервировало. Но мама спокойно говорила мне, что никто это с меня не снимет и не оденет новое. Трудности в те послевоенные годы сложились не только с одеждой, но и с пропитанием. Но мама всегда умела из ничего - приготовить что-нибудь вкусное, нередко в доме была и еврейская еда из её детства, она могла нафаршировать снятую с купленной на базаре курицы шкурку так, что та казалась объедением. Хотя в то время объедением для нас были и селёдка с картофелем в мундире, с луком, а изредка появлявшаяся на нашем столе фаршированная рыба казалась чудом из чудес. Добавлю, что в тот период религия считалась «опиумом для народа», никаких синагог ни в Кушве на Урале, ни в Енакиево не имелось. Но всё-таки, мы получили от мамы начальные

Роза Марковна Гальперина с дочкой и сыном

знания о еврейских праздниках. На Пурим мама пекла треугольные пирожки с маком, называла их «ушами Амана», рассказывала, как царица Эстер с дядей Мордехаем сумели спасти еврейский народ. На Песах, почему-то называвшийся украинцами «Еврейской пасхой», в доме появлялась маца. Это была заслуга врача высокой квалификации тёти Сони, заведовавшей терапевтическим отделением городской больницы. Мама рассказывала нам с сестрой Симой, что когда-то, тысячи лет назад, евреи ушли из Египта, 40 лет почему-то бродили по пустыне и ели этот безвкусный продукт. Впрочем, мама иногда делала из него «мацебрай» с яйцом и молоком, который мы, дети, поглощали, не дав ему остыть. Она постоянно пекла различные коржики, пироги, называемые ею «струдель», медовик и другие сладости.

Я, такой же пацанчик, как и все остальные дворовые мальчишки, до определённого времени не знал, что я – еврей. Просто считал, я такой же, как и другие мои уличные приятели, пока один из них, ещё в эвакуации в Кушве, не очень ласково объяснил мне, что я - «жид» и должен «валить с Урала в свою Палестину», так как «жиды нашего Христа распяли». Явившись после этого домой, поделился полученной информацией с мамой. Она спокойно объяснила мне, что мы относимся к другому народу, который остаётся для местного населения чужим, что еврея – Христа распяли какие-то римляне тысячи лет тому назад, и что мне не надо обращать внимание на подобные высказывания уличных знакомых. Мама вообще умела скрывать свои эмоции, не баловала детей ласками. Но в период моих болезней – менялась, я видел, что она страдает, волнуется, когда у меня поднималась температура или появлялись ссадины на руках и ногах от постоянного лазания по деревьям в летний период, падений с велосипеда…

– Что заставило вас отправиться на поиски папиной могилы? И что испытали после того, как все-таки побывали на месте его гибели?

– Мы с сестрой выросли, окончили школу и Донецкий мединсти-

Двоюродный брат Иосиф, Марк Гальперин (в центре), его сестра Сима. Донбасс. 1952 год.

тут, завели семьи, детей. Казалось, война осталась в далёком прошлом, но меня постоянно мучила мысль, что никто из нас за все эти годы ни разу не побывал на месте папиной гибели. Уже проживая в Днепропетровске, на сороковую годовщину отцовской смерти, я принял решение исправить эту ошибку, составил маршрут, заказал траурную ленту с надписью и отправился в путь. Примерно на полпути от Москвы к Ленинграду, на какой-то небольшой станции, сошёл с поезда ранним утром и автобусом добрался до Новоржева, крошечного городка из нескольких десятков улиц. Там отыскал гостиницу–небольшой одноэтажный домик, снял номер, пару часов отдыхал. Потом, расспросив администратора, направился в военкомат. После объяснения дежурному офицеру, кто я и что тут делаю, был препровожден к военкому. Он оказался доброжелателен, хотя и был весьма удивлён приездом гостя из Украины.

Кратко расспросив меня об отце, посмотрев «похоронку», он вытащил из громадного шкафа метровый картотечный ящик с буквой «Г», и мы начали искать папину карточку. Кстати, фамилии на карточках свидетельствовали, что в данной местности в боях гибли представители всех наций и народностей СССР.

Форма № 4

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж — ст. сержант телефонист 525 апап

Гальперин Израиль Израилевич

уроженец Днепропетр. об. г. Днепропетровск

в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 9 июля 1944.

похоронен с/р-не д. Тяпутино Новосокольского р-на Калининской области.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР №

Командир части

Начальник штаба

ЦТ НКО. 606—45.

Наконец заветная карточка отца была найдена. Я сказал военкому, что хочу возложить венок на папину могилу в деревне Савино, где на местном кладбище, в таком-то ряду, таким-то по счёту, слева, похоронен Гальперин – старший.

Извещение о гибели
Могила Р.М. Гальпериной

Монумент на братской могиле воинов Красной Армии в г. Новоржев

Наконец заветная карточка отца была найдена. Я сказал военкому, что хочу возложить венок на папину могилу в деревне Савино, где на местном кладбище, в таком-то ряду, таким-то по счёту, слева, похоронен Гальперин – старший (это – данные из письма сослуживцев). Однако военком ответил, что останки всех погибших в этом районе давно перенесены в братскую могилу возле льнокомбината в Новоржеве, а в деревне Савино осталось лишь несколько стариков, да и они на зиму уезжают к детям в Псков или Ленинград. Затем военком пригласил в кабинет какого-то парня и попросил свозить меня на базар для покупки венка и к братской могиле, над которой установлен бетонный монумент – воин с автоматом. Там я возложил венок, сфотографировал памятник, прошёлся по улицам унылого и грязного городка, купил в магазине пару книг и отправился в обратный путь. Никаких гранитных плит у братской могилы с именами погибших не имелось, ведь денег в районе, как посетовал военком, крайне не хватало и для живых. Действительно, в данной локации не имелось никакой серьёзной промышленности, поля представляли собой заросшие кустарником и покрытые камнями пустоши, народ здесь сильно злоупотреблял спиртным, явно не от хорошей жизни.

– Чем бы вы хотели завершить наш разговор?

– Мама умерла в 1993-ем году в возрасте 84 лет, на её могиле я

увековечил память о папе. Нашел в интернете сайт с Книгой памяти погибших на фронте евреев, послал им папины данные. Таким образом, имя отца оказалось и на её страницах…

Танхум Ильяев:
журналист, фронтовик, герой

Эта удивительная история, несомненно, заслуживает читательского внимания. Она о журналисте, актёре, разведчике из Баку, предки которого родом из Еврейской (ныне Красной) Слободы, Танхуме Давидовиче Ильяеве.

Будущий отважный фронтовик родился в 1921 году и погиб в самом конце войны. У его родных остались немногочисленные письма, фотографии, воспоминания о нём его близких. Наш герой – родственник Шауля Симан-Тов – руководителя Центра «Sholumi», исполнительного директора Ассоциации «АзИз» *(Израиль)*.

– Уважаемый Шауль, кем вам приходится Танхум Ильяев?

– Он – двоюродный брат моей мамы. Моя бабушка, мамина мама и мать Танхума – были родными сёстрами. Значит, Танхум Ильяев приходится мне двоюродным дядей. Конечно же, я его не видел, он погиб, когда моя мама ещё не родилась, но сегодня, перебирая аккуратно сложенные жёлтые листочки документов и писем, всматриваясь в его красивое лицо – сердце щемит. Он погиб в 24 года, совсем мальчишкой, талантливым, храбрым, месяц, не дожив до Великой Победы. Короткую, но очень интересную жизнь Танхума, мне удалось восстановить более или менее точно, по сохранившимся документам. По всем, имеющимся у меня сведениям, он был весьма неординарным парнем. Ему рано пришлось начать трудовую жизнь. Оно и понятно – старший сын должен был помогать матери. Такое часто встречалось в те годы: подростки, чтобы прокормить семью, шли на сельхозработы, а в городах – в подмастерья, на заводы и фабрики.

– Когда вообще вы узнали о нём?

– В детстве тот факт, что с моей бабушкой живёт её одинокая сестра Берьё, у меня вопросов не вызывал. А вот в юности, когда все нормальные люди начинают задумываться о будущем и о смысле жизни, я поинтересовался: «А почему, собственно? Где её семья, муж, дети, или никого никогда не было?!». Выяснилось, что был и супруг, были и дети, но муж и младший сын умерли, а два старших – погибли на фронте. Как жалко, что я тогда не стал искать подробностей, не расспросил взрослых. А теперь уже и не у кого спрашивать…

Танхум Ильяев

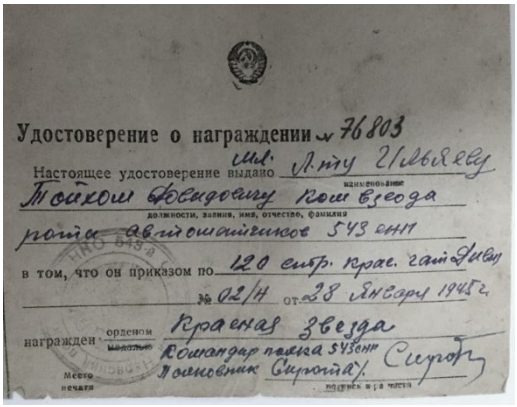
– Понятно. Но вы всё же собрали разнообразные архивные сведения о своём родственнике…

– Да, жизнь всё-таки подарила мне возможность кое-что разузнать. Когда я несколько лет тому назад был в Баку, мне в руки попали письма, документы, фотографии, газетные вырезки, которые до самой смерти бережно хранила бабушка Берьё, а потом и мой дядя. Я привёз их в Израиль, внимательно изучил и восстановил некоторые факты, которыми решил поделиться.

– Пожалуйста, расскажите о них и нам...

– Сестра моей бабушки, Берьё Ильяева (до замужества Рувинова), родилась в Еврейской (ныне Красной) Слободе. Примерно в 1920 году она вышла замуж за уроженца Гусаров (город на севере Азербайджана) Давида Ильяева. Молодожёны поселились в Баку, и в 1921 году у них родился сын Танхум, следом за ним (точной даты никто не знает) родился сын Беньягу. Третий мальчик умер в детстве. Муж бабушки Берьё скончался в 30-х годах, поэтому сыновей она поднимала одна и на фронт провожала тоже одна. Рассказ о её сыновьях начну с младшего, Беньягу, потому что о нём почти не сохранилось информации. Есть только одно письмо из Сумгаита, с военной базы, датированное 1943-м годом. В письме он пишет матери, что они ждут отправки на фронт. В 1936-ом году пятнадцатилетнего Танхума взяли «чтецом» в редакцию газеты «Коммунист», которая выходила на горско-еврейском языке в Баку. Юноша осуществлял связь между редакцией и типографией и отвечал за то, чтобы все материалы, все фотографии и документы, утверждённые к выпуску, были отпечатаны именно на том месте и именно так, как было запланировано. Молодой человек стал помощником корректора, в его обязанности входило вслух декламировать все-

Удостоверение о награждении орденом «Красная Звезда»

Удостоверение о награждении № 76803

Настоящее удостоверение выдано мл. лейт. Ильяеву Танхуму Бениаминовичу

должности, звания, имя, отчество, фамилия

Израилова Севгиль

в том, что он приказом по 120 стр. Крас. Гай Дивизии

№ 02/Н от 28 января 1943 г.

награжден орденом Красная Звезда

Командир полка 543 ОСП

Полковник Сирота

Место печати

подпись и.о. части

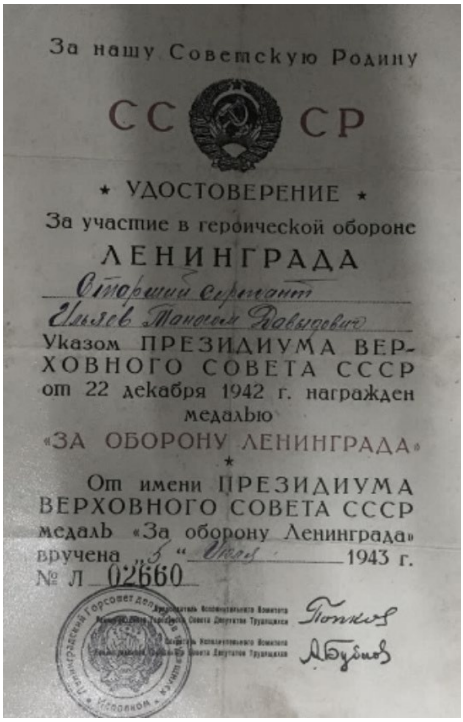
возможные партийные материалы и доклады для того, чтобы корректор мог их проверить по любому, отпечатанному сигнальному экземпляру. Даже самая мелкая ошибка, сделанная корректором и его юным ассистентом в те годы, могла иметь для всех очень серьёзные, роковые последствия.

– Что было дальше?

– Подобная, весьма ответственная работа положительно повлияла на Танхума, он стал «выпускающим» редактором. По имеющимся у меня архивным документам было установлено, что Танхум проработал в газете не так долго. Сохранилась справка об увольнении, которую можно рассматривать не только как его личный, но и как исторический документ. Многие издания пишут, что газета «Коммунист» выходила в Баку с 1934 по 1938 год. А вот теперь, благодаря бумаге, выданной Танхуму Ильяеву, мы можем установить точную дату: документ свидетельствует о том, что с октября 1936-го по май 1938-го года мой дядя работал в редакции газеты и был уволен 25 мая 1938-го года, «ввиду ликвидации редакции». Также, в предвоенный период Танхум активно участвовал в работе горско-еврейского (татского) народного театра в Баку, которым руководил старший брат Танхо Израилова - Севгиль. В этом же театре танцевал в юные годы и сам Танхо, будущий знаменитый хореограф, создатель прославленного ансамбля «Лезгинка». После увольнения из редакции наш герой получает характеристику для поступления в лётную школу, где ему так и не суждено было учиться.

– Началась Великая Отечественная война…

– Когда объявили о начале Великой Отечественной войны, Ильяев начал свою службу в Тюменском пехотном училище. Получил звание старшего сержанта, затем, после окончания курсов – млад-

За нашу Советскую Родину

СССР

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне

ЛЕНИНГРАДА

Старший сержант

Ильяев Танхум Давыдович

Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 22 декабря 1942 г. награжден медалью

«ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

★

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль «За оборону Ленинграда» вручена "3" июня 1943 г.

№ Л 02660

Удостоверение о награждении медалью «За оборону Ленинграда»

шего лейтенанта. Воевал на Юго-Западном, Волховском и Ленинградском фронтах. Был награждён медалью «За оборону Ленинграда» 5 июля 1943 года. Дважды удостаивался ордена Красной Звезды: в феврале 1943 и в январе 1945 года. О его подвигах писала фронтовая газета «За Родину»: «В решающей схватке с коварным врагом, Герой Ильяев не только бесстрашно воевал, но ещё и умело вёл за собой своих подчинённых, поднимал боевой дух красноармейцев». Свою творческую жилку Танхум проявил и на фронте, писал статьи во фронтовую газету, а некоторые материалы посылал с фронта в республиканскую газету «Бакинский рабочий». Пройдя по дорогам сражений, за месяц до окончания войны, лейтенант Ильяев, командир взвода 161-й отдельной разведывательной роты 543-го стрелкового полка 120-й стрелковой дивизии 7 апреля 1945-го года героически погиб в возрасте 24-х лет. И, как свидетельствуют документы, похоронен на западной окраине села Окклиц во Вроцлавском воеводстве Польши.

– Узнать о судьбе дяди вам ведь помогли его фронтовые письма? И как сегодня сохраняете память о своём мужественном предке?

– Да. Если о судьбе младшего сына бабушка Берьё не знала ничего, то со старшим сыном ситуация была иной. Он регулярно писал ей трогательные послания, о его подвигах и о присвоении ему наград сообщали благодарственные письма его командиров. Однажды Берьё пришла страшная весть от командира части, сохранившаяся и по сей день: «В лице Ильяева мы потеряли одного из лучших офицеров. Похорони-

Джалилабадский
районный
Военный комиссариат
города Баку
Закавказского Военного
ОКРУГА
17 Мая 1945
№ 8
сын Лейтенант
Ильясов Таню
погиб 7 апреля 1945 г.

Извещение о гибели Танхума Ильяева. 7 апреля 1945 г.

ли с музыкой, дали салют из автоматов и обещали ещё сильнее бить немецко-фашистского зверя, чтобы ускорить час победы». Сегодня память о моём дяде живёт в сердцах его родных и близких, в архивных документах, в Книгах памяти и на соответствующих тематических порталах, в публикациях в СМИ, в национальном Мемориальном комплексе «Яд ва-Шем» (Израиль). Копии его фронтовых документов, снимков и писем также собираюсь передать в Российский Центр «Холокост».

Фото из Архива Шауля Симан-Тов.

Михаил Могилевский. Боец, ветеран, педагог с большой буквы

Герой, о котором пойдёт речь – легендарный фронтовик, справедливый и честный педагог. Он был очень яркой, цельной, сильной личностью и достойным примером для других. Однако, мало кто знает о глубокой трагедии, которая сопровождала его на протяжении всей жизни. В юности, после Победы, он узнал, что в огне Холокоста были уничтожены его мама и сестра. Но именно на эту тему, несмотря на все переживания, Михаил Ефимович Могилевский (1918-1988) говорил нечасто, в те годы это было непринято, люди хранили свою боль от потерь родных глубоко внутри.

М.Е. Могилевский – бессменный директор третьей школы в г. Тульчин. Его светлое имя прочно ассоциировалось с данным учебным заведением. Его все очень любили, ценили и уважали. Он являлся неотъемлемой, живой частью городка, этой школы, всей местной системы образования. Плечом к плечу с педагогическим коллективом третьей школы города энергично вышагивал на многочисленных демонстрациях и парадах, а на 9 мая с гордостью надевал свои, кровью доставшиеся фронтовые награды. Для окружающих он стал символом настоящего человека, образцом любящего отца и мужа, примером истинного профессионала своего дела.

Он родился в многодетной еврейской семье в селе Кублич (ныне – поселок Тепликского района Винницкой области). Его мать была домохозяйкой. В семье Итты и Ефима росло три сына: Исаак, Михаил, Пётр и дочь Фира. В огне Холокоста погибли Итта и Фира. Исаак и Пётр ушли на фронт, прошли всю войну и вернулись. Исаак был крупным инженером на заводе имени Петровского в Днепропетровске, а младший брат Пётр в звании подполковника служил в Куйбышеве. А их мама и сестра были захвачены и расстреляны немцами в Краснодарском крае, куда их эвакуировали. Но к этой теме мы ещё вернёмся.

В 1932 году Михаил Могилевский поступил в Винницкий пед. техникум. А через три недели после поступления, скоропостижно скончался его отец. Помощи ждать было неоткуда, годы за окном были тяжелые, голодные. И молодому человеку пришлось самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, чтобы иметь возможность учиться и помогать матери и сестре. Он не только успевал разгружать вагоны на железнодорожной станции Винницы, брался за другие работы, при этом успевал занимался общественной деятельно стью в техникуме.

Михаил Могилевский

В 1935 году Михаил Могилевский по окончании техникума и получения среднего специального образования был направлен на работу в школу-семилетку села Калюс Ново-Ушицкого района (ныне – Хмельницкой области), где проработал с сентября 1935 по сентябрь 1939 года. С сентября 1939-го он уже трудился завучем, преподавателем русского языка и литературы в Калюской средней школе, продолжая свою активную общественную деятельность. А прямо перед войной, непрерывно повышая квалификацию, поступил в Московский государственный педагогический институт имени Ленина на заочное отделение, на факультет русской филологии.

10 июня 1940 года его и других учителей сельских школ призвали в ряды Красной Армии. Михаил Ефимович оказался во Львовской области, в 132-ом артиллерийском полку 41-ой Криворожской стрелковой дивизии. Ему пришлось испытать на себе и первые бомбёжки, и первые бои на границе, и горечь отступления, и кровопролитные сражения за Киев. Окружение, прорыв отдельными группами на Харьков. Из Харькова солдат направили в Чкалов (ныне - Оренбург) в училище и на переформирование. В училище его оставляли преподавателем, но он сбежал на фронт со своей частью – артиллеристами– разведчиками. И оказался в составе Отдельного разведывательного артиллерийского дивизиона *(ОРАД)*, который формировался в феврале – марте 1942 года на Северо-Западном фронте. 29 марта 1942 года ОРАД вступил в бой.

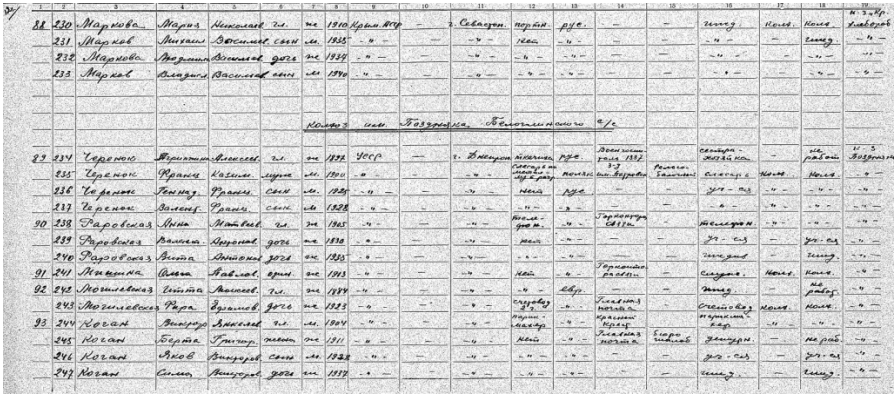
Войну старшина Могилевский закончил в рядах 27-ой артдивизии Резерва Главного Командования. Был награжден медалью «За боевые заслуги» – в 1943 году, в 1944 – Орденом Красной звезды, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Однако, его фронтовые ранения давали о себе знать и в мирной жизни.

В сентябре 1945 года он был демобилизован и отправился в Днепропетровск, где из-за войны оказались его родные. Он изо всех сил старался найти их, но, увы, никого не застал.

Как потом выяснилось, его мать и сестра были эвакуированы в село Белая Глина Краснодарского края, где были убиты в период оккупации в 1942 году. Уже в наши дни региональный представитель Центра «Холокост» в Краснодарском крае Виктория Хилькевич нашла на сайте мемориального комплекса «Яд Вашем», в списках эвакуированных его сестру Фиру Ефимовну Могилевскую и маму - Итту Моисеевну. В. Хилькевич дала мне свой комментарий о произошедших тогда в Белой Глине событиях: «Из архивных документов известно, что в период оккупации села, было арестовано и расстреляно почти всё еврейское население и работники советско-партийных органов. В гестапо свозились люди со всего Белоглинского района, а также из других близлежащих районов Краснодарского края, которые расстреливались. После освобождения этого населенного пункта комиссией было обнаружено 25 могил, где находились тела погибших (старики, женщины и дети). Среди них были жертвы Холокоста. Памятник «Крик. Жертвам фашизма» – расположен в 4 километрах от Белой Глины, по дороге на Новопавловку. В Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ об этом месте внесены вот такие сведения: «Братская могила более 3 тысяч советских воинов и мирных жителей, погибших в боях и казнённых фашистскими захватчиками». В доступных мне на данный момент актах комиссии за 1943-1944 гг. по этому району фамилии Могилевских не упоминается. Но, они (мать Итта Моисеевна и ее дочь Фира Ефимовна) указаны в списке эвакуированных в Белоглинский район на 1942-ой год (документ хранится в ГАРФ)».

Не найдя в Днепропетровске никого из своей семьи, Михаил решил уехать в Винницу, где когда-то учился в техникуме. Он приехал туда в марте 1946 года. Его назначили директором городской библиотеки имени Крупской. Также он являлся внештатным инструктором отдела пропаганды Винницкого горкома, читал лекции в различных учреждениях, на заводах, фабриках, в колхозах области. Заочно продолжил учёбу в Московском государственном педагогическом институте имени Ленина, который окончил в 1948 году с отличием.

Женился на винничанке – Галине Иосифовне Гройсман (Могилевской), враче по образованию, с которой в дальнейшем воспитал двоих детей – Льва и Лидию. Галину Иосифовну весь Тульчин знал,

Списки эвакуированных. «Яд Вашем»

как высококвалифицированного врача, главного районного педиатра, а в последние годы работы - проводящую в поликлинике процедуры физиотерапии. Она всегда увлекалась историей Великой Отечественной войны, родного края и выпустила содержательную книгу «Опалённые войною имена» - о тульчинцах, сражавшихся с нацистами, в которой можно найти информацию о конкретном фронтовике.

Супруге нашего героя тоже пришлось многое хлебнуть на своём веку. Галина с сестрой-близнецом Фирой родились 31 августа 1924 года в Саратове. Ещё до начала войны девочки потеряли своих родителей, их воспитывали родственники.

Анна Моисеевна, родная сестра мамы - Татьяны Моисеевны, удочерила близняшек после трагедии, произошедшей с их родителями. Своих детей всемье не было, чтобы скрыть эту семейную тайну они из Саратова уехали в Винницу. Дедушка девочек–близнецов трудился кузнецом, был невероятно сильным человеком, и в 60 лет, по воспоминаниям родственни-

Мемориальная доска М.Е. Могилевскому на здании третьей школы. г. Тульчин

Выпуск 1961 г. Тульчинской средней школы им. А.С. Пушкина

ков, делал стойку на руках на столе. Когда пришли немцы, он сгрёб в охапку троих из них и задушил, защищая свою жену. Их расстреляли на месте. А Галина со своей сестрой и приёмными родителями отправилась в эвакуацию, оказалась в Сталинабаде (Таджикистан). Они спаслись, в отличие от многих других евреев Винницы, оставшихся в городе.

Среди последних – моя прабабушка, шестидесятилетняя Блюма Моисеевна Штрамбранд *(прим. автора)*. Она не стала эвакуироваться со своими взрослыми дочерями - Евой и Кларой и с внуками (последние чудом успели уехать), не хотела бросать дом, хозяйство и других внуков, детей своего сына – вдовца. Её с одним из внуков 19 сентября 1941 года расстреляли на окраине города в ходе самой крупной акции по уничтожению еврейского населения Винницы.

В 1950 году Михаил Могилевский был назначен директором школы № 3 г. Тульчин. Одновременно, руководя учебным заведением, он преподавал детям русский язык и литературу, прививая им безгра-

Михаил Могилевский (крайний справа)
на параде учителей школ в Тульчине

ничную любовь к книге и к творчеству выдающихся писателей, а также являлся внештатным инспектором Министерства просвещения УССР, областного и районного отделов народного образования, лектором общества «Знание».

Проводил педагогическую работу не только в третьей школе, но и среди учителей всего Тульчинского района. Многим молодым педагогам помог овладеть своей специальностью, научил их профессионализму, любви к детям. Именно у него молодые специалисты получали основы педагогической практики. Не удивительно, что третья школа города под его руководством стала одним из самых лучших местных учебных заведений. Повзрослев, выпускники школы всегда приезжали к Михаилу Ефимовичу из всех возможных стран и городов, как к самому родному человеку. В связи с тяжёлой болезнью сердца, в 1984-ом году Михаил Ефимович был переведён на должность заместителя директора третьей школы Тульчина по учебно-воспитательной работе и трудился в её стенах до последнего дня. Был награждён многими медалями, грамотами, получил почётное звание «Отличник народного просвещения УССР».

В Тульчине было очень много евреев, переживших Холокост, ранее побывавших в гетто или в концентрационном лагере «Мёртвая

Михаил Могилевский с супругой

петля» в селе Печёра.

По воспоминаниям о Михаиле Могилевском его земляков, он являлся отзывчивым, чутким человеком, неравнодушным к чужим страданиям. В перестроечное время он собрал списки всех тульчинцев и жителей соседних местечек, переживших Холокост в гетто Тульчина, в лагере «Мёртвая петля», отправил эти материалы в «Яд Вашем», вытащив из забвения и увековечив многие имена.

Вместе с супругой Галиной он похоронен в Тульчине.

В наши дни, на здании школы в Тульчине, где он проработал большую часть жизни, ему установлена мемориальная доска. Память о Михаиле Ефимовиче жива в душах его близких и в сердцах многочисленных выпускников школы, разбросанных сегодня по всему миру...

Фото из архива Льва Могилевского – доктора технических наук, профессора, которому спешу выразить благодарность за помощь в работе над этой статьей

Г.И. Могилевская на могиле мужа в Тульчине

«Об отце»
(автор - Марат Бендерский)

Я не знаю, как назвать то, что я написал. Это не повесть и не рассказ. Это воспоминание о войне, о папе и немного обо мне. Здесь всё – правда. Здесь нет ни одного придуманного эпизода. Описание подпольной деятельности группы, которой руководил мой отец, Бендерский Израиль Эльевич, не выходит за рамки отчёта руководителя группы и объяснительных записок, оставшихся в живых членов группы, которые хранятся в архивах Винницы и копии которых мне удалось получить.

* * *

Как я уже выше рассказывал про маму, мы собирались ехать в отпуск. Сначала в Винницу, к бабушке, а затем – в Ялту, к морю. Моря я на тот момент никогда не видел и даже не представлял, какое оно. Мама говорила, что море – солёное и совершенно не видно другого берега. Проснулся я от стука в дверь. На пороге стоял молодой боец, обращаясь к моему отцу.

– Товарищ капитан, боевая тревога! Вам предписано немедленно прибыть в расположение полка. И вручив отцу какую-то бумажку, быстро убежал.

– Что за ерунда, какая тревога, я в отпуске, – возмутился отец – Побегу, узнаю, в чём дело. А вы собирайтесь и ждите Петра. Я скоро.

Как я невзлюбил это слово «скоро», оказалось, что это очень – очень долго, несколько лет, потому что своего папу я вновь увидел только после войны.

Эшелон, в котором мы эвакуировались на Урал, формировался в Киеве. Всех беженцев, прибывших в Киев, временно собрали в одном из больших скверов. Неожиданно встретили папиного сослуживца. Он сказал, что недавно видел Бендерского, он ходил среди беженцев, надеясь увидеть нас с мамой. Командование предложило папе вместе с полковой школой выехать в тыл и там готовить молодых артиллеристов, но он отказался, рвался на фронт. Мама не удивилась, сказала, что в этом весь наш папа, а я подумал, что он прав – раз война, то надо ехать на фронт и воевать. Мы с мамой обошли весь сквер, надеясь ещё встретить папу, но папы нигде не было.

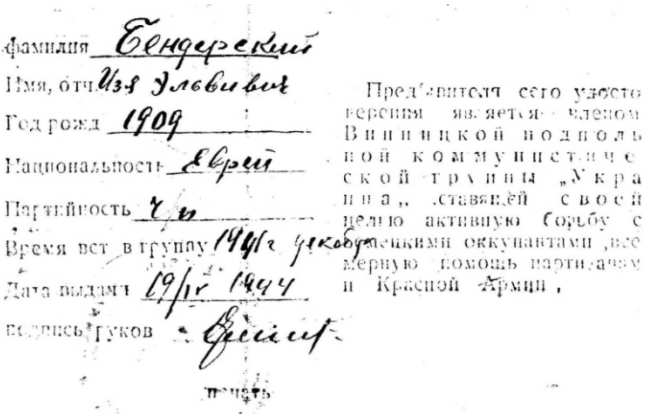
В оккупированной Виннице. Руководитель подпольной группы Иван Попов (И.Э. Бендерский) и Костя Пономаренко (справа)

Прошло несколько тяжёлых, голодных лет, полных неизвестности, страхов и тревог. Из Чкаловской области, где мы были в эвакуации, мы с мамой приехали в Винницу. Город только недавно освободили от немцев. До войны здесь жили мамины родственники. Все выехали, а бабушка ехать отказалась, осталась в Виннице и погибла. Бабушкин дом занял какой-то большой партийный начальник и освобождать его не хотел. Мама сказала, что с этой властью спорить бесполезно, мы сняли угол у хозяйки небольшого домика. Я уже ходил в третий класс и мне надо было где-то делать уроки. В Виннице мы узнали, что папа при немцах был здесь и руководил одной из групп подполья, а после освобождения вернулся в Действующую армию.

Вскоре мы получили от него письмо и воинский аттестат. Аттестат оказался как никогда, кстати, мы уже давно голодали, а хозяйка грозила нас выселить, так как мы не платили за квартиру. Она только грозила, но выселять нас не собиралась, говорила, что это только ради меня. Она заходила, с укором смотрела на молчавшую маму, тяжело вздыхала и уходила. Мама была рада, что теперь она сможет отплатить хозяйке за её доброту.

Когда война закончилась, приехал папа и увёз нас с мамой в Румынию, в Трансильванию, в город Алба-Юлия, где отец продолжал воинскую службу.

Папа – настоящий герой. Он воевал в подполье, сражался в Действующей армии, у него много орденов и медалей. Я очень гордился папой. Когда мы поездом ехали в Румынию, я попросил его рассказать о войне, о подполье, о том, как он воевал, было ли ему страшно. Мне интересно было всё.

Фамилия Бендерский
Имя, отч. Изя Эльевич
Год рожд. 1909
Национальность Еврей
Партийность чл
Время вст. в группу 1941 г
Дата выдачи 19/IV 1944
Подпись Гуков
печать

Предъявитель сего удостоверения является членом Винницкой подпольной коммунистической группы „Украина„ ставящей своей целью активную борьбу с немецкими оккупантами, всемерную помощь партизанам и Красной Армии.

Удостоверение члена Винницкой подпольной группы. 1944 г.

– Это хорошо, что тебя это интересует. Это очень хорошо, – папа задумался и продолжил. В августе 1941 года 6-я армия, где я служил в одной из артиллерийских частей, попала в окружение. Пробиваться из окружения я не мог, был контужен и тяжело ранен в голову. Попал в плен и был помещён в лагерь для военнопленных под г. Умань. В лагере познакомился с Костей Пономаренко. Сам Костя – из Казани, старший лейтенант, танкист. Так он назвался немцам, на самом деле это был лейтенант Константин Галкин. Мы с ним быстро подружились. До войны он служил в Виннице, узнав, что я из Винницкой области, обрадовался. Костя звал меня Ваней, в лагере я записался под фамилией Попов. Так я стал Иваном Поповым. Костя знал обо мне всё, что я – еврей, член партии. Когда нас переводили в другой лагерь, мы решили на одном из переходов бежать. Из лагеря, где усиленная охрана, бежать значительно сложнее, а другого подобного случая может и не представиться. На одном из переходов Косте удалось выбраться из колонны, а у меня обострилась контузия, я не смог. Расстроился. Но Костя оказался настоящим другом. Он не бросил меня, вернулся в колонну, и уже на следующем переходе нам удалось вместе совершить побег.

– Костя вернулся снова в плен? – удивился я.

– Да, сынок, вернулся.

Он сказал, что не мог бросить меня. Он сказал, что, если мы решили вместе, значит – вместе. Я бы очень хотел, чтобы у тебя, в твоей жизни были тоже такие надёжные друзья.

КОМІСІЯ В СПРАВАХ КОЛИШНІХ ПАРТИЗАНІВ УКРАЇНИ
ПАРТИЗАНСЬКИЙ КВИТОК № 34
Пред'явник цього тов. Бендерський Ізраїль Єльович
в період Великої Вітчизняної війни був учасником партизанського руху і підпільних організацій на Україні з грудня 1941 р. по березень 1944 р.
Голова районної (міської) комісії
М. П.
Дата видачі 10 квітня 1968 р.

КОМИССИЯ ПО ДЕЛАМ БЫВШИХ ПАРТИЗАН УКРАИНЫ
ПАРТИЗАНСКИЙ БИЛЕТ № 34
Предъявитель сего тов. Бендерский Израиль Эльевич
в период Великой Отечественной войны был участником партизанского движения и подпольных организаций на Украине с декабря 1941 г. по март 1944 г.
Председатель районной (городской) комиссии
М. П.
Выдан г. Винница
(название комиссии, города, района)

Удостоверение участника партизанского движения. 1968 г.

– У меня, папа, есть друзья, их много, а как узнать, что они надёжные?

– Я не знаю, сынок. Надо самому быть хорошим другом и верить тем, кого ты выбрал себе в друзья, только жизнь может потом рассудить, правильный ли выбор ты когда-то сделал.

Папа замолчал, я смотрел в окно вагона. Лето, яркое солнце, на зелёных лугах – красивые полевые цветы, красота, да и только! Папа говорил, что, когда смотришь на это великолепие, забываешь, что здесь недавно шли жестокие бои. И только разрушенные здания в городах и на станциях напоминали о войне. Я отвернулся от окна.

– Папа, как это здорово, что вы смогли убежать, а что было потом?

– А потом было так, – как-то растягивая слова, сказал папа и замолчал, будто пытался что-то вспомнить, затем посмотрел внимательно на меня и продолжал – В середине октября, поздней ночью мы добрались до Винницы. В Виннице мы встретили Юрия Зильбермана, с которым вместе были в Уманском лагере, но он бежал раньше нас. Зильберман – еврей, а фашисты евреев не любили, они их убивали, убивали не на фронте, убивали просто так, потому что евреи. Им было всё равно – мужчина это или женщина, старик или ребёнок. Они убивали всех евреев. Так была расстреляна и твоя бабушка. Поэтому в лагере он назвал себя Александром Карпенко. Так я стал Иваном Поповым, а он – Сашей Карпенко. Мы уже твёрдо знали, что будем делать. Решили создать подпольную группу и помогать пленным бежать из лагерей, обеспечивать их поддельными документами, а для этого необходимы были бланки этих документов.

Израиль Бендерский (в первом ряду, второй справа). Австрия

Бланки нам удалось достать, и в декабре 1941 года группа начала работать. Юрий Зильберман, ссылаясь на то, что мы – евреи, что это очень опасно, предлагал попытаться перейти линию фронта и уйти к нашим. Но я уже руководил подпольной группой, которая активно начала работать и отказался. Он ушёл один. Линию фронта перейти не смог, вернулся в Винницу и примкнул к нам. Нам нужна была связь с Винницким подпольем, мы начали её искать.

– Нашли связь?

– Нашли! Нам нельзя было не найти.

– А как же вы их нашли, ведь они должны прятаться и от всех скрываться?

– Что значит прятаться и скрываться? – улыбнулся папа – они должны активно работать против немцев и при этом соблюдать конспирацию, чтобы их не могли поймать. Связь с руководителем Винницкого подполья мне удалось установить в феврале 1942 года. Связным стал Михась, член партии, до войны работал на Винницкой конфетной фабрике. Мы ему доверяли, он был надёжный и смелый человек, но в декабре 1942 года гестаповцы его выследили и расстреляли. А расстреляли – не сразу, сначала пытали. Гестапо – страшная организация. Они – фашисты, их никто не звал, но они пришли в наш дом и убили очень много людей. Это была страшная война, об этом, сынок, забывать нельзя. Когда я узнал, что Винницким подпольем руководит Бэвз – обрадовался. Бэвза я знал ещё с довоенного времени, работая на заводе «Молот» в Жмеринке. Как комсомолец, часто бывал в окружкоме комсомола, где зав агитпропом работал Бэвз. Иван Васильевич помнил меня, был рад встрече, одобрил проделанную нами работу, интересовался составом группы и организацией конспирации. Он сказал, что деятельность группы желательно бы расширить, особенно по сбору информации. Я сказал, что думал об этом, но при отсутствии связи – многое не имело смысла. Теперь – другое дело, мы этим обязательно займёмся.

– Папа, а кто такой Бэвз?

Иван Васильевич Бевз – активный участник антифашистского подполья

– Бэвз, сынок, настоящий герой! Он ещё в Гражданскую войну воевал против деникинцев и врангелевцев. Работал на комсомольской и партийной работе, а перед самой войной заведовал областной библиотекой. Вот эта библиотека и стала основной базой Винницких подпольщиков.

Винницким обкомом КП(б)У Бэвз ещё до оккупации города был утверждён руководителем партийной подпольной организации.

– И он начал вами руководить?

– В общем, да. По его заданию, Костя и ещё один подпольщик – Михаил, устроились на работу официантами, в столовую для немецких офицеров. Это позволяло им добывать очень ценную информацию: месторасположение немецких воинских частей, их перемещение по железным и шоссейным дорогам, а через одного немецкого офицера, в ведение которого было похоронное бюро, удалось узнать о потерях немцев на фронтах. А самую ценную информацию, о приезде фельдмаршала Паулюса в ставку Гитлера под Винницей, добыл Костя. Все эти сведения я, как руководитель группы, сразу передавал Бэвзу.

– Папа, ты так часто вспоминаешь Костю, потому что он действительно был таким смелым?

– Да, сынок, Костя действительно был очень смелым. Я помню, когда немцев разгромили под Сталинградом, мы изготовили листовки и клеили их по городу, передавали под видом передачи хлеба в лагеря военнопленных, а Костя не мог успокоиться до тех пор, пока при получении пропуска в городской управе, не ухитрился подсунуть одну такую листовку под бумаги на столе главы управы.

– Вот это да! Ведь его же могли поймать.

– Могли. Но Костя был таким. Мы его ругали, но восхищались его смелостью.

– А зачем вы его ругали? Ведь он это сделал назло немцам.

– В подполье, сын, нельзя разменяться по мелочам, можно под-

Военный билет И.Э. Бендерского. 1948 г.

вести всю организацию. Мы об этом сказали Косте, он нас понял.

– Ты часто говоришь о Косте, а другие подпольщики тоже были такими смелыми?

– В моей группе все были смелыми. Никто не был трусом. Все они – настоящие герои. Вот, например, бывший военнопленный Пётр Агаглуян. Он смог устроиться на работу в немецкие автомастерские. Это была большая удача. Агаглуян выводил из строя автомашины, портил запчасти, уничтожал горючее, но самое главное, он добывал ценные сведения, откуда прибывают на ремонт автомашины и куда потом направляются. А однажды ему удалось добыть очень ценные документы, уничтожив штабного немецкого офицера. Агаглуян погиб, незадолго до освобождения Винницы. Донесли соседи. Арестовывать его пришли полицаи из криминальной полиции. Он оказал сопротивление, отстреливался и был убит на месте.

– Папа, а тебя могли арестовать, а убить тебя могли?

– Конечно, сынок, могли и арестовать, и расстрелять. Гестаповцы свирепствовали – ведь под Винницей в бетонном бункере была ставка Гитлера.

– Самого Гитлера?

– Да, самого Гитлера.

– А что это за ставка в бункере?

– Ну как тебе сказать. Ставка – это штаб. А бункер – такое большое бетонное бомбоубежище, где много комнат, много телефонов, откуда Гитлер мог, ничего не боясь, руководить своими фашистами. Он мог туда вызвать разных генералов и давать им всякие приказы. И всё это было под большим секретом.

– И вы совсем ничего, ничего не боялись?

– А кто тебе сказал, что не боялись? Боялись и очень сильно боялись. Боялись не только за себя. Боялись завалить важное дело.

– И что, гестаповцы вас не смогли найти?

– Ну почему. Иногда почти находили.

– Это как?

– А вот так. В начале 1942 года кто-то донёс в гестапо, что люди, живущие в доме № 39 на бывшей Пролетарской улице, а это – наша явочная квартира, занимаются подделкой документов, пишут и распространяют листовки, и вообще у них там – целый «паспортный отдел». Бэвз узнал об этом по каким-то своим каналам и успел нас предупредить. Когда нагрянуло гестапо, нас там уже не было. Мы просто сменили явочную квартиру. Был и другой раз. Летом 1942 года явочной квартирой нашей группы стала квартира отважной подпольщицы Анисьи Лавровой. В эту квартиру постоянно направлялись военнопленные, где мы их снабжали поддельными документами, а затем переправляли в партизанские отряды. В августе 1942 года мы выдали поддельный паспорт одному военнопленному, старшему лейтенанту. По этому документу он устроился на работу в столовую, пришел на работу в пьяном виде и попал в гестапо. Обнаружилось, что у него поддельные документы. На допросе он нас выдал. Не зная наших фамилий, он описал нас и указал адрес, где получал документы. На следующий день гестаповцы окружили дом Лавровой. Её вывели из квартиры и посадили под охраной гестаповца на ступеньки. Нас дома не было, мы ничего не знали, но все разными путями шли в это время на окружённую гестаповцами явочную квартиру. Что у дома Лавровой гестаповцы первым увидел Саша Карпенко. Возвращаться назад было поздно, это могло вызвать подозрение и Карпенко принял решение идти мимо дома. Ни он, ни Лаврова ничем не выдали, что они знают друг друга, ему удалось пройти мимо гестаповцев, не вызвав никаких подозрений. Навстречу шли мы с Костей. Это нас спасло. Анисью Лаврову арестовали, четыре месяца она провела в гестапо и, несмотря на пытки, эта отважная женщина никого не выдала. На второй день после ареста Лавровой я, Костя и Саша Карпенко бежали в Умань, где скрывались до октября 1942 года. В октябре вернулись в Винницу и возобновили нашу подпольную деятельность. Когда Винницу освободили, я вернулся в Действующую армию.

Отец награжден массой орденов и медалей, он освобождал Украину, штурмовал Будапешт, участвовал в боях на озере Балатон, освобождал Австрию.

После войны дела папы на службе складывались не очень хорошо. Карьерного роста не было. Командование, которое высоко ценило папу, как кадрового военного говорило:

– Майор, мы ничего не можем сделать, ты – не член партии. Сколько раз тебе советовали вступить в партию, но ты – упрямый, от-

казываешься.

Папа вступил в партию еще в 1931 году, считал себя старым коммунистом и вновь вступать не хотел. Когда в окружении его контузило, он закопал все документы, включая партийный билет. Теперь он хотел, чтобы его восстановили. Он ездил в ЦК, писал многочисленные письма, но так и не смог добиться положительного решения. Но вновь вступать в партию – твёрдо отказывался. Всё это привело к тому, что папу, в конце концов, демобилизовали, и мы вернулись в Винницу.

Сначала нас приютила папина старшая сестра, затем мы сняли небольшую комнатку. Устроиться на приличную работу, бывший винницкий подпольщик, по тем же причинам, не смог, стал подрабатывать в ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту). Платили мало, но первый год после нашего приезда сносно прожить нам помогали старые запасы. Как мы жили потом, мне вспоминать не хочется. Если бы не старшая папина сестра, которая иногда помогала нам продуктами, мы вряд ли бы выжили. Тогда я первый раз услышал, как мама и папа серьёзно поругались. Мама упрекала папу за его упрямство, ведь если бы он вступил в партию, всё могло быть подругому, она говорила, что «у нас сын – ему надо жить и учиться». Но папа твёрдо стоял на своём: «Вновь вступать не буду!».

Шёл 1952 год. Я уже был студентом МИИТ, учился в Москве, успел в составе бригады первокурсников помочь подмосковному колхозу убрать урожай и начать учёбу в первом в моей жизни студенческом семестре, когда узнал, что в Виннице у меня родилась сестра Наташа. Рождение сестры для меня было приятной неожиданностью. Я в Москве – всего три месяца, когда уезжал ничего подозрительного у мамы не заметил, а тут сразу сестра. Но я был бесконечно рад, я всегда завидовал своим друзьям, у кого были брат или сестра. А теперь и я не один.

В 1953 году, после смерти Сталина отец снова приехал в Москву. Всё повторилось, как в его первый приезд: папа был в военной форме, привезённые яйца и сало проданы на рынке Киевского вокзала. Папа очень волновался, его срочно вызвали в ЦК партии. Волновался и я, ожидая его возвращения. Наконец, появился изрядно подвыпивший папа, с лица его не сходила счастливая улыбка. Его восстановили в партии, восстановили стаж, погасили за весь период членские взносы, да ещё начислили и выдали какие-то деньги. Папа принёс бутылку «Столичной», что-то из закуски, мы выпили, но я не успокоился, пока папа не рассказал мне обо всём подробно.

Последний раз отец приезжал в Москву в 1970 году, когда в институт поступала моя младшая сестра Наташа. Он очень волновался. Чтобы снять стресс, рассказывала сестра, целые дни проводил на Московском ипподроме. Любовь к лошадям папа сохранил на всю жизнь. До войны капитан Бендерский активно занимался джигитовкой и часто был победителем на смотрах. У него был любимый конь Буян, который никогда не подводил.

Жизнь моих родителей в Виннице понемногу налаживалась. Папа устроился на хорошую работу в строительную организацию, а когда сносили домик, в котором у нас была маленькая комнатка, родители получили двухкомнатную квартиру. Материально жить стало легче. Я закончил институт, женился, у меня родились две прелестные дочурки. Папа обожал внучек. Когда мы приезжали в Винницу, он постоянно с ними занимался: играл, ходил в детский парк, катал на всех аттракционах. Внучки обожали деда. Он разрешал им всё. Они очень любили садиться с дедушкой в городской трамвай. И, глядя в окно, проехать несколько раз по всему трамвайному маршруту.

Папа часто вспоминал встречи и беседы с Дмитрием Медведевым, легендарным партизаном и писателем, Героем Советского Союза. Он был уверен, что выход из печати книги Медведева «На берегах Южного Буга», где подробно рассказывается о героических действиях Винницких подпольщиков, поспособствовал его восстановлению в партии. Скорее всего, это было так. А как он радовался, когда Ивану Васильевичу Бэвзу 8 мая 1965 года было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В один из моих приездов в Винницу в отпуск, папа сказал, что хочет мне что-то показать. Мы шли по тогда ещё улице Ленина *(ныне – Соборная)*, прошли мимо синагоги, банка,

Памятник И.В. Бэвзу в Виннице. 1979 г.

Участники партизанского и подпольного движения на Украине. Среди них – Израиль Бендерский – глава подпольной группы Винницкой организации, руководимой И.В. Бэвзом

костёла, христианского храма и вышли к небольшому скверу у кинотеатра «Россия».

– Ты хотел видеть Бэвза? Смотри!

В сквере, на фоне голубых елей, на гранитном постаменте возвышался бюст легендарного руководителя Винницкого подполья. Он был установлен в 1979 году.

Папа никогда не терял связь с бывшими подпольщиками и партизанами. Каждый год, в День Победы, они собирались в парке, вспоминали былое, фотографировались. Иногда к ним присоединялся один из организаторов партизанского движения на Украине – Демьян Сергеевич Коротченко, бывший председатель Верховного Совета УССР, Герой Социалистического Труда. Рассматривая фотографии, папа сетовал, что с каждым годом, на «сборы» приходит всё меньше друзей. Он очень болезненно переживал, когда из жизни уходили его соратники.

Папу часто навещала пожилая украинка (я сейчас уже не помню её имени), в доме которой во время оккупации была явочная квартира. Сын её, подпольщик, был расстрелян в гестапо. У неё было небольшое хозяйство, корова, она приносила своему Ванечке, как она всегда называла папу, парное молоко. Умер папа в 1986-ом году, перед этим долго и тяжело болел.

Хоронили его с воинскими почестями: почётный караул, военный оркестр, взвод солдат. После погребения и салюта оркестр и взвод солдат прошли мимо могилы парадным строем, под музыку военных маршей. Для меня всегда оставалось загадкой – как человек, немало пострадавший от Советской власти, был до конца жизни фанатично ей предан. Это были другие люди, они были счастливы в своей вере. Папу я всегда помню и люблю.

Фото из архива семьи Бендерских.

Михаил Гольдис и его книга «Воспоминания прокурора-еврея из Советской Украины»
(«Memoirs of a Jewish District Attorney from Soviet Ukraine»)

Наш герой (1926-2020) родился в местечке Ялтушков *(ныне – село в Барском районе Винницкой области Украины)*. Его жизнь можно разделить на ряд периодов: детство в местечке, голодная, тяжёлая юность в эвакуации, участие в Великой Отечественной войне и ранение, учёба в университете, работа следователем и прокурором в г. Хмельницкий и области в течение сорока лет, эмиграция в США, выпуск статей и книг.

Он появился на свет в любящей, образованной семье советских евреев. Кроме сына, у Гольдисов росла ещё дочка. Михаил говорил на украинском и русском, а вот идиша не знал, что было весьма несвойственно для евреев той поры. Глава семейства трудился директором сахарного завода в Ялтушкове, его сын тоже проводил там достаточно много времени. В период сталинских репрессий, Бенциона Ихилевича уволили, но перед войной неожиданно восстановили в этой должности.

Можно сказать, что члены семьи Гольдис, жизнь которых пришлась на период атеизма, коммунизма и необходимости при этом не забывать о своей еврейской идентичности, пытались удерживать тонкий, гармоничный баланс между тем и другим.

После нападения Германии на СССР г. Гайсин, где жила тогда семья Гольдисов, оказался оккупирован. И 17 сентября 1941 года в урочище Белендийка нацисты и их пособники уничтожили всех близких Михаила – дедушку, бабушку и тётю – Герша, Софию и Туню Шихман.

Но судьбе было угодно спасти именно эту еврейскую семью. Бенцион Ихилевич к тому времени уже ушёл на фронт, а

15-летний Михаил с мамой и сестрой оказался в Саратовской области, в селе Симоновка Дурасовского района, где им предстояло работать в колхозе. К осени его мама с сестрой были переведены в райцентр для помощи в развёрнутом там госпитале, а Михаил остался ещё на некоторое время в селе, продолжая «вкалывать» в колхозе. Первые месяцы эвакуации были ещё более или менее сносными, но все тяготы и лишения войны постепенно доходили и до российской глубинки.

Вдали от дома, без прежней заботы родителей, ему быстро пришлось стать взрослым. В Саратовской области после тёплого, беспечного детства в любящей, дружной еврейской семье, он приобщился к труду, впервые узнал сельский быт и научился уважать земледельцев. Симоновка являлась территорией, абсолютно свободной от антисемитизма, такого неприятного явления там просто не было в природе. Более того, простые, миролюбивые жители села до приезда Гольдисов вообще никогда не видели настоящих евреев и ничего о них не знали.

Михаил поселился в доме крестьян Гусевых, где его приняли, как родного. В доме жили: хозяин – Василий Арефьевич, хозяйка – Анна Матвеевна, их пятнадцатилетняя внучка Нюра. Вечером семья садилась ужинать. Анна Матвеевна ставила в центр стола миску с едой, все чинно усаживались вокруг. Василий Арефьевич разглаживал усы, отправлял ложку в рот и начинал жевать полубеззубым ртом. Лишь тогда, все остальные домочадцы могли съесть одну ложку и ждать, пока хозяин возьмёт вторую, страдая и мечтая «слопать» всё одним махом, но нарушить порядок было невозможно. Когда ужин заканчивался, Василий Арефьевич, попыхивая трубкой, произносил: «Так, Мишка, бери фуфайку, Нюрку и марш на улицу!». На улицу – значит «гулять». Миша и Нюрка пулей выскакивали из дома. По улице уже шли парни с девчатами и под гармонь или балалайку напевали трогательные русские частушки, которые наш герой запомнил на всю жизнь.

Около часа ночи, на цыпочках, Михаил и Нюра возвращались с уличных посиделок домой, но бдительный Василий Арефьевич не спал и неизменно встречал «загулявшую молодёжь» одной и той же фразой: «Так, Мишка, ты ложись на полати, а ты, Нюрка, марш на печку». А в пять часов утра Михаил уже шёл в тракторную бригаду, где работал прицепщиком до 7-8 часов вечера. Потом опять – ужин и улица. Благо, в его молодые годы сил хватало и на работу, и на прогулки в вечернее время. Но и этот интересный период тоже закончился.

Поздней осенью 1941 года Михаил Гольдис уехал из Симоновки, его с мамой перевели на работу в другое место. К тому времени всё

больше парней из провинции, с которыми он распевал частушки на улицах, уходили на фронт.

Важно отметить, что, работая в эвакуации, Михаил, его сестра и мама получали пособие по аттестату отца (он, находясь на фронте, разыскал своих близких). Но этого им совсем не хватало для нормального существования, и беженцам приходилось постоянно выменивать у местных крестьян на продукты свои последние, оставшиеся вещи. Они голодали и страдали, как голодало в то время множество людей, ушедших от немецко-фашистской оккупации и оказавшихся вдали от своих жилищ.

В чём-то это перманентное состояние голода закалило Михаила и для дальнейшей армейской службы, он «втянулся» в ежедневное полуголодное существование ещё «на гражданке», в эвакуации. Уходя в Красную Армию в ноябре 1943 года, семнадцатилетний юноша ещё не знал, что пополняет ряды солдат вместо своего отца, капитана Бенциона Ихилевича Гольдиса (1900-1943), погибшего 12 октября 1943 года в боях за освобождение Киева. Б.И. Гольдис был похоронен в братской могиле в селе Лебедивка Вышгородского района, в получасе езды от Киева, где лежат более тысячи воинов, убитых в пору жестоких боёв на подступах к столице Украины.

В 1960-е годы их останки перезахоронили на братском кладбище, куда собрались местные жители со всей округи. Батюшка совершал соответствующее богослужение. К нему подошёл какой-то человек и сказал, что среди убиенных есть один нехристианин, еврей и указал на гроб Бенциона Ихилевича. «Здесь нет ни христиан, ни иудеев, ни русских, ни евреев!» – громко ответил священник. – «А есть сыны Отечества, отдавшие жизнь за него!».

Хлеб в запасном полку связи в г. Аткарск, где Михаил служил после призыва, выдавался отдельно на каждое отделение, за 30-40 минут до основного приёма пищи. Это была буханка с небольшим довеском. Три раза в день каждое отделение посылало в столовую за хлебом своего представителя, самого честного, который не съест довесок по дороге. Затем следовал ритуал его раздачи: один, самый умелый, разрезал буханку на ломти по количеству солдат в отделении, тыча ножом в каждый ломоть, честно делил еду, соблюдая справедливость. Одни съедали свой кусок моментально, не задумываясь; другие клали его под подушку и изо всех сил старались не приближаться к нему, даже не смотреть в ту сторону.

Во время службы Михаил был ранен под Шауляем, а в госпитале впервые услышал: «Ты не имеешь права петь наши песни. Ты же – еврей». Но нельзя сказать, что Михаил и солдаты той поры постоянно находились в состоянии грусти, обиды, уныния, вовсе нет. Их спасала молодость – они шутили, смеялись, мечтали о лучших временах.

Михаил Гольдис завершил войну в звании младшего лейтенанта, был награждён медалью «За отвагу» – за подвиг, совершённый им в конце сентября 1944 года. Окончил юридический факультет Киевского госуниверситета, женился на Майе Мощинской, выпускнице Винницкого педагогического института и ставшей филологом, потерявшей на войне отца Анисима и брата Аркадия. С 1954 года – сорок лет, день и ночь работал в органах прокуратуры Хмельницкой области. Сначала следователем, потом прокурором, являясь неотъемлемой частью правовой системы тех лет и вместе с тем, противостоя ей, особенно, когда, по долгу службы, ему часто приходилось сталкиваться с «еврейским вопросом». Не будучи диссидентом, он всегда глубоко критически относился к окружавшей его действительности.

У него было очень сильно развито ощущение своего еврейства, своей национальной принадлежности и чувства гордости за свой народ. И его всегда привлекали сильные евреи, которые могли постоять за себя, дать отпор своему обидчику, защититься от антисемитских выпадов. Вот в этом восхищении еврейским мужеством – с одной стороны, а с другой – вниманием к постоянной уязвимости евреев и вечным преследованиям – заключена философия Гольдиса и его личный опыт. Сам он являлся по своей природе человеком мягким, дипломатичным, и такие отважные еврейские ребята вызывали у него самого – гордость и восхищение.

Случай с Николаем Розбамом является хорошей иллюстрацией такого отважного еврейского парня. Однажды строители цементного завода в Каменец-Подольском, бывшие зэки, обвинили начальника стройки Розбама – еврея, в жестоком избиении одного из своих подчиненных. Но расследование выявило, что Розбам отказался участвовать в махинациях с зарплатой, и в ответ услышал: «Он же просто жид… мы его сломаем за секунду. Эти жиды – трусы». Розбам согласился на драку, победил и бросил врагу: «Обеденный перерыв окончен». Разумеется, никто из этих провокаторов и драчунов не ожидал от еврея такого отпора. В своих мемуарах Михаил потом подробно опишет этот случай. «Они избрали своим объектом еврея. Такого, каким он представлялся им, образ которого был сформирован в их сознании на

протяжении всей жизни. А попали на совсем другого, неведомого им еврея, – сильного духом и телом, показавшего образец высокого личного мужества».

В 1993 году, после развала СССР, Гольдис с женой, дочерью Татьяной, её мужем Александром, внуками Маратом и Полиной, иммигрировал в США и неожиданно принялся записывать всё, что за эти годы накопилось в его жизненном багаже, чем хотел поделиться со своим читателем, погрузившись в прошлое. Разумеется, у него всегда имелся литературный талант, но он никогда прежде не писал. А после переезда решился взяться за писательское ремесло. И здесь ему очень помогала его супруга Майя, прекрасный учитель русского языка и литературы, с которой он счастливо прожил 54 года (она умерла в 2007-ом году). Литературный секретарь, редактор, единомышленник – она стала его незаменимым помощником, сподвижником, правой рукой, поддерживала мужа ценными советами и рекомендациями, но всегда – весьма деликатно, по-доброму, щадя его авторское самолюбие. И свою первую книгу на русском, вышедшую в Миннеаполисе в 2013 году, Михаил посвятил своей музе.

Он писал до самых последних дней и хотел выпустить вторую часть мемуаров, успев набросать их фрагменты – о своём детстве, о родителях, о Майе и о её семье. Но их ему было писать тяжелее. Может, в силу возраста или каких-то глубоких, личных вещей, связанных с этой, второй частью. Поэтому, к сожалению, он передал бумаге далеко не всё, что планировал.

Михаила Гольдиса всегда искренне занимали персонажи, погрязшие в передрягах и непредсказуемости жизни. На весах между справедливостью и милостью, он часто склонялся к милости, и тут сыграла свою роль его любовь к русской классике, особенно, к Толстому. Некоторые из людей, описываемых им в книге, напоминают «маленького человека» из русского канона 19-го века, но перенесённого в украинскую провинцию, после сталинского периода, Великой Отечественной войны и Холокоста.

Его литературная деятельность в Америке принесла свои щедрые плоды, и осенью 2024 года на свет появилась книга «Воспоминания прокурора-еврея из Советской Украины», вызывающая живой, неподдельный отклик в творческой среде. Она вышла в известном академическом издательстве, в серии, посвящённой эмигрантской литературе. Автор Михаил Гольдис оказался здесь в компании книг о наследии Набокова, американской еврейской поэзии. Издание было переведено

Михаил Гольдис с женой Майей Мощинской.
1960-е гг., г. Каменец-Подольский

на английский, отредактировано и сопровождено предисловием и комментариями внуком Михаила Гольдиса, Маратом Гринбергом, известным исследователем литературы, кинематографа, профессором русской и сравнительной литературы в Рид колледже («Reed College») (Портленд, Орегон, США), журналистом, переводчиком.

Книга состоит из различных эпизодов и читается легко, на одном дыхании. От с лихвой закрученного детективного сюжета – невозможно оторваться. Простой, доступный язык повествования, в основном – исключительно события и факты, без лишних красок, эмоций и эпитетов – позволяет не отвлекаться на мелочи, сосредоточившись на самом главном. Мемуары, написанные бывшим прокурором, действительно, уникальны, потому что сохранившихся сведений о жизни советских евреев после войны и после сталинской эпохи, на данный момент, записано и издано невероятно мало. Интересно то, что среди евреев было много адвокатов, а прокуроров – намного меньше. И потому

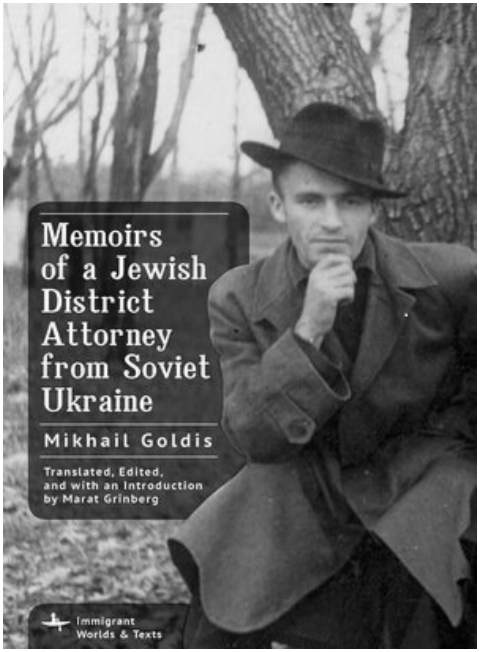
весь жизненный, профессиональный опыт работы и существования Гольдиса, причём не в столицах, а в провинциальной послевоенной Украине, в Хмельницкой и Винницкой областях – так ценен, востребован и любопытен. Многие из этих зарисовок, ставших затем главами книги, ветеран сначала рассказывал членам своей семьи, в том числе – внуку
Марату, ещё на кухне своей квартиры в Хмельницком.

Надо отметить, что биография нашего героя тесно переплетена не только с вереницей криминальных дел, которые ему приходилось распутывать, но с сохранением памяти о Холокосте и о том, как память об уничтожении евреев передавалась у советских евреев, как функционировала в этой системе – с пропусками, намёками и недосказанностью. А у Гольдиса – ещё и в контексте криминальных дел, когда еврей-следователь, сам потерявший в огне Холокоста и на войне своих близких, часто сталкивался с этими историями в процессе своей профессиональной деятельности. Один из эпизодов книги, связанный с темой уничтожения евреев касается города Красилов, другой – города Старая Ушица – в Хмельницкой области.

Невозможно не отметить и тонкий национальный юмор Михаила, его личные, человеческие и профессиональные замечания и оценки происходящего. Подробно и постепенно, ненавязчиво, шаг за шагом, книга вводит нас в курс дела, затрагивая самые разные аспекты бытия её автора – эвакуацию, участие в Великой Отечественной войне, потерю отца на фронте, встречи со свидетелями Холокоста, активную деятельность в сфере правосудия, закрученные клубки криминальный хроники уголовного и экономического характера, общение с «сомнительными» личностями, секреты расследования громких дел и «глухарей». Всё это, на протяжении долгих лет, ежедневно наполняло его будни.

Выступление Марата Гринберга в «Яд Вашем»

Обложка новой книги Михаила Гольдиса

Михаил Гольдис смог выжить, выстоять, состояться в жизни. Кто-то разочаровывается в себе и в людях, выбирает недостойный путь, прозябает в пустых делах, не принося этому миру никакой пользы. А кто-то, как наш герой – надолго оставляет в нём добрый, светлый, глубокий след и замечательную память о себе, в сердцах других. В преклонные годы он успел заполнить в Мемориальном комплексе «Яд Вашем» Листы свидетельских показаний на своих родных и близких, расстрелянных под Гайсином, прожил с супругой Майей долгую, яркую, счастливую жизнь, воспитал дочку, внуков, дождался правнуков, добился небывалых высот в профессии, успел записать большую часть своих воспоминаний и увидеть их первый, печатный вариант. Сбылось многое, о чём он мечтал и даже больше…

Правда, о том, что его книга вышла на английском языке, он уже не узнал. Ветеран войны ушёл из жизни в 2020 году, в окружении горячо любимых, любящих его людей и похоронен рядом с супругой Майей на еврейском кладбище в пригороде Миннеаполиса. По еврейской традиции на могилы кладут россыпь камней. А творческое наследие Михаила Гольдиса, его светлое имя продолжают жить в его книгах и в статьях о нём…

Илья Лазерсон: «Фронтовые письма моего дяди Ильи перешли мне…»

Илья Лазерсон – известный российский шеф-повар, не только настоящий мастер своего дела, но и остроумный рассказчик-эксперт, с потрясающим национальным чувством юмора. Он ведёт несколько проектов на телевидении и в интернете, является автором огромного числа кулинарных книг. Себя он шутливо называет врагом долголетия, поскольку между «вкусно» и «полезно» – всегда выбирает «вкусно». Звезда кулинарного искусства родился весной 1964 года в интеллигентной еврейской семье. Мой собеседник удивил учителей своей школы с усиленным изучением английского, написав в сочинении о выборе дальнейшей профессии, что хочет стать настоящим поваром. И его детская мечта в полной мере сбылась, сегодня он – популярен, невероятно востребован и мега-профессионален, блестяще умеет рассказывать о сложном – просто, доступно и понятно.

* * *

– Уважаемый Илья, откуда ваши корни? Из Ровно?

– У моих родителей корни из Витебска. В Украине, в Ровно они оказались в 50-е годы прошлого века, там начали строить заводы, новые дома и приглашать туда для жизни и работы молодых специалистов. Так мои витебские папа и мама попали в эти края, получили там квартиру. Папа Исаак Лазерсон был инженером, моя мама Мери – трудилась учителем математики, пользовалась большим уважением и почётом. Мамина мама, моя бабушка Евгения Захаровна Берхифанд, как мне рассказывали, в старом Витебске «прыгала в одной луже» с будущим великим художником Марком Шагалом, они являлись ровесниками и соседями. Родители отца тоже из тех мест. В Белоруссии я проводил всё своё детство, там осталась мамина мама. С седьмого класса школы даже ездил туда один, проводя ночь в поезде.

– Погиб кто-то из ваших еврейских близких в период нацистской оккупации, Холокоста, на фронте?

– Во время оккупации мамина семья находилась в эвакуации на Волге, под Энгельсом в Саратовской области. На войне сражался с врагом мамин старший брат Илья Берхифанд, в честь которого она меня и назвала. Он погиб в 19 лет под Запорожьем.

Илья Берхифанд. 1940 г.

«При всей своей гуманитарной одаренности, Илья мечтал о технической специальности. В 1941 году, после окончания школы, он собирался поступать в Ленинградский кораблестроительный институт. Был готов к жизни активной, полнокровной, содержательной. Счастливая, как говорили в старину, внешность, отличное здоровье, прекрасные способности... Но судьба распорядилась иначе. Когда началась война, отца сразу же мобилизовали. Мать с четырьмя детьми чуть ли не в день вступления немцев в Витебск сумела выбраться из города. Илья тащил тяжелые чемоданы, как он выражался, «с барахлом». Это «барахло» спасло нас в эвакуации от голода и частично от холода, хотя большую часть зимних вещей пришлось оставить: они занимали слишком много места в чемоданах и баулах. А ведь надо было брать с собой и еду». – цитата из статьи моего дяди, 85-летнего Натана Берхифанда, опубликованной на портале журнала «Мишпоха». Это – самый младший брат в большой семье моей мамы. Удивительно, что Натан где-то раскопал метрику своего погибшего старшего брата Ильи. Кстати, в семье его звали «Илья», а на самом деле он был «Ильич». Так вот, он погиб на фронте, а моя мама Мери всю жизнь бережно хранила его фронтовые письма. Копии этих дядиных весточек я передал в российский Центр «Холокост» его сотрудникам для их дальнейшей архивной работы и исследований. *(Несколько этих писем опубликованы в сборнике НПЦ «Холокост» «Сохрани мои письма…» Вып. 8, 2026 г.).* Останки Ильи нашли в шестидесятые годы пионеры под Запорожьем. По обнаруженному на теле медальону, поисковики вышли на близких. Моя семья ездила на церемонию перезахоронения Ильи Берхифанда и останков других солдат, погибших вместе с ним. Помню, что там, под Запорожьем, установлен памятник на братской могиле. На нём можно прочитать и фамилию моего отважного родственника. В 1985 году в СССР отмечали сорокалетие Великой Победы. Тогда я уже закончил с красным дипломом Ровенский техникум советской торговли и был в

Илья Берхифанд с родителями. 1925 г.

армии поваром. В честь праздника меня ненадолго отпустили «на волю», и мы с мамой поехали туда, проведать дядю. Моя мама, Мери Лазерсон, её старшая сестра Фрида, отсидевшая в сталинских лагерях пять лет, последние 35 лет прожили в США. Мама умерла в 2021 году, за несколько дней до своего 90-летия. После этого фронтовые письма моего дяди Ильи перешли мне, я недавно привёз их из-за океана. Это – единственная смерть на войне одного из наших близких, по крайней мере из тех, о которых мне известно.

– Кстати, на сайте «Яд Вашем» я нашла ещё Берхифандов, погибших в Холокосте, в Бобруйске, думаю, это – ваши родственники. Любопытно, что за два дня до нашего разговора, провела интервью с Кларой Горлачёвой, жительницей Нюрнберга, бывшей узницей лагеря «Мёртвая петля», о котором много пишу. Стала искать информацию о Кларе в интернете, к моему огромному удивлению – нашла ваш пост в одном из мессенджеров, посвящённый Кларе. Оказалось, что её сын, Роман Горлачёв – ваш близкий друг со студенческой скамьи!

– Действительно, Ромка Горлачёв – мой старый, институтский друг. Мы дружим с юности, он учился на курс младше меня. На каникулах приезжал ко мне в Ровно. Я первый раз познакомился с его мамой Кларой, когда ещё защищал диплом и виделся с ней несколько раз. И только в 2024 году, спустя много лет, в один из уютных вечеров, когда был у неё в гостях в Германии, она начала рассказывать нам про этот страшный, мрачный период своей жизни. Конечно, прекрасно понимаю, что такое Холокост, бывал в Израиле, в «Яд Вашем». Год назад я с удивлением спросил Клару, почему она так долго молчала о случившемся?! Но она так и не смогла ответить на мой вопрос. Видимо, ей было очень непросто этим поделиться с другими. Как раз тогда, год назад, мой приятель, очень крутой журналист Георгий Зотов, сотрудничающий с газетой «Аргументы и факты», писал материал про концлагеря, про войну. И по моей рекомендации он тоже лично приезжал в

Илья Берхифанд с сёстрами. 1930 г.

Нюрнберг и беседовал с мамой моего институтского приятеля, выпустив потом об этом содержательный, глубокий материал. Добавлю также, что 9 мая всегда был очень важным, значимым, памятным днём в нашей семье.

– Значит, те фронтовые письма дяди Ильи, ваша мама сама не успела вам передать на хранение…

– Да, к огромному сожалению, лично она не успела этого сделать. Когда началась пандемия, у меня, жителя Санкт-Петербурга, имелась действующая виза в США. А моя мама собиралась пышно отметить своё 90-летие, естественно, увидев и обняв в свой юбилей меня. В Америке у меня живут родственники, включая моего двоюродного брата Евгения Магалифа – известного композитора, мои многочисленные друзья, армейский друг. Но, повторюсь, началась пандемия, с нашей прививкой туда не пускали. Мама трагически не дожила три дня до своего 90-летия, ослабела и ушла из жизни в 2021 году. Мне устроили прямую трансляцию с её похорон. Я смог попасть на её могилу только весной 2025 года. Прежде всего, отправился к ней на кладбище. Она сама успела там побывать, когда приходила навестить свою сестру - Фриду Магалиф, рядом с которой она сегодня и покоится. В США так принято – заранее побеспокоиться о своем последнем пристанище.

– Сталкивались ли вы когда-то в жизни с антисемитизмом?

– Как я сказал, родился и вырос в Украине, но не помню там какого-то сильного антисемитизма в мой период взросления. Однако, с этим неприятным явлением постоянно сталкивался мой отец, талантливый инженер Исаак Лазерсон. Он заведовал конструкторским бюро большого завода. При этом, ему не давали первую, секретную форму допуска, потому что он – еврей. Отец часто курил с мамой на кухне, злился, переживал и весьма негативно комментировал происходящее на его рабочем месте. Другие инженеры, его коллеги, имели секретность, а ему не давали. Видимо, боялись, что он уедет в Израиль и

Сёстры Фрида и Мери. 2005 г.

всё там расскажет. Моя мама, как я уже рассказывал, трудилась в школе учителем математики, пользовалась невероятным уважением. После занятий в школе дополнительно занималась с детьми математикой. Среди других, занимался у нее также и ребенок сотрудницы местного паспортного стола. И когда мне пришло время получать паспорт, та женщина предложила мне поменять национальность, записать меня «русским» или «украинцем», из лучших побуждений, чтобы, как ей казалось, облегчить мне жизнь. А я не согласился, так как видел, насколько в этом плане тяжело жилось моему отцу. И не хотел предавать свой народ. Тем более, я – чистокровный еврей, у меня евреи – мама, и папа. Так я не стал ни русским, ни украинцем, о чём ни разу не пожалел.

– Читала, что любовь к творению кулинарных шедевров вам привила именно ваша бабушка? Поговорим, пожалуйста, о ней.

– Мамина мама – Евгения Захаровна Берхифанд, которая играла в одной луже с Шагалом. Правильнее сказать, что она не то, что бы привила мне любовь к будущей специальности, а в полной мере открыла мне её самые разные, интересные стороны. Но она никогда не учила меня готовить, мне просто было интересно наблюдать за ней, можно сказать, я сам себя вовлёк в это дело. Хотя, не было бы рядом моей любимой бабушки, как примера, может быть, судьба сложилась бы иначе. Одно из моих правдивых высказываний: «Женщина – мама не умеет готовить до тех пор, пока не станет бабушкой». И это не удивительно, потому что данный опыт «у плиты» – приобретается людьми в течение всей своей жизни, и часто кулинарные умения, ловкость и сноровка накапливаются и проявляют себя в полной мере у прекрасной половины человечества лишь с появлением внуков. Меня никогда не инте-

интересовало, как готовит моя мама. Мне всегда было интересно, как готовит моя бабушка.

– Вы – постоянно в движении, в живом, быстром, творческом процессе – снимаете новые видео, отвечаете на вопросы подписчиков, выпускаете книгу за книгой, участвуете в кулинарных шоу. В чём черпаете вдохновение в наше сложное время? Где находится ваш живительный источник?

– У меня нет никакого вдохновения, а вместо него – чисто практический, утилитарный подход. Моя голова – отнюдь не безгранична, хоть она и еврейская. В ней очень – очень много знаний. И для того, чтобы мне самому обновляться, я должен из своей головы что-то отдать другим, так сказать, освободить эти ячейки для иных, свежих идей и рецептов. И с каждой новой книгой, с каждой новой программой – словно освобождаю что-то в себе, чтобы заполнить потом эти пустоты новыми знаниями, развиваться дальше. Можно сказать, делаю это ни ради людей, а ради себя.

– Ваши родственники живут по всему свету, вы не раз бывали на Святой Земле. Как можете описать израильскую кухню?

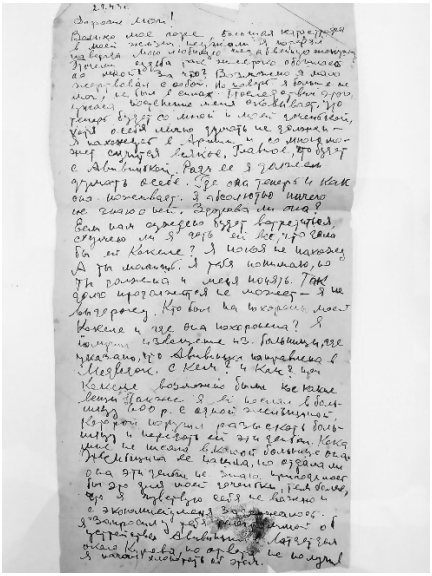
– Израильская кухня – сборная, эклектичная, словно пёстрое мозаичное панно, состоящая из разных блюд и оттенков вкусов со всего света. Она такая же арабская, как и еврейская. Всё же определяется местной погодой и природой. Евреи, которые приехали на Ближний Восток, привезли с собой свою еду из самых разных уголков мира, она теперь тоже считается израильской и еврейской. Тот же самый венгерский гуляш, хорошо известный в России, гармонично ложится под законы кашрута. Йеменские евреи привезли туда свои блюда, горские и ашкеназы – свои, эфиопы – свои. Кстати, с одним из моих друзей – Михаилом Спичкой, мы придумали новую фразу – «Из грязи – в ашкеназы…».

«Нашёл могилу спустя 74 года»: история одного поиска

История семьи Ицхака Абелевича Вовси (1901-1944) – пронзительная хроника того, как Великая Отечественная война перемолола судьбы людей, разбросав их по разным уголкам огромной страны и за её пределы, глубокое, драматичное повествование о крушении мира художника, о мучительном, последнем пути в эвакуацию, о выживании и гибели, о том, что смерть и милосердие шли в ту пору рука об руку. Расскажем обо всём подробнее.

Ицхак Вовси, родившийся в 1901 году в Двинске (ныне латвийский г. Даугавпилс), был человеком искусства. Получил образование в Латвийской академии художеств и до войны жил в Риге, работал художником-керамистом и преподавал. Женился на любимой женщине Саре, у этой прекрасной пары родилась маленькая дочка Авива. Жизнь талантливого художника была неразрывно связана с культурой, с искусством. Вскоре он стал сотрудником рижского Государственного еврейского театра. Однако, мирное существование этих людей рухнуло в июне 1941-го года. Вместе с женой Сарой Моисеевной Вовси (Цемель) (1908-1943) и трёхлетней дочерью Авивой (1938 - 2009), он был вынужден бежать от наступающего врага на восток, в глубокий тыл – в узбекский город Янги-Юль.

Эвакуация пришлась для этой крепкой семьи первым, очень суровым испытанием. Творческая профессия мужчины оказалась невостребованной для выживания, чтобы прокормить себя и своих родных, искусный мастер Ицхак сменил палитру и глину – на фотокамеру, став фотографом. Но и этот хрупкий быт еврейской семьи в Средней Азии продержался недолго. В июле 1942 года его призвали в ряды Красной Армии. Служба рядовым сначала в запасном полку, а затем в 323-ем стрелковом полку 308-й Латышской стрелковой дивизии на 2-ом Прибалтийском фронте была его последним фронтом. Но даже в таких жёстких, аскетичных условиях войны, он оставался невероятно заботливым, тёплым папой своей малышки, любящим мужем, творческой личностью, постоянно запечатлевая увиденное на бумаге, в виде графических рисунков. За свою службу И.А. Вовси был награждён медалью «За боевые заслуги». Его земной путь оборвался 20 сентября 1944 года в бою у латвийской деревни Ирши. Искусный мастер рисунка, рядовой Красной армии, мужественно принял бой с врагом и ушёл из жизни на земле своих предков, найдя своё последнее пристанище на

Фронтовые письма и рисунки (автопортрет карандашом) И.А. Вовси.

воинском участке деревенского кладбища Вецбебри в Латвии. Сохранившиеся фронтовые зарисовки Ицхака Вовси, наряду с работами других военных художников, позже вошли в книгу «Импрессии Великой Отечественной».

Пока её муж сражался на фронте, Сара с дочерью пытались выжить в эвакуации. Летом 1943 года, вероятно, доведённая до отчаяния голодом и лишениями, женщина приняла роковое решение и отправилась вместе с Авивой в тяжелейшее путешествие, длиной почти 3000 километров – из Узбекистана в посёлок Медведок Кировской области, где нашла приют сестра Сары, Хая (Анна), со своим мужем Львом Каганом. Этот путь оказался для супруги Ицхака – смертельным. Измученная, Сара умерла от истощения в августе 1943 года в Кирове, так и не добравшись до цели. Маленькая Авива осталась совсем одна посреди чужой земли. Хая (сестра Сары) и её муж Лев Каган, недавно демобилизованный по ранению, приняли осиротевшую племянницу, как родную дочь. Именно их любовь, поддержка и забота спасли Авиву, подарив ей шанс на счастливую жизнь вне детского дома.

Тень трагедии легла и на других членов этой огромной, сплочённой, еврейской семьи. Брат Сары и Хаи, Михаил Цемель, ещё в самом

Слева направо: Сара Вовси (умрёт от голода в эвакуации), её мать Лея Цемель, Моисей Цемель (муж Леи, оба погибнут в гетто), сын Леи и Моисея – Михаил Цемель (умрёт в ссылке в конце 1941 года), Ицхак Вовси, муж Сары (погибнет на войне в 1944 году).

начале войны умер в сибирской ссылке, став жертвой репрессий. Его жена, Зинаида Максимовна Цемель (Хазановская), была выслана из родного города Лудза – в Красноярский край. Её возвращение домой, в уже советскую Ригу, состоялось лишь в 1956-м году. Так война постепенно разрушила их некогда благополучную жизнь. Потрясающая пара Хаи и Льва Каган усыновила не только Авиву, дочь Ицхака и Сары, но и мальчика Якова, сына сестры Хаи, попавшего с мамой в лагеря. Итого, Каганы растили двоих своих детей и двоих приёмных. Всё описанное здесь является горьким свидетельством того, что цена Победы измерялась не только миллионами погибших на фронте, но и бесчисленными сломанными судьбами тех, кто остался в тылу.

В 2020-ом году копии фронтовых писем Ицхака Абелевича, адресованных своей жене Саре, дочке Авиве, сестре своей супруги Хае, были переданы в Архивный отдел Российского Центра «Холокост» внуком И.А. Вовси – Ильёй Вовси (город Йокнеам, Израиль). И опубликованы в шестом выпуске серии сборников Научно-просветительного Центра «Холокост» – «Сохрани мои письма…».

Илья Вовси родился в Риге в 1977-ом году, является сыном Авивы Ицхаковны Вовси и внуком погибшего художника. Давно и плодотворно сотрудничающий с Архивным отделом Российского Центра «Холокост», он поделился со мной хронологией собственного непростого поиска дедушкиной могилы.

«Наша семья прошла десятилетия неизвестности, бесконечные вопросы без ответов и боль от невозможности поклониться останкам близкого человека. Но благодаря современным технологиям и моей настойчивости, моему оптимизму, спустя почти три четверти века, мне удалось восстановить историческую справедливость и найти место последнего упокоения Ицхака Абелевича Вовси, погибшего в 1944 году.

Хая и Лейб Каганы с двумя своми детьми и двумя приёмными

Моей маме, когда началась война, исполнилось три года. В 1943-ом году от истощения, по дороге из Узбекистана в Россию умерла её мама – моя бабушка, и маму удочерила её тётя. Обстоятельства гибели моего деда всегда были окутаны тайной. Сначала родным пришла похоронка с формулировкой «пропал без вести». После войны мама отправила официальный запрос и получила ответ: «Погиб в бою на территории Латвии». Точное место указано не было. Так она и ушла из жизни, не зная точно, где и как погиб её отец» – объясняет Илья.

С годами надежда близких погибшего бойца найти часть земли, где он покоится – почти угасла. Считалось, что он, как и многие другие, был похоронен в затерянной братской могиле. Единственная зацепка у его родственников появилась из чудом полученной устной информации: двоюродная сестра И.А. Вовси после войны встретила его сослуживца. Тот сообщил ей, что на поезд с военнослужащими РККА напали «лесные братья»[1], и именно тогда Ицхак Абелевич Вовси был убит.

А переломный момент в этой запутанной истории наступил для моего собеседника вместе с оцифровкой военных архивов. В России нес-

[1] Лесные братья – неофициальное наименование вооружённых националистических формирований, которые действовали в 1940-1950-е годы на территории прибалтийских республик (Литвы, Латвии и Эстонии), а также в западных районах Псковской области РСФСР.

И.А. Вовси – 25 лет

коль-ко лет назад была проделана титаническая работа по переносу документов в открытый доступ. И однажды, в 2019-ом году на сайте «Подвиг народа» молодой человек нашёл карточку безвозвратных потерь, в ней была указана дата смерти его дедушки – 20 сентября 1944 года. И место захоронения: дер. Бенки, Вецбедринской волости Мадонского уезда ЛССР.

«Однако, Гугл не находил такой деревни, что неудивительно: название могло быть записано на слух или, населённый пункт переименовали. Но я упорно продолжил «копать». В документах значилось, что дед служил в 308-й стрелковой дивизии. Проверив по картам боёв, выяснил, что 20 сентября 1944 года эта дивизия находилась в районе современных населённых пунктов Вецбебри и Ирши. Перешёл на латвийский сайт, посвящённый воинским захоронениям. В базе данных выбрал регион и начал просматривать все воинские захоронения в волости Бебру (Бебри), край Кокнесес (Kokneses). В этом крае значилось четыре объекта. Надежда таяла с каждым кликом, но я методично проверял каждое из них. И вот она – удача! Первая же ссылка вывела меня на «Воинские братские могилы на территории кладбища Зутену (Zutēnu kapi)». На странице размещён список похороненных солдат. Среди них значился «рядовой И.Я. Вовси». Это был он! Ошибка в одной букве инициалов («Я» вместо «А») и путаница с названием волости (Вецбедринская вместо Вецбебринская) – так долго скрывала его от нас!» – взволнованно продолжает внук убитого красноармейца.

На обнаруженном им сайте он увидел фотографии кладбища 2010-го года и самих могил, его также впечатлили ухоженный участок: обелиск в хорошем состоянии и памятные плиты. Вторая фамилия сверху в правом верхнем углу была до боли знакомой. Сердце защемило! Это действительно фамилия его дедушки: «Я нашёл его спустя

целых 74 года! Теперь знаю правду: он погиб в бою и не пропал без вести, как другие его сослуживцы. Но очень жалею лишь об одном, что моей маме так и не удалось увидеть эту фотографию и узнать судьбу своего отца. Сегодня он лежит на пологом склоне холма, за его могилой ухаживают. Мне от этого спокойно. Можно сказать, что память о нём, спустя столько лет, наконец вернулась домой».

Этот трагический сюжет со светлым финалом, дающим надежду, не закончился и на данном этапе. Когда мой собеседник обнаружил, что инициалы его дедушки на плите – выгравированы с ошибкой, то решил поскорее исправить столь досадное упущение: «Мне было мало просто обнаружить эту могилу, но и уход за ней всегда казался мне не менее важным. Как вы уже поняли, дедушка нашёл свое последнее пристанище в воинской братской могиле. В советские годы за ней ухаживала местная школа, а сейчас, как я понимаю, это делает российское посольство в Латвии. Но на самой могильный плите имелась ошибка (вместо Вовси И.А. там были буквы – Вовси И.Я.). Я написал в российское посольство в Риге, и что вы думаете?! Через полгода мне прислали мейл с фотографией, подтверждающей, что надпись исправили. Молодцы!!! А это, между прочим, пять часов езды от Риги».

В Посольстве России в Латвии Илье Вовси действительно письменно подтвердили, что рядовой И.А. Вовси, погибший в сентябре 1944 года, покоится на местном братском кладбище «Зутэню» в Айзкраукле. Его учётный номер захоронения – № 383. Документ подписал советник консульского отдела. В тексте было сказано, что на основании обращения из-за рубежа внука погибшего бойца, ведомство оперативно отреагировало и исправило на надгробной плите неверные инициалы, направив в ответ новые фотографии плиты.

На вопросы о том, кто из его предков так бережно сохранил фронтовые письма и рисунки погибшего солдата И.А. Вовси, изданные Центром «Холокост» в шестом сборнике «Сохрани мои письма…» и какая личность из всех его близких является для него примером настоящего человека, мой собеседник отвечает: «Письма остались мне от приёмной мамы моей мамы, которой, собственно, моя бабушка и писала. Также, эти фронтовые весточки передала мне Геня Цемель, дочка Зины Цемель (жена погибшего в ссылке дяди Авивы Вовси – прим. автора), ей их адресовал мой дедушка. Настоящие герои для меня, это, конечно же, Хая и Лев Каган, которые приютили мою маму, свою племянницу, после смерти её мамы, а также усыновили своего племянника Якова – сына Михаила и Зины Цемель, прежде находившегося со своей мамой

в сибирской ссылке. Зине, одной, было тяжело прокормить двоих своих детей, и Хая Каган взяла и его».

В завершении этого очерка, хочется добавить: невероятно грустно и несправедливо, что мама Ильи Вовси, Авива, так и не узнала, что её отец погиб в бою. Ей не пришлось самой поехать туда, в Латвию, положить цветы и попрощаться с родным человеком. Но мой собеседник раскрыл эту многолетнюю тайну ради своих детей, которые когда-нибудь обязательно туда отправятся, сохранив память о герое, заплатившем самую высокую цену за нашу Победу в Великой Отечественной войне. Он лично уже три раза побывал на могиле своего дедушки в Латвии, положив там камушки и прочитав Кадиш. Наш долг – больше рассказывать другим о таких сильных, отважных, смелых людях. Светлая память И.А. Вовси и всем погибшим в те страшные, мрачные годы...

Предлагаем вам несколько фронтовых писем И.А. Вовси, оправленных Хае Каган.

15 августа 1943 г.

Дорогая Хая! Я прямо не знаю, что делать. От Коки ни слова, прислала письмо из больницы без обратного адреса.

И ты мне не пишешь. Послал тебе телеграмму. Пользуясь случаем, едет в Киров жена моего товарища. Она обещала разыскать Коку (супругу И.А. Вовси – прим. автора). С ней я шлю Коке 600 р. Если же Кока уехала к тебе, то эти деньги она перешлёт тебе. Я тебя очень прошу, пиши мне и скорее ответь. Привет всем. Целую крепко, Ицхак.

[Далее приписка другим почерком – Сост.]

По поручению тов. Вовси я узнала в обл[астной] больнице: Сара Мовшевна Вовси умерла. Подр[обности] узнаете в больнице.

2 сентября 1943 г.

Дорогие мои!

Велико мое горе, большая катастрофа в моей жизни! Неужели я потерял навсегда мою любимую незабвенную женщину? Почему судьба так жестоко обошлась со мной? За что? Возможно, я мало жертвовал собой. Но, поверь, я больше не мог, не был в силах. Последствия этого ужаса постепенно оковывают меня, что теперь будет со мной и моей доченькой, хотя о себе лично я думать не должен – я нахожусь в армии и со мной может случиться всякое. Главное, что будет с Авивинькой. Ради нее я должен думать о себе. Где она теперь и как она поживает? Я абсолютно ничего не знаю о ней. Здорова ли она? Если нам суждено

Письма И.А. Вовси

будет встретиться, сумею ли я дать ей все, что дала бы ей Кокеле? Я покоя не нахожу. А ты молчишь. Я тебя понимаю, но ты должна и меня понять. Так долго продолжаться не может – я не выдержу. Кто был на похоронах моей Кокеле и где она похоронена? Я получил извещение из больницы, где указано, что Авивинька направлена в Медведок. С кем? И как? При Кокеле, возможно, были кое-какие вещи. Также я ей послал в больницу 600 р. с одной женщиной, которой поручил разыскать больницу и передать ей эти деньги. Кока мне не писала в какой больнице она. Женщина ее нашла, но отдала ли она эти деньги – не знаю. Пригодилось бы это для моей доченьки, тем более что я чувствую себя неважно и с экономией у меня задержалось. Я запросил у тебя телеграммой об устройстве Авивиньки в Латдетдом около Кирова, но ответа не получил. Я начал хлопотать об этом. Не так легко попасть туда. Там дети обеспечиваются всем латвийским правительством. Что я могу ей дать теперь, находясь издали, и ты ведь тоже не можешь ей ничего дать. Бедная моя девочка. За что такая малютка страдает? Но я клянусь тебе, что, если я останусь жив, я посвящу ей всю свою жизнь. Ей будет хорошо. Я хотел ехать в Киров, но меня не пускают. Я тебя умоляю – напиши мне хоть пару слов. Целую крепко, крепко папа и Ваш Ицхак.

5 августа 1944 г.

Дорогая Хая! Я жив и здоров! Двигаемся впёред, гоним немцев проклятых из нашей страны. Мы прошли мимо вашего города и города

Найденная братская могила И.А. Вовси в Латвии.

моих родителей. Как в одном, так и в другом месте я не был. Скоро надеюсь быть у себя дома. Что слышно у вас? Как Авивинька моя поживает? Дорогая моя доченька? Я теперь занимаюсь тем, что гоню нашего врага с нашей страны. Я очищу вместе с моими товарищами нашу страну, наш город, наш дом от ненавистного, проклятого фашиста, виновника всех наших бед. И тогда я приеду к тебе, и придем вместе с тобой и тетей Хаей, Лёвой, Лейзей и Лялей. Или я буду ждать вас в нашем доме. Тогда вы приедете ко мне. От вас я не имел ещё ни одного письма на передовой. Ваш Ицхак, папа.

Л.А. Терушкин, Заведующий Архивом Центра «Холокост»: «Я и коллеги очень рады, что наше сотрудничество с Ильёй Вовси успешно продолжается. Недавно от него поступили ещё интересные документы (письма, воспоминания) из семейного архива, касающиеся судеб других его родственников в годы Второй мировой войны. Эти документы мы будем использовать в наших публикациях и в других проектах».

В тексте использованы документы из сборника «Сохрани мои письма…» // Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 6. / Составители: И.А. Альтман, Р.Е. Жигун, Л.А. Тёрушкин // Под ред. и с предисловием И.А. Альтмана. – М.: Центр «Холокост», 2021 – 384 с. Фото – из Архива Центра «Холокост», из Архива Ильи Вовси (Израиль).

Глава вторая
Статьи о Холокосте, эвакуации, о Великой Отечественной войне

«С нашивкой звёзд мы поняли, что стали бесправны…»
Интервью с Ильёй Альтманом

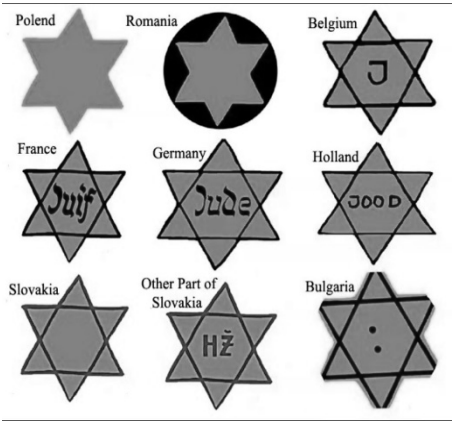
Во время Холокоста для большего унижения, изоляции и преследования евреев несчастные должны были носить разные опознавательные элементы, чтобы их легко можно было отличить от остального населения. Как правило, эти знаки представляли из себя шестиконечные звёзды. Таким образом, злодеи подчёркивали огромную пропасть между евреями и окружающим их обществом. Подобную идею нацисты почерпнули из Средневековья, когда и мусульмане, и христиане ввели особую форму одежды для евреев.

* * *

В сентябре 1939 года, после вторжения Германии в Польшу, нацисты объявили, что магазины, принадлежащие евреям, должны быть помечены особым знаком, как и в Германии ранее. Вскоре после этого, были введены отличительные знаки и для самих евреев: все они, кто старше 12 лет, обязаны были носить на рукаве белые повязки, шириной не менее 10 см с голубой шестиконечной звездой. Ещё вариант – жёлтые звезды. Из Польши идея отличительного знака для евреев распространилась почти на все территории, находившиеся под контролем нацистов.

Евреи обязаны были сами покупать и раздавать отличительные знаки. Если еврея останавливали без знака, ему грозил штраф, тюремное заключение или расстрел. В некоторых гетто, тем, кто принадлежал к определённым рабочим группам, выдавали особые знаки, отличающие их от других евреев. Среди этих групп – евреи-полицейские, врачи, работники юденрата и фабричные рабочие.

Почти все евреи Польши повиновались приказу из страха перед жестоким наказанием. Однако дневники тех времён отражают горечь и

Отличительные знаки (нашивки) для евреев

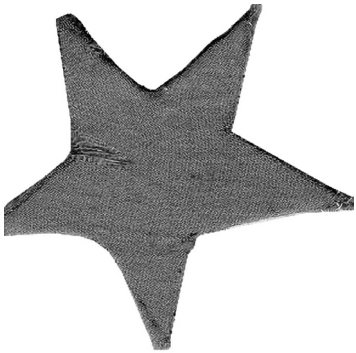
ожесточение тех, кому приходилось носить знак. В Германии, вслед за введением отличительного знака, последовала волна самоубийств. Многие евреи в оккупированной Франции отказывались подчиниться указу, а некоторые французы надевали звезду Давида, таким образом выражая сочувствие евреям.

А как обстояла ситуация с отличительными знаками евреев во время германской оккупации территории СССР? Об этом рассказал Илья Альтман – директор МНОЦ истории Холокоста и геноцидов РГГУ, профессор РГГУ, сопредседатель Центра «Холокост».

«Важной мерой по идентификации и обособлению евреев от остальных групп населения являлся приказ об обязательном ношении ими специальных опознавательных знаков. Эта мера имела огромное моральное значение, наглядно свидетельствуя о переходе евреев на положение изгоев.» – говорит мой собеседник.

Почти повсеместно первые приказы о «маркировке» евреев издавались представителями вермахта. Возможно, что именно из-за инициативы военных, даже в одном и том же регионе существовали различные виды и формы опознавательных знаков. Нередко они менялись несколько раз в течение короткого периода, по распоряжению новых военных властей, руководства подразделений айнзатцгрупп, а после перехода некоторых из этих территорий под юрисдикцию гражданской администрации – по приказу её руководителей. Так в директиве рейхскомиссара Остланда Лозе от 9 августа 1941 года говорится о «жёлтой шестиконечной звезде», её диаметре и месте прикрепления. Такие знаки должны были быть прицеплены к одежде и носиться или на руке (в виде специальной повязки), или на груди и спине. Впрочем, место ношения повязок и знаков, особенно в небольших населённых пунктах, зависело от фантазии представителей оккупационных властей (особенно в первые месяцы войны). Обычно, повязки приказывали носить на правой или на левой руке, выше локтя. Известны случаи, когда их обязывали носить на обеих руках. Был даже приказ, предписывающий

Звезда узников Калужского гетто. ГАКО

носить такую повязку или звезду не только на руке, но и на ноге. Не было единообразия и в вопросе, где носить нашивки – одновременно на спине и на груди; с левой или с правой стороны груди; только ли на спине или только на груди? Если также и на спине, то посередине или на одной из сторон?» – продолжает историк.

И добавляет, что в Украине латы нашивали на спине и груди, примерно в области сердца. В Пинске латы обязывали носить на одежде не только на левой стороне груди и в области левой лопатки на спине, но также и на плече. Иногда, такая нашивка была в форме звезды. В Витебске евреев обязали носить нашивки на правом плече, спереди и сзади. Некоторые жители, не без зловещей иронии, называли их «орден Ленина – орден Сталина».

Илья Альтман разъясняет, что не существовало унификации в вопросах о формах, размерах, цвете, материале опознавательных знаков. Типичной была нарукавная повязка белого цвета с вышитой голубой шестиконечной звездой. Но применялись также синий, жёлтый и даже чёрный цвета повязок. На последней обычно изображалась шестиконечная звезда, вышитая нитками жёлтого цвета или пришитая из куска жёлтого материала. Однако цвет звезды мог быть синим, белым, голубым, красно-белым, жёлто-синим, чёрным. Использовалась и белая повязка с надписью на немецком «Jude», которую местные жители иногда читали как «Иуда». Форма звезды отличалась в некоторых областях России. Согласно «Объявлению» военных властей, в зоне группы армий «Центр» от 1 ноября 1941 года, евреи обязаны были носить «белую нарукавную ленту с жёлтой звездой».

«В центральных регионах России – Калуге, Смоленской и нынешней Брянской областях, жёлтая пятиконечная звезда нашивалась также на одежду. Пятиконечная звезда использовалась для обозначения евреев в некоторых городах Крыма, в частности – в Евпатории. Очевидно, что такое изображение в глазах оккупантов имело как расовый, так и идеологический подтекст» – сообщает профессор РГГУ.

И здесь уделим особое внимание Калужскому гетто. Подавляющее большинство евреев, попавших туда, уцелело. И именно в Калужском

Кооперативный посёлок – район Калуги, где размещалось гетто. 1942 г. ГАКО

гетто существовал особый вид опознавательного знака, уже упомянутая жёлтая пятиконечная звезда, как наглядный символ иудо-большевизма. Евреям предписывалось нашить её на костюм и пальто, справа на груди и справа на спине, в диаметре она должна была быть 8 сантиметров. В богатейшей коллекции документов Государственного архива Калужской области, в деле о расследовании преступлений нацистов, как раз подшита одна из этих звёзд. Её фото можно увидеть и на выставке Центра «Холокост» – «Холокост: Уничтожение, Сопротивление, Спасение», посетившей много стран мира.

Жёлтые звезды (чаще всё-таки, шестиконечные) или круг (его называли «лата») являлись на оккупированной части СССР двумя основными формами опознавательных знаков, нашивавшихся на одежду. Применялись также нашивки, имеющие «листообразную» форму или «овально-листообразную». В первые дни оккупации, нацисты приказывали носить и белые звёзды (например, в Армавире, Пскове, в столице Калмыкии – Элисте, в Ялте). В Хиславичах Смоленской области использовался жёлтый круг с чёрной серединой. В Кишинёве и Одессе шестиконечная звезда была вышита жёлтыми нитками на прикреплённом к одежде на груди и спине чёрном прямоугольнике, создававшем внутри её соответствующий фон.

В Минске после расселения евреев в гетто, их обязали носить под «латой» нашивку из белой ткани, в виде прямоугольника с указанием

номера дома. Порядковый номер указывался иногда и внутри шестиконечной звезды. Материалом для опознавательных знаков служила материя определенного цвета. Нередко использовалась нужная краска. На территории современной Псковской области и в Крыму зафиксированы случаи применения плотного картона.

«Ношение знаков, как правило, было обязательным с 10-12 лет. В ряде мест их предписывалось носить соответственно возрасту евреев, подлежавших индивидуальной регистрации. В некоторых населённых пунктах «возрастной ценз» был значительно снижен – опознавательные знаки должны были носить даже маленькие дети, начиная с 5- или даже 3-летнего возраста» – рассказывает Илья Альтман.

Цели, которые преследовали оккупанты, вводя эту «маркировку», были, как говорит профессор РГГУ, многоплановые: «Унизить евреев и сделать их объектом издевательств и насилия; ограничить свободу передвижения; исключить контакты с германскими военнослужащими; использовать нарушение этого приказа для репрессий; сделать понятным преследование именно евреев для остальной части населения».

По мнению узника львовского гетто Ф. Фридмана, нарукавные повязки здесь отражали характер и место работы, общественное положение. Он сообщает о некоторых видах «специфических» опознавательных знаков. Так, работающие на военных предприятиях получали зелёный кант; фиолетовый кант был на повязке у сотрудников еврейской биржи труда; жёлтые повязки имели глухонемые.

От Ильи Альтмана мы узнаём, что узники некоторых гетто получали удостоверения различного цвета (размером с почтовую карточку, содержащие имя и подпись владельца, а также печать), в зависимости от своего статуса: полезный (сотрудники и служащие юденрата, еврейские полицейские, медики, ремесленники); менее полезный (все трудоспособные) и бесполезный (пожилые, больные, нетрудоспособные и работники умственного труда). Оккупанты постоянно проводили перерегистрацию владельцев таких карт и вводили новые обозначения, во избежание подделок и сокрытия нетрудоспособных.

Во Львове были введены буквы, вышитые на белых квадратах, которые евреи обязаны были носить на левой стороне груди. Они обозначали на каких предприятиях (военных, гражданских, частных) трудятся узники. После первых акций уничтожения в Вильнюсском гетто (с августа 1941 года) были введены жёлтые сертификаты для членов семей специалистов. В 1943 году юденрат выдавал здесь «персональные аусвайсы», которые были действительны по предъявлению справки с

Продовольственная карточка узника Калужского гетто Юрия Германа, с надписью «Жид. Норма в половинном размере». ГАКО

места работы.

«В ряде населённых пунктов Украины и Западной Белоруссии специально отмечались дома евреев – шестиконечные звёзды рисовали на дверях зданий. Объекты иногда маркировались надписью «Jude» или на них вешали большие жёлтые таблички. В некоторых городах это делали особыми знаками или (как в Умани) – плакатами с текстом: «Внимание! Гетто! Вход украинцам запрещён под угрозой штрафа!» – продолжает мой собеседник.

Все указанные формы обозначения и регистрации создавали вокруг евреев особый психологический микроклимат. Узница Калужского гетто А.Б. Веллер вспоминала: «С нашивкой звезд мы поняли, что стали бесправны, что любой может нас оскорбить, и защиты искать будет не у кого…».

Илья Альтман приходит к выводу, что несогласованность и отсутствие единообразия в первых распоряжениях нацистских властей (в частности, одних только опознавательных знаков было введено несколько десятков), свидетельствуют не только об отсутствии единого плана в решении «еврейского вопроса»: «Необходимо учитывать замену военной администрации на гражданскую, стремление усилить унижение евреев, инициативу местных руководителей (часто сменявшихся), их польский опыт».

Автором статьи использованы материалы из монографии И.А. Альтмана «Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945 гг.», М. 2002.

Еврейский Владикавказ Анатолия Харина
Рассказ об отце

Первые евреи, поселившиеся в начале позапрошлого столетия во Владикавказе, являлись настоящими мастерами своего дела: эполетчики, чемоданщики, портные, ювелиры, сапожники, часовщики, шапочники, все они весьма успешно обслуживали гарнизон крепости, так как среди местного населения остро ощущался недостаток в ремесленниках. Сегодня у евреев города есть свой дом, еврейская община «Шалом» под руководством Анатолия Соломоновича Харина, педагога истории и географии - по основной специальности. С ним у нас получился весьма насыщенный, содержательный разговор.

– Анатолий Соломонович, расскажите, пожалуйста, про историю еврейской общины Владикавказа.

– Начну с того, что Владикавказ, как крепость, был основан в 1784 году, у самого подножия Главного Кавказского хребта на берегах бурного Терека, на пересечении дорог, уходящих в поднебесье. Выгодное положение города, прекрасная природа края привлекали сюда путешественников, исследователей, писателей. До революции здесь располагалось более 20 православных храмов, две мечети, римско-католический костёл, немецкая кирха, армянская церковь, четыре синагоги. Представители разных конфессий и всяческих национальностей всегда мирно уживались здесь. Владикавказ стал живым олицетворением дружбы и братства народов, населяющих край. Свою нишу занимают и евреи, обитающие здесь уже около двух столетий, внося несомненный вклад в развитие науки, культуры, промышленности края. Во Владикавказе происходил как бы естественный отбор среди еврейского населения, здесь разрешалось жить только «полезным» евреям. Большинство из них получало прекрасное образование, главным образом – заграницей, ведь как известно, в России существовала жесткая процентная норма (от 3 до 5 %) для поступления евреев в учебные заведения вне черты оседлости. Неудивительно, что богатые родители предпочитали отправлять своих детей на учёбу в Европу, где таких ограничений не имелось. В результате у нас сложилась весьма образованная, высококультурная еврейская община.

Заметный след местные евреи оставили в области медицины и фармакологии. Во Владикавказе были широко известны имена врачей-

специалистов по внутренним болезням: М.С. Гринфельда, Я.А. Рискина, Л.А. Савальского, В.С. Минца, Л.В. Бессера, Я.Л. Рабиновича, В.А. Тарноградского, М.Г. Домба, невропатологов А.Я. Шмиргельда, Б.Д. Фридмана, акушерок Р.С. Минц и С.Я. Иоффе, окулиста Я.В. Бершанского, дантистов П. Перлштейн и М. Резаковой. Репутация высокопрофессионального медицинского учреждения была у лечебницы и электросветоводолечебного института доктора К.А. Исаковича, оборудованного по последнему слову техники того времени. Сам Константин Акимович Исакович практиковал, как хирург, а специалистом по детским и внутренним болезням в лечебнице являлся Яков Аронович Рискин. В городе были хорошо известны аптеки Штебера, Левандовского, Шика, Мейера, Бендета и Цырлина, аптекарские магазины Маха, Зейделя, Виллямовича. Отмечу, что большое внимание в еврейской общине Владикавказа уделялось образованию подрастающего поколения. В 1879 году, в центре Терской области, при синагоге, было открыто еврейское начальное училище. Согласно архивным документам, в 1890 году, к примеру, в трёх классах еврейского училища (оно было трёхклассным) обучалось 76 мальчиков, преподавание велось и на русском языке. Ребята изучали Тору, русский язык, арифметику, идиш, биологию, в библиотеке училища насчитывалось более 1000 томов книг. Первый в городе еврейский деревянный молитвенный дом был построен ещё в 1865-ом году, силами общины на улице Садовой (ныне Серобабова), в том же году в него были внесены свиток Торы и священные книги. В 1880 году еврейская община выкупила участок земли и обустроила там еврейское кладбище с синагогой-часовней, средства на строительство молельного дома пожертвовал местный еврейский житель в память о своей умершей дочери. Данная синагога, увы, была разрушена, от неё осталась лишь часть стены и плита с выбитым на ней текстом-посвящением.

– А был ли в вашем городе в те времена раввин?

– В 1885 году по предложению Терского областного правления, была учреждена должность владикавказского раввина, который и стал во главе Владикавказского еврейского духовного правления. Он избирался сроком на три года всеми евреями Владикавказа. К тому времени здесь проживало 167 еврейских семей. Выбор пал на окончившего курс наук в Житомирском раввинском училище Моисея Абрамовича Визина, который вскоре был утверждён в должности владикавказского раввина.

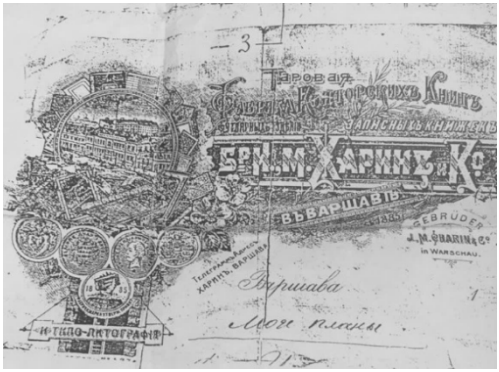
– Как и в других регионах России и бывшего СССР, возрождение еврейской жизни Владикавказа началось лишь с перестройкой?

– Верно. Не секрет, что в начале тридцатых годов были закрыты наша еврейская школа, все культурные учреждения, синагога, у общины даже отобрали еврейское кладбище. И только в марте 1989 года, на волне Перестройки нам вновь удалось воссоздать еврейскую общину города. Затем нам вернули наше кладбище и часть здания бывшей синагоги, где после ремонта и реставрации в сентябре 2000 года, в присутствии членов правительства Северной Осетии и мэра города, многочисленных гостей, был торжественно открыт еврейский общинный дом, который сегодня никогда не пустует, являясь живым символом еврейской жизни нашего города.

– Как в целом живётся евреям на Кавказе?

– Когда я учился в местном педагогическом институте, у нас преподавала географию М.И. Серебряная, близкая родственница композитора Блантера, невероятная умница, заведующая кафедрой в нашем ВУЗе. Так вот, ещё в период Советской власти, она не раз заявляла, что нигде не видела такого доброго отношения к евреям и полного отсутствия антисемитизма, как со стороны кавказских народов. Она побывала во многих городах и знала, о чём говорит. Также у нас в городе функционирует организация Межнациональное движение «Наша Осетия», её возглавляет В.М. Лагкуев. Данная структура была создана в 80-х годах, её участниками стали все национально-культурные общества Владикавказа – евреи, грузины, армяне, осетины, всего 20 национальных объединений, это очень здорово. Если где-то возникают какие-либо проблемы по этническому признаку, мы связываемся с руководителем Движения, с председателями НКО и решаем всё тихо, мирно и полюбовно. От себя скажу, что согласен с моим педагогом М.И. Серебряной, к евреям в Осетии – тёплое, хорошее отношение.

– Владикавказ в 1942 году оказался на пути германских войск, которые прорывались к нефтяным богатствам Кавказа. Им не удалось совершить это, ведь Красная Армия отстояла город в тяжёлых, кровопролитных боях. И город навсегда остался в памяти людей неприступным, как скалы Кавказских гор. Но у вас открыт Музей Холокоста. Как решились на его создание, что этому предшествовало?

Бланк фабрики конторских книг «Харин и К°»

– Музей памяти жертв и героев Холокоста имени Александра Печерского при еврейской общине Владикавказа был создан в 2017 году, после общения нашего бывшего председателя общины М.Б. Петрушанского с историком, профессором, основателем Центра «Холокост» Ильёй Альтманом, который и предложил нам реализовать такую идею. Марк Борисович сразу принялся действовать и постепенно, в течение полутора – двух лет, запустил такой музей, на его открытие приезжала дочь Александра Печерского. С тех пор наш проект довольно востребован, особенно – в январские дни, когда отмечается День памяти жертв Холокоста. Наши стенды в основном, укомплектованы материалом, который пришёл от московских коллег из Еврейского музея и Центра толерантности, из мемориального комплекса «Яд Вашем». Собирали экспонаты с миру по нитке, а какие-то вещи воссоздали сами, например – макет газовой камеры, снабдили экспозицию личными предметами и фотографиями родственников местных евреев, пострадавших во время Холокоста в других местах. Есть в музее раздел, посвящённый памяти 1,5 миллионов еврейских детей, убитых нацистами в годы войны и детям Беслана, жертвам современного терроризма.

– Коснулась ли Катастрофа вашей семьи?

– Да, я происхожу из семьи жертв геноцида евреев. Мой отец Соломон Харин родом из Польши, из города Белосток. Так получилось, что из всей семьи, из шести человек, в живых осталось только двое Хариных. В 1939 году отец оказался на советской территории, вся его семья осталась в Белостоке. Когда туда пришли гитлеровцы, то образовали известное Белостокское гетто, куда попали мои бабушка, дедушка, двое дядей моего отца. Папин брат закончил университет в Падуе, был замечательным врачом при еврейской больнице, другой брат трудился в сфере полиграфии, так как у семьи моего отца имелась небольшая типография в Белостоке. Его сестре, моей тёте, исполнилось 13 лет,

когда гитлеровцы пришли за ними. В тот момент девочка спряталась за дверью, это помогло ей уцелеть. Когда фашисты увели всю её семью, она сначала была взята под опеку польской женщиной, которая спасла ей жизнь, в дальнейшем став Праведницей Народов мира, в честь неё посажено дерево в «Яд Вашем». Но полячка долго не могла держать сироту у себя и отдала её в католический монастырь. Там моя тётя пробыла несколько лет в качестве монашки. Однажды туда пришли белостокские партизаны, получив сведения о том, что его настоятель сотрудничал с гитлеровцами, хотели его убить, но он показал на папину сестру: «Я спас еврейскую девочку!». Тогда партизаны не стали его расстреливать, а ушли со словами: «Не ты, негодяй, спас девочку, а она спасла твою жалкую жизнь!». Такая вот история, которую мне рассказал отец, умерший уже в Израиле.

– Как в целом сложилась жизнь вашего папы?

– Отец оказался в нашем городе и встретился с моей мамой, когда они работали в одной организации. Далее он трудился инженером в управлении железной дороги, а в 1947 году узнал, что из его большой семьи выжила только сестра и решил поехать в Белосток. Мою маму и меня в Польшу на тот момент не пустили. В Европе была полная разруха, а дом Хариных, откуда их уводили фашисты, тоже превратился в руины, поэтому нам с мамой ехать было некуда, и папа решил отправиться в родные края самостоятельно. Потом общение между моими родителями прервалось, поскольку в те времена была затруднена связь с заграницей. Из Польши отец уехал на нашу историческую родину и почти с самого зарождения Израиля, находился там. В пятидесятых годах он нашёл меня, мы с ним возобновили связь в письмах, потом я встретился с ним в Румынии в 1973 году, мне удалось туда поехать по путевке. Став взрослым, я много раз бывал в Израиле, мы общались, у нас сложились очень хорошие отношения.

– Сколько сегодня евреев осталось во Владикавказе?

– В нашем городе было много евреев, но после 90-х годов отсюда выехало около 800-900 человек, в основном – молодые, уверенные в своём будущем на новом месте. Официально во Владикавказе осталось 500 евреев, но считаю, их гораздо больше. В нашей общине «Шалом» нет строгого требования являться евреем только по Галахе, как в некоторых других подобных организациях. В соответствии с общинным уставом, членом нашего еврейского общества может быть тот, кто

платит символические членские взносы. Поэтому, сегодня у нас числится около 180 человек с детьми.

– Что местные евреи могут получить в вашей общине, в каких программах поучаствовать?

– Наша община оказывает своим подопечным социальную поддержку, проводит образовательные программы, нашу воскресную школу посещает более 20 детей, а 6-7 ребят приходят в наши подготовительные классы, где весьма эффективно готовятся к школе. Надеемся на их дальнейшие успехи в учёбе. У нас есть благотворительные программы для одиноких, пожилых, для тех, кто не может сам себя обслуживать. С помощью организации «Хасадим», подразделения Российского еврейского конгресса, с их финансовой поддержкой, можем проводить эту важнейшую работу, помогать многодетным семьям, детям из малообеспеченных семей. Наша община сотрудничает и с Федерацией еврейских общин России. Каждую неделю, в преддверии шабата, наши семьи получают определённые наборы, которые потом используют в пятницу вечером в своих домах.

Год коронавирусных ограничений был очень тяжёлым для России, для нашей республики, для нашего города, для всех евреев. Всё это время мы оказывали членам нашей общины продовольственную и медикаментозную помощь, люди с благодарностью приняли от нас где-то 700 пакетов с продуктами от наших волонтёров. Некоторые потеряли работу и испытывали материальные трудности. Помимо пищи физической, община дарит местным евреям пищу духовную. Проводим различные национальные мероприятия, отмечаем все еврейские праздники, обучаем наших гостей еврейским законам, обычаям и, таким образом, постепенно приобщаем их к еврейству. Встречаем субботы, чтобы эту великую традицию, наши люди, отлучённые от религии годами советского атеизма, забирали бы к себе домой.

– Нашим читателям также очень любопытна история появления Владикавказской общины «Шалом».

– Община была создана в 1989 году, став одной из первых национально – культурных обществ в нашем городе. Её создал известный в Северной Осетии учитель Е.Л. Эдельман, впоследствии он уехал с семьёй в Канаду, а его место занял бывший военный, подполковник, ныне покойный М.Б. Петрушанский, замечательный человек, которым

восхищаюсь, патриот еврейского народа, знаток наших обычаев, традиций, один из лучших шахматистов республики. Он из семьи потомков кантонистов, ветеранов Великой Отечественной, был рад возглавить нашу еврейскую общину, словно выполнил своё предназначение, ему нравилось приносить еврейскому народу пользу. Он делал всё, чтобы наша организация жила и процветала.

Велика роль Марка Борисовича и в организации работы по привлечению еврейских организаций к оказанию помощи жертвам Бесланской трагедии, в организации гуманитарных действий во время войны в Южной Осетии. Федерация еврейских общин России высоко оценила эту работу, удостоив его звания «Человек года – 2008» в номинации «Общинная деятельность». Петрушанский издал две свои книги: «Шалом Владикавказ» (об истории местной еврейской общины) и «Из племени Маккавеев» (о роли выдающихся воинов, учёных, внёсших достойный вклад в разгром нацистской Германии, в укрепление обороноспособности СССР).

Сначала наша община базировалась в маленькой комнатке, которую нам выделили власти. Потом Марк Борисович попросил отдать нам другой объект, небольшую пристройку, рядом с дореволюционной синагогой. (Само здание дореволюционной Ремесленной синагоги сохранилось там и в настоящее время).

Петрушанский лично занимался ремонтом, люди собирали деньги, помогли и олигархи. Не обошлось и без «чуда»: все члены нашего еврейского совета однажды приобрели лотерейные билеты, и один из них выиграл автомобиль! Его продали и эти деньги тоже отправились на благое дело. Вскоре в нашем общинном доме появилась синагога с настоящим свитком Торы, который прислали из пражской синагоги, и всё заработало с новой силой.

– Чем бы вы хотели завершить наш разговор?

– На территории нашей общины расположен памятник местным евреям, призванным из Владикавказа и погибшим на фронтах. Их не убивали в лагерях, во рвах, они мужественно сражались и сами уничтожали фашистов. Там выбито 300 имён наших земляков. Среди членов еврейской общины города имелось немало ветеранов Великой Отечественной, отмеченных высочайшими наградами.

В их числе – Герой СССР, знаменитый лётчик Бунимович, который воевал на Балтике, совершал налёты на Германию. Не все свои награды он получил при жизни, так как в 1944 году героически погиб.

Анатолий Харин (в центре)

Во время воздушного боя ему удалось протаранить фашистский самолёт, и оба они: Бунимович и немец рухнули на землю и взорвались. В школе, где учился герой, наша община, при поддержке городских властей, установила ему мемориальную доску. Рядом с фамилией Бунимовича можно прочесть 170 фамилий и увидеть ряд фотографий евреев – Героев Советского Союза. У нас также имеется стенд, посвящённый роли евреев – учёных в создании военной техники, в развитии медицины, науки, в Победе.

– Для вас, для меня, для всех евреев бывшего СССР подобная инсталляция имеет своё, особое значение…

– Разумеется, ведь многие считали и считают сейчас, что евреи во время войны прятались, отсиживались в эвакуации, безропотно шли в газовые камеры или стреляли из «кривого ружья». Так вот, своей выставкой мы стремились доказать обратное, рассказав миру, что на фронтах Великой Отечественной войны сражалось полмиллиона евреев, 200 тысяч из них героически погибли, внеся свой огромный вклад в Победу, в историю Советского Союза. В наш общинный музей часто приходят школьники, студенты. Рад, что сегодня в нашей стране Холокосту стали больше уделять внимания, чем прежде. Раньше эту тему у нас и вовсе замалчивали, как и то, что основная часть жертв в этих рвах были евреями, писали просто: «Здесь погибли мирные советские граждане». Молодёжь постепенно узнает правду о тех трагических событиях и сочувствует нашему народу, начинает лучше относиться к евреям, что очень важно для установления дружеских отношений еврейской общины с другими этносами, для развития традиций единения народов России…

Игорь Котлер: «Холокост – не еврейская история, это – то, что с нами сделали…»

Игорь Котлер – кандидат исторических наук, выпускник Университета Калифорнии, многие годы сотрудничавший с Фондом Спилберга «Пережившие Шоа» и «Музеем еврейского наследия» в Нью-Йорке, руководитель программ Центра по изучению геноцида и прав человека Университета Ратгерс (США), президент американского Музея прав человека, свободы и толерантности (MHRFT) (США), научный сотрудник Международного научно – образовательного Центра истории Холокоста и геноцидов РГГУ. Он часто приезжал с лекциями о Холокосте в Россию. На его выступлениях вы не услышите банального, сухого перечисления исторических дат и событий, связанных с уничтожением евреев нацистским режимом. Наш герой давно выработал свою действенную линию и методику преподавания Холокоста, бьющую точно в цель, которой он обязательно придерживается. Об этом, а также о двух жизнях Котлера, наполненных, словно приключенческий роман, самыми разнообразными событиями, вы узнаете из этого разговора.

* * *

– Уважаемый Игорь, расскажите про ваш музей и набросайте «штрихи к портрету». Каковы основные цели и задачи вашего музейного проекта?

– Я уже давно живу в Америке и возглавляю собственный «Музей прав человека, свободы и толерантности». Мы основали это учреждение 12 лет тому назад вместе с друзьями из бывшего Союза, которые выехали в 80-е годы и прожили жизнь советских евреев. Все они, кроме одного, долго находились «в отказе», а один из нас приехал чуть позже, уже в выездные времена. Идея музея была следующая. Холокост – очень важная вещь, но в контексте мировой истории существуют разные трагедии, и нам всем очень важно знать прежние беды и ошибки человечества. Я всегда был уверен, что первично о Холокосте должны знать не евреи, последние здесь вторичны, и после этого пришел к выводу, что нужно говорить о разных трагедиях. Первое, о чем мы говорили в нашем музее, касалось уничтожения ассирийцев в Ираке в 1933 году. Сегодня музей немного расширился, но это по-прежнему довольно скромное учреждение. Мы активно работаем, у нас проходят выставки, например, демонстрировали экспозицию российского

Центра «Холокост», посвященную освобождению Аушвица: «Холокост: уничтожение, сопротивление, спасение», у нас имеются и образовательные, издательские программы, вскоре начинаем новый проект для подростков, учеников колледжей и университетов, стараемся развиваться. Отмечу, что наш музей – нейтральная территория, свободная от политики. Стараюсь не принимать ничью политическую сторону. В США есть и крайне правые и крайне левые силы, как и в любом обществе у нас происходит сильная политизация. Но у музея – образовательные цели и задачи, а проект носит исключительно исторический характер. Стараемся расширить горизонт зрения наших посетителей, показать им, что может произойти с группами людей из-за их расы, национальности и т.д., объясняем, как те или иные этносы бежали от каких – то преследований, стремясь найти свое спасание в США, и как они построили свою жизнь дальше, как вписались в американское общество, несмотря на свой ограниченный английский язык. Музей рассчитан на то, чтобы его гости поняли общую концепцию прав человека и то, как, из чего она формировалась. Наше заведение предназначено и для молодежи, и для более зрелых посетителей.

– Где, как, при каких обстоятельствах прошло становление и развитие вашей личности?

– У кошек, кажется, семь жизней, а у меня – две (смеется*). Первая моя жизнь – с момента рождения и до момента выезда, вторая – началась уже в США. Я родился в Ленинграде, куда мама поехала меня рожать, а в полгода она отвезла меня на Север. Отец служил на Северном флоте кадровым военным, мы жили в небольшом городке Североморске. Потом отец демобилизовался, мы вернулись обратно в Ленинград, где я как раз вырос и сформировался. Всю жизнь мечтал стать историком, но в СССР из-за «пятого пункта» не мог поступить на исторический факультет Ленинградского государственного университета и мне пришлось отправиться на обучение в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, что впоследствии совершенно не пригодилось, это были потерянные, «выброшенные на помойку» годы. Потом я долгое время находился «в отказе», активно участвовал в еврейском «отказном» движении. Занимался еврейской историей вместе с известным общественным деятелем Микой Членовым, с Рашидом Каплановым и другими.

– Значит в юности вам пришлось столкнуться с притеснениями по пятому пункту?

– Да, в школе и далее – встречался с антисемитизмом, но не в Североморске, а уже учась в Ленинграде, в 314 школе, в которой сейчас находится современное еврейское учебное заведение. Вот там в советское время царил жуткий, просто фантастический антисемитизм, что оказалось для меня ударом после спокойного Североморска. В дальнейшем сменил ряд школ в городе на Неве и негативного отношения к евреям среди своих одноклассников не чувствовал, в отличие от враждебно настроенного ко мне учительского состава. Став старше, в полной мере ощутил на себе уже государственный антисемитизм.

– Мечту поступить в Ленинградский государственный университет вы так и «не похоронили»?

– Нет, «не похоронил», продолжал надеяться. Несмотря на временные трудности, моя душа по-прежнему рвалась в гуманитарное образование, но у меня совершенно нагло не взяли документы, даже на заочное отделение исторического факультета ЛГУ. В приемной комиссии так напрямую и сказали: «Вы никогда не будете студентом нашего университета». Но когда началась Перестройка, в стенах данного вуза был объявлен набор на получение второго образования для людей с имеющимся высшим образованием. Это позволило мне окончить психологический факультет в том же ЛГУ, куда я был зачислен и позднее защитил там диплом. В 1987 году выехал в Америку, где началась моя вторая жизнь.

– В России вы известны, как американский русскоязычный исследователь Холокоста. Как в вашу жизнь пришла эта страшная тема?

– Еврейская история интересовала меня примерно с юношеского возраста. Холокост считался в СССР практически табуированной темой, и я не занимался ей специально, не считая того, что в 1985 году совершил поездку по России, Белоруссии и Литве. Там обнаружил места массового уничтожения евреев. По дороге мне попадались небольшие местечки, где также зверствовали нацисты. Мы заезжали в Могилев, Минск, Каунас, Витебск. И вот там я столкнулся с реальными следами Холокоста. Не секрет, что на советских памятниках писали: «Мирным советским гражданам, уничтоженным фашистами». При этом местное население этих сёл, городов, деревень, местечек было прекрасно осведомлено, что нацисты расстреливали здесь именно евреев, то есть тема Холокоста являлась в те годы «открыто-закрытой». Но советские люди на тот момент, правда, толком ничего не знали о

Холокосте. Вскоре со мной связался крупный британский историк Мартин Гилберт, который дважды посетил меня в Ленинграде. Между нами началась переписка. Он работал над большой монографией о Холокосте и попросил меня помочь ему с материалами о лагере «Малый Тростянец», расположенным под Минском. Это место массовой гибели евреев было еще малоизвестным. И я отправился в Минск, в Музей Великой Отечественной войны, где нашел требуемые документы, связанные с лагерем. Затем передал информацию британскому учёному Гилберту, он разместил её в своей книге, поблагодарил меня. Так в мою жизнь пришла тема Холокоста. Помню, как однажды с единомышленниками, мы собрались на еврейском кладбище в День памяти жертв Холокоста. После приезда в США тема Холокоста стала моей основной профессией, но не могу сказать – любимой темой, это направление невозможно полюбить. Продолжаю активно трудиться в этой области и поныне.

– Как развивались события, когда вы уже находились в США?

– Когда я эмигрировал за океан, вышеупомянутый Мартин Гилберт помог мне получить годовую научную работу в Еврейском институте религии, где я вел научную деятельность, не связанную с Холокостом. Потом я переехал в Лос-Анджелес, где учился в местном университете, постигая еврейскую и советскую историю. А дальше, в 1993 году режиссер Стивен Спилберг выпустил свой легендарный фильм «Список Шиндлера», получивший Оскара. И на часть денег, которые маэстро получил после выхода этой киноленты, Спилберг основал фонд «Пережившие Шоа», состоящий из видеодокументов по Холокосту, не желая на этой теме зарабатывать. В 1996 году я был принят туда на работу в качестве историка. Мы начали делать видеоинтервью с пережившими Холокост и другими категориями людей, которых определенным образом преследовали при нацизме, а также с освободителями и спасителями, собрав в итоге коллекцию из 52000 интервью, огромный массив на 32 языках. В 2001 году проект завершился, штат фонда сильно сократили, а я сменил должность, став старшим историком Музея еврейского наследия – живого памятника Холокосту в Нью-Йорке, где работал до 2008 года.

– Что вас на сегодняшний день связывает с Россией?

– В России моим большим другом и партнером в этой области является Илья Альтман, сопредседатель Центра «Холокост», профессор

Игорь Котлер,
Илья Альтман (справа).
Архив НПЦ «Холокост»

РГГУ, ведущий специалист по истории Холокоста в России. Он глубоко занимается историей Холокоста на территории СССР, раскрыл уникальные документы об уничтожении евреев, в том числе в г. Пушкин под Ленинградом, чего даже я не знал. Сегодня я являюсь научным сотрудником Международного научно– образовательного Центра истории Холокоста и геноцидов РГГУ, руководимого И.А. Альтманом. Современные технологии позволяют мне виртуально присутствовать в российских аудиториях и проводить со студентами семинары и лекции в Zoom. Вместе с Ильей Альтманом мы также занимаемся переводом российской Энциклопедии «Холокост на территории СССР», изданной Центром «Холокост», на английский язык. На её страницах собрано большое количество материалов, что очень поможет англоязычному читателю. Эта уникальная энциклопедия представляет большую ценность. Так вот, сегодня создаем её электронную версию, а затем не исключаем и её бумажный вариант на английском языке. Благодаря нашему постоянному контакту, И.А. Альтман пригласил меня к себе в Центр.

– Погиб ли кто-то в вашей семье от рук нацистов?

– Что самое любопытное, в моей семье от рук нацистов никто не пострадал, дальние родственники погибли, а близкие – нет. Семья моего отца, уже до войны жила в Ленинграде. Дедушка с бабушкой во время сражений с немцами находились в эвакуации, а мой отец, их сын, в эти дни получал знания в военном училище, затем мужественно оборонял Ленинград и далее попал на 4-й Украинский фронт. Семья моей матери перед войной жила в Курске, куда приехала из небольшого белорусского местечка. Дед, мамин отец, не хотел бежать перед приходом гитлеровцев. В Первую мировую войну он находился в плену у немцев и, как многие евреи, погибшие позднее во время оккупации, утверждал, что немцы – культурный народ, что их язык похож на идиш, и что они хорошо относятся к евреям, вреда им не причинят. На что моя бабушка,

мамина мама, очень умная, мудрая женщина сказала: «У нас четверо маленьких детей, и ради них мы должны бежать». За три дня до оккупации Курска, они бежали и таким образом спаслись.

– Вы проводили лекции по Холокосту в России.

– Да, я был в Москве и Санкт-Петербурге в ноябре 2021 года, меня пригласили на семинар «Защитим будущее», который проводил Российский еврейский конгресс, с участием российских журналистов, политологов, правозащитников. Также я сделал в Санкт-Петербурге отдельный семинар для журналистов и учёных.

– Игорь, а что нового сегодня можно рассказать россиянам о Холокосте? Разве не все еще нам в этой области известно?

– Объясню. У меня в Санкт-Петербурге проходило несколько сессий. Первая лекция была посвящена происхождению еврейского народа, потом я рассказывал об истории евреев в СССР, о зарождении и происхождении антисемитизма, многие мои слушатели не знали об этом. Потом я вел речь о восхождении Холокоста, о его отражении в философии, теологии и в какой-то степени – в науке. Передо мной не стояла задача монотонного перечисления всех этих трагических событий, ведь все это сегодня можно найти в интернете – идите и смотрите, читайте книжки, делайте закладки.

Использую в преподавании иной подход, стремясь объяснить своим слушателям главные аспекты, почему и как произошел Холокост, даю людям теоретические знания, а не объясняю чисто практические вещи, как, кого и где расстреляли или отравили газом. Стараюсь донести до своей аудитории основы того, как современное развитое демократическое государство скатилось до уничтожения людей с применением науки. Ведь для массового убийства евреев тогда разработали целый научно-инженерный механизм, над ним работало всё государство. При этом я не рассчитывал, что мои слушатели из российской глубинки будут хорошо осведомлены в вопросах Шоа. Передо мной стояла задача объяснить им эти вещи и свой тезис, о котором сообщал выше: Холокост – не еврейское событие, оно как раз важно не для евреев. И нам всем непременно следует разобраться, как европейцы могли начать тотальное уничтожение целой группы себе подобных. Естественно, специфику евреев и их образа жизни я также объяснил своим питерским слушателям, как и то, почему нацисты выбрали для уничтожения именно их.

– Как вам удалось пройти столько испытаний и добиться того, о чем мечтали? Сказочная, оптимистичная история, она может служить достойным примером для других…

– Вы сейчас сами ответили на свой вопрос: я старался добиться того, чего хотел и добился этого. А с детства, как сказал ранее, мечтал стать этнографом, потом историком и работать в этой области. В США прилетел с ограниченным знанием английского и начал осваивать его методом погружения. Через 10 месяцев более – менее освоил язык. Слушал лекции на профессиональном английском, понимая содержимое лишь наполовину, но у меня был огромный стимул его выучить. Потом преподавал историю и трудился в сфере науки, доведя свое знание языка до желаемого профессионального уровня. Акцент у меня есть, но в Америке на это никто не обращает внимания. Пробиться и выстоять мне помогло огромное желание, идущее еще из детства, именно оно и стало моим главным стимулом и стержнем.

– Вы несколько раз произнесли, что тема Холокоста больше важна для неевреев, чем для евреев. На чем основано данное утверждение, ни в коем случае не хочу никого обидеть, но это огромная боль и национальная трагедия именно евреев? Конечно, многие неевреи, среди них – мои коллеги, друзья, которые эффективно, смело, профессионально долгое время работают с этой темой, те же немцы нам сочувствуют и искренне, как хочется верить, искупают вину перед жертвами Холокоста деньгами.

– У меня дома, на полке нашла свое место огромная книга: «Еврейская история» из 850 страниц, но только шесть листов из них посвящены Холокосту. И я понял автора, почему он уделил нашей огромной еврейской трагедии столь небольшое место в своем историческом труде: «Холокост – это не еврейская история, это – то, что с нами сделали!» – уверен он. Надеюсь, я ответил на ваш вопрос.

– Да, ответили. Как найти ваш музей в Америке?

– Мой музей находится по адресу: 425 Essex St., Millburn, NJ 07041, USA. http://www.museumhrft.org, Телефон: +1-310-993-52-83

«Всех до единого перестрелял, даже грудных детей...»

Холокост на Украине – систематическое преследование и истребление еврейского населения германскими нацистами, их союзниками и коллаборационистами в 1941-1944 годах. На территории Украины было уничтожено наибольшее количество евреев Советского Союза. Только в Бабьем Яру в сентябре 1941 года, за два дня был расстрелян 33 771 еврей. Вместе с Леонидом Тёрушкиным мы затронули тему этой трагедии.

Поиск и изучение писем, дневников и других документов 1939-1945 годов – одно из направлений деятельности Центра «Холокост». На протяжении уже более тридцати лет Архив Центра пополняется уникальными свидетельствами. Они публикуются в серии сборников «Сохрани мои письма… Сборники писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны» (вып.1-8, 2007-2026 годы).

По словам Леонида Тёрушкина, осведомлённость о происходящем на оккупированных территориях вызвала значительный рост национального самосознания воинов-евреев.

Из письма 17-летнего рядового Вульфа Зелёного, погибшего 21 июля 1943 года в боях под Харьковом: «Для всего многонационального народа, а особенно для еврейского народа, настал тяжёлый час <…> кровавые руки Гитлера хотят поработить его, ещё хуже, «стереть» с лица земли, но это им не удастся. Еврейский народ ещё покажет, где правда, ещё отомстит за измученных его дочерей и сынов. Являясь сыном еврейского народа, <…> осознавая всё это, я сражался с врагом смело и мужественно, не щадя сил и жизни для народного дела…». Свидетельства из писем и дневников говорят нам о том, что советские воины-евреи были осведомлены о фактах уничтожения и преследованиях евреев.

Заведующий кафедрой математики в одном из львовских вузов Алексей Гершгорн в начале войны командовал двумя огневыми взводами. Закончил войну майором, заместителем начальника штаба 5-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады.

Его «Дневник Сталинградца» – бесценное свидетельство непосредственного участника событий. Первая часть дневника была начата в ноябре 1941 года и закончена в августе 1943 года. Приведём фрагмент, относящийся к боям под Харьковом: «28 мая 1942 года. С утра

Алексей Гершгорн.
Архив НПЦ «Холокост»

вели пристрелку. Часа в 4 дня открыли беглый огонь по колонне. Как передали в НП, наши снаряды попадали в цель. Прошла пара минут, и батарея выпустила около 40 снарядов. Когда с наблюдательного пункта передали, что мы «набили много фрицев» (излюбленное выражение комиссаров), меня сначала охватил восторг, а через несколько минут настроение резко изменилось. Чёрт знает, что такое?! Ведь несомненно, что националистическими идеями проникнуты не одни главари фашистской партии, и вина за пролитую иудейскую кровь падает и на широкие немецкие массы. Ведь почти достоверно, что мои сёстры погибли, и прежде всего за то, что они – иудеи, тем не менее, в груди у меня нет ненависти к немцу, как к таковому. Чёрт знает, что за великий народ! Даже тогда, когда на арену истории он выступает, как носитель зла, и тогда он, в известном смысле, внушает к себе уважение».

В сохранившихся для истории письмах авторы сообщают о судьбах своих родных, оказавшихся в оккупации, прямо или косвенно свидетельствуя о преследования евреев нацистами.

Старший лейтенант Иосиф Драхлин пишет 20 апреля 1942 года: «Получил письмо от Хайки… пишет, что не может согласиться с мыслями, что моих родителей нет в живых. Я бы, конечно, согласился с ней, но, моя дорогая жёнушка, за месяцы войны я побывал во многих городах, где хозяйничали фашистские звери, и везде – одна и та же картина, т.е. всё еврейское население, которое они захватили, всех до единого перестреляли, даже грудных детей и то они, паразиты, отравляли. И жители освобождённых городов рассказывают, что стоило только показаться на улице еврею, как сейчас же его уничтожали. Если описать те ужасы, которые творили эти звери в Харькове, Ворошиловграде,

Руины Харьковского тракторного завода. Август. 1943 г.

Миллерове и т.д., так, по-моему, нет ни одного человека, у которого не загорелось сердце ненавистью к этим палачам…».

Из писем марта – мая 1942 года Абрама Лещинского к матери (пропал без вести в боях под Харьковом 20 июня 1942 г.):

«Уверен, что настанет время, когда опять при Вашем непосредственном участии за нашим столом, но в родном Харькове, мы будем пить, хорошо есть Ваши приготовления и вместе с Вами танцевать фрейлехс. К этому времени Аня преподнесёт нам радость».

«Ведём бои за родной Харьков, приближаясь к нему. Нет и не может быть сомнений, что приказ любимого Наркома Обороны выполним с успехом. Надежды и чаяния нашего народа Великая Красная Армия блестяще выполняет. Следите за информбюро…».

Собранные документы открывают малоизвестные эпизоды войны и их восприятие фронтовиками. Ни время, ни обстоятельства не позволяли большинству авторов писем и дневников подробно описывать фронтовые будни. Тем важнее сохранившиеся детали сражений, попытки осмысления, критического анализа событий.

Из дневника сержанта Лазаря Френкеля:

«Бои на харьковском направлении закончились. Совинформбюро

говорит, что задачи там выполнены. До нас дошли сведения о подготовке наступления немцами на Ростов и, чтобы сорвать это, мы ударили на Харьков. Немцы потеряли 90 т. убитыми и ранеными, а наши потери 50 т. убитыми и 70 т. пропали без вести. Всё это – непонятно, особенно про «пропавших без вести». Думаю, разобраться можно будет лишь спустя некоторое время после войны… Керчь наши оставили. Говорят, у немцев там было очень много авиации…».

Особенностью дневников периода войны, как фронтовых, так и тыловых, является в первую очередь откровенность, тут можно встретить и весьма критические оценки действий советского командования. Неудачи на фронтах, отступления начала войны, давали для этого достаточно поводов. Харьковское направление – одна из трагических страниц военной истории, город оказывался под оккупацией дважды.

Вот как оценивал А. Гершгорн военное руководство, в связи с неудачным наступлением на Харьков. В годовщину начала войны он записал: «Несомненно, что в нашей «блестящей победе», кроме других факторов, сыграли свою роль такие, как бездарность некоторых высших командиров <…> Однако никто не захочет назвать истинных причин, <…> в силу которых земля наша так обильно поливается потом и кровью…».

Не только ход боевых действий и настроения фронтовиков представлены в письмах и дневниках (последних, кстати, сохранилось довольно много). Весьма подробно отражены в них: отношения с местным населением, различия в настроениях в 1941 и 1943 гг., проявления коллаборационизма.

Командир артиллерийского взвода лейтенант Владимир Кагарлицкий, в своём дневнике оставил яркие и интересные записи, касающиеся событий лета – осени 1943 года, во время боёв за освобождение восточных районов Украины.

«12 августа 1943. Вчера мы приехали в г. Богодухов, где находимся сейчас. Этот город был очень долго у немцев. Население напугано. Когда мы пришли, они у нас спрашивают: «А правда ли, что мы берём в армию 14 и 15-летних ребят?». Тут у них все уверены, что Москва взята немцами!».

«Сейчас очень интересно получается. Танки идут вперёд, занимают деревни, станции, а пехоты нет. По лесам бродят оставшиеся власовцы, они организуются в группки и банды. Вот будет работы заградотрядам. Самостийная Украина! При любом потрясении, здесь начинается нас-

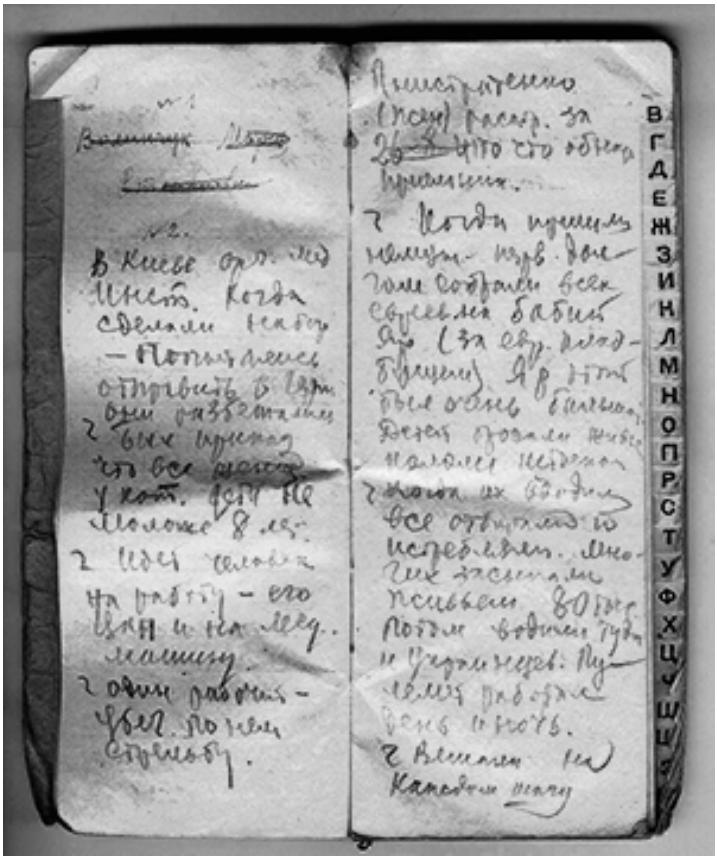
Давид Минскер. 1944 г.
Архив НПЦ «Холокост»

тоящий кавардак. Порой брат воюет против брата, и это считается уже обыкновенным. Я удивляюсь, почему ещё не гремит банда какого-нибудь Зелёного!..»

Распространённым термином «власовцы» автор называет не только вооружённые формирования коллаборационистов, но и тех, кто не приветствовал, имел основания опасаться возвращения Красной Армии. Кагарлицкий делает прямое сравнение с периодом Гражданской войны.

Ужасы войны и страдания мирных жителей также не могли оставить автора равнодушным. «13 августа 1943. Вчера было спокойно только до того момента, как я закончил писать. Только я пошёл завтракать, как началось. От Богодухова сейчас ничего не осталось. Вчера утром это был чудесный городок, стоит он на горке, весь в зелени. К вечеру от него остались одни развалины. Едешь по городу, все улицы в воронках, дома горят, на улицах – разбитые машины, трупы лошадей, людей. К вечеру в городе уже начали рваться снаряды дальнобойных орудий. Как жалко мирных жителей! Вчера они ещё жили в своих уютных, аккуратненьких домах, а ночью, оставшись без крова, в чём только есть, пошли глубже в тыл. Испуганные лица, плач детей и группы людей, бредущие по дороге…».

Особое направление деятельности Архива Центра «Холокост» – поиск и изучение личных фондов советских военных корреспондентов, их рабочих тетрадей, записных книжек и дневников. Данные материалы содержат не только пояснения к фотографиям, в них встречаются важные наблюдения, отражены незначительные, на первый взгляд, но крайне интересные факты, как правило, зафиксированные по горячим следам. Военный корреспондент, писатель в своём дневнике (недоступном военной цензуре) чаще обращает внимание на детали фронтового быта, военной повседневности.

Дневник Давида Минскера. Архив НПЦ «Холокост»

При изучении личного фонда корреспондента газеты 38-й армии «За счастье Родины» капитана Давида Минскера, архивисты Центра «Холокост» и Центрального архива электронных и аудиовизуальных документов Москвы выявили интереснейшие документы. Например, Д. Минскер в только что освобождённом Киеве записывал рассказы местных жителей о жизни в оккупации, об уничтожении евреев в Бабьем Яру.

Из записной книжки Д. Минскера (ноябрь – декабрь 1943 года, г. Киев):

«Мужчины всячески прятались. На бирже труда немцы издали приказ: все, от 14 лет, должны прийти на биржу и зарегистрироваться. Когда люди приходили, их оцепляли и партиями отправляли на

каторжные работы. Люди без пищи работали с утра до вечера. Хлеб давали такой, что ни кошки, ни собаки не кушают. На базарах жиры и молоко отбирали. Словом, отбирали всё. Только разрешали зелень. Часто базары оцепляли, под предлогом «спекуляции», угоняли в Германию. Люди шли на базар, чтобы купить кусок хлеба, их забирали. В Киеве организовали медицинский институт. Когда сделали набор – попытались отправить в Германию. Они разбежались. Один рабочий убежал, по нему стреляли.

Анистрапенко *(жен.)* расстреляна за то, что у нее обнаружили радиоприёмник.

Когда пришли немцы, первым делом они собрали всех евреев на Бабий Яр (за еврейским кладбищем). Яр этот был очень большой. Детей бросали живыми. Кололи штыками.

Когда их выводили, всё отбирали и стреляли. Многих засыпали живьём. 80 тысяч. Потом возили туда и украинцев. Пулемёт работал день и ночь. Вешали на каждом шагу.

Когда вошли, немцы ежедневно объявляли о числе повешенных.

1-й день – 100, 2-й – 300, 3-й – 400, а потом уже сбились со счёта и не объявляли. Сгорело здание Думы – повесили до 300 человек. Хватали первых попавшихся.

Людей истребляли всячески. Например, такой порядок был: хождение по городу до 5, а работа до 6. Идут – стреляют».

Поиск и изучение эпистолярных источников важны не только в научных и образовательных целях, но и для увековечения памяти о героях и жертвах. Публикации писем погибших воинов помогают в поиске их родных и близких. Один из примеров – поступившее в Архив Центра «Холокост» в 1998 году и опубликованное в 2007 году письмо Мони Шмирина, пропавшего без вести в боях под Киевом в 1941 году. Оно помогло в 2011 году, когда были найдены и опознаны останки солдата – обнаружить его родственников в США.

Крым: Одна из страниц Катастрофы. Багеровский ров

В ноябре – декабре 1941 года в противотанковом рву у посёлка Багерово под Керчью, оккупанты расстреляли тысячи евреев. В январе 1942 года следователи и журналисты, в том числе Дмитрий Бальтерманц и Евгений Халдей, задокументировали преступления нацистов. Собранные материалы о Багеровском рве стали одними из первых свидетельств о Холокосте и масштабах преступлений немецко-фашистских захватчиков.

Леонид Тёрушкин рассказывает, что в Крымской АССР в 1939 году проживало 65 452 еврея (5,8% населения), в том числе – более 7 000 крымчаков. Большая часть (47 387 человек) обустроилась в городах. Эвакуация из Крыма началась уже в июле 1941 года. Накануне германского вторжения успели покинуть свои дома около 34 000 евреев Крыма. Уничтожение оставшихся несчастных людей проводилось карателями, в основном – личным составом «айнзатцгруппы D». Уже в ноябре – декабре 1941 года подавляющее большинство местных евреев и крымчаков были уничтожены.

В дальнейшем не прекращался поиск и уничтожение отдельных скрывавшихся групп и одиночек, в частности, в 1942 году в Керчи и Феодосии, после повторной оккупации. Охота на евреев, крымчаков, членов смешанных семей шла вплоть до освобождения полуострова в апреле – мае 1944 года. Общее число жертв из числа евреев и крымчаков составляет около 40 000 человек. Из писем, которые Центру «Холокост» удалось собрать из семейных архивов граждан России, США, Израиля и опубликовать в серии сборников «Сохрани мои письма…», предстаёт страшная картина времён оккупации полуострова. Это письма, отправленные из Крыма в первые месяцы войны родственникам в разные города СССР и на фронт. Их писали, в основном, представители старшего поколения, жёны и дети тех, кто ещё до войны покинул Крым или был призван в Красную Армию. Почти все авторы таких посланий погибли в оккупации, и только по письмам и фотографиям можно восстановить их имена. Владимир Исаакович и Эсфирь Иосифовна Нестьевы, а также шестеро их родственников были расстреляны в декабре 1941-го года в Багерово. Вот как комментирует письма своих родных внук – Владимир Нестьев: «16 ноября 1941 года, через месяц после того, как дед отправил в Москву последнюю открытку, советские войска оставили Керчь.

Багеровский ров. Январь. 1942 г. Фото Дмитрия Бальтерманца

Вместе с вступившими в город частями вермахта появилось и гестапо. 28 ноября в Керчи был вывешен приказ о том, что все евреи должны 29 ноября с 8 часов утра до 12 часов дня явиться на Сенную площадь, имея с собой 3-дневный запас продовольствия. За неявку фашисты угрожали публичным расстрелом».

В Акте Керченской городской государственной комиссии по установлению злодеяний, произведённых немецко-фашистскими захватчиками в Керчи, составленном 24 августа 1944 года, на основании свидетельских показаний, записано: «Пришедшие на площадь 29 ноября были уверены, что их вызвали для отправления на работы. К 12 часам дня на площади собрались свыше 7 тысяч человек – юноши, девушки, дети всех возрастов, глубокие старики и беременные женщины. Всех их гестаповцы отправили в городскую тюрьму. Сначала заключённым было предложено сдать ключи от своих квартир и указать точные домашние адреса коменданту тюрьмы. Затем у всех арестованных отобрали ценные вещи: часы, кольца, украшения. Несмотря на холод, у всех, посаженных в тюрьму, отняли сапоги, валенки, ботинки, костюмы, пальто. С 1 по 5 декабря немцы партиями вывозили людей из тюрьмы в посёлок Багерово под Керчью, где был вырыт большой противотанковый ров, и расстреливали».

Перед нашими военными предстала страшная картина Багеровского рва – из-под снега торчали голые ноги и руки семи тысяч мертвецов. Военный корреспондент, поэт Илья Сельвинский, откликнулся на

увиденное пронзительным стихотворением «Я это видел!», опубликованным в газете «Правда»:

Рядом истерзанная еврейка.
При ней ребёнок. Совсем как во сне.
С какой заботой детская шейка
Повязана маминым серым кашне...
Матери сердцу не изменили:
Идя на расстрел, под пулю идя,
За час, за полчаса до могилы
Мать от простуды спасала дитя.
Но даже и смерть для них не разлука:
Не властны теперь над ними враги –
И рыжая струйка из детского уха
Стекает в горсть материнской руки.

Телеграфное донесение начальника Политуправления Закавказского фронта Соломко начальнику Главного Политического управления РККА, армейскому комиссару 1-го ранга Л.З. Мехлису от 3 января 1942 года: «Жители города Керчи и населённых пунктов, освобождённых Красной Армией от немецких оккупантов, рассказывают о невиданных зверствах и издевательствах гитлеровских людоедов над мирным населением. Дочь врача города Керчи, Сиротинского, рассказала: «В Почтовом переулке города фашисты расстреляли моего 65-летнего отца и мать. Два дня трупы лежали на улице, потому что фашисты не разрешали их убирать». Житель города Керчи товарищ С.И. Савик рассказал, что 22 декабря на улице Ленина фашисты расстреляли 16 евреев, среди которых были старики, женщины, грудные дети. Рабочий Шорно-седельной фабрики Керчи, товарищ Беспалов говорит, что на городском кладбище фашисты ежедневно расстреливали евреев большими группами. Когда товарищ Беспалов стал искать без вести пропавшего своего брата, то на кладбищенской горе увидел горы трупов, среди которых можно было узнать стариков, женщин и детей, у ряда трупов были оторваны руки, головы и вырваны челюсти. Уборщица парикмахерской Керчи, гражданка Соня Лившиц, 32 лет, еврейка по национальности, сообщает, что 8 декабря немцы арестовали 30 евреев и повезли их за город. В числе этих 30 человек была она с мужем и двумя малолетними детьми. В 12 часов дня немцы расстреляли эту группу евреев.

Семья Нестьевых. Керчь. 1934 г. Архив НПЦ «Холокост»

«Это была ужасная картина, – говорила Лившиц. – На моих глазах оказались расстреляны два моих сына, которые лежали тут же, по сторонам от меня, в голове у меня находился убитый муж. Я осталась жива только потому, что была ранена и, превозмогая боль, не подняла головы до тех пор, пока не ушли немецкие изверги. Малолетних детей евреев немцы не расстреливали, а отравляли ядами.» (ЦАМО РФ).

Григорий Тимофеевич Жога (1900–1977) – украинец, не призванный на военную службу по состоянию здоровья, жил в Феодосии в годы оккупации. Его письма, сразу же после освобождения Феодосии в 1944 году, были адресованы родственникам погибшей жены еврейки.

Из письма от 14 апреля 1944 года: «Мы, ещё несколько дней тому назад обречённые на смерть и оставшиеся в живых, испытываем, конечно, большую радость освобождения. Но радость омрачается постигшим нас тяжким, ужасным горем, касающимся нас лично, а также невероятными ужасами, не поддающимися никакому описанию и передаче, содеянными фашистскими зверями, злодеями, варварами. Ещё совсем недавно, 2 февраля этого года, всего два с лишним месяца назад, проклятые жандармы взяли у нас самую дорогую, самую любимую жену, мать, друга, нашу бедную, многострадальную Мусю, Машутку.

Нет никакой надежды, что она могла остаться жива. Её 3 февраля увезли в Симферополь, как еврейку и, как было сообщено, «выслали» якобы в лагеря. В отношении же евреев слово «переселили», а потому и «выслали», означало «расстрел».

Из письма от 19 апреля 1944 года: «Город сильно пострадал от немцев. Улицы Приморская, Генуэзская, бывшая Итальянская, проспект и другие места совершенно разрушены. Кроме постоянных ужасов, таких, как облавы, высылка в Германию, в лагеря и т.д., при отступлении фашистские палачи учинили 12 апреля в Старом Крыму зверскую бойню населения. Они убили без разбора 584 человека – мужчин, женщин и детей, выкалывали глаза, резали, кололи и расстреливали. Ужасные злодеяния, не поддающиеся описанию».

Вот ещё страшная судьба уничтоженной смешанной семьи. Надежда Андреевна Бормотова, жительница Симферополя, была свидетельницей уничтожения евреев города в 1941-1942 годах. После освобождения в мае – июле 1944 года она вела переписку с москвичкой Евгенией Аркадьевной (Айзиковной) Мерзон (Канищиковой) о судьбе её близких – младшей сестры Ривы, её сына Жени (1941 года рождения) и мужа, известного филолога, преподавателя Крымского государственного педагогического института им. М.В. Фрунзе *(КГПИ, ныне – Таврический национальный университет им. В.В. Вернадского)* Петра Михайлова: «Пишу, как очевидец: Рива, Женечка и Пётр Митрофанович – все погибли одновременно, через месяц после того, как его супруга была «помилована», как жена русского. Тот ужас, который нам пришлось пережить, в связи с чудовищной казнью евреев, навсегда останется в памяти…».

Около 10 600 евреев и 1 500 крымчаков – были расстреляны 9-13 декабря 1941 года на 10-ом километре шоссе Симферополь – Феодосия. С 9 января по 15 февраля 1942 года нацисты нашли и расстреляли ещё около 300 скрывавшихся евреев. Полевая жандармерия расправлялась и с местными жителями – неевреями, которые пытались спасать евреев. На столбах в городе висели жертвы с табличками: «За укрывание евреев».

«Поиск и изучение писем важны не только в научных и образовательных целях, но и для увековечивания памяти о жертвах и героях...» – завершает свой рассказ Л.А. Тёрушкин.

К 82-летию массовых убийств евреев Риги
Часть первая

Расстрелы евреев Рижского гетто происходили 30 ноября и 8 декабря 1941 года. В Румбульском лесу было убито около 25 тысяч евреев Риги и одна тысяча евреев, привезённых из Германии. Среди участников акций находилось около 1000 местных полицейских из латышских подразделений. Латышские подразделения СД и полиции играли вспомогательную роль – использовались в качестве охранников. В Румбульском лесу, накануне акции, около 300 советских военнопленных вырыли шесть огромных ям. При расстреле евреев был применён способ, который нацисты называли «укладкой сардин». Его предложил обергруппенфюрер СС – Ф. Еккельн, назначенный высшим руководителем СС и полиции в Остланде и на Северо-Западе России. Жертвы сходили в яму по наклонному земляному спуску. Обессилевших заносили и укладывали на свежие трупы. Маленьких детей бросали в ямы живыми. Евреев заставляли раздеваться и ложиться туда лицом вниз, на уже убитых, после чего их расстреливали в затылок. Об этой трагической теме поговорим с Леонидом Тёрушкиным.

* * *

– Леонид, как началась оккупация Риги, что происходило после этого?

– В 1935 году в Риге насчитывалось 43 672 еврея (11,34 % населения). Около пяти тысяч местных евреев советские власти депортировали из Латвии в середине июня 1941 года. Эвакуироваться в советский тыл после нападения Германии успели более 10 тысяч рижских евреев. Часть мужчин была призвана в Красную Армию или ушла в её ряды добровольцами. На момент начала германской оккупации в городе оставалось свыше 33 000 евреев. Германские войска полностью заняли Ригу 1 июля 1941 года. Их вступление в город сопровождалось массированной антисемитской пропагандой, в чём очень преуспела начавшая выходить на латышском языке, ежедневная газета «Тевия» («Отечество»). Массовые репрессии против евреев начались 2 июля 1941 года. Их координировал командир действовавшей в Риге айнзатцкоманды-2, штурмбаннфюрер СС Х. Барт. В этот день комендант Риги издал распоряжение о том, что «жидам впредь запрещается стоять в очередях.

Они могут делать покупки только в тех магазинах, где нет очередей». Было объявлено о конфискации еврейской частной и общественной собственности, о запрете для евреев пользоваться общественным транспортом, о введении трудовой повинности. Евреям было запрещено покупать некоторые товары. Со второго июля их стали арестовывать ночью и доставлять в префектуру. Сначала хватали только мужчин, затем – женщин. У приводимых в префектуру евреев отбирали часы, украшения и драгоценности. Впоследствии аресты производила вспомогательная полиция и местом заключения людей стала Рижская Центральная тюрьма, куда с первых дней оккупации привозили арестованных евреев-мужчин. К середине июля число узников достигло 2400. Аресты сочетались с принудительными работами, жесткостью, насилием.

– Как развивались события далее?

– Четвёртого июля командой Арайса и вспомогательной полицией были сожжены несколько рижских еврейских культовых строений, вместе с согнанными в них евреями. Такая же судьба постигла ряд синагог и молелен при кладбищах. При сожжении синагог, евреев заставляли надругаться над свитками Торы. Пытавшихся сопротивляться или выпрыгнуть из охваченных огнём зданий, коллаборационисты убивали дубинками. В июле – сентябре 1941 года в Бикерниекском лесу около Риги уничтожали евреев (около 4000), а также около 1 000 граждан других национальностей.

Далее нацисты решили, что из экономических соображений необходимо на время прекратить массовые убийства. Большинство ремесленников были евреями, а в ряде профессий (стекольщики, жестянщики, водопроводчики, печники, сапожники, заготовщики) – они полностью доминировали. Немедленная их замена «арийской» рабочей силой не представлялась возможной. Евреи работали на уборке развалин, на разгрузке вагонов на железнодорожном вокзале, занимались ремонтом зданий. Потом нацисты объявили всеобщую регистрацию, когда евреям в паспорт ставился продолговатый штамп с надписью «жид», а также выдавалась особая регистрационная карточка. Её необходимо было хранить и предъявлять при проверке. Вскоре к жёлтой шестиконечной звезде на груди слева у евреев добавилась звезда и на спине. Евреям запретили менять место жительства без разрешения гебитскомиссара, пользоваться тротуарами, транспортом и публичными местами, предусмотренными для отдыха, посещать учреждения

Ограда Рижского гетто. Надпись на немецком и латышском языках: «По лицам, которые перелезут через забор, либо попытаются через забор установить связь с жителями гетто, будут стрелять без предупреждения». Музей «Евреи в Латвии»

культуры и школы, владеть автомобилями и радиоприёмниками, осуществлять убой скота по еврейскому ритуалу, трудиться адвокатами, нотариусами, заниматься банковскими, ломбардными и меновыми операциями, быть представителями, агентами и посредниками, торговать недвижимым имуществом, заниматься любыми ремёслами, связанными с передвижением. Врачи и дантисты – евреи могли лечить только евреев, аптекарям и ветеринарам практика запрещалась.

– Известно, что у заключённых в гетто при этом постоянно отбирались вещи.

– Согласно приказу рейхскомиссара Остланда Г. Лозе, всё движимое и недвижимое имущество евреев подлежало конфискации (за исключением «домашней утвари, служащей скудным жизненным потребностям», наличных денег, активов в банках и сберегательных кассах, ценных бумаг общей стоимостью до 100 рейхсмарок). Состоявшие в смешанных браках мужчины – евреи, в любом случае подлежали

уничтожению, а не желавшие с ними разводиться нееврейские жёны могли разделить их участь. Однако еврейские жёны «арийских» мужей могли сохранить себе жизнь при условии, если мужья не откажутся от них и не захотят развестись, и при согласии на стерилизацию (эта операция проводилась во многих клиниках Риги). Это избавляло их от необходимости переселяться в гетто, позволяло покинуть его и легально жить с семьей. Было также предусмотрено ускоренное расторжение смешанных браков евреев с «арийцами». В гетто разрешалось иметь только некоторые личные вещи, один стул на человека, одну кровать на двоих, один стол и один платяной шкаф на семью. На основании распоряжения префекта рижской полиции, юденрат выдавал переселенцам специальные ордера на вселение в гетто с указанием даты. Переселение в гетто создавало у его обитателей иллюзию некоторой безопасности – в противоположность жизни вне гетто, в условиях постоянной угрозы со стороны крайне враждебного окружения.

– Что входило в обязанности юденрата Рижского гетто?

– Юденрат разместился в здании еврейской школы. Он должен был обеспечить узников жильём, продовольствием (нормы для евреев составляли: 100 г. хлеба и 175 г. мяса – в основном конина), медикаментами, выделять узников для принудительных работ. Почти все члены юденрата погибли позднее, вместе с остальными обречёнными. В гетто была образована еврейская полиция под руководством М. Розенталя. В ней состояло около 80 вооружённых резиновыми дубинками молодых мужчин, задачей которых было заботиться о порядке в гетто. Единственная больница, принимавшая евреев, находилась в пределах гетто: после разгрома отрядом эсэсовцев и местных полицаев еврейской больницы «Бикур-Холим», которая оказалась вне черты гетто, весь её персонал и больные «неарийцы» были переведены в помещение еврейской гинекологической клиники «Линат-Гацедек». Медицинской помощью узникам гетто руководил выдающийся врач-хирург и учёный-медик, профессор В.М. Минц, позднее погибший в концлагере Бухенвальд. Некоторым врачам разрешили работать вне гетто. С помощью старшего рабочей колонны ССП (сборный санитарный пункт) бывшего студента-медика Б. Крамера, было организовано хищение медикаментов для нужд гетто из немецкого санитарного учреждения.

Также рядом находились богадельня – приют для старых и немощных людей, магазины, которые продавали товары евреям по мизерным нормам, при предъявлении талонов. Все заработанные евреями деньги

Поимка еврея на улицах Риги. Июль 1941 г. Музей «Евреи в Латвии»

оставались в руках нацистов. По утрам из евреев формировались рабочие колонны, которые в сопровождении охранников шли к местам работы. В 7 часов утра надзиратели уводили эти колонны и приводили их обратно в 18 часов. За такую колонну нёс ответственность специально назначенный еврей – старший рабочей колонны. Узники трудились только за продуктовый паёк. При этом, ни двухрядная ограда из колючей проволоки, ни запрет контактировать с евреями, не спасали наших собратьев от ночных банд грабителей.

Гетто в Риге имелось два, большое и малое. «Большое гетто» просуществовало всего чуть более месяца. Пока одних погнали на расстрелы, другие евреи, оставшиеся в гетто, были разделены. Годных для работы переместили в «малое гетто». По возвращении работающих мужчин также разделили. Всего в «малое гетто» было заключено около 4 400 представителей сильного пола из «большого гетто». Женщин на работу пока не посылали, а 29 ноября 1941 года был вывешен плакат, сообщавший, что тем, у кого есть навыки швеи, следует зарегистрироваться в юденрате. Записались около 300 женщин, в дальнейшем их

поместили в «женское гетто». Создание рабочего лагеря – «малого гетто», позволило избежать смерти в Румбульских акциях 5 тысячам рижских евреев, главным образом – мужчинам в возрасте 16-60 лет. В «малом гетто» образовались свои общинные структуры: лазарет, технический отдел, еврейская полиция, баня. Был назначен староста «малого гетто», там даже велась религиозная жизнь.

29 ноября обергруппенфюрер Ф. Еккельн провёл собрание офицеров, на котором информировал их о предстоящей ликвидации гетто. Перед приказом о транспортировке евреев в Румбулу полицаям была предоставлена возможность приобрести «жидовские вещи». В охране колонн, направлявшихся в Румбулу 30 ноября и 8 декабря 1941 года, участвовала примерно треть рижских полицейских (около 500). К осуществлению акции были привлечены все подразделения германской полиции и палачи из латышей. Многие из евреев отказывались выходить из своих жилищ, а старые и больные просто не могли этого сделать. Поэтому первые случаи насилия и убийства евреев произошли в домах и у входов в подъезды, а затем – на улицах. Тех, кто мог идти самостоятельно, на расстрел выводили колоннами, с интервалом примерно в полчаса. Каждую группу охраняли около 50 полицаев с карабинами. Больных, калек и стариков, везли в автобусах и грузовых машинах. Некоторые узники отказывались идти, уже находясь в пути. Охрана подгоняла их окриками, пинками, ударами и выстрелами. Расстреливать было приказано не только пытавшихся бежать, но и тех, кто отделился от колонны, чтобы передохнуть на обочине. Среди них было много женщин с детьми и старых людей, которые не могли идти дальше. Более сильные и здоровые старались поддержать своих измождённых соплеменников, падавших вдоль обочин. Их подбирали и бросали на следовавшие за колоннами телеги, запряжённые лошадьми. На дороге, по обочинам и в канавах, валялись брошенные вещи. Последняя колонна была отправлена из гетто около 12 часов дня. Опустевшие жилища ещё раз обыскали. Найденных 20 прикованных к постели больных убили на улице, рядом с больницей.

– Что было дальше уже понятно…

– Первыми в Румбуле, ещё утром 30 ноября, были казнены евреи из Рейха, их подводили непосредственно к ямам, заставляли снять одежду. Тех, кто медлил, полицейские подгоняли прикладами и пинками. Обессилевших соплеменников, мужчины заносили в яму и укладывали на свежие трупы. Одиночными выстрелами в затылок евреев

убивали с расстояния примерно 2 м. Расстрелы Еккельн поручил произвести своим телохранителям. Ямы охраняли полицейские, которым было приказано убивать на месте всех выживших. Евреи из «малого гетто» на следующий день собрали трупы, около 800 убитых из «большого гетто» и перевезли их на находившееся в черте гетто – Старое еврейское кладбище. После массовых убийств члены команды Арайса всё ещё рыскали по опустевшим квартирам в поисках оставленных евреями сколько-нибудь ценных вещей (в частности, злодеев интересовала меховая одежда).

Обнаруженных там, случайно уцелевших детей, Г. Цукурс (бывший знаменитый летчик), убивал, ударяя головой об лёд. В тот день ряд узников гетто покончили с собой. Евреи из Рейха, прибывшие в рижское гетто два месяца спустя, ещё находили трупы в подвалах и на чердаках. После последней акции в «большом гетто», когда проверяли опустевшие дома, там оставалось около 100 мужчин, женщин и детей, которым удалось спрятаться в разных местах и чудом спастись.

Восьмого декабря, в день второй акции, вспомогательный персонал больницы гетто получил приказ подготовить больных к эвакуации. К больнице были поданы грузовые автомашины, предназначенные для вывоза на расстрел больных и персонала. В гетто стали распространяться ложные слухи о том, что евреи, уведённые 30 ноября – живы и находятся в каком-то концлагере. Восьмого декабря евреи вели себя более спокойно, ибо думали, что зверства, которые они наблюдали на улицах гетто в день первой акции, больше не могут повториться. Количество убитых внутри «малого гетто» составляло около 300 человек.

Вспоминает один из свидетелей: «На расстрел гоняли женщин с детьми, детей было очень много, у иных матерей было 2-3 ребёнка. Немало еврейских ребят двигалось в колоннах под усиленной охраной полиции. Примерно к началу декабря 1941 года, утром, около 8 часов, немецкие фашисты гнали на истребление три большие партии детей школьного возраста. В каждой такой группе находилось не менее 200 ребятишек. Дети страшно плакали, звали своих матерей, вопили о помощи. Все они были истреблены в Румбульском лесу. Детей не стреляли, а убивали ударами автоматов и рукоятками пистолетов по голове и сваливали прямо в яму. Когда их закапывали в могилу, они ещё не все были мертвы, и колыхалась земля от тел закопанных детей, женщин, стариков».

В этом кровавом месиве также погиб крупнейший еврейский историк С.М. Дубнов, продолжавший работать и в гетто. Число

расстрелянных в Румбуле и в Риге в ноябре-декабре 1941 года – примерно 25 - 27 000 человек. Испачканная кровью и простреленная одежда погибших евреев была тщательно отсортирована и вместе с мебелью из гетто, распродана немцам и местным жителям.

– Расскажите про медицинские эксперименты над несчастными обитателями Рижского гетто.

– В 1942 году евреи из Рижского гетто стали использоваться для медицинских экспериментов в «Институте медицинской зоологии», который был создан нацистами. Институт «занимался проблемой» борьбы с сыпным тифом, и узники гетто служили донорами для подкормки вшей в его лабораториях. Число узников гетто постоянно уменьшалось из-за карательных акций. Медицинские эксперименты над узниками проводились также в «Институте гигиены».

– Пытались ли заключённые как-то бороться с палачами, как в некоторых иных гетто?

– В Рижском гетто существовала подпольная организация, постоянно предпринимались попытки побегов. После ликвидации «большого гетто», с весны 1942 года подпольщики стали проносить в «малое гетто» и прятать оружие в разобранном виде – в дровах, ввозимых и вносимых в гетто, в ящиках для пищевых продуктов. Подпольная группа готовилась оказать вооружённое сопротивление в случае ликвидации гетто. На территории «малого гетто» тайно рыли бункеры и потайные ходы во «внешний мир». В одном из подвалов, рядом с кузницей был устроен тир, где учились стрелять. Группа Сопротивления гетто установила связь с советским офицером – евреем Б. Писмановым – выходцем из Украины, который бежал из лагеря военнопленных и скрывался. Подпольщики гетто были связаны с еврейской полицией гетто. Планировался побег узников, однако об этом стало известно нацистам. Ранним утром 26 октября 1942 года первая группа вооружённых евреев в количестве 10 человек тайно покинула гетто. Вместе с ними в немецкой грузовой машине находились трое русских военнопленных-офицеров. Латыш-водитель направил машину в сторону Пскова. Но из-за предательства, видимо, водителя, группа была перехвачена. Они оказали ожесточённое сопротивление. В результате боя были убиты восемь евреев. Один еврей, Эльяшевич, был тяжело ранен и захвачен немцами. Другому, Данеману, удалось бежать и тайно вернуться в гетто. Он же сообщил, что во время перестрелки были убиты шесть эсэсовцев.

За дерзкую попытку побега евреев к партизанам, за оказанное сопротивление и для устрашения, нацисты устроили 31 октября 1942 года очередную «акцию» – были расстреляны более двухсот евреев, в том числе – вся, так называемая "Ordnungsdienst" (еврейская служба охраны гетто – 40 человек) – за то, что они оказали активное содействие бежавшей группе.

– Скольким рижским евреям удалось уцелеть после Холокоста?

– Когда 13 октября 1944 года в Ригу вошла Красная Армия, в живых в городе оставались менее 200 евреев, совершивших побег и спасённых местными жителями – неевреями. Более 50 евреев спасли от уничтожения Жанис Липке и его супруга.

– Поймали ли потом убийц евреев?

– Подавляющее большинство убийц рижских и латвийских евреев в конце войны бежали на Запад. Однако, не всем это удалось. Советскими партизанами, уже в марте 1942 года, был смертельно ранен (убит) бригадефюрер СС и генерал-майор полиции Ф-В. Шталекер (командир айнзатцгруппы А в 1941 году). Ф. Еккельн был публично повешен в Риге 3 февраля 1946 года по приговору суда. Г. Цукурс, бежавший в Южную Америку, в 1965 году был схвачен сотрудниками израильской разведки в Монтевидео, однако ввиду невозможности доставить его в Израиль для суда, он был уничтожен на месте; по другой версии – убит бывшим узником рижского гетто. Хотя, версий здесь имеется несколько.

В. Арайса, арестованного в Германии в 1975 году, суд в 1979 году приговорил к пожизненному заключению *(умер в 1988 году)*. В разные годы в Германии перед судом представали и другие германские полицейские и военнослужащие. В 1948 году Генрих Лозе предстал перед судом и был приговорён к десяти годам тюремного заключения. Но в 1951 году было принято решение освободить его по состоянию здоровья. Последние годы жизни экс-рейхскомиссар прожил спокойно и скончался в 1964 году.

Штурмбаннфюрер СС Р. Ланге – командующий полицией безопасности и СД, участник Ванзейской конференции 1942 году, в феврале 1945 года погиб в бою с советскими войсками в Польше.

– Существует ли сегодня в этих местах какой-либо мемориал?

– Да, и не один, я там не раз бывал. В 1967 году на месте концлагеря Саласпилс был открыт первый мемориал. В 1993 году на месте

Большой синагоги Риги, где были сожжены заживо около 400 евреев, также открыли памятник. В 1960 году Старое еврейское кладбище, где похоронены евреи, убитые 30 ноября 1941 года на улицах гетто, было снесено, на его месте разбили парк. В 1994 году здесь установили памятный камень. 4 июля 2007 года, в День памяти жертв еврейского народа, был представлен памятник Жанису Липке. В 2003 году в Румбуле установили монумент в память о евреях, расстрелянных здесь в 1941 году. Существуют также Музей Рижского гетто, Музей «Евреи Латвии».

«Как реликвию держу в кармане желтую звезду…»

Рудин Григорий Давидович (1906-1984). Родился в Могилёвской губернии. Учился в хедере (начальная еврейская школа), затем в семилетней школе, потом – в Ленинградском техникуме печати *(ныне – Санкт-Петербургский издательско-полиграфический техникум)*. До июля 1941 года работал секретарём – выпускающим в различных изданиях, а также выпускающим газеты «Ленинградская правда» *(ныне – «Санкт-Петербургские ведомости»)*. Участник Советско-финляндской войны.

В июле 1941 года он вступил в Ленинградское народное ополчение. Служил командиром взвода связи, сотрудником редакций фронтовых газет, начальником типографии 67-й армии на Ленинградском, 1-ом Прибалтийском, 2-ом Прибалтийском фронтах. Войну завершил в звании лейтенанта. Награждён орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Ленинграда». После войны работал выпускающим газеты «Ленинградская правда».

Письма Г.Д. Рудина адресованы его жене, Софии Израилевне Рудиной (1908-1981) и сыну Михаилу (родился в 1938 году). В июле 1941 года они эвакуировались в г. Кунгур Молотовской области *(ныне – Пермского края)*. В августе 1944 года - вернулись в Ленинград.

Письма Григория и Софии Рудиных, фотографии и личные документы переданы в Архив НПЦ «Холокост» сыном – М.Г. Рудиным (Нью-Йорк, США).

15 октября 1944 года. Окраины Риги. «Третий день не покидает меня видение кошмарной картины – тела невинных советских людей, злодейски умерщвлённых немецкими извергами в лесу, вблизи города. И вот здесь, в уютной комнатке на втором этаже, не могу отвязаться от этого вида. 13 трупов, из них 3 – с жёлтыми шестиконечными звёздами, с надписями по латыни и по-еврейски – «еврей», во рву, наполненном сожжёнными телами (об этом говорят кости, пепел и т.п.), изу-

Григорий Рудин.
Архив НПЦ «Холокост»

родованные, а потом расстрелянные, зовут к мщению. Сердце пылает ненавистью к немцу. Временами трудно верится, что человеческая рука могла подняться на эту седую голову старухи, на всех других. Нет, не люди, а изверги, душегубы способны на такие поступки! Мне очень тяжело писать об этом и вообще… Но я хочу, чтобы вы знали ещё раз о том, кто такие немцы, кто наш враг – враг всего человечества. Наш долг, наша святая обязанность убивать каждого немца, иначе он нас убьёт. Сейчас живу в городе. Сколько здесь дней пробуду – не знаю. Непривычно видеть толпы гражданских людей – мужчин, женщин, детей. И сидеть в доме, за столом. Да ещё в мягком кресле – тем более. Пишите мне, я постараюсь быть аккуратней в ответах. Целую вас. Григорий».

[не ранее 5 апреля 1945 года]: «Погода у нас установилась сухая, ночью – небольшие заморозки, очень, кстати, подсыхает. Читала ли ты в «Правде» за 5.04.1945 года сообщение Чрезвычайной [государственной] комиссии о преступлениях немцев в Латвии? Вкратце, о них я писал ещё в октябре. В этом самом лагере Саласпилс мне довелось побывать, как и в Румбульском лесу, где мы наткнулись на свежие могилы с трупами. Как реликвию держу в кармане жёлтую звезду, снятую с убитой, старенькой, как моя мать, женщины. Ведь я из Харькова получил письмо о судьбе близких родственников, не успевших эвакуироваться. Их судьба также печальна, как многих рижан. Будем помнить об этих ужасах…»

При подготовке первой части этого материала была использована Энциклопедия «Холокост на территории СССР» (М. 2009).

К 82-летию массовых убийств евреев Риги
Часть 2. Случайно выжившие

В предыдущей статье мы обсуждали с Леонидом Тёрушкиным трагедию евреев Риги в 1941 году. А в этом материале поговорим о личных историях, о судьбах выживших в Холокосте евреев. Их биографии очень разные, но всех объединяет одно: они чудом уцелели.

Среди таких уникальных лиц – «летописец» Холокоста в Латвии – Давид Зильберман, родившийся в латвийском городке Прейли в 1934 году. Перед приходом германских войск летом 1941 года его семья почти случайно успела эвакуироваться из Латвии и спастись. В дальнейшем Давид посвятил свою жизнь сохранению памяти о Холокосте. С начала 1960 годов он собирал материалы о трагедии евреев, в первую очередь – о Рижском гетто, изучал свидетельства об этой огромной беде латвийских евреев. В начале 1970 уехал в Израиль, а сейчас живёт в Нью-Йорке. Ниже – ещё о некоторых персонажах, ставших героями книг Д. Зильбермана.

Фрида Михельсон уцелела при расстреле рижских евреев в Румбуле. Книга её воспоминаний «Я пережила Румбулу» издана в серии «Российская Библиотека Холокоста» в 2011 году.

«Фриду Михельсон (в девичестве – Фрид) рижане помнят, как молодую портниху-модистку 30-х годов. Она – редкая свидетельница того ужасного времени, когда на латвийской земле было убито больше людей, чем, когда бы то ни было в нашей кровавой истории. Литературно – исторический труд Фриды охватывает всё пережитое ею, начиная с немецкого вторжения в Латвию и заканчивая её освобождением осенью 1944-го года. Было бы мало сказать, что Фриду спасло чудо. Её способность выжить имела много общего с её верой. Фрида не была слишком религиозной, однако верила, что Б-г раз за разом её спасает, видя страдания ее народа. С историко-документальной точки зрения, с книгой Фриды вполне могли бы состязаться мемуары Арайса о том, как он попал на службу в СС, как организовывал латышских парней для расстрела евреев. Но это была бы другая книга, чисто фактологическая, без значения носителя веры.» – об этом пишет во вступлении к воспоминаниям Фриды – Давид Зильберман.

8 декабря 1941 года, во время второй акции массового уничтожения, Фрида и тысячи других её соплеменников были уведены из Рижского гетто в Румбулу, в расстрельный ров. Всех согнанных заставили

Фрида Михельсон.
Музей «Евреи в Латвии»

раздеться – сбросить пальто и верхнюю одежду, до нижнего белья. Великий страх испытала Фрида, когда упала в снег и притворилась убитой: «…Женщина… бросила мне на спину какой-то предмет, затем второй. Предметы падают один за другим, я понимаю, что это падает обувь. Вскоре я покрываюсь целой горой ботинок, валенок, бот. Люди горько рыдают, прощаются друг с другом, тысячами все бегут и бегут в пропасть. Пулемёты непрерывно стрекочут, а шуцманы всё орут и гонят: «Быстрей! Быстрей!», – дубасят дубинками, нагайками. Так длится много часов. Наконец, стихают крики, прекращается бег, смолкает стрельба. Доносятся где-то рядом из глубины звуки, как при работе лопатами, – это, должно быть, закапывает расстрелянных латышское вспомогательное подразделение.» – вспоминала Михельсон.

На страницах своих воспоминаний Фрида описывает, как русские голоса подгоняют, требуют работать быстрее, закапывать ямы. Тут женщина полагает, что, наверное, для этой работы пригнали советских военнопленных: «После, очевидно, их и самих расстреляют. Меня давит гора обуви, всё тело онемело из-за холода и неподвижности, но я – в полном сознании. От тепла моего тела снег подо мной растаял, и я лежу в луже. Вдруг, неподалёку, в стороне от ямы тишину прорезал детский плач и крики: – Мама! Мама! Раздались беспорядочные одиночные выстрелы. Плач ребенка смолк. Убили. Опять тишина».

Фрида всё – таки оттуда убежала. Когда всё стихло и стемнело, она вылезла из-под груды вещей, нашла сухую одежду, зашла в лес и стала искать помощь у крестьян. В первую ночь ей посчастливилось – две старушки её накормили и позволили остаться на сеновале, но под вечер второго дня пришлось уйти. Так скрываясь и получая случайный ночлег, она оказалась на хуторе у Берзиньшей, который затем служил ей первые месяцы убежищем, чтобы приютиться. Позже Фрида скрыва-

лась в Риге, где было легче раствориться в людской толпе. Она обошла всех своих нееврейских друзей. Хотя никто её не выдал, никакого постоянного обиталища она не нашла, лишь один бывший латвийский офицер, работавший в то время управдомом, позволил ей находиться в какой-то пустой неотапливаемой квартире.

В дальнейшем главное своё обиталище она нашла у семейства Вилюмсон. Это были местные прибалтийские немцы – адвентисты. С их помощью Фрида дождалась возвращения Красной Армии. Что позволило Фриде спастись? Можно назвать несколько обстоятельств: совершенное владение латышским языком, умение шить, удача. Но самое главное – достойные люди, которые оказывали ей помощь. Никто из рижан – латышей, даже если и помог хоть чуть-чуть, не был её великим спасителем. Но никто из них не донёс, не сообщил нацистам о скрывающейся еврейке. Помимо Фриды, вышеупомянутые Берзиньши скрывали также бежавших русских военнопленных. Адвентисты Вилюмсоны с особыми симпатиями относились к избранным Богом, детям Израиля. После знакомства с Фридой, Генрих, младший сын Вилюмсонов, сказал родителям: «Это же Божья воля, чтоб она жила. Если мы её не спасём, то вся наша семья совершит тяжкий грех».

После освобождения Латвии Фрида Фрид вышла замуж за Мотю Михельсона, одного из выживших узников Рижского гетто, в семье родились сыновья – Лева и Даня. Но Михельсонам не везло. С возрастанием после войны сталинского антисемитизма, отец семейства был обвинён в антигосударственной деятельности и выслан в Сибирь. В 1956 году - освобождён, но из-за подорванного здоровья умер в 1966 году. Фрида с сыновьями в 1971 году переехала в Израиль. В конце 1970-х годов она выступала в качестве свидетеля, опознав бывшего палача из Румбулы – К. Детлавса из команды Арайса.

«Литература о Холокосте накопилась уже в большом количестве, и в этой горе книг воспоминания Фриды могут и затеряться, но они никогда не исчезнут с полки истории евреев Латвии. Это – латышская книга, она о латвийских лесах и людях, о Риге, песчано-лесистом устье Даугавы. Эта книга будет воспринята не только как носитель исторического свидетельства – это исполненное чудес подтверждение веры, вдохновляющее в своей основе произведение» – считает Давид Зильберман. Воспоминания Фриды издавались и переиздавались за последние полвека не только на иврите, но и на русском и латышском.

Во время расстрелов в Румбуле удалось спастись ещё одной еврейской женщине, Элле Медалье (1913-1999). Спустя годы она написала

книгу «Право на жизнь», тоже выпущенную в серии «Российская Библиотека Холокоста».

«Уличная квартира Мордуха (Мотя) Михельсона. Среди присутствующих были Дэвид Гарбер, Гарри Леви, Бенни Каплан, Мотя Михельсон и я. Хозяйкой у нас была жена Моти, Фрида Михельсон. Позже Фрида познакомила меня с Эллой Медалье, которая тоже испытала чудо спасения от смерти.» – писал Д. Зильберман.

Элла родилась в Туккуме Курляндской губернии (ныне – Тукумс в Латвии), рано лишилась отца, но её мать целиком посвятила себя своим детям, вырастила их и дала образование. По окончании латышской гимназии в Туккуме и еврейских педагогических курсов в Риге, работала учительницей, преподавала в различных школах провинциальных городов Курляндии.

В 1939 году, сразу после замужества, Элла Медалье со своей семьёй – мужем, матерью и младшей сестрой переезжает в Ригу. 22 июня 1941 года разразилась война, и семья Медалье – Гутман (фамилия супруга) вскоре оказалась в оккупированной немцами Риге.

В 1941 году Медалье была заключена в Рижское гетто, потеряла всех своих родных, которые там погибли, однако чудом спаслась с места расстрела в Румбуле, долго скрывалась, выдавая себя то за прибалтийскую немку, то за латышку. В 1945 году была вывезена гитлеровцами в Германию. После войны вернулась в Ригу.

«…Я росла сиротой, без отца, который умер от инфаркта, когда мне было всего 10 месяцев, взрослела в трудных условиях, во время учёбы занималась репетиторством. Моё счастливое замужество длилось всего два года, затем произошла трагедия военных лет – я потеряла всех близких и дорогих. После войны – вторичное замужество, родила двух дочерей. Но мне кажется всё это второстепенным для моего очерка. В 1975 году я помогла правосудию в Германии разоблачить палача Арайса, считаю это одним их самых важных дел моей жизни. Судьба была благосклонна ко мне – я уцелела в той страшной бойне и выполнила свой святой долг перед теми, кто до этого дня не дожил».

Сначала выжившая в нацистском аду неохотно шла на откровенность со звонившим ей Д. Зильберманом, прятала свою боль глубоко внутри. Когда он набрал номер Эллы, чтобы записать её историю, та ответила: «Я так долго ждала, что меня когда-нибудь спросят об этом, вызовут свидетелем в суд или возьмут у меня показания для расследования дел о нацистских преступлениях. Но никто никогда не обращался ко мне. Неужели сейчас, через столько лет, это так уж важно?!».

Элла Медалье.
Музей Рижского гетто

Давид признался, что ему было больно слышать это из уст многострадальной землячки. Тем не менее, она согласилась с тем, что необходимо сохранить для будущих поколений страшные факты геноцида, зверства нацистов в Латвии. В дальнейшем, Давид несколько раз беседовал с Эллой Израилевной, и она всё-таки подробно рассказала ему о своём спасении. По словам Д. Зильбермана, будни Медалье в мирное время были наполнены различными интересами и заботами о семье – детях и внуке.

На склоне лет сбылась мечта её жизни, и она отправилась в гости, в двухмесячную поездку в Израиль. 4 мая 1988 года она прибыла в Хайфу и остановилась у своей двоюродной сестры. Это были для неё незабываемые дни. Увиденные достижения в Израиле наполняли её гордостью за свой народ, особенно потрясли поездка в Иерусалим и посещение музея «Яд-Вашем».

В 1999 году Нью-Йоркское еврейское общество выходцев из Латвии («Jewish Survivors of Latvia») решило пригласить Эллу Медалье в Нью-Йорк на ежегодный митинг памяти погибших в Катастрофе в Латвии. Однако к тому времени, она была уже очень слаба и 4 ноября 1999 года скончалась, оставив после себя старшую дочь Виту Вороховскую и внука Леонида Вороховского.

Комментарий Леонида Тёрушкина: «С Витой Вороховской мы очень дружим, встречался с ней в Санкт-Петербурге в ноябре 2024 года. Кроме Эллы и Фриды из Румбульского леса живым никто не вышел. А вот судьбы выживших в Рижском гетто, в других городах и посёлках Латвии нашли своё отражение в ряде книг. Остались воспоминания

многих евреев, в том числе – спасённых Праведником народов мира Жанисом Липке. Они представлены в изданиях: «Подобно звезде во мраке», «И Ты это видел». Название последней книги взято из восклицания Эллы Медалье, когда та вспомнила, что увидела из окна. Её взору предстало, как Герберт Цукурс, печально известный латышский коллаборационист, въехал на своей машине в Рижское гетто: «Он был пьян, смеялся, как дьявол и начал стрелять в людей, словно сумасшедший охотник, а гетто будто было его лесом! Мир сошёл с ума! Ты же сам видел, Господи! Как ты мог позволить этому случиться?!». Данные книги также были изданы Центром «Холокост» в сотрудничестве с Д. Зильберманом, которому в 2024 году исполнилось 90 лет. Рекомендую читателям произведение Меира Левенштейна – «У края бездны. Воспоминания узника Рижского гетто и фашистских концлагерей». Эта книга была выпущена в Москве в 2012 году, при участии моих друзей и коллег – Павла Поляна и Арона Шнеера. Также рекомендую к прочтению книгу Макса Кауфмана (1897-1987) «Уничтожение евреев в Латвии», которая в 2012 году была выпущена на русском языке издательством «Шамир» в Риге. Помимо своих воспоминаний автором включены в неё собранные свидетельства других узников – выживших и погибших. Научным редактором издания М. Кауфмана, серии книг Д. Зильбермана, о которых говорилось выше, автором статьи о Риге в российской Энциклопедии «Холокост на территории СССР», был наш близкий друг и коллега, трагически рано ушедший из жизни, Григорий Смирин».

Мемориал в Румбульском лесу

«Предлагают донести немцам, что в доме скрывается еврейка…»

Изучение проблемы эвакуации и бегства советских евреев в 1941-1942 годах имеет очень важное значение для еврейской истории. В войне с СССР нацистам удалось захватить хоть и значительную, но лишь часть его территории, поэтому определённому числу находившихся там евреев удалось эвакуироваться, бежать от неизбежной смерти. Беженцев ждала масса испытаний, сложностей, голодных дней и потрясений. Например, моя бабушка - Роза Хмиль, эвакуированная в Чкаловскую (ныне Оренбургскую) область, в село Покровка, спасавшаяся со своими родными из Винницы, будучи тогда маленькой девочкой, носила в мороз простые галоши за неимением нормальной обуви, сильно мёрзла, от голода ела с сёстрами очистки от картофеля. О том, как сложились нелёгкие судьбы эвакуированных евреев в южных регионах России в 1941-1943 годах, мы поговорили с заведующим Архивным отделом НПЦ «Холокост» Леонидом Тёрушкиным.

– Леонид, правда ли, что события, связанные с судьбой еврейских беженцев на территории СССР, до сих пор малоизвестны широкой общественности?

– Да, эта тема ещё до конца не изучена. Перемещение огромных потоков населения – одна из самых драматичных страниц Второй мировой и Великой Отечественной войн. Численность евреев Польши, Прибалтики и западных регионов Советского Союза, бежавших от уничтожения нацистами самостоятельно, и эвакуированных в 1939-1942 годах, составляла более 1,5 млн. человек. Европейская, израильская и американская историография ещё недавно представляли Холокост в ограниченной географии. Вынужденное переселение эвакуированных и беженцев, трагические судьбы людей, потерявших близких и связь с родиной, терпевших голод, болезни, остаются малоисследованной частью Холокоста, еврейской истории, да и Второй мировой войны – тоже. Сведения о том, что в 1941-1942 годах сотни тысяч евреев (как, впрочем, и членов смешанных семей) спаслись от уничтожения нацистами благодаря тому, что, во-первых, бежали буквально «под огнём» из родных мест на восток, а во-вторых – благодаря отваге и жертвам воинов Красной Армии, задержавших на ряде направлений, продвижение германской армии, начали публиковаться впервые через десятки лет после самих событий.

– Но всё же, со временем в изучении данной проблематики постепенно наметился какой-то прогресс?

– Конечно. Недавно стали проводиться специальные научные форумы, посвящённые данной теме. На постсоветском пространстве, с 2002-го года только Ассоциация еврейских национальных организаций Казахстана «Мицва» регулярно проводит Международную научно-практическую конференцию по изучению эвакуации и судеб беженцев во время Великой Отечественной войны и истории евреев Центральной Азии и Западной Сибири. Издаёт сборники материалов этих конференций. В июне 2014-го года в Еврейском университете в Иерусалиме состоялась первая Международная научная конференция «Истории, воспоминания и наследие: еврейские беженцы и эвакуированные в СССР», инициированная организацией бывших беженцев, эвакуированных и блокадников «Опалённое детство» (Израиль).

Можно сказать, что тема еврейской (и не только) эвакуации, поиск и изучение источников по ней представляют растущий интерес у исследователей. Кстати, это связано с конкретными запросами тех, кто пережил бегство. Материальные претензии к Германии по выплате компенсаций бывшим эвакуированным и беженцам, потерявшим имущество и здоровье, постепенно начали удовлетворяться. Это вызвало волну запросов в архивы России (прежде всего – в Архив Российского Красного Креста, где находится Центральная картотека по учету эвакуированных) от лиц, живущих сегодня по всему миру. Почти все они тогда были детьми, хотя встречаются и те, кто был призван на фронт из эвакуации – в 1942-1945 годах.

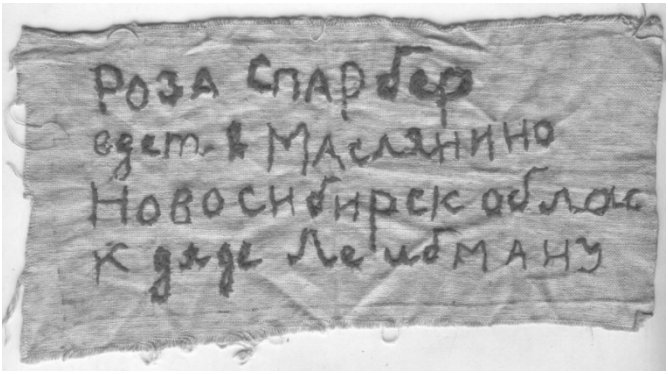
– С данным направлением как-либо связана деятельность Центра «Холокост»?

– Сотрудники Архива НПЦ «Холокост» по мере сил помогают в поиске и оформлении документов, подтверждающих пребывание в эвакуации. Консультируем, копируем материалы. При этом стараемся собрать воспоминания об этом периоде, переписку 1941-1945 годах, изучить семейные архивы.

– Какой процент среди эвакуированных с началом войны советских граждан занимают евреи и каков общий портрет эвакуированных евреев? Из каких городов России их вывоз осуществлялся особенно эффективно?

Эвакуация детей во время войны

Нашивка на одежде эвакуируемого ребёнка. Архив НПЦ «Холокост»

– До конца только 1941-го года вглубь СССР было эвакуировано 10 миллионов человек. Евреи занимали 2-ое место после русских, среди всех эвакуированных. Процент евреев в тех категориях, которые официально подлежали организованной эвакуации, оказался высок – это были преимущественно жители больших городов, профессиональные рабочие и служащие, члены семей военнослужащих, работников оборонной промышленности. Наиболее эффективно эвакуация была осуществлена из Москвы, Ленинграда и, отчасти, Киева, где процент еврейского населения являлся весьма значительным.

– Как думаете, уже на этапе эвакуации в 1941 году знали ли советские евреи о зверствах нацистов на оккупированных территориях?

– Официальная информация, несмотря на встречавшееся скептическое к ней отношение, слухи о зверствах нацистов по отношению к

евреям, успели дойти до городских жителей, что повышало их готовность к бегству. Решение должны были принимать женщины, поскольку мужчины ушли на фронт. Многие пожилые евреи не верили советской пропаганде, помня «хороших» немцев в годы Первой мировой и Гражданской войны. И всё же, евреи составляли осенью 1941-го года примерно 40% всех эвакуированных. Это свидетельствует о том, что уже в конце лета, в начале осени 1941-го года, советские евреи имели представление об угрозе со стороны нацистов и о масштабах Холокоста.

– Вы исследовали тему эвакуации евреев в южные регионы России, часто посещаете научные конференции, посвящённые данной проблематике. Давайте поговорим об этом.

– История бегства и эвакуации еврейского населения в южные регионы России, на Северный Кавказ и в Закавказье – отличается несколькими особенностями, которые усугубили трагедию Холокоста в этих регионах. Эвакуация сюда проводилась из Молдавии, Крыма, центральных, южных и восточных областей Украины, а также, частично, из Белоруссии. Эвакуацию можно разделить на два этапа, которые были обусловлены развитием ситуации на фронтах. Первый этап – июль-ноябрь 1941-го года характеризовался, в основном, организованной перевозкой еврейского населения из вышеуказанных областей. Только небольшая часть евреев Ростова-на-Дону покинула город накануне его первого захвата германскими войсками, в ноябре 1941-го года. Кстати, многие из ростовчан вернулись обратно, после освобождения города, в том же 1941-ом году. Второй этап эвакуации отличался тем, что зимой 1941-1942 годов и весной 1942-го года, эвакуированные из западных областей СССР, через Юг России и Кавказ, частично проследовали дальше – в Казахстан и Среднюю Азию. Однако, не у всех были такие возможности, а многие сами предпочитали остаться в Краснодарском и Ставропольском (тогда – Орджоникидзевском) краях, в республиках Северного Кавказа. Тем более, обстановка на фронте казалась вполне стабильной, германские войска были остановлены и отброшены на запад.

– С какими основными проблемами советские евреи сталкивались в те времена, покинув родные места?

– С голодом, холодом, с общей неустроенностью, с отсутствием тёплой одежды, комфортного жилья, с двояким отношением к себе со стороны местных жителей. Городским жителям в эвакуации сложнее

было приспособиться к условиям жизни в сельской местности. А периодически появляющиеся сегодня в печати заявления о предпочтениях, которые Кремль якобы оказывал евреям, совершенно безосновательны. Воспоминания эвакуировавшихся также позволяют сделать вывод, что целенаправленной эвакуации еврейского населения не производилось, а упор делался не столько на вывоз людей, сколько на вывоз материальных ценностей и колхозного имущества. Ход и реальные результаты эвакуации во многих местах зависели от личной позиции местного руководства и его понимания ситуации. Руководители одних еврейских колхозов в Украине, Белоруссии и Крыму – лишь выполняли директивы о вывозе имущества, другие настаивали на обязательном выезде всего еврейского населения. В некоторых регионах стремились эвакуировать допризывную молодежь, которая, в свою очередь, желала пополнить ряды Красной Армии.

– Как местное население в целом относилось к эвакуированным евреям?

– У нас имеются довольно противоречивые, порой взаимоисключающие свидетельства об отношении местного населения к эвакуированным вообще, и к евреям – особенно. Тут были и категорическое неприятие, презрение, антисемитские настроения, которые явно или скрыто проявлялись, в зависимости от ситуации на фронте и влияния нацисткой пропаганды. «Проезжая населённые пункты Северного Кавказа, мы чувствовали враждебное отношение к себе некоторых местных жителей: «Всё равно вас, жидов, Гитлер перестреляет», – говорили они. Нередко отказывали в просьбе напиться воды. В дороге нас нагнал верховой, командир с двумя шпалами в петлицах. Он сказал: «Немец уже близко, гоните быков, никому не говорите, что вы евреи. Местные ждут немцев». И среди эвакуированных начались нездоровые разговоры относительно евреев. Нам угрожали, что выдадут немцам. Тогда мама приняла решение уйти от толпы и повернула быков в сторону ближайшего села. Так мы оказались в селе Правокумка (Ставропольский край). Постучали в ближайший дом. Вышла старушка, приветливо улыбнулась. «На постой хотите? Надеюсь, не жиды?», – и пригласила в дом.» (Из воспоминаний Ю. Бураковского, который в 9-летнем возрасте с матерью и сестрёнкой эвакуировался из Киева). И тут же, рядом – примеры самого тёплого отношения к эвакуированным. Из воспоминаний Аси Ханиной, в 16 лет, летом 1941-го года эвакуированной из Киева: «В станице Ленинградской, председатель колхоза или директор совхоза, я не помню, казак, красивый,

молодой такой. Он выделил нам с подружкой, ну с семьёй подруги, отдельный домик, привёз туда продуктов полно… Я потом писала в Киев тем, кто остался, подругам, что мы просто в рай попали, действительно, он относился к нам великолепно. И, значит, там же, я не помню, где, работали родители, и её родители и моя мама, а мы с братом, и вот с подружкой, были дома, читали, библиотека там была великолепная». «…немцы стали наступать на Кавказ. И они уже приближались к этой деревне, а директор совхоза – это просто Праведник мира, он взял машину-грузовик, в ней было три семьи эвакуированных. Посадил всех на машину, сам сел за руль, повёз нас на станцию, ближайшая станция, которая железнодорожная была – Минеральные Воды. И вот, всех он знал там, договорился и первый эшелон, который шёл вглубь страны. Значит, он нас туда посадил, причём удивительная была неразбериха, эшелон открытый был, открытые платформы, на которых были вооружения: пулемёты, бомбы, снаряды и всё это. И вот мы, нас поместили в эти вагоны, не в вагоны, а на платформу, на открытой платформе, в общем, мы так ехали. Причём, по дороге тоже бомбили, очень аккуратно немцы бомбили, каждый день в 11 часов, я помню…».

Именно весной 1942-го года в район Кавказских Минеральных Вод и на Кубань было вывезено значительное количество жителей Ленинграда, переживших зиму 1941-1942 годах, а также ленинградские детские дома – воспитатели и воспитанники. Среди этих ленинградцев также был высок процент евреев. А большинство детей уже стали круглыми сиротами – отцы погибли на фронте, матери умерли в блокаду. Разумеется, детей и взрослых стремились отправить в плодородные, непострадавшие от боевых действий районы, где они могли бы в условиях благоприятного климата восстановить здоровье.

– Что было дальше?

– Предположить угрозу прорыва и стремительного наступления германских войск летом 1942-го года на Кавказ сложно было даже военным, а эвакуированные и беженцы оказались совершенно застигнуты врасплох. Впрочем, в такой же ситуации были и почти все местные евреи: старики, женщины, маленькие дети, подростки. Зимой-весной 1942-го года ряды Красной Армии пополнили практически все мужчины из числа эвакуированных. И если в 1941-ом году еврейских беженцев из Кишинёва, Одессы, Киева везли на поездах и пароходах, то летом 1942-го года они могли рассчитывать практически только на гужевой транспорт.

Мой коллега, историк Кирилл Феферман (Израиль) считает, что общий настрой германской политики по отношению практически ко всем другим группам населения на Северном Кавказе оказался более терпимым, чем на прочих оккупированных советских территориях. Только в одном вопросе немецкая политика осталась бескомпромиссной. Холокост происходил на Северном Кавказе точно также, как и везде. Уничтожение евреев любой ценой, с активным привлечением к этому местных коллаборационистов, стало фундаментальным фактором германской политики. Поэтому, даже несмотря на общее смягчение этой политики к местному населению на Кавказе, вопрос о какомлибо ином подходе к евреям, кроме практически мгновенного и полного физического уничтожения, не ставился.

– Каковы общие черты отличия Холокоста на юге России?

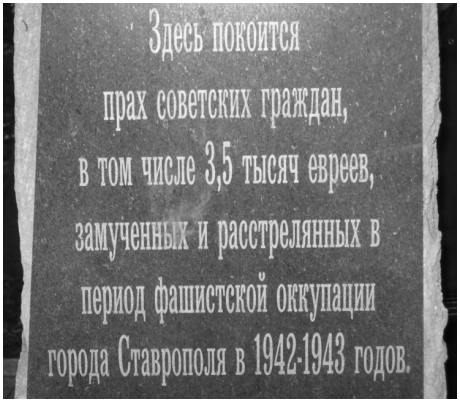
– На оккупированной территории России действовали различные подразделения, что сказывалось на методах обращения с еврейским населением и последовательности его уничтожения. Крым, Северный Кавказ, включая Ростовскую область, Ставропольский и Краснодарский края находились под контролем соответствующих служб группы армий «Юг» и 11-ой армии фельдмаршала фон Клейста. В 1941-1942 годах на Юге России действовала айнзатцгруппа «D». Евреев на территории РСФСР в наибольшей степени рассматривали, как опору коммунистического режима.

Евреи перед расстрелом концентрировались в определённых местах лишь на несколько часов или дней. Уничтожение еврейского населения проводилось карателями вскоре после захвата населённых пунктов.

На Юге России было создано только одно гетто – в Ессентуках, просуществовавшее с августа по октябрь 1942-го года.

Август – декабрь 1942-го года – период массового уничтожения евреев в городах и сельских населённых пунктах южных регионов России – от Ростова-на Дону (11-12 августа – это крупнейшее по числу жертв событие Холокоста на территории России) до Элисты и от Сталинграда до Нальчика. Только в 150 населённых пунктах Краснодарского и Ставропольского краёв в границах 1942-го года, погибли около 54 000 евреев, при том, что довоенное еврейское население здесь не превышало 15 500 человек.

Понятно, что основными жертвами стали эвакуированные и беженцы. Многие были захвачены германскими войсками и расстреляны

Памятник на месте гибели евреев. Архив НПЦ «Холокост»

на дорогах. С учётом сказанного выше о возрастном составе и особенностях эвакуации, погибло очень много детей. На территории современной Карачаево-Черкессии проживало около 600 евреев. И сюда эвакуировали детские учреждения из Ленинграда, а также жителей Украины и Молдавии, среди которых насчитывалось несколько сотен евреев. Число погибших – около 1 600 человек.

– В Архиве НПЦ «Холокост» хранится много писем и воспоминаний, связанных с еврейской эвакуацией…

– Верно, приведу некоторые выдержки оттуда. Воспоминания тех, кому удалось спастись, весьма немногочисленны, но позволяют проследить способы спасения и выживания.

«…в 1935-ом году родители переехали в Моздок. Городок этот был совсем небольшой, здесь в основном жили русские, армяне и евреи. Как только немцы заняли город, сразу же начались карательные акции против евреев. Когда евреи потянулись к комендатуре с детьми, со скарбом и не вернулись назад, мама решила никуда не ходить, отсидеться дома. Наши соседи по квартире Городецкие, у которых не было детей, просили маму отдать младшенькую Таню. Дескать, вы все равно погибнете. Мама им отказала. А вскоре прибежала знакомая: – «Уходите скорее! Городецкие ходят по соседям и предлагают донести немцам, что в доме скрывается еврейка!» Так начались наши скитания в поисках хоть какого-то убежища. Нас прятала в своем доме мамина подруга. А потом, маме помогли найти паспорт на имя армянской женщины». *(Из воспоминаний Ч. Кровецкой, 1934 г.р.)*

Семья Неймарк – отец Рувим Абрамович, мать – Шкляр-Неймарк Тамара Наумовна, дочь – Алла 1921 г.р. и сын Александр 1927 г.р. эвакуировались из Днепропетровска. Летом 1942-го года на Кубани они снова оказались почти в руках нацистов. Вся семья добровольно поступила на службу в полевой хирургический передвижной госпиталь

№ 2338. Тамара Наумовна – на должность замначальника госпиталя, Алла – медсестрой (закончила войну под Кенигсбергом), Рувим Абрамович – санитаром, а сын Александр был зачислен, как воспитанник воинской части. Рувим погиб под бомбежкой в конце лета 1942-го года. Красноармеец – разведчик Александр Неймарк погиб в августе 1944-го года при освобождении Литвы. Все выжившие спаслись, благодаря помощи местных жителей, среди которых были представители многих народов Северного Кавказа, разных социальных слоев.

Некоторые из спасшихся обязаны жизнью даже местным полицаям и другим лицам, добровольно или не очень, но сотрудничавшим с оккупантами. Мне бы хотелось привести несколько подобных примеров. Из воспоминаний Л. Яновой (Феликс) 1931 г.р.: «В августе 1941-го года – я и моя сестра - Феликс Фаина Матвеевна, с родителями, эвакуировались в г.Георгиевск Ставропольского края, который был оккупирован немцами летом 1942-го года. Там, по доносу соседей, наших родителей расстреляли в августе-сентябре 1942-го года, а моя сестра, которая была мобилизована на рытье окопов в селе…, в ночь до дня доноса, приехала в Георгиевск и забрала меня в село, где рыла окопы. Она там проживала в семье Шевченко Александра, меня также приютили у них. Когда немцы оккупировали это село, Шевченко Александр поступил служить в полицию, их дом не обыскивали, и семья Шевченко нас скрывала, это были очень добрые люди, мы прожили у них до января-февраля 1943-го года, до момента освобождения Красной Армией. По приходу Красной Армии, Шевченко Александра арестовали, судили за службу в полиции и сослали».

«В июле-месяце 1941-го года. я, моя мать – Роза Израилевна, брат Михаил 14 лет, сестра Ася 10 лет, брат Вова 10 лет и брат Борис 3 лет были эвакуированы из г. Рыбница – в Краснодарский край. Отец по национальности – русский, а мать была еврейка. 16 сентября 1942-го года, по указанию немецкого командования, местная полиция, в числе других еврейских семей, арестовала всю нашу семью; мы были доставлены в помещение полиции, где нас держали в течение трёх дней. А затем мою мать, братьев и сестру посадили в автомашину, повезли в колхоз им. Сталина, там расстреляли, трупы бросили в колодец. Меня оставил полицейский Тарасенко А.С.; причем я очень много просила местную полицию, чтобы меня оставили (в живых), т.к. отец у меня русский, и я больше принадлежу к русской национальности. Тарасенко «на свою ответственность» меня оставил, но после этого зверски надо мной издевался, потом отпустил. Меня на воспитание взял житель станицы Петропавловской Чика-

лов». *(Из рассказа Раисы Неминской, 1928 г.р.)*

Филипп Тененбаум родился во Львове в 1928-ом году, а в 1939-ом году проживал в еврейском местечке Хоростков. Он стал свидетелем разгрома Польши Германией и прихода Красной Армии. С началом нацистского вторжения в СССР эвакуировался в Ставропольский край, где находился вплоть до наступления германских войск летом 1942-го года. Дата выдачи эвакуационного свидетельства (чудом сохранённого матерью Филиппа – Ципорой-Зинаидой Клементьевной Тененбаум) в селе Киевка Апанасенковского района, указана – 4 августа 1942 года. Направление – «вглубь страны». Эвакуироваться не удалось. В селе Левокумка Будённовского района мать и сын попали в зону германской оккупации. Благодаря Елизавете Генриховне Кононовой, записавшей мать и сына Тененбаумов своими детьми, им удалось выживать на территории, занятой нацистами. Оба находились под фамилией Маевские. Филипп Тененбаум – свидетель массового уничтожения евреев – примерно 300-400 человек, которое осуществлялось, в основном, казаками из местного населения: «Измученным людям, которые еле держались на ногах, приказали встать вдоль стены огромного коровника и заявили: «Кто посмеет сесть или встать на колени будет убит».

За время, что мы находились там, на наших глазах было убито несколько десятков человек, причем детей убивали в основном прикладами». В октябре 1942 года, после длительных скитаний, Тененбаумы и спасавшая их семья Кононовых были задержаны в станице Незлобная, и Елизавета Кононова была вынуждена была стать переводчицей в германском военном госпитале. А Филиппа она выдавала за своего племянника. Филипп был вынужден прятаться в коровнике до начала февраля 1943-го года, до освобождения Красной Армией. Он был спасен Елизаветой

Иван Иванович Палагута.
Архив НПЦ «Холокост»

Кононовой и немецким военным врачом по фамилии Рихтер, не сообщившем никому о своих подозрениях, касательного еврейского происхождения мальчика.

Известен ряд случаев, когда чудом спавшихся из-под расстрела, недобитых детей прятали и даже усыновляли местные жители. Из семьи Бортниковых, проживавшей до войны в Кишинёве, и захваченной нацистами уже в Калмыкии, уцелел после расстрела только восьмилетний мальчик. После долгих скитаний, в поселке Арзгир на Ставрополье он снова попал в руки полицейских. Перед отправкой на расстрел к коменданту подошёл полицейский Иван Палагута. Он сказал: «Разрешите мне взять этого мальчика, я с ним ещё поговорю. Он мне скажет, кто он». Комендант разрешил, мальчика сняли с машины, а обречённых людей увезли на расстрел в Арзгирскую балку. Иван Палагута привёз мальчика к себе домой. Он показал, где прятаться в случае опасности. Это был погреб, набитый всякой рухлядью и овчинами. Кроме того, в ограде были вырыты две норы. Потом Палагута ушёл к партизанам. Несколько раз в дом приходили полицейские, разыскивали Ваню и его спасителя. Ваня оставался на попечении Прасковьи Михайловны, супруги И. Палагуты, вплоть до 11 января 1943-го года, когда Азгир был освобожден. Супруги Палагута усыновили и воспитали Ваню. Имя, под которым мальчик скрывался, осталось у него навсегда.

– Тема эвакуации (в том числе – и на Юг России), уничтожения и спасения евреев во время Великой Отечественной войны, также отражена в тематике выставок НПЦ «Холокост».

– Это правда, в основе наших экспозиций можно встретить об этом документы, редкие фотографии, личные письма.

– Леонид, какой общий вывод об эвакуации евреев на Юг России можно сделать из нашей с вами беседы?

– Нельзя не признать, что все выжившие спаслись не только потому, что им помогали те, кого принято считать Праведниками Народов Мира, и увековечивание имён которых продолжается и сегодня. Поражение Германии на южном участке советско-германского фронта, наступление советских войск и довольно быстрое освобождение районов Северного Кавказа, спасло жизни скрывавшихся евреев. Как отдельных лиц, так и целой общины горских евреев Нальчика.

«Всё, что осталось от семьи, уместилось в чемоданчик...»

Архив Центра «Холокост» получил воспоминания (семейную хронику) петербурженки Анны Скобликовой (Левиной), по которым можно было бы писать книги и снимать исторические фильмы. Подробно, логично, автор соединила в объёмную папку рассказов все воспоминания и оживила трагическую историю разных поколений семьи Левиных – Остриных. Все эти люди достойно и мужественно прошли всё, что им было предначертано судьбой. Кто-то погиб страшной смертью от рук нацистов во время Холокоста на Северном Кавказе, ранее эвакуировавшись на Юг России из Украины. Кто-то – выжил, благодаря неравнодушию соседей, а кому-то из героев записей Анны Львовны и вовсе была уготована участь отправиться в сталинские лагеря, как «врагам народа». Обо всём этом мы поговорили с заведующим Архивным отделом НПЦ «Холокост» Леонидом Тёрушкиным.

– Уважаемый Леонид Абрамович, Анна Скобликова передала именно вам свои записи, так как Центр «Холокост» уже более 30 лет собирает фронтовые письма, послания из тыла, из эвакуации, различные свидетельства об уничтожении евреев и другие документальные материалы, связанные со злодеяниями немцев?

– Да, это так. В сентябре 2021 года, после того, как на Северном Кавказе прошли традиционные памятные мероприятия, где я также участвовал, к нам обратилась Анна Львовна Скобликова. Она написала мне письмо, в котором сообщила, что ее родные по линии отца погибли от рук нацистов, были расстреляны в Минеральных Водах в начале сентября 1942 года, что перед уходом на смерть они оставили прощальные письма, и ей бы хотелось, чтобы эти документы сегодня хранились в НПЦ «Холокост». Данные предсмертные письма – уникальные, ценнейшие свидетельства людей, уходивших «в никуда», таких документов в наши дни встречается немного. Учитывая наш живой интерес к подобным находкам, я сразу обратил внимание на обращение Анны Львовны. Отец А.Л. Скобликовой, Лев Григорьевич Левин, находясь на фронте, в 1942-ом году потерял связь с родными и уже после войны, получил эти предсмертные послания.

Нацисты 9 сентября 1942 года в Минеральных Водах, в районе стекольного завода у поселка имени Анджиевского уничтожили родите-

Лев Левин в детстве. Архив НПЦ «Холокост»

лей Льва – отца Левина Григория Борисовича, мать Розалию Эммануиловну, их дочь, сестру Льва – Юдифь (Юлочку), маму Розы Левиной – Анну Нейман, его тетю, сестру Григория Левина – Анну Трубкину с семьей. Последняя жила в Пятигорске, их расстреляли за пару дней до уничтожения Григория Левина с его семьей.

8 сентября 1942 года Григорий (Тиша) Левин, Роза, Юлочка и бабушка Аня написали прощальные письма.

Письмо Григория: «Кисловодск 8 сентября 1942г. 10 час. По Берлинскому времени. Родные горячо любимые все! Кому попадет это письмо прошу передать его всем, думаю, что это последнее прощальное письмо, а как бы хотелось еще немного пожить, повидаться со всеми. Но как видно так суждено. Надежды на то, что останемся в живых очень мало. Вернее, никакой. Что писать, с чего начинать - не знаю. Если удастся оставить Гарика здесь, и он останется в живых, то он вам сможет рассказать о нашей жизни последние дни. Как вам известно, нас все время убаюкивали, что все благополучно, и когда уже угроза была на носу, все-таки никого не выпускали и только 5 августа утром нам выдали пропуска, но ехать было не на чем. Даже раненные в госпиталях пошли пешком на костылях. 6-го вечером мы тоже вышли. Отошли от Кисловодска километров 50 и так обессилили, что увидели, что добраться до Махачкалы не сможем. И еще меня страшно угнетало, что в Пятигорске с Аней и мы решили вернуться в Пятигорск, чтобы оттуда возможно уйти вместе. Но все произошло так молниеносно

и неожиданно, и мы уже не могли уйти. 9-го в 12 часов уже был окружен город. Часа через два была новая власть, все прошло очень организовано и спокойно, но наше несчастье в том, что мы рождены евреями, должны расплачиваться за чужие грехи. В Пятигорске мы побыли дней 10 и потом опять перешли в Кисловодск и уже больше двух недель как мы не видели никого, но привет имели, что она была здорова. Но 5-го сентября был объявлен приказ утром, что к 5 часам дня все евреи должны явиться на вокзал имея при себе не более 20 кг багажа включая сюда продукты на несколько дней. Все остальное запечатать дома и отдать ключи немецкому командованию. Сегодня 8. Вывесили такой же приказ у нас и завтра в пять часов утра мы все должны быть на вокзале. Отправят нас в 6 час. Куда неизвестно, но, вероятно, туда же куда отправили уже не одну тысячу евреев. Трудно очень сосредоточиться. А так много хотелось бы сказать, как хотелось бы всех видеть. Неужели Лёля останется круглым сиротой, если он останется в живых. Как нас мучает этот вопрос. Хотя взглянуть бы на одну минутку и кажется легче было бы умереть. Юлочке придется разделить судьбу вместе с нами. Какой ужас, Какой ужас… Просьба ко всем, кто останется в живых помочь Лёленьки, если он останется живой, выйти в люди. Отблагодарить вам мы уже не сможем. Вы, вероятно, не будете знать где даже наши кости. Гарика думаем оставить здесь. Он как метис отец его был русским и был расстрелян, а потому ему можно здесь остаться. Хозяин квартиры, где мы живем очень хороший человек. Я думаю, что они его оставят до того момента, когда можно будет после войны разыскать друг друга. Если бог даст вернуться Лиде и Шуре, тогда он будет иметь опять родных. А если не дай бог и они не вернуться, то, надеюсь, что как-нибудь вы его вырастите. Прощайте дорогие любимые все-все. Хочется хоть в последний раз назвать ваши имена …Какие вы все хорошие. Лёличке передайте, что до последней минуты мы думаем о нем и если умрем, то с его портретом на груди. Я знаю вы нас не забудете. Дни 9 и 10 сентября вспоминайте о нас. Всех дорогих любимых крепко обнимаю. Целую. Гриша. Тиша.

Привет прощальный всем родным и знакомым. Еще раз про-

щайте. Лёля, Лёля как ты стоишь передо мной. Когда мы с тобой прощались, когда тебя забрали в армию я если б жил 100 лет эти минуты никогда не забыл бы. Прощай мой родной любимый ненаглядный чудик хороший. Будь, Лёлечка, всегда таким хорошим каким я тебя знаю. Прощай родной. Помни о нас».

Дальше письмо дописывает Роза: «Тишенька все написал, передать наше состояние невозможно. Будьте здоровы и счастливы и не забывайте. Лёличка. Все мысли сейчас о нем. Как он выбьется. Целую крепко».

Продолжает Роза: «8.9.42. Дорогие все! Вчера мы узнали, что из Пятигорска отправляют всех евреев. Так как наши все еще там, то мама вчера пошла пешком взять хотя бы по смене белья. Мы в ужасе что она к завтрашнему утру не придет, а нам надо быть на вокзале в 5 ч. утра, так как в 6 час отправляют в незаселенные места Украины. Столько времени нам вместе и очень огорчает что ее сейчас нет с нами. Дорогая Раечка! Как хорошо, что ты не с нами и как мы убиты горем, что не поехали по твоему вызову. Но что поделать, так видно суждено. Бедная Юлечка, ей бы только жить и жить, но она очень крепится. Так мы очень упали духом. Многое можно было сказать, но нет сил. Мы сейчас смертники, а так хотелось бы пожить и поставить детей на ноги, за какие грехи они отдуваются. Если б было чудо и мы могли б очутится с вами, но, к сожалению, счастье отвернулось от нас. Но мы еще надеемся, правда надежда очень слабая. Очень прошу тебя Раечка и всех наших заменить Лёлиньке нас, ведь мы его почти 3 года не видели, мальчик он очень хороший, ведь он у нас один сын. Как глупо у нас все получается, правда таких как мы много здесь, но там с вами еще больше. Хочется многое сказать, но нет сил. Всю жизнь работали, страдали для детей, а так не поставив на ноги, приходится уйти от жизни. Лёлинькин адрес: Ненекса Архангельская обл. Беломорский р-н п/о 430-ему. Только что получили привет, что мама идет домой и что Ани с семьей нет и квартира их опечатана…».

Далее в этом письме опять дописывает Григорий (Тиша): «Часы идут. Уже 1/2 второго по-Берлински. Хочется с вами еще побеседовать … мы сидим и думаем о всех вас. Мысль так и

прыгает от одного к другому, вспоминается наш традиционный 1-й май, когда мы были все вместе, помните у Люсеньки за столом. Сердце разрывается при одном воспоминании. Неужели это уже больше не повторится. Какое это было счастливое время, но как все относительно. Теперь мы сидим и думаем о другом счастье, если бы разорвалась бомба неожиданно и прекратила все страдания. Вспоминай Раечка счастливые времена. Когда мы так близко жили и видели друг друга. Вспоминаем сейчас Лёву, маленького Димуську когда были у нас Острины. Все как сон. Сейчас сидим за столом в комнате, Гарик сидит возле меня, облокотившись на стол. Роза подает обед. Решили сегодня наобедаться. Едим мясной борщ. Юлочка ушла менять хлеб на муку. На всякий случай берем на несколько дней. У Юлочка резко изменилось настроение к худшему…Часы идут. Уже четверть шестого. Никогда я так не замечал хода часов. Как быстро летит время. Дорогие. Только что пришла бабушка мама Розы из Пятигорска. Аня с семьей уехала 5 сентября в 7 часов утра. Всех вызвали к кладбищу и оттуда их как будто отправили на машинах куда не известно. 4 часа 20 м. утра. 9 сен. Прощайте дорогие. Сейчас уходим на станцию. Дай бог добрый час… Простите если кого-нибудь чем-нибудь обидел. Прощайте все. Всех целую. Гриша».

Последней это письмо дописала Юлочка: «9. Сент. 42 г., 4 ч. 30 м. по-Берлински. Дорогой братик и все родные! Прощайте навсегда. Руки не двигаются. Не могу ничего писать. Пропали все мечты и все планы. Сейчас идем к эшелону. Страшно! Страшно! Но все-таки не укладывается в голове, что жить осталось несколько часов. В голове теплится надежда на партизан. Мысли так путаются, что ничего не поймешь. Передо мною все время стоят все родственники, знакомые. Писать больше некогда. Уже уходим. Передайте привет всем от десятков тысяч евреев, которые покоятся в сырой земле на громадном пространстве России. Как все стало противно. Все стало чужое. Привет. Юля».

Есть в письме и фраза Григория Левина на идиш, которую перевела Л.Б. Лаврова из Москвы: «Будьте здоровы, мои дорогие, не хочется уходить из этого светлого мира, всем от меня привет».

После проведения акции по уничтожению евреев, всё их имущес-

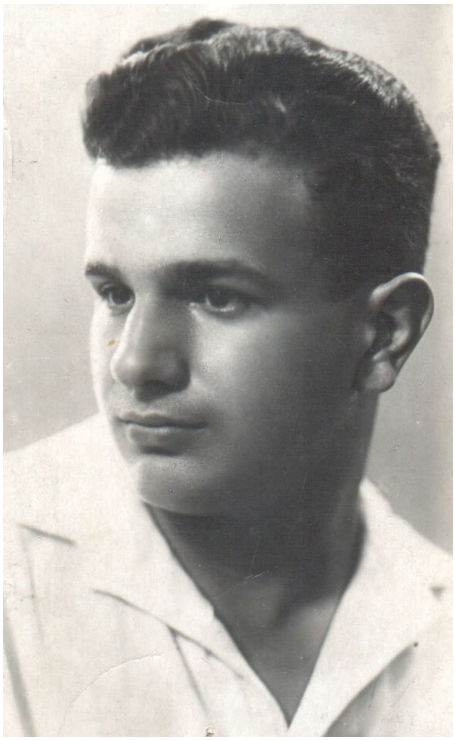
Лев Левин перед отправкой на Финскую войну. Архив НПЦ «Холокост»

во, остававшееся в квартирах и частных домах, было расхищено немцами или вывезено на специальные склады. Один из таких складов был открыт в Пятигорске, для выдачи местным коллаборационистам, заслужившим благодарность оккупантов, различных вещей, ранее принадлежавших еврейским семьям. Бывший полицейский Бердников свидетельствовал на следствии: «После расстрела людей в Минеральных Водах, все золотые изделия забрал немецкий офицер, а одежду, обувь, сумки, погрузили в автомашину и увезли в Пятигорск, на склад».

А.Л. Скобликова до 2021 года не знала, что в Минеральных Водах есть мемориал с именами расстрелянных евреев (более 1000), установленный в 2019 году в рамках проекта «Вернуть достоинство» Российского Еврейского конгресса. Анна Львовна посещала эти места ранее и видела только старый, советского времени памятник, где не было ни слова о евреях, ни имен погибших. Сейчас он тоже сохранен, стоит рядом с новым мемориалом.

– Евреи из каких городов были там расстреляны?

– На этом месте были расстреляны местные и эвакуированные евреи из Кисловодска, Пятигорска и других населенных пунктов Кавказских Минеральных Вод. Это крупнейшее место уничтожения евреев в этом районе Северного Кавказа. Более 300 человек убили и в самом Кисловодске, где также расположен свой мемориал. Однако, где точно покоится тот или иной человек, в Кисловодске или на территории возле стекольного завода в городе Минеральные Воды, по понятным причинам, установить невозможно. Тоже самое касается многих жертв из Ставрополя. И все, до сих пор неизвестные нам имена погибших, сле-

Лев Левин в предвоенные годы. Архив НПЦ «Холокост»

возле стекольного завода в городе Минеральные Воды, по понятным причинам, установить невозможно. Тоже самое касается многих жертв из Ставрополя. И все, до сих пор неизвестные нам имена погибших, следует непременно восстановить и увековечить на памятниках. Анна Львовна тоже просила дополнить именами своих родных скорбный список на мемориале.

– Не удивительно, что записи Анны Львовны вас сильно заинтересовали…

– Конечно, я стал внимательно изучать предсмертные письма её расстрелянных родственников. В повествовании Скобликовой самым удивительным образом переплелись судьбы убитых, спасённых и спасителей. Эти люди написали свои прощальные письма буквально перед уходом на смерть, я уверен, они понимали, что их ждет. Благодаря нашему знакомству с А.Л. Скобликовой, мы обнаружили новые, неизвестные ранее имена жертв Холокоста. Здесь тот самый случай, когда предсмертные письма евреев хранятся, как семейные реликвии, много-много лет, являясь также прямым доказательством геноцида евреев на территории СССР, о чём я уже неоднократно говорил. Других свидетельств о гибели этих конкретных евреев, этой семьи от рук нацистов, по сути-то, и нет.

История этой семьи оказалась очень драматичной. Выяснилось, что к счастью, погибли не все из родных Анны Львовны, в те страшные годы удалось спастись маленькому мальчику Грише, который находился вместе с Левиными, но уцелел, благодаря неравнодушию местных жителей. Об этом поговорим позже.

– Откуда семья Левиных приехала на Северный Кавказ?

– Семья Левиных эвакуировалась туда осенью 1941 года из Харькова. Этот поток эвакуации считался в тот период очень удачным направлением во всех смыслах, в этих курортных краях было тепло, сытно, к тому же Северный Кавказ на тот момент располагался достаточно далеко от войны, как думали советские граждане в 1941 году. Уезжать в этот плодородный регион считалось гораздо выгоднее и удачнее, чем отправляться на Урал или в Сибирь. Разумеется, тогда никто и не предполагал, куда дойдут немцы.

И вот, бывшие харьковчане проживали в Кисловодске, в доме местной армянской семьи Савадовых. В то время считалось привычным делом, когда к местным жителям подселялись эвакуированные. Анна Трубкина, сестра Григория Левина, проживала со своей семьёй в Пятигорске. Крепкий, старинный особняк в Кисловодске - дом 20 по улице Клары Цеткин сохранился до сих пор.

– Что было дальше?

– В начале августа 1942 года Кисловодск был захвачен германскими войсками. Отмечу, что ранее семья Левиных и ещё несколько еврейских семей пытались уехать, но на Северном Кавказе уже вовсю действовали немцы. У беглецов ничего не получилось, они вынуждены были вернуться. Деваться им было некуда, а германское командование издало приказ о сборе всех евреев «для переселения на новое место жительства». Конечно, Григорий Левин и Роза не верили в это переселение. Тем не менее, стали собирать вещи. Семен Савадов, хозяин дома, предлагал, чтобы дочка Розы и Григория - Юлочка (Юдифь) и мальчик Гарик остались у них дома. Гриша (Гарик) был светловолосым, голубоглазым, не похожим на еврейского мальчика. Его Савадову было легко выдать за внука – ребёнка от смешанного брака одной из дочерей с русским. Гарик родился в 1932 году, был племянником Льва Левина, сыном репрессированных еврейских родителей. Его маму и папу арестовали еще до войны. Отца, директора крупного завода в Донецке – расстреляли, а мать сослали в лагерь «АЛЖИР» (Акмолинский лагерь жён – изменников родины, Казахстан). Вся вина этих женщин состояла лишь в том, что они не предали своих мужей, расстрелянных «врагов народов». И после войны, после своего чудесного спасения Савадовыми, мальчик поехал к матери, в «АЛЖИР», потом рос в интернате, а в 1949 году поступил на факультет актёрского мастерства Ленинградского театрального института имени Островского, где учился вместе с Ниной Ургант и Львом Милиндером. В 1968 году Гарик – Григорий

Александрович Острин, был принят в труппу театра «Современник», где прослужил до конца жизни, также активно снимался в советских фильмах. Сейчас его давно нет в живых, он умер в 2016 году. Но вернёмся назад. После ареста родителей, мальчик жил с семьёй Григория Левина. И с ними уехал в эвакуацию в 1941 году.

А вот Юлочка (1924 года рождения) остаться у Семёна Савадова отказалась. В последних письмах Левиных всё это достаточно подробно описано. «Бабушка беспокоилась, как бы не простудилась в дороге Юлочка. А последняя пошла на базар, менять хлеб на муку, потому что бабушка сказала, что надо бы взять с собой не только хлеб, но и муку, чтобы самим печь хлеб». Гарика, по словам А.Л. Скобликовой, родственники решили оставить дома. Хозяин дома Семён Савадов, его жена и дочери придумали легенду, что Гарик – от смешанного брака, что его папа – русский, а мама – армянка. И хозяин дома в Кисловодске оставил Гарика у себя. Это было очень опасно для семьи Семёна Савадова, так как у него самого было двое дочерей, и за укрытие еврейского мальчика всех их могли расстрелять. Но он согласился, и даже предложил спрятать у себя Юлочку, ведь ей всего то было 18 лет! Но Юля категорически отказалась, со словами: «Я не смогу жить, зная, что мои родители и, возможно, мой братик погибли. Разделю с ними эту страшную судьбу. Если и есть жизнь после смерти, то я хочу быть там с ними навсегда!» Гарик тогда был ещё ребёнком и обиделся на своих близких, будучи уверенным, что родственники действительно уезжают, а его почему-то бросают одного, не берут с собой.

Когда они ушли на вокзал, Гарик побежал за ними, но там он их не нашёл. На вокзале собралось огромное количество народа, все – с чемоданчиками, узлами, стояли вагоны, в которые загружали людей. Всё вокруг было оцеплено. Гарику очень хотелось ехать со всеми, мальчик боялся оставаться один. Но вдруг он увидел, что какая-то женщина выкидывает из толпы своего маленького ребенка и кричит ему – «Беги! Беги!» Немецкий солдат швыряет ребенка обратно, бьёт женщину и натравливает на неё собаку. Вот тут-то Гарик и понял, что никакое это не переселение, а уничтожение, он был очень напуган, побежал домой и спрятался под кровать.» – подробно описывает семейную трагедию Анна Львовна Скобликова.

– До слёз…

– А.Л. Скобликова пишет, что отдельные местные жители, понимая, что еврейское население ожидает неминуемая смерть, делали

Лев Левин. 1945 г.
Архив НПЦ «Холокост»

попытки спасти хотя бы их малолетних детей. Один из таких случаев: «…Армянин рассказал, что в это утро он пришёл на вокзал в Кисловодске; шумная толпа грузилась в девятнадцать вагонов, двадцатый был для членов «Еврейского комитета»; армянин разыскал в толпе знакомую женщину и сказал ей: «Отдайте мне на воспитание вашу дочь, вы не доедете до Украины». Семилетняя дочка этой женщины была такая красавица и умница, что все заглядывались на неё. Он долго уговаривал женщину, она задумалась, обняла дитя. «Нет, что будет, то будет, мы не расстанемся».

В эшелоне, расстрелянном на окраине Минеральных Вод, были люди, которые понимали, что их везут на смерть. И всё же, во всех этих трагических ситуациях, происходили и счастливые случаи, заканчивающиеся спасением от смерти. Кто-то из евреев отказался пройти регистрацию и не явился на сборный пункт, после чего скрывался у знакомых и соседей. Другие уцелели, благодаря своей находчивости и помощи местных жителей.

– И здесь – яркий пример бесстрашного поступка Семена Савадова...

– Да, армянская семья Савадовых не только спасла Гришу от неминуемой смерти, но и укрывала его до освобождения города Красной Армией и далее заботились о нем. У Семёна Савадова, как я сказал ранее, росло две дочери, а три его сына сражались на фронтах Великой Отечественной войны и остались живы.

– Как Лев Левин узнал о гибели своих родных и как он это пережил?

– Лёва, конечно, знал, что, когда началась война, все они из Харь-

Лев Левин с женой и дочкой. Архив НПЦ «Холокост»

кова перебрались в Кисловодск, так как немцы стали быстро продвигаться вглубь Украины. Лёва знал, что нацисты на оккупированных территориях СССР уничтожали евреев. Но надеялся, что его семья может быть успела эвакуироваться, и все они остались живы. Но спастись удалось только Гарику. В августе 1946 года боевой офицер Лев Левин вернулся в Москву из Кисловодска от семьи Савадовых со страшными подробностями гибели своих родных.

Лев ездил туда, где последние дни и часы провели его родные. Там же ему отдали личные вещи и прощальные письма его горячо любимых родителей, сестрёнки и бабушки. Все надежды на то, что они спаслись, были разбиты. Лёва остался сиротой, без дома, с горсткой личных вещей родителей – папины часы, пенсне, чуть-чуть маминых украшений, швейная машинка и маленькая пачка фотографий. Всё, что осталось от прежней домашней, тёплой и любящей жизнь его семьи, уместилось в маленький чемоданчик Лев Левин продолжал службу в Советской Армии, женился, работал, воспитывал двух любимых дочерей: Анну и Ирину, храня огромную боль от потери родителей, сестры и брата глубоко внутри» - из воспоминаний Анны Скобликовой.

– Леонид, как планируете использовать в работе данную семейную реликвию?

– В наши сборники писем периода Великой Отечественной войны непременно включим эти сохранившиеся письма Левиных. Данная история страшной гибели и чудесного спасения теперь будет использоваться и в образовательных целях, в школах, на уроках истории, на обучающих семинарах. Разумеется, совместно с Российским Еврейским конгрессом, планируем установить дополнительную табличку. Удалось уточнить место гибели некоторых евреев из Ростова-на-Дону, которые тоже были уничтожены именно в Минеральных Водах. Помимо истории Анны Львовны, нашлись также имена ещё нескольких погибших, расстрелянных там нацистами, память которых ещё не увековечена. По большому счету, у этого мемориала – своя «биография». Ту самую дополнительную табличку с новыми именами, в силу определенных технических трудностей, пока установить не удалось, однако Центр «Холокост» и Российский Еврейский Конгресс провели на Северном Кавказе в сентябре 2022 года мемориальное мероприятие к 80-летию этих трагических событий. На этой встрече выступала и А.Л. Скобликова, рассказавшая собравшимся свою трагическую семейную историю.

– Почему у Савадовых до сих пор нет звания Праведников Народов мира, если Анна Львовна имеет все записи и доказательства спасения Гарика Острина?

– Конечно, Савадовы непременно достойны этого звания. Ну, по крайней мере, Семён Савадов и его жена Елена. Ведь если бы кто-то донес, что они скрывают еврейского мальчика, пострадала бы вся их семья, немцы не церемонились бы с ними. Сегодня Центр «Холокост старается разработать вопрос о подаче заявления в «Яд Вашем» о присвоении Семёну Савадову и его родным звания Праведника Народов мира. К сожалению, посмертно. Очень обидно, что Анна Львовна (и не только она, потомки Савадовых тоже) столько лет об этом молчала. Увы, многие люди до сих пор не знают про звание «Праведник Народов мира», про Центр «Холокост».

– Чем закончим сегодняшний тяжёлый разговор?

– Хочу подчеркнуть, что именно из таких вот трагических историй еврейских семей, складывается летопись всех евреев бывшего СССР. Так вышло, что через семью Левиных безжалостным колесом истории прокатились все, самые трагические и жуткие события первой половины XX века.

Лев Левинс семьёй. 1961 г. Архив НПЦ «Холокост»

Лев Левин выжил, прошёл и Финскую, и Великую Отечественную войны, оставив позади себя долгий, тернистый, сложный жизненный путь.

Это ещё раз говорит о том, что у евреев, которые находились на фронтах в рядах действующей Красной Армии, имелось больше шансов выжить, чем у их родных на оккупированных территориях. Выходит, что история уничтожения, а тем более – спасения евреев в Северо-Кавказском регионе, ещё недостаточно изучена. Печальная биография семьи Левиных – лишь один из примеров.

Уверен, есть ещё масса граждан разных государств, потомков жертв Холокоста, которые молчат, что у них хранятся письма, воспоминания, фотографии. И не только потомки жертв – потомки свидетелей, очевидцев, спасителей. Наверное, эти люди полагают, что это никому неинтересно – просто частная жизнь, семейные истории, но это – глубокое заблуждение, всё это для нас – крайне важно! Центр «Холокост» всегда занимался этой темой и будет продолжать заниматься.

Обсуждаем с историком антиизраильский митинг в Черкесске

Пока в Израиле шла ожесточённая война, связанная с трагическими событиями 7 октября 2023 г., в Черкесске – столице Карачаево-Черкесской республики, прошёл несанкционированный антиизраильский митинг в поддержку палестинцев с участием 80 человек. На нём местные женщины громко заявляли на камеру, что не хотят жить рядом с евреями. О происходившем в Карачаево-Черкесии, поговорим с Леонидом Тёрушкиным – заведующим Архивом Центра «Холокост».

– Леонид Абрамович, хочу сразу сказать – то, что мы здесь обсуждаем, относится отнюдь не ко всем жителям Северного Кавказа, а лишь к участникам того самого митинга в Карачаево-Черкесии. Что думаете обо всём этом, посмотрев видео с антиеврейского митинга в Черкесске?

– Для начала уточню, что мы сейчас говорим не о случившемся одновременно в Дагестане, где произошёл очень жёсткий вариант, с применением физической силы погромщиками в аэропорту Махачкалы, а о соседнем регионе Кавказа, где состоялся лишь митинг. Конечно, если смотришь это видео, гуляющее по всей сети, про этих женщин из Черкесска, которые устроили демонстрацию, возникает букет самых разных мыслей. И смешно, и грустно, и досадно – одновременно. Но ясно одно, участниц данного пикета кто-то предварительно хорошо «обработал» или подготовил. Уверен, что не стоит по одному сюжету судить обо всём регионе – сложном и противоречивом, весьма непростом. Я специально перед этим интервью, консультировался с теми, кто хорошо знает Северный Кавказ. Происходившее в Черкесске – совсем не «классический, бытовой» антисемитизм, а смешанная с невежеством и «солидарностью» с палестинцами, антипатия к Израилю, как государству, и к евреям, конечно. Кстати, посмотрите, как много одобрительных отзывов на этот митинг в интернете. А на самом деле, на нём, милые с виду девушки и женщины, повторили массу старых сплетен и стереотипов о евреях, переложенных или «переформатированных» на новый лад.

– В чём кроется опасность таких публичных выступлений?

– Из речей митингующих, как это ни прискорбно, можно было

услышать то, что когда-то активно транслировалось в нацистской Германии: «Мы не хотим жить рядом с евреями». Я где-то уже это читал. Правда, в Германии 1930-х гг. это звучало так – «Евреям – не место среди нас». Только там требовали, чтобы евреи скорее убрались оттуда, а эти женщины в Черкесске скандировали: «Хотим, чтобы евреи уезжали (или не приезжали)». Спасибо, что те пикетчицы ещё не потребовали немедленно выселить евреев, которые сегодня живут в Карачаево-Черкесии. Всё услышанное на митинге о евреях, невольно можно сравнить с содержанием детской нацистской книжечки, под названием – «Ядовитый гриб» (Der Giftpilz) – Берлин, 1938 г., которая рассказывает, что «еврей – причина страдания и бедствия, болезни и смерти… есть различные виды ядовитых евреев…».

О том, какие они «ужасные», мы видим и слышим снова: «евреи любят плевать в колодец, из которого пили…» (это уже – своеобразная ретрансляция – Черкесск – 2023). Раньше нацисты кричали, что евреи обманывают немцев, а сегодня, жительницы Черкесска утверждали, что евреи обманывают мусульман – местных и ближневосточных.

Будто, содержимое этой книжечки «Ядовитый гриб» – специально кто-то вложил в их головы. Кстати, события в Черкесске происходили накануне 85-летия «Хрустальной ночи», нацистских еврейских погромов 9-10 ноября 1938 года. Тогда от разговоров и пропаганды нацисты перешли к реальным действиям на улицах германских городов. Получается, что евреи (теперь – израильские), в глазах черкесских митингующих продолжают оставаться такими же «чудовищами», какими нацистская пропаганда рисовала их 85 лет назад.

– Что думаете предпринять, в связи с этим? Чаще выступать с лекциями о Холокосте на Северном Кавказе?

– Центр «Холокост» регулярно проводит на Северном Кавказе образовательные семинары, мемориальные мероприятия, и нас там всегда тепло принимают. Хотя, может быть, охват наших занятий – не такой масштабный, как следовало бы. Думаю, о Холокосте там надо рассказывать чаще, больше, убедительнее, разворачивать выставки с большим использованием местных материалов. К сожалению, данный митинг произошёл из-за ряда негативных факторов. Тут сказывается недостаток образования, просвещения и культуры его участниц. Не секрет, что подобный пробел в исторических знаниях у наших граждан, непременно заполнится кем-то и чем-то другим, опасным и агрессивным.

А ещё, надо отметить, что митинг проходил в Черкесске накануне другой печальной даты – 80-летия депортации карачаевцев в Среднюю Азию и Казахстан, якобы – за массовое сотрудничество с германскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны. Перед нами – представители одного из депортированных народов. В ноябре 1943 года карачаевцы подверглись принудительному выселению с территории ликвидированной Карачаевской АО, тогда свой дом потеряло 68 614 человек.

– Об этом, пожалуйста, подробнее…

– Карачаевцев обвиняли в пособничестве оккупационным властям, противодействию восстановления Советской власти, бандитизме. В 1956-ом году с них были частично сняты ограничения, и в 1957 году им было разрешено вернуться на Северный Кавказ. Политическая реабилитация карачаевского народа произошла в 1991 году. Высшими государственными органами СССР, а позднее – РСФСР – депортация была признана незаконной.

Повторюсь – точно так, как эти митингующие женщины проклинали всех евреев, так и все карачаевцы были обвинены в сотрудничестве с германскими войсками и пострадали. То есть, потомки людей, которые стали жертвами исторической несправедливости, массовых репрессий, не смогли уловить эту аналогию, даже задуматься о ней. Потомки единожды изгнанного народа, требовали удалить (или не допускать к себе) потомков другого, вечно гонимого этноса. Почему бы, в связи с этим, местным педагогам, историкам, краеведам, не провести в этом регионе специальные занятия, сравнив своё и чужое прошлое и настоящее?! Образумить тех, кто настроен негативно против евреев…

– Получается, в трагической судьбе карачаевцев есть много похожего на линию жизни евреев, от которых некоторые кавказцы настойчиво пытаются отдалиться и себя им противопоставить?

– Совершенно верно, как это ни горько осознавать. Может, митинговавшим жителям Черкесска вспомнить карачаевцев, спасавших евреев в годы Великой Отечественной войны и Холокоста? А то, похоже, прошлое палестинцев там знают лучше, чем историю своего народа.

– Были в тех местах мужественные граждане, спасавшие евреев в период Великой Отечественной войны?

Семья Халамлиевых. Архив НПЦ «Холокост»

– Да! Посёлок Теберда в Карачаевском автономном округе (ныне – Республика Карачаево-Черкессия) находился под германской оккупацией с 11 августа 1942 года по 21 января 1943 года. В декабре 1942 года в Теберде были расстреляны 287 евреев, в основном - семьи медработников и пациенты местных санаториев, среди них – около 100 детей. Расстрел произошёл у подножия Лысой горы, в 1,5 км от посёлка. 22 декабря в автомобиле-душегубке были умерщвлены 54 еврейских ребенка, больных костным туберкулёзом, их трупы были сброшены немцами в Тебердинское ущелье. Общее число погибших в Теберде евреев – 341 человек. Все эти данные есть в Энциклопедии, подготовленной нашим Центром еще в 2009 г. – «Холокост на территории СССР».

Шамаил Халамлиев, его жена Фердаус и их 11 детей жили в посёлке Теберда. Его население – прежде всего карачаевцы, мусульмане по вероисповеданию. Через Теберду проходила Военно – Сухумская дорога, пролегающая через Главный Кавказский хребет (Клухорский перевал) и соединявшая Черкесск с Сухуми. С осени 1941-го года по этой дороге шли беженцы из Украины, Белоруссии и западных областей России. Летом 1942 года немцы оккупировали часть Северного Кавказа, и беглецам пришлось искать новые пути спасения.

В самом начале августа 1942 года один из сыновей Халамлиевых, Мухтар, привёл в дом родителей трёх еврейских девушек по фамилии Гейдман, эвакуированных из Киева. Они совершенно не знали окрест-

Мухтар Халамлиев.
Архив НПЦ «Холокост»

ностей, были растеряны и напуганы. Поступок Мухтара был понятен родителям. Но всё равно, первой их реакцией стал страх: немцы были уже повсюду, и об их отношении к евреям и тем, кто им помогает, всем было известно. Таким людям неминуемо грозил расстрел вместе с евреями. Но глава семьи, 67-летний Шамаил Халамлиев, решил: «Это Аллах нас испытывает, какие мы люди. Перевал в Закавказье уже занят немцами, девушки не пройдут. Если хотят, пусть живут с нами. Что Аллах предначертал, то и будет…».

На весь период германской оккупации Халамлиевы дали убежище, приют, кров и пищу – Броне, Фаине и Лине Гейдман. Девушек переодели в национальные карачаевские платья с длинными рукавами на пуговицах и глухими воротниками, голову покрыли национальными шалями с бахромой. Дети Халамлиевых: Мухтар, Султан и Шахмёлек, вместе с родителями заботились о беженках. Посторонним их не показывали, хотя, на всякий случай, Мухтар Халамлиев достал для них поддельные «русские» документы, с другими именами.

В начале 1943 года Красная Армия освободила Северный Кавказ, а в ноябре 1943 года по обвинению в сотрудничестве с оккупантами семье Халамлиевых пришлось также покинуть родные края, несмотря на заступничество и многочисленные обращения спасённых сестер Гейдман к властям, что эта семья с немцами не сотрудничала, а спасала обречённых евреев, которым грозила смерть. Кстати, девушки при этом тоже подвергались определенному риску, как можно догадаться.

– Что было дальше?

– Много лет спустя, вернувшись из 14-летней ссылки, Султан Халамлиев вспоминал: «Многие тогда помогали людям, а как же иначе?

Супруги Шамаил и Фердаус Халамлиевы. Архив НПЦ «Холокост»

Но знаете, что меня больше всего потрясло?! То, что сёстры Гейдман разыскали нас в изгнании, и одна из них даже приезжала к нам в Киргизию. Можете представить, как смотрели в те годы на дружбу с ссыльными?! Мы и сейчас переписываемся...» В 1994 году «Яд Вашем» удостоил Шамаила и Фердаус Халамлиевых, их сыновей Мухтара и Султана почётного звания «Праведник Народов мира». Эта история также есть в издании И.А. Альтмана и Д.И. Полторака «Праведники народов мира. Россия. 1941-1945. Пакет-комплект документов. Методические рекомендации к учебному пособию» *(М.: «Русское слово: учебник», 2011)*.

Вот замечательный пример того, как должны общаться люди разных национальностей в тяжелейших испытаниях. Кроме этого, есть и иные случаи спасения беженцев в тех краях, хотя не все, такие достойные люди, признаны Праведниками. Эти истории ещё требуют изучения, тут есть, где и как сотрудничать.

В годы войны, в оккупированном Черкесске погибло около 1 450 евреев, в основном, эвакуированных. И там местные жители, рискуя жизнью, спасали евреев и даже умирали вместе с ними. Жители Кавказа всегда понимали трагедию беженцев и еврейского народа. Их в 1942 году мало интересовали вероисповедание и национальные особенности тех, кому они помогали. Почему же сейчас, вместо того, чтобы гордиться лучшими представителями своего народа и их подвигами, помнить о своих предках – карачаевцах, готовых когда-то рисковать жизнью, спасая евреев (которых они, вероятно, вообще до войны не знали и не видели), местные жители – их потомки, вдруг начали призывать власти принять меры к недопущению евреев? Это очень печально и заставляет серьёзно задуматься о происходящем в тех краях.

Фердаус Халамлиева.
Архив НПЦ «Холокост»

– На ваш взгляд, какие выводы можно сделать из случившегося?

– Данный пикет случился из-за отсутствия знаний истории и невысокого культурного уровня участников несанкционированного митинга. Им рассказали, внушили, что палестинцы когда-то «радушно приняли евреев на Ближнем Востоке, дали им землю», а «неблагодарные израильские соседи» вытеснили оттуда «несчастных палестинцев», хотя всё это – вообще далеко не так. Достаточно заглянуть в интернет. А теперь, мол, подобная опасность грозит и Карачаево – Черкессии. Хотя, если обратиться к статистике, то евреев там практически нет. Может человек 30-40, то есть, куда меньше, чем собравшихся на митинге. Да и массово ехать туда никто из евреев не собирается. Непонятно тогда, кто и что так сильно «портит» жизнь местным жителям? Произошедшее вновь подтверждает, что для распространения ксенофобских идей и мнений наличие евреев рядом – совсем необязательно. Думаю, участницы того злополучного пикета и настоящих евреев – то никогда не видели, ни местных, ни израильских. Впрочем, о палестинцах у них тоже слабые представления. И о российских законах. Предки спасали конкретных беженцев 80 лет назад, а их потомки готовы на самое страшное. Кстати, мнения местных жителей – не мусульман, никто из митингующих также узнать не пожелал…

Илья Альтман: «Многие документы о Холокосте до сих пор засекречены…»

29 сентября 2022 года Госдепартамент США распространил совместное заявление спецпредставителей по вопросам Холокоста, в котором говорилось, что в течение 45 лет после окончания Второй мировой войны Советский Союз подвергал цензуре документацию о геноциде евреев, в том числе - точные исследования и документацию о массовом убийстве в Бабьем Яру. Официальный представитель Министерства иностранных дел РФ Мария Захарова назвала этот демарш фейком, полностью отрицая обвинения в адрес России. На эту сложную и важную тему поговорим с сопредседателем НПЦ «Холокост», профессором РГГУ Ильёй Альтманом.

* * *

– Илья Александрович, я не историк, но по интервью с жертвами Холокоста, воспоминаниям моей семьи, потерявшей родных на оккупированных нацистами территориях, знаю, что в советское время о Холокосте не говорили – страшная тема была строго табуирована до периода Перестройки. На памятниках писали о «мирных советских гражданах», погибших от рук нацистов. Так можно ли было в СССР говорить о Холокосте?

– Дискуссия возникла из-за спора по вопросу, скрывались ли документы о Холокосте, о событиях в Бабьем Яру в советский период или нет. И здесь надо чётко разделить происходившее на хронологические периоды. С 1941 по 1948 год – во время активной деятельности Еврейского антифашистского комитета – документы о Холокосте собирались, публиковались, как в советской прессе, так и на Западе. Примером того, что в нашей стране широко говорили о Холокосте, стала публикация о радиомитинге еврейской общественности 24 августа 1941 года. Этот материал перепечатали не только центральные газеты, но практически вся местная пресса. Слова Соломона Михоэлса о том, что нацисты стремятся уничтожить весь еврейский народ, цензура не редактировала. Осенью 1941 года в газете «Известия», со ссылкой на западные источники, также рассказывалось и о трагедии в Бабьем Яру на окраине Киева, когда в огромном овраге злодеи казнили почти 34 тысячи евреев. Сообщалось об этом в упомянутой Марией Захаровой ноте

Исполнительный директор Ассоциации «АзИз» Шауль Симан-Тов и Илья Альтман в Кнессете, на мероприятии в честь Дня Победы. Иерусалим. 8 мая 2018 г.

Вячеслава Молотова в январе 1942 года, в специальном заявлении Наркомата иностранных дел об уничтожении евреев на территории СССР и Европы, которое было опубликовано в нашей печати 19 декабря 1942 года.

– ***То есть, информация всё же публиковалась…***

– Летом 1943 года в газете «Правда», вышла статья члена Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК), писателя Алексея Толстого под названием «Коричневый дурман» о преступлениях нацистов в отношении евреев в современном Ставропольском крае. Но в начале 1944 года, в официальных сообщениях, в частности в «Сборнике документов Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников на оккупированной территории СССР», начались изъятия упоминаний евреев.

В правках участвовали Вячеслав Молотов и высокопоставленные сотрудники аппарата ЦК. По этому документу видно, как слово «евреи» заменяется на «мирные советские граждане». Это «словозамещение» началось уже во время войны. После окончательного запрета в 1947 году на издание «Чёрной книги» и особенно, после закрытия Еврейского антифашистского комитета, упоминания в специальной исторической литературе о преступлениях против евреев стали крайне лимитированными.

Исключения составляли переводы документов, изданных за рубежом и материалы Нюрнбергского процесса. Даже в годы хрущёвской оттепели была запрещена уже переведённая на русский язык книга польско-еврейского историка Бернарда Марка о восстании в Варшавском гетто. Если авторов «Чёрной книги» упрекали в буржуазном национализме, то это издание представлялось опасным, «как сионистская пропаганда».

– Значит, отдельных научных публикаций именно о еврейской трагедии в тот период не было?

– Верно, их на тот момент не было, как не велось и отдельных исторических исследований в отношении уничтожения евреев. Дело в том, что архивные учреждения, до передачи их документов на государственное хранение в 1958 году, находились в ведении Министерства внутренних дел. Вплоть до Перестройки документы о Холокосте оставались практически закрытыми для исследований, поэтому о существовании фондов Чрезвычайной государственной комиссии или Еврейского антифашистского комитета не было известно даже большинству сотрудников этих самых архивов. Хотя отдельные материалы по запросу органов прокуратуры иногда и выдавались на руки. Да что там говорить, текст знаменитой «Чёрной книги» был найден мною только в конце 1988 года! Одним словом, с августа 1948 года и до Перестройки, эта тема не могла быть объектом научного анализа. А вот мемуарная и художественная литература, повествующая о зверствах нацистов против евреев, постепенно стала появляться уже в хрущёвский период.

– Приведите, пожалуйста, конкретные примеры таких изданий.

– Сюда я могу отнести мемуары Ильи Эренбурга о «Чёрной книге»,

произведение Евгения Евтушенко «Бабий Яр» и публикацию Анатолия Кузнецова в журнале «Юность» в 1966 году, роман Анатолия Рыбакова «Тяжёлый песок», изданный в 1978 году. Стоит назвать и книгу Маши Рольникайте «Я должна рассказать». Но если соответствующие издания, повести и рассказы уже потихоньку начали печататься, то доступ к документам о Холокосте так и был закрыт для историков. Недоступные материалы хранились или в секретных фондах, или в фондах ограниченного доступа. Всё начало меняться примерно с 1988 года, с началом программы по рассекречиванию архивов для российских и зарубежных исследователей. В декабре 1991 года я, как представитель Главархива СССР, был командирован в Израиль (ещё до установления с этой страной дипломатических отношений) и передал в мемориальный комплекс «Яд Вашем» 10 тысяч копий архивных документов о преступлениях нацистов против евреев из фонда Еврейского антифашистского комитета. Одним из первых был открыт фонд ЧГК. С этого момента мы говорим о завершении официальной государственной цензуры в области документов о Холокосте.

– И всё-таки, объясните, пожалуйста, какой был смысл властям СССР все эти годы скрывать убийства именно евреев?

– Я уже говорил, что закрытыми или малодоступными были все архивные фонды, где отложилась документация о нацистском оккупационном режиме, включая архивы местной гражданской администрации и коллаборационистские издания. Огромное количество жертв среди мирного населения, судьбы военнопленных, проблемы коллаборационизма, повседневная жизнь на оккупированной территории, долго оставались вне поля зрения историков. Любопытно, что тема Холокоста, с цитированием достаточно большого количества нацистских документов, неожиданно всплыла в так называемой антисионистской литературе 1970-х – начала 1980-х годов, в том числе – в изданиях советского Антисионистского комитета.

– Правда ли, что и сейчас многие документы из архивов ФСБ, касающиеся непосредственно Холокоста, всё ещё недоступны исследователям?

– Да, это так, многие документы о Холокосте до сих пор засекречены и открыты исследователям всё ещё не в полном объёме. Приведу

конкретный пример: в начале 1990-х годов американскому Музею Холокоста удалось скопировать отдельные донесения о положении на временно оккупированной территории СССР, начиная с июля 1941 года. Сегодня эти сведения можно прочитать на сайте и в архиве этого музея, однако сами материалы и другие аналогичные донесения по-прежнему недоступны для российских историков. Между тем, в еженедельных донесениях с оккупированных территорий, которые получали наши спецслужбы, содержится достаточно подробная, систематизированная информация о преступлениях нацистов. Также, всё ещё недоступны в полном объёме документы региональных судов над пособниками нацистов, где можно обнаружить немало сведений об уничтожении евреев.

– Но что вам, специалистам, дадут для работы эти документы? Ведь свидетельств Холокоста и без них – огромное число.

– Следует подчеркнуть, что большинство документов о Холокосте из государственных архивов нашей страны сегодня находится в открытом доступе, многие выложены на сайте Федерального архивного агентства, опубликованы в серии сборников «Без срока давности». Но именно по недоступным пока для нас документам, нам, историкам, проще всего было бы доказать определённые факты участия конкретных преступников в уничтожении евреев, уточнить места их казни, подсчитать точное число убитых в том случае, когда оккупанты проводили специальную регистрацию будущих жертв. Например, мы знаем, что в госархиве Бреста полностью сохранилось более 12,5 тысяч анкет узников гетто, их фото и т.д.

Уверен, что на первых процессах над коллаборационистами, в том или ином регионе, судебно-следственными органами могли быть затребованы архивные материалы со списками евреев. Кроме того, эти документы свидетельствуют, насколько скрупулезно советские спецслужбы изучали преступления нацистов. В Ростове-на-Дону в феврале-марте 2022 года проходило специальное закрытое заседание, где присутствующим огласили материалы судебного процесса 1960-х годов в Ставрополе, где прозвучали новые факты об уничтожении евреев и цыган на юге России. Так что, в нашей стране далеко не все документы о преступлениях против мирного населения на оккупированной территории СССР доступны исследователям. Работа по рассекречиванию архивных документов ещё не закончена...

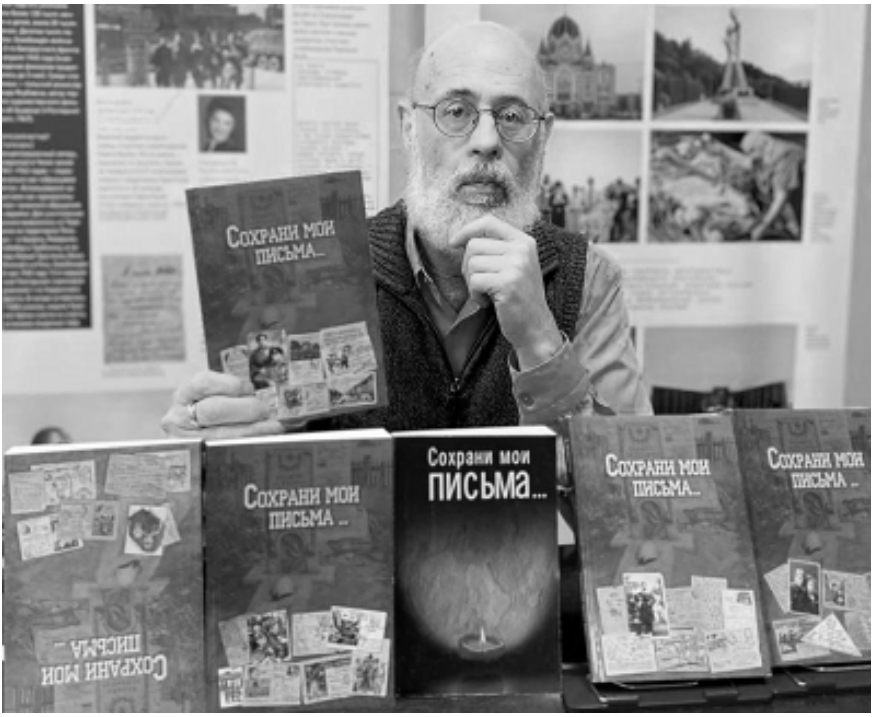
Заметки с полей сражений, признания в любви, трагические переплетения судеб. О седьмом сборнике «Сохрани мои письма…»

В 2024 году вышел седьмой сборник серии писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны «Сохрани мои письма…»[1] Этот объёмный, многолетний труд историков включает в себя документы личного происхождения, которые собираются, хранятся, изучаются, издаются сотрудниками Центра «Холокост» более 30 лет. О работе над сборником, связи поколений и необычных пересечениях человеческих судеб беседуем с Леонидом Тёрушкиным, одним из составителей книги.

– Леонид Абрамович, расскажите о серии сборников. Как всё начиналось?

– На протяжении уже почти 20 лет Научно-просветительный Центр «Холокост» выпускает серию сборников «Сохрани мои письма...». Это письма и дневники со всего СССР (и не только) периода Великой Отечественной войны. Сюда относятся письма с фронта домой евреев – солдат и офицеров Красной Армии, послания из тыла на фронт, письма из только что освобождённых районов, из эвакуации. Разумеется, собираем и изучаем документы не исключительно евреев, но и членов смешанных семей, друзей, однополчан, соседей, используя эти ценнейшие «трофеи» не только в своих книгах, но и на наших выставках. Часто местные жители из освобождённых районов СССР писали родным и друзьям о событиях Холокоста. Имеются в нашей богатой коллекции и фронтовые дневники. Когда в 2007 году мы с Ильёй Альтманом, профессором РГГУ, сопредседателем Центра «Холокост», выпускали первый сборник «Сохрани мои письма…», то не думали, что наша задумка получит столь масштабное, интересное продолжение и такую огромную популярность. Спустя много лет, понимаем: у первого сборника был ряд недостатков. В рамках этого долгоиграющего проекта, поиск писем и дневников стал нашей отдельной, целенаправленной деятельностью. В сборники мы включаем письма, массу личных и групповых фотографий и частных документов, справок, свидетельств, «похоронок», рисунков.

[1] В 2026 г. вышел 8-ой сборник этой серии

Леонид Тёрушкин, заведующий Архивным отделом НПЦ «Холокост». Один из авторов-составителей продолжающейся серии сборников «Сохрани мои письма…»

Люди искренне интересуются судьбой своих родных, переживают из-за их гибели, пытаются чем-то помочь близким, разбросанным войной по разным уголкам СССР. В седьмом сборнике можно увидеть любопытный подбор дневников военных лет. Хотя существует неубедительный стереотип, что в период войны солдатам и офицерам Красной Армии категорически запрещалось их вести. Несмотря на это, таких реликвий сохранилось сравнительно много, и они тоже, к счастью, попадают к нам в руки.

– Почему же существовал такой запрет?

– Я не видел ни одного конкретного приказа о запрете вести дневники в период Великой Отечественной, но, думаю, советское командование опасалось, что шпионы, диверсанты могут разведать с их

помощью какие-то секреты. Поэтому чересчур осторожные командиры порой не разрешали этого своим подчинённым. Но это не значит, что так происходило везде или, что все покорно слушались.

– Центр использует для сборников материалы, собранные сотрудниками, не прибегая ни к каким внешним источникам?

– Прежде всего так, практически не используя материалы государственных архивов, музеев. Правда, исключения бывают, когда имеем дело с весьма заметными личностями или с редкими, не публиковавшимися ранее документами, или когда документы из государственных архивов и музеев дополняют семейную переписку, уточняют судьбы героев и их близких.

– Чем конкретно наполнено новое издание?

– Основной корпус документов, отобранных для публикации в седьмом сборнике, соответствует периоду Великой Отечественной войны и представляет читателю личностный, но вместе с тем многогранный взгляд на события 1941–1945 годов. Хотя первые подборки датированы 1940 годом. Сборник содержит около 250 писем 60 авторов, а также 4 дневника и около 150 впечатляющих иллюстраций – фото авторов и адресатов, друзей, однополчан, личные документы, открытки писем, рисунки, благодарности. В книгу также включены отдельные документы из музея-заповедника «Сталинградская битва», Музея истории и культуры п. Малаховка Московской области, Музея памяти ветеранов Второй мировой войны и войн за Израиль (г. Реховот), клуба ветеранов и детей войны г. Ришон-ле-Цион (Израиль). Большинство семейных реликвий поступило в Архив Научно-просветительного Центра «Холокост» в последние три-четыре года, от родных авторов или адресатов писем, их потомков из Беларуси, Германии, Израиля, Латвии, России, США. Как правило, разъехавшиеся по миру русскоязычные евреи бережно хранили эту переписку, и уже потом выяснилось, что это чрезвычайно интересно, прежде всего нам.

– Именно у вас можно проследить необычные пересечения человеческих судеб, словно оживающие на страницах седьмого сборника.

– Признаюсь, когда разбираю попавшие к нам семейные архивы, письма, дневники, то сам часто удивляюсь. Такое ощущение, что

именно нас эти материалы, спрятанные на пыльных полках, на антресолях и в шкафах, ожидали долгие десятки лет, и как раз у нас они «возвращаются к жизни», сохраняя зарисовки о войне для будущих поколений. В 2013-ом году, в третьем выпуске сборника, мы публиковали письма Бориса Кигеля, одного из прототипов героев знаменитой песни Михаила Матусовского «На безымянной высоте…», впервые прозвучавшей в советском кинофильме «Тишина». А при работе над седьмым сборником, когда занимались письмами подполковника Исаака Лещинера, восстанавливая его биографию, то узнали, что он был замполитом командира того самого полка, в котором служили те самые 18 героев разных национальностей, о которых сложена песня. Они были из восьмой роты 718-го полка 139-й стрелковой дивизии 10-й армии Западного фронта, сражавшиеся против 200 солдат вермахта в ночь с 13 на 14 сентября 1943 года у деревни Рубежанка (ныне Калужской области).

– Удивительное совпадение.

– Или вот - военный корреспондент Григорий Рабинович-Горский, увлекательный военный дневник которого вы прочитаете в сборнике, дружил с военным корреспондентом Давидом Минскером, они вместе служили в 1942–1943 годах. Мы уже несколько раз публиковали письма, дневники и фотографии Давида Минскера. Думаю, в следующие сборники войдёт его неизданная, обнаруженная нами в процессе завершения седьмого сборника, фронтовая переписка. В начале 1944 года Давид Минскер был тяжело ранен и уже не смог вернуться на фронт, врачи чудом сохранили ему руку, а Григорий писал ему в Москву, вплоть до конца войны, не теряя контакта с коллегой и сослуживцем. Кстати, у Давида Минскера был младший брат – военный врач Черноморского флота Борис (Беньямин). О нём семье рассказал в письме, уже в 1945 году, другой врач, чех по национальности, уроженец Волыни, попавший в плен, но сумевший выжить, ставший последним, кто видел Бориса Минскера живым при обороне Севастополя в 1942 году.

– Чем примечательны герои книги?

– Читателей не оставит равнодушным письмо случайно уцелевшего в годы Холокоста 14-летнего Бориса (Бера) Чернякова, посвящённое гибели евреев Лиозно в Белоруссии и его собственному спасению. Его нам передал сын, Илья Черняков, ныне живущий в израильском

Ашдоде. Мать Бориса умерла в начале 1930-х годов, отец – командир Красной Армии – был репрессирован, мальчика воспитывали родители матери, проживавшие в Белоруссии. Вот как он описывал зверства оккупантов: «Восемь с половиной месяцев прожил я с немцами, и то, что я за эти месяцы пережил, трудно описать. Поверьте мне, что я не знаю, как не стал седым! Трудно и невозможно передать, каково положение евреев! Мы жили, как отверженные. Не давали даже воды! Мы буквально голодали. Если бы вы увидели дедушку с бабушкой, вы бы их не узнали. Сколько они пережили! Я никогда не забуду, как в дом ворвались полицейские и били дедушку прикладами по спине. Как он кричал! Дом наш сгорел». О судьбе Бориса было рассказано писателем Всеволодом Ивановым в очерке «Лиозно», опубликованном в «Чёрной книге» Ильи Эренбурга и Василия Гроссмана. Мальчику удалось бежать, перейти линию фронта и спастись. И если в «Чёрной книге» мы читаем всё-таки литературно обработанный, отредактированный вариант воспоминаний Чернякова, то в седьмом сборнике приводится авторский текст письма. Там есть важные детали, не вошедшие в «Чёрную книгу».

– Что даёт вам силы, мотивацию, желание, энергию, заниматься этим?

– Тема представляет для меня огромный и постоянный интерес. И не только для меня, ею увлечены десятки моих коллег по всему миру, профессионально исследующие историю Второй мировой войны, Холокоста, летопись фронтовой, военной повседневности. Несомненно, от нашей деятельности имеется не только научная, но и практическая польза. Например, многие люди только благодаря нашим поискам и публикациям вообще что-то узнают о своих далёких предках, начинают после этого самостоятельно, увлечённо исследовать своё генеалогическое древо. И находят в семейных архивах что-то, любопытное и для нас. То есть, мы даём другим определённый импульс. Кроме того, мы не можем откладывать свою активную работу ни на час, ведь завтра – будет поздно. К сожалению, сегодня стремительно уходит поколение детей участников войны, многим из которых, письма были адресованы, именно эти люди бережно хранили бумажные, потрёпанные «треугольники» и открытки, как память о погибших родителях. Послания 80-летней давности не могут жить бесконечно, бумага со временем желтеет, становится хрупкой, рассыпается, «умирает» текст.

– В сборнике – потрясающие иллюстрации, которые можно подолгу рассматривать, словно старинные диковинные экспонаты на витрине музея.

– Мы всегда уделяли особое внимание качественному иллюстративному оформлению наших изданий. В этом сборнике у нас – единая, эксклюзивная, цветная вкладка, включающая и картинки, и тексты ряда писем. Так как нам показалось, что часть поступивших к нам фотографий и писем будут ярче, лучше воспроизводиться не в самом тексте, а в иллюстративном ряду. И мы не делали разделения на чёрно-белые и цветные вкладки, как в предыдущих выпусках серии. Хотя у нас в седьмом сборнике значительно больше снимков внутри текста. Важнейшую помощь в оформительской части подготовки сборника оказывали художники, дизайнеры из давно сложившегося у нас творческого содружества: Павел и Вероника Романовы, Вадим Бродский.

– Сталкивались ли вы в процессе подготовки сборника с какими-либо сложностями, проблемами?

– Сложности заключались в уточнении личных данных, деталей биографии тех или иных лиц, иногда лишь упомянутых в переписке. Нам пришлось потратить немало времени и сил на сбор каких-то дополнительных сведений и фактов, потому что записи в их биографиях были несколько противоречивы и неточны. Всё это потребовало от нас более тщательной, углублённой работы. Ведь зачастую те, кто передаёт нам письма, мало знают о своих далёких предках, им по понятным причинам трудно копаться в архивах, изучать базы данных.

– Седьмой сборник завершает цикл или после него последуют остальные?

– Забудьте слово «завершает». Наш коллектив – Илья Альтман, Роман Жигун и ваш покорный слуга – «отчитывается о проделанной работе» новыми сборниками. Издания ждут те, кто доверил нам свои семейные реликвии (а это часто люди преклонного возраста), студенты, педагоги, коллеги-историки, краеведы, друзья. Уверен, что мы продолжим выпускать сборники серии, у нас ещё достаточно материала, требующего издания. И мы по-прежнему ищем и получаем массу писем и документов военных лет от жителей разных стран мира, из забытых, пока не обнаруженных семейных архивов. Данный процесс ни на минуту не останавливается…

Об авторе

Яна Юльевна Любарская – член Союза журналистов Москвы. Родилась в 1982 году в Москве. В 2006 году окончила филологический факультет Российского университета Дружбы народов (бакалавриат и магистратуру). С 2004 по 2014 год была заведующей Еврейской публичной библиотекой при Московском Еврейском Общинном Центре и параллельно занималась журналистской деятельностью. Одновременно, в 2004 году, начала работать корреспондентом в газете «Еврейское слово». С 2004 года является концертным менеджером в Московском Еврейском Общинном Центре. Более 20-ти лет организует и проводит там встречи с известными людьми, концерты, лекции, презентации, показы фильмов, творческие вечера. В 2011 году работала в группе редакторов при подготовке книги барда и учёного Александра Городницкого «Моя кругосветная жизнь».

С сентября 2021 года – модератор сайта Центра «Холокост» – www.holocf.ru. В 2022 году успешно прошла виртуальный курс по истории Холокоста в мемориальном комплексе «Яд Вашем».

В 2023 году в издательстве «Еврейская старина» (Ганновер, ФРГ) вышла её первая книга «Евреи – жертвы Холокоста и воины Красной Армии. Избранные истории из первых уст».

В 2024-2025 гг. прошла дистанционные курсы повышения квалификации для педагогов России «Нацистский оккупационный режим: преступления против человечности, военные преступления, Холокост», которые проводил Международный научно-образовательный центр истории Холокоста и геноцидов РГГУ.

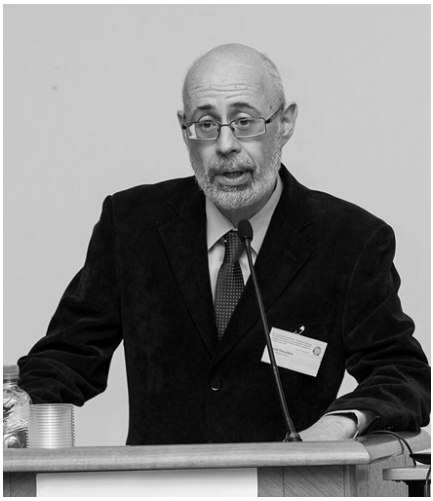
В 2025 году Центр «Sholumi» (Израиль) выпустил её книгу – «Ими гордятся репатрианты…».

Публиковалась и публикуется в газетах: «Еврейское слово», «Литературная газета», «Собеседник», «Учительская газета», «Вечерняя Москва», «Независимая газета», «Новые Известия», «STMEGI.com за

месяц», «Московская немецкая газета», «Шолэм», «Новости Недели» (Израиль), «Еврейская панорама» (Германия), в международных печатных приложениях: «МК-Германия» и «МК-Израиль», в журналах: «Заметки по еврейской истории», «Огонёк», «Знамя», «Лехаим», «Алеф», «Семь искусств», в Международном еврейском журнале «Мишпоха» (Беларусь), на горско-еврейском портале www.STMEGI.com, на сайте www.mjcc.ru, www.isrageo.com (Израиль), на сайте русскоязычного литературно-художественного и публицистического интернет-журнала «Чайка» (США).

Основные жанры журналистской деятельности: интервью, беседы о личном, репортажи-расследования, когда дело связано с социальной несправедливостью, очерки, мемуары, критические рецензии на выставки, книги и спектакли.

Главные темы: Холокост и Вторая мировая война, места, связанные с еврейской историей и традициями, искусство, общинная жизнь евреев, биографии успешных новых репатриантов, разговоры с популярными, яркими современниками – представителями науки, политики, культуры, литературы, масс-медиа, креативной, творческой индустрии.

О редакторе

Леонид Абрамович Тёрушкин. Родился в Москве в 1963 году. Окончил Московский Государственный Историко-Архивный институт в 1986 году.

С 2003 года – заведующий Архивным отделом НПЦ «Холокост» (г. Москва). Один из авторов-составителей продолжающейся серии сборников «Сохрани мои письма… Письма и дневники евреев периода Великой Отечественной войны» (2007-2026 гг.). Является одним из авторов-составителей книг о лагерях уничтожения Собибор, Майданек, Треблинка, воспоминаний о Второй мировой войне и Холокосте.

От издателя

Есть книги, которые мы издаём не только для сегодняшнего читателя. Они обращены и к тем, кто придёт после нас, – к нашим детям и внукам, которым уже не доведётся услышать живые голоса поколения, пережившего одну из самых страшных трагедий XX века.

Перед вами именно такое издание. Это уже вторая книга Яны Любарской, издаваемая Центром «Sholumi». В прошлом году, при содействии Фонда СТМЭГИ, мы выпустили книгу этого же автора «Ими гордятся репатрианты», посвящённую людям, связавшим свою судьбу с Израилем.

Нынешнее издание продолжает другую большую работу Я. Любарской. В 2023 году в Германии вышла первая книга «Евреи – жертвы Холокоста и воины Красной Армии. Избранные истории из первых уст». За прошедшие три года Яна Любарская продолжала собирать свидетельства людей, переживших Холокост, нацистскую оккупацию и эвакуацию, истории фронтовиков, воспоминания детей и близких, беседовать с историками и исследователями. Так появилась эта, вторая книга.

На её страницах трагедия и спасение, смерть и возвращение к жизни находятся рядом. За историческими событиями здесь всегда стоит человек – со своим именем, своей семьёй, своей болью и своей памятью. И в этом, наверное, главная ценность подобных книг: они не позволяют истории превратиться лишь в даты и цифры.

Не случайно президент Международного благотворительного фонда СТМЭГИ Герман Захарьяев в своём обращении к читателям говорит о 26 Ияра – Дне Спасения и Освобождения. Этот день стал символом благодарности Всевышнему, воинам-освободителям Красной Армии, странам антигитлеровской коалиции, благодаря которым, еврейский народ был спасён от нацистского уничтожения. Память о погибших неотделима от памяти о тех, кто сражался, освобождал и спасал.

Сегодня, непосредственных свидетелей тех лет остаётся всё меньше. Поэтому, особенно важно успеть услышать их, записать их рассказы и сохранить их для следующих поколений. Пока звучат эти голоса – жива и память.

Для Центра «Sholumi» большая честь быть издателем этой книги. Мы благодарим Яну Любарскую за её многолетний труд, редактора Леонида Тёрушкина и Международный фонд СТМЭГИ.

Шауль Симан-Тов,
руководитель Центра «Sholumi»,
исполнительный директор Ассоциации «АзИз»,
глава израильского отделения STMEGI-TV.

Яна Любарская

Евреи – жертвы Холокоста
и воины Красной Армии
Избранные истории из первых уст
Книга вторая

Под редакцией Л.А. Тёрушкина

Вёрстка: Кямран Абушев

Руководитель издательского проекта:
Шауль Симан-Тов

Книга подготовлена к печати и выпущена
Центром «Sholumi»
при содействии Фонда СТМЭГИ

ISBN: 978-965-7783-48-1

© Центр «Sholumi», 2026 г.